

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Н.Л. Пушкарева

**ЖЕНЩИНЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ**

Москва «Мысль» 1989

ББК 63.3(2)4 П91

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ СССР

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. Б. Кобрин*
член-корреспондент АН СССР, профессор *Я. Н. Щапов*

П 0503020000-027 65-89
004(01)-89

ISBN 5-244-00281-3

© Издательство «Мысль». 1989

Оглавление

Введение — 3

Глава I

- «Галерея знаменитых россиянок»**
(*Древнерусские женщины в политической и культурной жизни общества*) — 11
- Ольга, жена князя Игоря* — 12
Дочери Ярослава Мудрого — 22
Анна-Янка и Евпраксия-Адельгейда Всеволодовны — 27
Внучки Владимира Мономаха — 32
«Полоцкий матриархат» — 36
«Слышаще словеса книжнаа, на сердце си полагаше...» — 37
Русские принцессы на польской земле — 42
Две Ксении — 46
Софья Витовтовна и ее невестка Мария Ярославна — 49
Марфа Борецкая — 52
«Княжна эта была ума весьма горделивого...» — 56
Анна рязанская — 61
«Служебница» Ивана III — 62

Глава II

«Поиди за мене...»

- (Женщина в древнерусской семье X — XV вв.) — 70*
Заключение и расторжение брака — 70
Женщина в семье: норма и действительность — 85

Глава III

«А жонки с жонкою присуждают поле...»

- (Правовое положение женщины в X — XV вв.) — 104*
Права женщин на владение и распоряжение имуществом — 104
Приобретение и реализация земельной собственности — 113
Женщина и суд: преступление и наказание — 139

Глава IV

«Сугуба одеянья сотворя...»

- (Одежда и украшения древнерусских женщин) — 155*

Глава V

«Теремная затворница» или правомочный член общества?

- (Историография проблемы) — 177*
Представления о социальном положении древнерусских женщин в дореволюционной историографии — 177
Древнерусские женщины в работах советских ученых — 188
Интерес к проблеме в работах зарубежных авторов — 195
Некоторые итоги и перспективы исследования — 209
Примечания, источники и литература — 212
Приложение — 258
Список сокращений — 264
Указатель имен — 268

*Моим родителям
Л. Н. и И. М. Пушкаревым
посвящаю*

Введение

Кто сколько-нибудь знаком с русской историей X — XV вв. по данным источников или по художественным произведениям, имеет собственное представление о месте и роли в ней женщин. Представления эти в той или иной степени полярны. Воображая начальный период русской государственности, одни мысленно рисуют «теремную затворницу», которая была на подчиненном положении в семье и обладала весьма ограниченными социальными правами. Другие, напротив, видят социально активных личностей в образах отомстившей древлянам за смерть мужа княгини Ольги или новгородской посадницы Марфы Борецкой. Вопрос о том, какими были русские женщины в X—XV вв., весьма важен не только сам по себе, но и для общего

представления об отечественной социальной, политической и культурной истории тех шести веков. Ведь, по словам французского социалиста-утописта Ш. Фурье, которые любил цитировать К. Маркс, «общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола»¹.

Создание целостной картины положения женщины в семье и обществе Древней Руси позволяет глубоко проникнуть в мир средневекового человека, историю семьи, представить общественный, юридический и семейный быт русского общества с X в. до складывания единого Русского государства, проследить постепенную феодализацию быта, изживание доклассовых и догосударственных пережитков или же их трансформацию в новых исторических условиях. Крупные социальные сдвиги, сопровождавшие смену формаций, влекли за собой изменения и в положении женщин. Речь идет не только об усилении классовых различий в положении представительниц различных групп и слоев, но и об изменениях в семейном, правовом, общественном положении всех древнерусских женщин. Вели ли эти изменения к «закабалению», «социальному торможению» женщин, или же с развитием общества представительницы «прекрасного пола» приобретали все более высокий социальный статус, новые права? Были ли женщины, подобные знаменитой Марфе Борецкой, явлением исключительным или же, напротив, распространенным? Какими же были современницы Ярослава Мудрого, Александра Невского, Ивана Калиты, Дмитрия Донского и, наконец, великого князя всея Руси Ивана III?

Ответить на эти и другие вопросы о положении древнерусской женщины в семье и обществе нельзя без изучения и анализа многих источников, как опубликованных, так и рукописных. Для удобства обзора они систематизированы в две большие группы. *Первая группа* объединяет *нормативные* акты светского происхождения, смешанной юрисдикции и канонические, содержащие нормы, правила, мерил поведения людей в обществе, а также те источники, которые лишь условно можно отнести к нормативным: в них требования к человеку лишены строгой обязательности, но в то же время являются желательным образцом, идеалом. Светские памятники позволяют с большей определенностью говорить о социально-экономических аспектах проблемы права, а церковные яснее характеризуют нормы морали, нравственности, специфику отношений между супругами.

Среди светских нормативных актов ценнейшими источниками являются документы общерусской, а с XIV—XV вв. общегосударственной юрисдикции, прежде всего Русская Правда и Судебник 1497 г.² Правовые нормы этих общерусских законодательных сводов оказали существенное влияние на общественную жизнь Руси и определяли наличие или отсутствие возможности для социальной активности у женщин того времени в зависимости от их социально-классовой принадлежности. Нормы Русской Правды, которые отразили семейно-бытовые отношения периода раннего феодализма, в том числе имущественные права супругов, получили дальнейшее закрепление в законодательных памятниках феодальных республик, а окончательное завершение — в ст. 60 Судебника 1497 г.

Степень и соотношение взаимодействия общих норм права Русского государства с установлениями, существовавшими в отдельных княжествах и землях, показывает изучение судебных грамот Новгорода и Пскова³. Договоры Руси с Византией X в., памятники внешнеполитических сношений Новгорода, Галицко-Волынского княжества и других русских земель в XII — XIII вв.⁴ дополняют сведения общерусских юридических сводов. Ранние договоры помогают найти истоки некоторых норм, касающихся имущественных отношений в семье, поздние — обнаружить появление новых установлений, касающихся защиты общественных прав женщин различных классов. Для сопоставления с общерусскими законами привлечены некоторые «правды» раннефеодальных обществ Западной Европы, законы пограничного с Русью Великого княжества Литовского, а также «Эклога» — византийский сборник законов⁵.

Среди актов смешанной юрисдикции — уставов и уставных грамот XII — XIV вв.⁶ — ценным источником является Устав князя Ярослава Владимировича, отразивший борьбу церкви с дофеодальными пережитками в семейно-брачных отношениях, а также утверждение христианской морали, согласованной с нормами феодального законодательства. Эти памятники русского права проливают свет на историю свадебной обрядности, развитие семейных традиций, формы прекращения и расторжения брака, взаимоотношения родителей и детей в древнерусской семье. Примыкающие к этой группе источников анонимные уставы и уставные записи⁷ содержат информацию о развитии системы денежной пени за оскорбление женщины, о бракоразводных процессах и развитии норм, отражающих социально-правовой статус женщин (узаконение норм развода по вине не только женщины, но и ее мужа и т. п.).

Широкое хождение на Руси имели Кормчие книги — сборники канонических и юридических памятников, содержащих апостольские и соборные правила. Включенные в них переводные византийские («Прохирон»), южнославянские («Закон Судный людем»), оригинальные древнерусские тексты тоже являются ценными источниками по истории семейного права и быта. Так, «Устав о брацех», часто встречаемый в Кормчих книгах, узаконил запрещение браков между людьми, имеющими кровнородственные связи⁸.

Богатый материал по истории семьи дает исследователю покаянная и епитимийная литература — канонические нормативные акты⁹. В них отразились попытки церкви регламентировать жизнь древнерусской семьи: установить приемлемые, с ее точки зрения, нормы поведения (в том числе в отношении к женщине) и определить наказание за отступление от этих норм — епитимью (усиленный пост, молитвы, поклоны, даже отлучение от причастия). Русские епитимийники в виде отдельных сборников почти не встречаются. Чаще всего их можно обнаружить в требниках XIV—XV вв. — памятниках частного богослужения, содержащих «требы», т. е. описания священнодействий и молитв, которые совершались по случаю рождения ребенка, бракосочетания, болезни людей и т. п. Однако сохранность их как книг, бывших в свое время в постоянном (порой повседневно) употреблении, плоха: страницы ветхие, нередко перепутаны и т. п. Да и сами епитимийники не являлись их обязательной составной частью. Ценность же их как источника для составления общей картины развития покаянного права на Руси несомненна, ведь они дают исследователю информацию о двух сторонах древнерусской жизни: официальной, диктовавшейся церковью и формируемым ею «общественным мнением», и реальной, зачастую не совпадавшей с официальной. Ознакомление с десятками требников и иных богослужебных сборников, хранящихся в различных архивах¹⁰, позволило составить представление как о православной концепции семьи и месте в ней женщины, так и о традиционных, дохристианских обычаях и нравах, которые долго сохранялись в семейном быту и шли вразрез с идеями, насаждавшимися церковью.

Кроме памятников канонического права «нормативную информацию» содержат церковно-учительная литература и примыкающие к ней источники: сборники для назидательного чтения Прологи и Минеи, сборники-компиляции типа «Пчел», «Измарагдов», «Цветников», патерики, хранящиеся в большинстве своем в архивах¹¹. Входящие в них учительные тексты отражают не столько черты и детали современной их составителям жизни, сколько требования к этой жизни и, следовательно, по цели и назначению своему являются устанавливающими определенные нормы быта, в том числе семейного. Минеи-Четьи и Прологи включают не только краткие жития святых, почитаемых на Руси, но и «слова», поучения традиционного содержания, в том числе «о женах добрых и злых». Последние — ценный источник по истории развития представлений о семье, месте женщины в обществе, истории внедрения христианской нравственности в сферу семейной жизни. Структура «Пчелы» — бытовавшего на Руси примерно с XII в. сборника-компиляции из изречений и афоризмов, выбранных из Священного писания, патриотической литературы, — предполагала наличие системы поучений, касающихся внутрисемейных отношений.

Важным источником для раскрытия темы, несущим некоторую фактически достоверную информацию (например, о деятельности реально существовавших лиц) и в то же время устанавливающим определенные мерилы поведения на основе художественно создаваемых идеальных образов, является житийная литература, в том числе входящая в перечисленные выше сборники. Русские патерики («патерик» — в точном переводе «отечник») были подражанием одному из видов греческой житийной литературы и объединяли сказания о жизни и «чудесах» святых отцов, иноков определенного монастыря. В отличие от иноземных прототипов русские патерики подобны альманахам: в них помимо обычных сказаний о жизни «подвижников веры» немало места уделялось жизни самого монастыря. Они включают и выдержки из летописей, и послания игуменов друг к другу и к частным лицам. Так, в одном из наиболее известных патериков — Киево-Печерском — помимо житий и поучений имеются бесценные свидетельства об участии древнерусских княгинь в политической жизни общества, уровне их образованности и т. п.

Поскольку большинство житий подчиняется определенному «чину», канону¹², постольку для большинства исследователей интерес представляли лишь выходящие за рамки агиографического стереотипа всевозможные вставки, сделанные древнерусскими монахами-компиляторами к переводным текстам и характеризующие некоторые черты традиций и повседневности. Но для раскрытия темы книги не менее важно было выявить то общее, что переходило из сборника в сборник: однообразно воспроизводимая по заданному шаблону жизнь «святых женщин» должна была служить образцом для мирян, в том числе для женщин различных классов и сословий. Поэтому некоторые свидетельства житийной литературы, используемые в книге для характеристики средневековых представлений в их официальной, закрепленной и освященной церковью версии о семье и месте в ней женщины, относятся автором именно к нормативным источникам¹³.

Вторая группа источников помогает изучить соотношение нормативов и действительного положения древне-русских женщин в семье и обществе, выявить изменения в этом положении. Она объединяет *ненормативные* источники, свидетельства живой исторической реальности: нарративные, актовые и археолого-эпиграфические памятники.

К первой подгруппе следует отнести главным образом летописные свидетельства¹⁴. Трудно переоценить значение конкретно-исторического материала русских летописей, относительно точного в хронологическом отношении, для раскрытия роли представительниц класса феодалов на внешнеполитическом поприще, их участия в законодательной и административной деятельности. Правда, определение адекватности летописных повествований исторической реальности затруднено характерной для нарративной традиции средневековья тенденцией к идеализации и стандартному описанию жизни и деятельности знатных женщин. К светским повествовательным памятникам помимо летописных следует отнести и сочинения иностранцев, посетивших Русь в X — XV вв.¹⁵ Их описания дают некоторые сведения о быте людей в средневековую эпоху, о распространенности старых традиций в семейно-брачных отношениях, в свадебной обрядности, что позволяет причислить свидетельства иностранцев, несмотря на их тенденциозность, к необходимым источникам историко-этнографического характера. По происхождению источника к светским нарративным памятникам относятся «Моление» и «Послание» Даниила Заточника¹⁶. В этих ярких произведениях светской публицистики содержится информация о «злых женах», отражающая современные и известные автору супружеские отношения, возможно даже связанные со вполне конкретными историческими лицами.

Вторая подгруппа включает в себя многочисленные акты феодального землевладения и хозяйства¹⁷. Хотя актовый материал относится не ко всему исследуемому периоду, а только к XIV — XV вв., необходимость его для освещения социально-экономических аспектов темы и характеристики имущественных отношений в семье и обществе Древней Руси очевидна. Сопоставление актового материала с

нормативным позволяет не только определить степень распространенности фактов владения и распоряжения недвижимостью знатными женщинами, но и выделить некоторые основные тенденции, характерные для развития древнерусского права в целом, провести региональные сопоставления, необходимые для всестороннего изучения имущественных прав женщин. Развитие «женского землевладения» отразили помимо актов и писцовые книги, которые позволяют проследить ход открытой экспроприации феодальными вотчинниками «черных» земель Русского Севера и участие крупных земельных собственников в процессе новгородской колонизации¹⁸.

Третья подгруппа — эпиграфический и сфрагисти-ческий материал, дающий дополнительную возможность для изучения реального положения женщины в семье и обществе Древней Руси. Эпиграфические свидетельства — это ценнейший памятник материальной и духовной культуры нашего народа XII — XV вв.: в них отразился повседневный семейный, социальный, юридический быт. Само происхождение такого вида источников, как грамоты на бересте, близких к обычным письменным источникам, обуславливает их репрезентативность для освещения реальной жизни средневековых новгородцев. В новгородских грамотах — а их более 600 — можно встретить документы личной переписки между супругами, взаимные хозяйственные распоряжения, акты брачных сделок; некоторые грамоты XII — XV вв. отражают дееспособность женщин в области наследственного и опекунского права раннего времени¹⁹. Использованные в работе сфрагистические памятники прошлого (актовые печати), а также киевские и новгородские граффити²⁰ иллюстрируют административную деятельность древнерусских женщин. Материалы археологических раскопок в Новгороде, Пскове, Старой Рязани, Москве и других городах, фрески и книжные миниатюры XI — XV вв. являются ценнейшими источниками по истории одежды, обуви, украшений женщин — горожанок, крестьянок, знати.

Комплексный подход к письменным источникам X — XV вв. и памятникам материальной культуры Древней Руси открывает возможности для использования при исследовании поставленной проблемы сравнительного метода, который в свою очередь позволяет уточнить, как соотносились с жизнью образцы и нормы поведения, зафиксированные в интересах господствующего класса в юридических памятниках. Однако отрывочность сведений в письменных источниках, пробелы в них, возникающие в результате как плохой сохранности, так и умышленных пропусков, часто не позволяют провести прямое сопоставление нормативных и ненормативных (особенно нарративных) документов. Другой сложностью источниковедческого характера является недостаточная документированность самой темы — истории семьи и положения женщины в ранние эпохи. В большей степени это касается ненормативного материала. Этот пробел могло бы восполнить привлечение фольклорных и лингвистических памятников. Но поскольку фактический материал исторического эпоса причудливо перерабатывался народом в течение веков и позднейшие напластования скрыли от нас некоторые детали исторической действительности X—XV вв., освещение проблемы на основе фольклорного материала является специальной задачей, которую автор перед собой не ставил.

Время открывает все новые «углы зрения», дает возможность по-иному взглянуть на минувшее. И чем выше и значительнее идеи современности, тем больше мы способны увидеть и понять в прошлом. Вот почему изучение памятников отечественной истории X — XV вв. непреходяще. Оно позволяет бесконечно углубляться в богатство того наследия, которое оставило нам средневековье, поднимать новые проблемы «живой истории», и в частности изучить положение женщин в семье и обществе Древней Руси.

Книга начинается с богатого политическими событиями X века, который решительно отграничил последующую феодальную эпоху от догосударственных порядков, и завершается концом XV века, который стал заметным рубежом и в истории России вообще (начало позднего феодализма и создание сословной монархии), и в

правовом положении русских женщин, поскольку тогда завершились процессы складывания юридической системы, присущей уже единому Российскому государству.

Книга — результат многолетнего интереса автора к истории русских женщин. Он пробудился еще в студенческие годы под влиянием Владимира Терентьевича Пашуто и Валентина Лаврентьевича Янина, и вспомнить о них при завершении работы над книгой автор считает своим приятным долгом. Глубокую признательность за полезные советы в исследовании темы и отдельных ее сюжетов автор выражает Н. С. Борисову, А. Д. Горскому, И. Грале, В. Б. Кобрину, В. А. Кучкину, Е. Левиной, М. Г. Рабиновичу, О. М. Рапову, А. Н. Сахарову, А. Л. Хорошкевич, Я. Н. Щапову, А. И. Юхту.

Глава I *«Галерея знаменитых россиянок»*

(Древнерусские женщины в политической и культурной жизни общества)

История огромного государства восточных славян, раскинувшегося от Черного до Белого моря, от Дуная и Западной Двины до Волги и Урала и названного Киевской Русью, известна как по описаниям летописцев, хронистов, древних географов, так и по расцвеченным эпической фантазией народным легендам. Истоки русской государственности обычно связывают с именами первых славянских князей — Кия, Щека и Хорива — и «сестры их Лыбеди»¹.

Подробности о жизни человека в те начальные века отечественной истории — будь то князь или простолюдин — мало известны, хотя археологические данные, относящиеся к VI—VIII вв., позволяют представить некоторые особенности быта славян, их культуры, ремесел. В развитии ремесленных специальностей, и особенно традиционно «женских» — прядения, шитья, ткачества, большую роль играли женщины. Находки археологов позволяют утверждать, что среди женщин были в то время даже литейщицы². Их имена не дошли до нас, как и имена многих других представительниц непривилегированных слоев древнерусского общества.

Страницы письменных источников XI—XV вв. пестрят именами участников бурных событий истории Древней Руси. И нетрудно заметить, что в истории внешней и внутренней политики древнерусского государства, его экономики и культуры оставили память о себе не только выдающиеся князья и бояре, но и мудрые княгини и боярыни; не только мужественные правители-воины, но и дальновидные, образованные правительницы. Наряду с именами великих княгинь, само положение которых предполагало их участие в политических событиях, в русских летописях можно встретить немало имен княжеских и боярских жен, сестер, дочерей — участниц междоусобных заговоров, интриг, феодальных войн, а то и просто значительных личностей, преуспевших в медицине, математике, астрономии, в культурной жизни русских княжеств, а позднее государства Российского. Далеко не всегда можно восстановить во всей полноте портреты «галереи знаменитых россиянок», к которым мы относим не только русских по происхождению и княживших на Руси женщин, но и русских княжон, выданных замуж в другие страны, а также, например, «обрусевших» принцесс из других государств. Деятельность некоторых из них может быть воссоздана довольно полно, об участии других в политической жизни и борьбе известны только детали. Но все, что дошло до нас из характеристик деловых, нравственных, человеческих качеств древнерусских женщин, — а многие из них проявили мудрость, дипломатичность, истинную любовь к отечеству — несомненно дополняет наши представления о человеческом содержании истории, о людях давних столетий.

Ольга, жена князя Игоря

Имя великой княгини Ольги упоминается всякий раз, когда речь заходит о выдающихся женщинах Древней Руси. Образ ее встает перед нами с начальных страниц «Повести временных лет». Веками ткалось кружево народных преданий о княгине Ольге как о деятельной, мудрой, «вещей» правительнице и защитнице земли Русской. Народные сказания, переплетаясь с историческими фактами, легли в основу появившегося в XIII — XIV вв. агиографического жизнеописания первой княгини-христианки. Оно возникло в период суровых испытаний, выпавших на долю русского народа, когда появились и другие жития реальных людей, любивших и защищавших Русскую землю.

Позднейшая легенда (XVI в.) передает сказание о том, как однажды киевский князь Игорь охотился в лесах у Пскова. Здесь он встретил на своем пути реку и, увидев стоявший у берега челн, попросил перевезти его. Перевозчиком оказалась крестьянская девушка Ольга. Игорь был поражен ее умом. Когда же он, «некие глаголы претворяше к ней», получил отпор на свои «стыдные словеса», то, согласно легенде, тогда же и посватался к ней. Сообщения летописи о происхождении Ольги имеют мало общего с бесхитростным народным повествованием. По летописной традиции, Ольга была «приведена» в Киев в качестве будущей жены Игоря его родственником («от рода ему сущий», сказано в летописи) князем Олегом из «Плескова» (Пскова)⁴. Вряд ли можно сомневаться в том, что она была псковитянкой из знатной семьи, а не крестьянской девушкой⁵.

В годы замужества⁶ Ольга обрела ту самую «мудрость», которая позволила ей выдвинуться после смерти князя Игоря в правительницы Русского государства, пока сын ее и Игоря — Святослав был «детеск». Любопытно, что в перечне состава посольства Игоря в Константинополь в 944 г. третьим послом (вслед за послами Игоря и Святослава) назван Искусеви «Ольги княгини». Наряду с другими «слами» он должен был стремиться «утвердити любовь межю Греки и Русью».

Искусеви был не единственным посланником от имени знатной женщины в составе этой дипломатической миссии. В тексте договора 944 г. упомянуты «Каницар Перьславин» (Предслава — дочь племянника князя Игоря) и «Шигоберн — Сфандрь, жены Оулебле» (Сфандра, жена Оулеба, — дочь другого Игоря племянника). По мнению А. Н. Сахарова, это было не реальное дипломатическое представительство членов великокняжеского дома, а лишь «обозначение посольской иерархии»⁷.

Осенью 945 г. князь Игорь, «возымя дань» у одного из подвластных Киеву племен — древлян, решил, что она невелика, и снова вернулся за данью «в Дерева». Древляне восстали и убили князя. На основании нормы древнерусского права, согласно которой вдова, если она не выходила вновь замуж, исполняла после смерти мужа его хозяйственные и социальные функции, княгиня Ольга стала полновластной правительницей земли Русской.

Обычай кровной мести, который в столь раннем средневековье был реальностью, заставил Ольгу покарать убийц мужа, но наказанию княгиня придала «государственно-ритуальный характер». Летописный вариант — легенда о мести Ольги — начинается рассказом о сватовстве к ней древлянского князя Мала («...муж твой [был] аки волк, въсхыщая и грабя, а наши князи добри суть... Иди за наш князь Мал!»)⁸. Ольга ответила послам, что они могут принести сватов в ладьях к ее терему (передвижение посуху в ладьях имело у восточных славян двойной смысл: и оказание почести, и обряд похорон). Наутро доверчивые древляне позволили «понести ся в лодьи», а Ольга приказала их сбросить в яму и живыми закопать. Памятуя о мучительной смерти казненного древлянами мужа, княгиня коварно поинтересовалась у обреченных: «Добра ли вам честь?» Послы ей будто бы ответили: «Пуще ны Игоревы смерти» (греческий историк Лев Дьякон сообщал, что «Игорь привязан был к двум деревьям и разорван на две части»). Второе посольство «мужей нарочитых» было сожжено, а вдова отправилась на землю древлян якобы для того, чтобы «створить трызну мужу своему». Здесь ее «отроки»

напали на «упившихся» после тризны древлян и перебили их множество — «иссекоша их 5000», как утверждает летопись⁹.

Сказание о мести Ольги отчасти, вероятно, легенда: в нем легко прослеживается эпическая назидательность. Обман, жестокость, коварство и другие действия княгини, мстящей за убийство мужа, прославляются летописцем как высший, справедливый суд и отнюдь не осуждаются, будучи привычными, в духе морали того времени. В рассказе летописца есть и черты исторической действительности. Так, реальным фактом является поход Ольги на столицу древлян — Искоростень с целью окончательного их подчинения; речь шла даже о том, не станет ли Искоростень, а не Киев столицей Руси. В 946 г. Ольга со своим трехлетним сыном Святославом, «собра вой многи и храбры», осадила город; вскоре же «повеле Ольга воем своим имати град», а те «старейшины города ижъже, и прочая люди... изби, а другие работе преда мужем своим...». История похода Ольги, продолжающая сказание о мести, пером летописца обращена в «идеологическое оружие»: действия киевской правительницы утверждали непобедимость княжеского дома и неизбежность кары, ожидающей всякого, кто в этом усомнится. Княгиня Ольга не ограничилась сожжением Искоростеня и возложила «на нь дань тяжку», две части которой «идета к Киеву», а третья — Вышгороду, т. е. лично Ольге, «бе бо Вышгород Ольжин город...»¹⁰.

Далее в летописи идет описание государственной деятельности княгини. В отличие от Игоря, взимавшего дань, «всъхыщая и грабя», Ольга по сути дела провела первую в истории Руси финансовую реформу, установив фиксированный размер дани («урок»), порядок ее сборов и их систематичность. «Иде Вольга по Деревстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки...» — отметил летописец. Реформа коснулась не только Древлянской земли, утратившей независимость (племенное княжение было уничтожено «възложением дани»). В 947 г. с целью распространения власти Киева и новых форм организации взимания поборов Ольга отправилась на Приднепровье, Подесенье и в Новгородско-Псковскую землю¹¹.

«Иде Вольга Новугороду, и уставы по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани, и ловища ее суть по всей земли, знаменья и места и погосты... и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе...» — сообщает летописец. В этом отрывке из летописи упомянуты по сути дела границы территории Киевского государства во время княжения Ольги, отмеченные реформаторской деятельностью княгини. Летописец подчеркнул личный, владельческий характер ольгиних установлений: «ее места», «ее ловища», «ее знаменья», «ее село». Интересно упоминание об организации Ольгой становищ и погостов. Возможно, при Игоре сборщики дани пользовались в качестве станов городками местных древлянских князей. Конфликт с древлянами потребовал новых отношений, строительства своих становищ для безопасности сборов будущих полюдий. И Ольга их создала. Как и становища, погосты предназначались для сбора дани, но, удаленные от Киева на многие месяцы пути, они основывались Ольгой как своеобразные «крепостицы», защита которых обеспечивалась «воями». Погосты и становища становились административными центрами и княжеской вотчины, и всего государства¹².

Деятельность Ольги укрепляла финансовую базу княжеской власти, аппарат княжеского государственного управления, расширяла саму княжескую вотчину. Все это укрепляло и власть киевской княгини, оправдывало ее усилия, направленные на сплочение отдельных земель — «лоскутьев империи Рюриковичей», по словам К. Маркса¹³, — в сильное государство на Востоке Европы. Не меч, но мудрость и ум служили ей орудием в осуществлении этого замысла. Экономическое укрепление Киевского государства, последовавшее за административными реформами княгини Ольги, способствовало повышению политического веса Киевской Руси в международных отношениях.

Созданная княгиней Ольгой система управления объективно нуждалась в новой форме идеологии. Поскольку, как писал Ф. Энгельс, чувства масс в эпоху средневековья были вскормлены «исключительно религиозной пищей»¹⁴, желание Ольги приобщиться к христианской вере вполне объяснимо. Княгиня стремилась получить крещение из рук византийского императора и патриарха именно в столице империи — Константинополе с целью возвышения собственной власти и укрепления международного авторитета своей страны. С престижностью места и обстоятельств крещения Ольга, по-видимому, связывала надежды и на успех в борьбе с языческой оппозицией.

Исторические факты о посещении княгиней-регентшей Царьграда обросли вымышленными деталями. В летописном варианте описания ее дипломатической миссии явственно проступают различные версии рассказа (их условно называют императорской и патриаршей), а также некоторые легендарные элементы. Вероятнее всего, летописец слил не только две версии, но и два путешествия Ольги в столицу Византии — в 946 и 953/54 гг., поместив историю посещения Ольгой Константинополя под 955 г. «Иде Ольга в Греки и приде Цесарюграду» — так начинает летописец описание дипломатической миссии, возглавлявшейся княгиней. Представительное посольство летом 946 г. в соответствии с какой-то предварительной договоренностью прибыло в Суду — Константинопольскую гавань и простояло там около двух месяцев, прежде чем было принято. Впоследствии Ольга, принимая византийское посольство в Киеве, злопамятно «отвешчала» на эту обиду: «...также же постоиши у мене в Почайне, яко же аз в Суду...» Переговоры русской правительницы с византийским императором Константином VII Багрянородным, центральным вопросом которых было, по-видимому, укрепление торгово-экономических отношений («дам челядь, и воск, и скору...»), оказались, однако, неудачными: княгиня так стремилась уехать, что едва не бросила караван в порогах, и «вои в помощь», о которых просил император, по возвращении на Русь посылать не спешила.

Недовольный встречей с Ольгой в 946 г., Константин вторично пригласил ее в 953/54 г. в силу крайней необходимости усилить византийскую армию за счет русских «воев». Ольга приняла приглашение императора и отправилась вновь в Константинополь с твердым намерением осуществить поставленные ранее задачи. Волевою княгиню, достигшую в 954 г. 60-летнего возраста, не пугали тяготы длительного путешествия. 9 сентября 954 г., в среду, в 4 часа дня, как свидетельствует сам византийский император, состоялась куда более пышная, чем в первый раз, церемония приема русского посольства в императорском дворце. Примечательно, что в составе этого посольства было немало представительниц прекрасного пола: 6 родственниц и 18 приближенных дам. Это заметно отличало русскую миссию 954 г. от посольства князя Игоря 944 г., куда входили только мужчины. Церемониал приема подробно описали Константин VII Багрянородный и посол итальянского короля Беренгара при его дворе епископ Лиутпранд.

Княгиня Ольга вошла в тронный зал, где восседал император и присутствовал весь двор, в сопровождении своей многочисленной свиты. «Она шла впереди всех женщин, которые шли позади одна за другой по рангу, и остановилась на том месте, где логофет (распорядитель придворного церемониала.— *Н. П.*) предлагает послам свои обычные вопросы...» От иностранных посланников, получивших аудиенцию у императора, требовали свершения проскинезы (падения ниц). Поэтому Ольгина свита тотчас упала перед василевсом ниц. Император, принимая правительницу земли Русской, сидел на своем усыпанном драгоценными камнями золотом троне, а Ольга, беседуя с ним, стояла. Прием и обмен приветствиями с русской правительницей происходил в роскошном зале — Магнавре. Кроме вопросов о здоровье правящей семьи были и величания титулами, и благопожелания самой Ольге и ее сыну. Обстановка этого своеобразного «раута» была торжественной и помпезной. В тот же день состоялось традиционное для приемов высоких послов торжество — парадный обед, во время которого Ольга сидела между двумя придворными дамами высшего ранга; присутствующих услаждали пением и сценическими представлениями. Великолепие приема свидетельствует о том, что Ольгу

причислили к «знаменитым и великим людям». В труде Константина Багрянородного «О церемониях» Ольга названа «игемо-ном и архонтиссой руссов»¹⁶.

Ольга удостоилась приема и в покоях византийской императрицы. В честь «архонтиссы руссов» был устроен торжественный выход царьградских придворных дам. Состоялась встреча княгини с императорской семьей, что само по себе не имело аналогий в ходе приемов послов в Византии. Во время беседы Ольга по приглашению Константина Багрянородного сидела и «высказала то, что желала». Автор миниатюры Радзивилловской летописи, посвященной заключительному акту переговоров, изобразил Ольгу и императора Константина сидящими на одной скамье, подчеркнув тем самым их равенство¹⁷. По-видимому, в узком кругу и был затронут тот острый вопрос, ради которого Ольга явилась в Константинополь. О нем в источники просочились лишь намеки, так как переговоры были тайными.

Специально изучавшие этот вопрос исследователи склонны предполагать, что Ольга добивалась установления с византийским императорским домом династических связей, а предпринятые в этом направлении усилия и породили легенду о «сватовстве» к пожилой вдове женатого византийского императора. «Подобна еси цесарьствовати в граде сем с нами» — так передает русская летопись обращение василевса к русской княгине. Ольга, согласно преданию, ответила на это: «Аз погана есмь (Я — язычница. — *Н. П.*). Да аще мя хочещи кръстити, то кръсти мя сам». Наивный император, коим он предстает в легенде, согласился на совершение обряда и «кръсти ю». Ольга же после того спросила: «Како хочещи мя пояти, крътив мя сам и нарек ся дъщерию?» (Крестный отец по церковным порядкам не мог жениться на своей крестнице.) Автор легенды изобразил дело так, будто Ольга заранее задумала крещение как способ избавления от притязаний на ее руку кесаря. Получив ее ответ, василевс, по словам летописи, «удивився разуму ея» и воскликнул: «Переключкала мя еси, Ольго!» (Перехитрила ты меня, Ольга! — *Н. П.*)

Несмотря на расцвечивание событий фантазией летописца, легенда о «сватовстве», вероятно, имеет вполне реальную подоплеку — матримониальные планы Ольги. Возможно, княгиня вела переговоры по поводу брака одной из принцесс императорского дома с молодым Святославом. Она могла даже привезти его самого в Константинополь с ясным политическим расчетом; в составе русского посольства он мог скрываться под видом «анепсия» (родственника княгини), коих перечислено 8 человек. Чтобы осуществить подобный план, нужно было как минимум вырваться за пределы «варварского» мира, к коему император византийский, судя по его запискам, причислял хазар, угров и руссов. К этому вел один путь — крещение, которое Ольга и приняла, получив христианское имя Елена в честь матери Константина I Великого, первым из императоров принявшего крещение, и титул «дщери» василевса¹⁸.

Принимая христианство, Ольга предполагала сделать его государственной религией, но, чувствуя, что принятие крещения из рук греков может поставить Русь в политическую зависимость от Византии, направила все усилия на установление равноправных, взаимно выгодных отношений с империей. Исходя из этой посылки, некоторые историки допускают, что Ольга могла добиваться организации русской церкви с элементами самостоятельности и отказ императора был причиной дальнейшей напряженности переговоров. Объектом переговоров были также вопросы, связанные с реализацией союзного договора 944 г. и изменением его условий, неблагоприятных для русских купцов¹⁹. Таким образом, вторая поездка княгини Ольги в Константинополь, в 954 г., завершилась успешно. Крещение Ольги в Царь-граде — это не эпизод ее личной жизни, не частный вопрос благочестивой женщины, а далеко рассчитанный политический шаг, победа княгини в политическом поединке с главой крупнейшей державы того времени. Ольга была возведена в почетный ранг «дщери» императора, а Константин получил от нее значительную военную помощь. На прощание василевс одарил русскую правительницу: «...и дасть ей злато и сребро, паволоки и съсуды различный и отпусти ю...» По словам новгородского паломника Добрыни Ядрейковича, посетившего Царьград

в 1200 г., Ольга собрала с византийцев «дань». Записывая Византию в «данники» Древней Руси, Добрыня Ядрейкович сильно преувеличил размеры даров, однако можно признать вероятным, что империя повысила оплату воинской помощи Руси²⁰.

Сделав первый шаг к сближению с христианским миром, деятельная княгиня Ольга обратилась к контактам с ним на Западе. В 959 г. Ольга отправила посольство в Германскую империю для переговоров с воинственным Оттоном I. По сути дела это была обычная миссия «мира и дружбы» для установления между государствами взаимно выгодных отношений, предполагавших постоянный обмен посольствами, пропуск купеческих обозов для торговли, в том числе транзитной. Стремясь к достижению своей цели, Ольга дала согласие на допуск в русские земли немецких миссионеров. Однако присланный вскоре на Русь епископ Адальберт был изгнан из Киева, очевидно, за то, что под прикрытием миссионерской деятельности пытался осуществить какие-то политические притязания Оттона I²¹.

В эпоху, когда война была главным средством решения политических споров, княгиня Ольга своими внешнеполитическими инициативами продемонстрировала возможность борьбы за международное признание без применения силы, возможность и даже необходимость существования равноправных межгосударственных соглашений: Русь в период ее правления не воевала ни с одним из соседних государств. Поэтому осуществление далеко не всех задуманных планов отнюдь не снижает ценности «дипломатического опыта» княгини Ольги.

В 964 г. Ольга уступила престол совершеннолетнему сыну. Но «взростший и взмужавший» Святослав длительное время находился в походах, и во главе государства по-прежнему оставалась его мать. Так, во время печенежского нашествия на Киев в 968 г. Ольга возглавила оборону города. Судя по летописи, Святослав испытывал к матери почтительное уважение до самой ее смерти. Когда она стала совсем больной, по ее просьбе он вернулся из похода и был с матерью до ее последнего часа.

Многое из того, что задумала, но не смогла осуществить Ольга, было продолжено ее внуком, «великим Володимером, хрестившим всю землю Русскую». Следует отметить, что Владимир Святославич пытался (правда, безуспешно) утвердить на Руси автокефальную церковную организацию, о которой думала княгиня Ольга. Вначале он заключил династический брак с одной из принцесс византийского императорского дома, после чего Русь приняла крещение, сохранив высокую политическую титулатуру, — ни о каком вассалитете между византийской и русской правящими фамилиями не могло быть и речи.

В 988 г. женой Владимира Святославича стала сестра византийского императора Анна Романовна, внучка Константина VII Багрянородного. Более 20 лет прожила Анна Романовна на Русской земле. Хотя мало сведений дошло до нас о ее деятельности на новой родине, но ряд фактов говорит о том, что дело прославившей себя государственными делами бабки своего мужа — великой княгини Ольги — она продолжила, играя, конечно, более скромную роль: Анна Романовна была не полновластной правительницей, а лишь супругой киевского князя. Однако участие в государственных делах великих княгинь, по-видимому, стало традицией. Об этом свидетельствует вступительная статья к Уставу князя Владимира Святославича, которая начинается словами: «И по сем съгадал (подумал, решил. — *Н. П.*) есми с своею княгиною Анною и с своими детьми...» Да и появление самого Устава как документа было невозможно без подписанной княгиней Анной подтвердительной грамоты, поскольку Анна действовала от имени византийского духовенства. Сопоставление списков и редакций рассматриваемого памятника доказывает, что в XI в. из двух источников пожалования суда в государстве — греческого номоканона и совета с княгиней Анной — первый мог отсутствовать, второй — никогда²³.

О том, что занятие княгинь «законодательством и устройтельством» наравне со своими мужьями было нормой, говорят документы и более позднего происхождения. Так,

Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах (XIII—XIV вв.) был создан при участии «княгини Всеволожей». В Уставе она поставлена в ряд с самыми влиятельными лицами в Новгороде того времени — старостами и сотскими²⁴. Участие княгинь в «законодательном деле» является, несомненно, показателем высокого уровня развития социально-правовой, культурной и государственной системы Древней Руси.

В прошлом «порфирородная принцесса», Анна Романовна не могла не получить широкого по тому времени образования. Это позволило ей, будучи уже русской княгиней, принимать посольства. Известны ее дипломатические контакты в 989—990 гг. с посланником из Германии, где в это время правил Оттон II²⁵.

Княгиня Анна была не единственной законной («водимой») женой князя Владимира Святославича. Под 980 г. в русских летописях помещено предание о другой жене этого князя — гордой и своенравной Рогнеде. По преданию, ее отец — полоцкий князь Рогволод спрашивал ее согласия на брак с Владимиром, но она будто бы ответила отказом: «Не хочу разути робичича...» (Владимир был сыном Святослава и рабыни, ключницы княгини Ольги Малуши:) Владимир «разгневался о той речи... поемши вой, идоша на Полтеск и победиста Рогволда». Рогнеда была захвачена в плен и «ята» в жены насильно. Правда, Лаврентьевская летопись сообщает, что Владимир «воздвигнул ей отчину», «устрой город и да има, и нарече имя городу тому Изяславль» (по имени их первого с Рогнедой сына). Дочь же Рогнеды и Владимира — Предслава Владимировна тоже получила «селце Предъславино»²⁶. Упоминания об имущественных владениях женщин княжеской фамилии важны для представления о месте их при дворе.

Дочери Ярослава Мудрого

Много славных женских имен сохранили летописные своды в связи с историей княжения сына князя Владимира Святославича Ярослава Владимировича, получившего прозвание Мудрого. Активной участницей борьбы за его воцарение на киевском престоле стала в 1015 — 1019 гг. его родная сестра Предслава.

В час смерти отца Ярослав жил и правил в своей отчине — Новгороде. Его основным соперником в борьбе за власть в Киеве стал сын «грекини» Святополк, который после смерти отца перебил «братью свою» — князей Бориса и Глеба и захватил киевский престол. В «Повести временных лет» говорится, что Предслава послала в Новгород к брату гонца с известием о событиях в Киеве и о том, что Святополк затевает недоброе против него. Ярослав пошел с дружиной на Киев и в 1016 г. в битве у Любеча разбил Святополка. Бежав к своему тестю, польскому королю Болеславу, Святополк вскоре вместе с ним двинулся на Русь. Предслава активно вступила в борьбу. По свидетельству Киево-Печерского патерика («Житие Антония»), она укрывала у себя противников Святополка, в частности Моисея Угрина. В июле 1018 г. Ярослав потерпел поражение в битве с Болеславом и Святополком, и поляки «вниде в Киев». Предслава и ее придворная дружина оказались в руках врагов. Болеслав пытался обменять ее и другую захваченную в плен родню Ярослава на свою дочь, жену Святополка, находившуюся в плену у Ярослава. Последующая судьба Предславы оказалась печальной: она стала наложницей Болеслава²⁷.

Вокняжение Ярослава Владимировича после сложной политической борьбы в 1019 г. сопровождалось расширением международных контактов Руси. Жена Ярослава Ингигерда, в крещении — Ирина, дочь норвежского короля Олафа, принесла в качестве приданого город Альдейгаборг (Старая Ладога). На одной из известных фресок Софии Киевской изображена она сама с мужем, а также вся их семья, сыновья и четыре дочери: Анастасия, Анна, Елизавета и маленькая, неизвестная, рождение которой исследователи обычно относят к 1030 г. Дочери Ярослава Мудрого, как и их отец, мать, братья, воспитывались в атмосфере «книжности»: об их отце летопись сообщает, что Ярослав «насеял книжными словесы» сердца близких ему людей²⁸. Ярославны сыграли видную

роль в политической жизни стран Европы, будучи выданными замуж за иностранных королей и принцев.

Наиболее известна романтическая судьба Анны Ярославны. В середине XI в. король Франции Генрих I овдовел. Он был немолод, с трудом удерживал бразды правления и надеялся на укрепление престижа страны через матримониальную связь с сильным государством. Французский историк Ф. де Мезере на основании свидетельств хронистов писал в XVII в., что до Генриха «дошла слава о прелестях принцессы, именно Анны, дочери Георгия (Ярослава Мудрого.— *Н. П.*), короля России, ныне Московии, и он был очарован рассказом о ее совершенствах»²⁹. Брак с Анной Ярославной мог способствовать укреплению власти Генриха I и обеспечению надежных союзнических связей.

Но Ярослав Владимирович не сразу дал согласие на брак своей дочери. Известно безуспешное посольство к нему от Генриха I по этому поводу в 1044 г. В. Т. Па-шутто считал достоверным сообщение немецкого хрониста Ламберта Ашафенбургского о том, что тогда Ярослав Владимирович пытался заключить династический союз с Германией, предлагая руку Анны немецкому королю Генриху, но получил отказ. Лишь в 1048 г. епископу Готье удалось убедить киевского князя принять предложение короля Франции. Этим решилась судьба Анны³⁰.

В апреле 1051 г. по весенним улицам Парижа проследовал богатый кортеж новобрачной. 19 мая 1051 г. состоялась свадьба Анны Ярославны и Генриха I, а в 1052 г. у них родился сын Филипп, который в семилетнем возрасте был коронован в Реймсе. Первые годы жизни в Париже не были радостными для Анны. «В какую варварскую страну ты меня послал; здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны» — эти строки из письма Анны к отцу в Киев цитируют французские исследователи³¹. Но достоверных данных о ее жизни в Париже в 1051 — 1060 гг. нет. К этому времени относится лишь письмо к ней римского папы Николая II (1059 г.), в котором, в частности, говорится: «Слух о ваших добродетелях, восхитительная дева, дошел до наших ушей, и с великой радостью слышим мы, что вы выполняете в этом очень христианском государстве свои королевские обязанности с похвальным рвением и замечательным умом»³².

О растущем авторитете Анны во французском обществе говорит и тот факт, что ей было предоставлено право ставить свою подпись на документах государственной важности. Ее четкие, ясные, написанные знакомым «уставом» буквы стоят рядом с крестами неграмотных королевских чиновников, придворных и самого короля — Генриха I. Эта привилегия Анны была уникальным явлением для французского королевского двора XI в. Анна знала латынь — официальный язык того времени, на котором писало и говорило образованное общество в Западной Европе. Кстати, письмо папы к Анне было написано по-латыни. Но коронованная киевлянка, живя вдали от родины, помнила кириллическое правописание, подписывалась и на родном языке. Известны две различные подписи Анны Ярославны: «Anne-regine» и «регина Анна». Их языку и графике посвящены специальные исследования³³, потому что подписи Анны современны самым древним русским письменным памятникам, например Остромирову евангелию.

В 1060 г. Генрих I умер. Сын Филипп, объявленный королем, был еще несовершеннолетним, в связи с чем на Анну были возложены опекунские полномочия. Она поселилась в Санлисе, небольшом замке к северу от Парижа, который любила за «царствующий там благора-створенный воздух и за прекрасную охоту», к которой «она питала большое расположение». Близ Санлисского замка Анна основала костел и женский монастырь. В XVII в. на перестроенном портике санлисской церкви было воздвигнуто лепное изображение русской княжны во весь рост с маленькой моделью основанного ею храма. Надпись на цоколе гласит: «Анна Русская, королева Франции, основала этот собор в 1060 г.».

Дальнейшая судьба Анны делает ее похожей на героиню рыцарского романа. Два года спустя после смерти Генриха I Анну похитил из Санлисского замка потомок Карла Великого граф Рауль де Крепи де Валуа. В церкви замка Крепи их обвенчал — не без

угроз Рауля — местный священник. Между тем граф-похититель был женат, и жена его Алинора обратилась с жалобой на мужа к папе Александру II. Папа объявил брак Рауля и Анны недействительным, но супруги этим пренебрегли. Более того, Анна Ярославна сохраняла дружественные отношения с сыном-королем и даже сопровождала его в поездках по стране вместе с новым мужем. Тогда Анна еще активнее приобщилась к делам политического управления: среди документов, освещающих ее деятельность, немало данных монастырям, хартий, под которыми имя ее стоит или рядом с именем сына («Phi-lippus cum regina mater sua» — Филипп и королева, мать его), или самостоятельно («Anna mater Philippi Re-ges» — Анна, мать короля Филиппа). После смерти графа де Валуа (1074 г.) Анна вернулась ко двору сына и, судя по некоторым источникам, погрузилась в государственные дела. Последняя грамота, подписанная уже немолодой экс-королевой Анной, датируется 1075 г.³⁴

Некоторые исследователи истории Франции XI в. склонны считать, что в конце жизни Анна Ярославна вернулась на Русь и, прожив на Родине несколько лет, умерла там. «Анна возвратилась на землю своих предков», — выбито на подножии ее статуи в Санлисе. Однако летописи об этом молчат. Маловероятно, чтобы такое событие, как возвращение на родину дочери Ярослава Мудрого, прошло для киевлян незамеченным. Возможно, Анна ездила в Киев и вернулась обратно во Францию. В XVII в. один монах аббатства Виллье отыскал могилу, как он полагал, «королевы Анны». Гробница над могилой якобы воспроизводила герб Анны: лилии и открытые ворота крепости, увенчанные короной. Многие русские и французские исследователи поспешили связать изображение на гербе с киевскими Золотыми воротами. Но еще Н. М. Карамзин сомневался в достоверности «находки»³⁵.

Более доказательно предположение о том, что киевская княжна привезла во Францию свою библиотеку. От нее в настоящее время сохранилась лишь часть единственной книги, известной среди историков и языковедов как Реймское евангелие. Анализ лингвистических особенностей евангелия привел к заключению: рукописный памятник создан на Руси в первой половине XI в. На Реймском евангелии короли Франции приносили присягу при вступлении на престол. Существует предание, что Реймское славянское евангелие показывали Петру I в знак того, что память об «Анне Русской» живет по-прежнему во Франции³⁶.

Судьба другой дочери Ярослава Мудрого — Елизаветы (Эллисивы) — связана с Норвегией и отразилась в исландских сагах. Будущий муж Елизаветы — норвежский принц Гаральд встретился с ней, находясь на службе при дворе Ярослава Мудрого. Однако его попытка немедленно получить княжну в жены не увенчалась успехом: Ярослав отказал ему, так как принц не имел ни богатства, ни престола. Скандинавские хроники сообщают, что викинг, получив отказ, отправился искать счастья по белу свету, чтобы или забыть прекрасную принцессу, или стать достойным ее руки и сердца. Норвежский принц оказался не только героем-викингом, но и поэтом. В лучших традициях рыцарской поэзии он сочинил стансы в честь своей возлюбленной — 16 строф песни, восхваляющей гордость и красоту русской княжны, которая, как он считал, «им пренебрегла». Гаральд побывал в Византии, на севере Африки и в Сицилии, приобрел славу и огромные богатства, которые неизменно пересылал ко двору князя Ярослава, доказывая, что достоин быть его зятем. В 1035 г. Елизавета была отдана ему в жены, и Гаральд вернулся в Норвегию. По-видимому, здесь сыграло роль не столько то, что Елизавета наконец-то оценила достоинства Гаральда, сколько желание самого Ярослава Мудрого укрепить союзнические отношения со странами Северо-Запада. Однако Елизавета по неизвестным причинам осталась на Руси. В древнескандинавской рукописи «Hauksbok» есть сведения о том, что Елизавета Ярославна посылала мужу дары (часть своей казны) и приветственные послания. Известно также посещение ею Шотландских островов. После смерти Гаральда III Елизавета Ярославна вышла замуж за датского принца³⁷.

Те же цели укрепления международных контактов Руси преследовал и брак Анастасии Ярославны с венгерским королем Андреем I в 1046 г. С именем Анастасии-Агмунды (это имя она получила при обращении в католическую веру) связывают основание двух православных монастырей — в Вышеграде и Тормове. Пребывание Анастасии на венгерском престоле после смерти мужа совпало с крупным политическим конфликтом — борьбой за власть, начавшейся между ее сыном Шаламоном и Белой I (1061 г.), и она вынуждена была бежать от преследования в Германию³⁸. Последующая судьба ее неизвестна.

Залогом мира и взаимопомощи двух европейских держав был и брак польского князя Казимира Восстановителя с сестрой просвещенного киевского князя Ярослава Мудрого Марией Добронегой в 1039 г. По сообщению западных хронистов Галла и Длугоша, приданое, полученное Марией, было столь велико, что можно было говорить об «обогащении королевства благодаря такому блестящему браку и укреплению его добрососедства». Славу о деяниях Марии Добронегии в годы ее вдовства донесли до нас многие источники. Известно, что русская княгиня вместе с сыновьями вершила государственные дела. Так, в 70-е годы XI в., когда Геза I, король Венгрии, бежал с братьями в Польшу, принимала его там и снабжала всем необходимым «мать правящего короля Болеслава Щедрого, вдова Казимира королева Добронегга вместе с младшим сыном». Имеются данные и о рели-гиозной деятельности княгини³⁹.

История жизни русских женщин Предславы и Марии Добронегии Владимировны, Анны, Елизаветы и Анастасии Ярославен лишь небольшой сюжет в масштабном полотне, запечатлевшем внутреннюю и внешнюю политику Руси XI в. Но эти дочери и сестры могущественного Ярослава достойны остаться в нашей памяти уже за то, что вложили посильную лепту в упрочение международного престижа своей Родины.

Анна-Янка и Евпраксия-Адельгейда Всеволодовны

Чем пространнее излагаются события в летописях, тем чаще встречаются на их страницах имена представительниц русских княжеских династий, оставивших своей деятельностью след в отечественной истории. Внучка Ярослава Мудрого, дочь великого князя киевского Всеволода Ярославича Анна (Янка) в 1089 г. самостоятельно «правила посольство» в Византию за новым митрополитом Иоанном II. Правда, оказался «сей муж не книжен, но умом прост и просторек» и не приобрел на Руси того веса, на который рассчитывала Анна вместе с отцом. Тем не менее ее причастность к делам Киевского государства очевидна. Личная жизнь Анны сложилась неудачно: по версии Н. Баумгартена, она была помолвлена с византийским царевичем Константином Дукой Старшим, но брак не состоялся, так как жениха насильно постригли в монахи. Поэтому и она, вероятно, большую часть жизни посвятила монастырским делам: имя Янки встречается во многих летописях в связи с основанием ею Андреевского монастыря в Киеве⁴⁰.

При киевском Андреевском монастыре Анна Всеволодовна основала первую известную в истории Руси школу для девочек. В «Истории» В. Н. Татищева в связи с этим фактом приводится выдержка из не сохранившейся до наших дней летописи о том, что Янка, «собравши младых девиц, неколико обучала писанию, тако ж ремеслам, пению, швению и иным полезным им занятиям. Да от юности навькнут разумети закон божий и трудолюбие, а любострастие в юности воздержанием умертвят...». Тягу к «просветительской» деятельности Анна унаследовала от отца, который, «дома сидя, изуменяше пять язык», а также от матери — бывшей византийской принцессы⁴¹. Традиции женского образования в Византии, с которой Русь пока еще поддерживала тесные контакты, благотворно влияли на общий уровень культуры и распространение грамотности среди женщин княжеского дома.

Между тем деятельность Анны-Янки не была на Руси явлением уникальным. В XII—XIII вв. нередко возникали монастырские школы, основателями которых были женщины княжеского сословия или имевшие духовный сан (например, игуменьи). Факт распространения грамотности среди женщин в духовной среде отмечен и житийной литературой: многие русские княгини, «приимши мниший чин», занимались списыванием книг. Известно, что дочь полоцкого князя Святослава Всеславича Предслава Святославна (ум. в 1173 г.), постригшись в монахини под именем Евфросиньи, «начат книги писати своими руками». В открытой ею при полоцком Софийском соборе школе — как сообщают поздние источники — она обучала грамоте «младых девиц», в том числе сестер Городиславу и Звениславу⁴².

Конечно, эти отрывочные сведения не говорят о складывании на Руси в XII—XIII вв. системы школьного образования. Обучение княжеских детей, в том числе девочек, происходило главным образом в домашних условиях. И тем не менее уровень их образованности был достаточно высоким для средневековья. Княжон учили так же, как и княжичей: не только грамоте, но и математике, азам философии, «врачебной хитрости», календарной астрономии, «ритории», «глаголению инемними языками»⁴³. Обучение иногда велось по «елиньским книгам», т. е. на греческом языке, и начиналось с раннего возраста. Об этом свидетельствует, например, изображение дочери киевского великого князя Святослава Ярославича с пергаментным списком в руках на одной из миниатюр в Изборнике Святослава 1073 г. Подтверждают раннее обучение княжеских детей грамоте и жития, например Евфросиньи суздальской⁴⁴.

Многие образованные женщины в XI—XIII вв. имели свои домашние «библиотеки». Жена старшего сына Ярослава Мудрого Изяслава — польская княжна Гертруда, в православии — Олисава (Елизавета), обладала знаменитой Трирской псалтырью («Кодекс Гертруды») с миниатюрами, выполненными по ее заказу и изображающими ее и сына Ярополка. Псалтырь была подарена Олисовой своей дочери Сбыславе, выданной в 1102 г. замуж за польского князя, и впоследствии передавалась по женской линии рода⁴⁵.

Гертруда вышла замуж за Изяслава в 1043 г., в 1050 г. родила сына Ярополка, а в 1073 г. была вынуждена бежать вместе с ними на родину, так как братья мужа Святослав и Всеволод изгнали его с великого княжения. Из Польши княжеская семья отправилась в Саксонию, где Олисава вернулась в «латынскую веру». По совету матери Ярополк обратился к папе Григорию VII с просьбой о поддержке. В 1077 г. Изяслав Ярославич овладел Киевом и воскняжил там. Олисава с сыном вернулись на Русь и перекрестились в православие. Последующие 20 лет Олисава провела в уделе своего сына — Владимире-на-Волыни, где проявила себя в делах государственного управления, имея атрибут государственной власти — личные печати (хранятся в Отделе археологии Института общественных наук АН УССР во Львове)⁴⁶.

Грамотность женщин привилегированного сословия современники, вероятно, считали делом обычным. Дьякон Григорий, переписавший Остромирово евангелие (XI в.), в предисловии пишет, что преподносит его не только новгородскому посаднику Остромиру, но и его «подружиям», не только чадам, но и «подружиям чад» (их невесткам). Известно также, что жена одного новгородского аристократа сделала заказ писцам на списывание книг для церкви Иоанна Предтечи на Опоках, а волынская княгиня Ольга Романовна «переписала» для себя Кормчую. Сведения о заказах женщин на списывание книг можно почерпнуть из жития Евфросиньи полоцкой и Псалтыри 1296 г., переписанной по заказу некой Марины. «До излиха вкусившими мудрости книжной» были жена смоленского князя Романа Ростиславича (конец XII в.) и Феодулия-Евфросинья суздальская, что «не в Афинех учися, но афинеийские премудрости изучи»⁴⁷.

Но вернемся к дочерям Всеволода Ярославича. В 1082 г. 12-летняя сводная сестра Анны Всеволодовны — Евпраксия Всеволодовна была сосватана за маркграфа Генриха Штаденского Длинного. Всеволод был заинтересован в союзе с могущественным и богатым домом Саксонии. В 1083 г. Евпраксия с огромным приданым, пышным

посольством и верблюдами, «нагруженными роскошными одеждами, драгоценностями и вообще несметным богатством», была отправлена в Саксонию, в дом жениха, где, по обычаю того времени, она должна была находиться до брака, усваивать немецкий язык, привыкать к новому быту. Вскоре русскую княжну поместили в Кведлингбургский монастырь, в котором получали образование дочери знатных особ, а игуменьями были принцессы только королевской крови. Здесь Евпраксия под наблюдением игуменьи — сестры императора Генриха IV Адельгейды обучилась немецкому и латинскому языкам и иным книжным премудростям. Перед свадьбой, в 1086 г., она перешла в католичество и получила новое имя — Adelheid (Адельгейда)⁴⁸. Но через год Генрих Штаденский умер, детей у них не было.

Еще до замужества Евпраксия-Адельгейда обратила на себя внимание германского императора Генриха IV. После смерти маркграфа и своей жены Генрих IV решил жениться на его вдове. С 1087 г. Евпраксия открыто считалась невестой императора. Коронация состоялась в 1088 г., венчание — летом 1089 г. В Киев были посланы официальные извещения. Генрих IV надеялся, что новый брак усилит его позиции в борьбе с папством и Русь поддержит его в этой борьбе⁴⁹. Да и новая императрица Адельгейда склонна была принимать участие в политических делах. Но брак не был одобрен киевским двором: по-видимому, отрицательную роль сыграла церковь. Византия тогда прервала сношения с Генрихом IV, и император Иоанн II стремился удержать Русь в русле проводимой им политики⁵⁰.

В 1090 г. Евпраксия-Адельгейда уехала с мужем в Верону, где развертывались военные действия между войсками Генриха IV и папы Урбана II. Судя по событиям 1093 г., в жизни Генриха и Евпраксии наступил разлад. М. Кирхнер и Т. Эдигер связывали возникшую неприязнь Генриха IV к жене с ее «недостаточно целомудренным поведением» («a proprio marito prostituta est»). С. П. Розанов пытался оправдать «внутреннюю свободу и непосредственность» Евпраксии-Адельгейды. В. Т. Пашуто считал определяющим в конфликте императора с женой принадлежность Генриха IV к секте николаитов с их тайными оргиями, участвовать в которых император принуждал свою русскую жену⁵¹.

Однако во всех этих доводах сбрасывается со счета участие Евпраксии-Адельгейды в политической борьбе. Два факта стоят рядом: в 1093 г. сын императора Конрад, приехавший в Верону вместе с коронованной четой, неожиданно предал отца и перешел на сторону его противников во главе с баварским герцогом Вельфом, связанным с папой Урбаном II, и в том же году, по свидетельству хронистов, Генрих IV «из ненависти к жене заточил ее в Вероне»⁵². Не было ли это вызвано тем, что император не без основания опасался политической измены Евпраксии, которая могла выдать некоторые политические и военные планы сторонников Генриха IV, не говоря уже об огласке подробностей семейной жизни? Возможно, немалую роль сыграло изменение политической ориентации киевских князей: к этому времени Всеволод Ярославич умер, а его преемник князь Святополк Изяславич (двоюродный брат Евпраксии) стал ориентироваться на Вельфов⁵³.

Так или иначе, но водоворот политической жизни все более затягивал Евпраксию. Во время переезда императорского двора из Вероны в Лангабардию она бежала от Генриха IV и направилась в Каноссу, где торжественно была встречена своим пасынком Конрадом. Переход на сторону противников мужа был, по-видимому, принципиальным шагом для Евпраксии, которая хотела, чтобы судьба германской короны решилась в интересах Руси. Вероятно, не без сговора с Конрадом она подала на церковный собор в Пьяченце буллу с жалобой на мужа, подвергавшего ее унижениям и жестокостям, т. е. предала огласке подробности своей семейной жизни. По нормам средневековой морали, поступок Евпраксии был равносителен гражданскому самоубийству и требовал немалого мужества (хотя в средневековой истории аналогичные случаи известны: с буллой на имя папы обращалась, например, Элеонора Аквитанская). Впоследствии поступок Евпраксии резко осуждался немецкими историками⁵⁴. Генрих IV был судим папским судом, отрешен

от престола и умер в беславии. По окончании процесса Евпраксия покинула Германию. Вначале она перешла под покровительство своей тетки — венгерской королевы Анастасии Ярославны, но, преследуемая клеветами Генриха IV, вскоре уехала в Киев, где постриглась в монахини в монастыре своей сестры Янки⁵⁵. Вскоре в Киеве поползли слухи о выступлении Евпраксии-Адельгейды против мужа на церковном соборе, что вызвало резкое осуждение прежде всего у духовенства и, видимо, повлияло на отношение к ней в былинах и легендах, где к имени Евпраксии прочно прикрепился эпитет «волочайка» (потаскуха)⁵⁶. Историческая справедливость не вяжется с «очернением» Евпраксии и «обелением» Генриха IV немецкими историками. Она требует отметить сильные черты Евпраксии, которые характеризуют ее как независимую личность, отстаивавшую свою линию поведения. К сожалению, пока остаются в тени связи Евпраксии-Адельгейды в бытность ее за рубежом с Киевской Русью.

Внучки Владимира Мономаха

Когда внимание определенных кругов европейских государств было привлечено к политическому скандалу, в центре которого оказалась Евпраксия-Адельгейда, ее мать — жена князя Всеволода Ярославича Анна выступила в Киеве с миротворческой миссией в межкняжеском споре внуков Ярослава Мудрого. В 1097 г. Владимир Мономах заявил о притязании на киевский престол и выступил с войском против Святополка Изяславича, который занял великое княжение по приглашению киевского боярства, а не по праву наследования. Союзниками Владимира Мономаха стали другие внуки Ярослава Мудрого — Олег и Давыд Святославичи, а также ослепленный правнук Ярослава Мудрого Василько Ростиславич. Никогда еще Владимир Мономах не был так близок к «злату столу». Но вторжение его дружины в Киев означало разгром и опустошение, потому-то «княгиня Всеволожая» вместе с митрополитом и прибыла в стан осаждающих. Летопись вложила в ее уста призыв к единению — «блюсти земли русские», а «брань имети» лишь с «погаными». Переяславский князь Владимир Мономах прислушался к словам княгини Анны: как говорит летопись, «чтышьеть ю акы матерь»⁵⁷.

Только в 1113 г., уже будучи 60-летним, Владимир Мономах стал великим князем. При нем Киевская Русь представляла единую державу, продолжалась и традиция матримониальных связей с Западной Европой. Накануне занятия престола Владимир Мономах выдал «в Угры за короля» Коломана (Кальмана) свою дочь Евфимию, но через год этот династический брак распался. Венгерский двор демонстративно отослал Евфимию Владимировну на Русь⁵⁸. В. Т. Пашуто полагал, что королева пала жертвой осложнившихся политических отношений между Венгрией и Киевской Русью, поскольку Мономах в то время не скрывал своей враждебности к союзной Венгрии Византии. Довод не лишен оснований, так как в 1118 г. и внучка Мономаха, дочь Мстислава Владимировича, выданная замуж за владимиристо-волынско-го князя Ярослава Святополковича, тесно связанного с венгерским двором, тоже была отослана мужем обратно в Киев. Как видим, незавидная судьба обеих русских княжон зависела от политических перипетий и интриг. Но в ряде аналогичных случаев родственники русских княжон выступали на их защиту. Так, Ярослав Святополкович поплатился за свой поступок в отношении жены вынужденным бегством в Польшу⁵⁹.

Вторая Мстиславна — Добродея-Евпраксия-Зоя была дочерью Мстислава Владимировича и Христины Шведской и родилась в начале XII в. В летописи под 1122 г. сообщается: «Ведена Мстиславна в греки за царь». Ее супругом стал старший племянник византийского императора Алексей Комнин. В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин утверждали, что эту Мстиславну называли Добродеей. Такое имя известно в славянском имянословце. Греческим именем Евпраксия, что в переводе означает «добро-деяние», называли русскую княжну в Византии, где при коронации ей дали второе имя — Зоя, которое означает

«жизнь» и тоже было по-своему символично: византийский двор надеялся, что русская княжна даст вскоре жизнь наследнику⁶⁰.

Но детей у Евпраксии-Зои долго не было. Многие годы она провела в обществе образованной принцессы Анны Комнины, известной византийской хронистки, написавшей биографию своего отца, а также севастокри-ториссы (придворная должность) Ирины, которая покровительствовала ученым и особенно интересовалась историей. В 1129 г. Евпраксия-Зоя родила дочь. Примерно в то же время в Царьград прибыло посольство из далекой Руси, и, вероятно, в числе родственников Зои прибыла ее сестра Ксения, бывшая замужем за полоцким князем Брючиславом. Однако наследник так и не родился; муж Евпраксии-Зои вскоре умер, а императором Византии стал Мануил, его брат. Зоя долго носила траур и, по мнению придворных, все более походила на монахиню⁶¹. Византийский хронист Вальсамон утверждал, что «врачи отказались от ее излечения» по причине ее «мании к колдовству и знахарству». Поводом к такому обвинению послужило то, что Евпраксия-Зоя сама умела лечить травами и обобщила свои знания по «врачебной хыткости» в написанном по-гречески трактате «Алимма» («Мази»). Этот интересный труд дошел до нас в неполном виде и хранится в библиотеке Медичи во Флоренции (Италия). Никаких заведомо «чародейных» средств лечения он не содержит⁶².

Трактат состоит из пяти частей, в которых рассматриваются общие вопросы гигиены, содержатся краткие сведения по микрopedиатрии, дерматологии, внутренним болезням. В первой части, посвященной размышлениям об общей гигиене человека, есть зачатки средневекового учения о темпераментах: сангвиническом, холерическом, флегматическом, меланхолическом. Вторая часть трактата посвящена гигиене брака, беременности и новорожденного, третья — гигиене питания. Интересно, что все пищевые продукты делятся здесь на две группы: имеющие «холодные» свойства (миртовое масло и т. п.) и «теплые» (вино, мед, мясо и т. п.). Здесь же приводятся рецепты диетического питания. Четвертая часть — «Наружные болезни» — содержит рекомендации по натиранию мазями при «парше», болезнях зубов, кожи. В пятой части излагаются некоторые приемы массажа при сердечных и желудочных болезнях.

Четвертая дочь Мстислава Владимировича — Малфрид Мстиславна была выдана замуж за норвежского короля, а пятая — Ингеборг Мстиславна — за сына датского принца, короля бодричей (одного из крупнейших племен полабских славян) Кнута Лаварда. Эти сестры Добродеи-Евпраксии-Зои были столь же образованными и незаурядными личностями. Они знали языки, принимали участие в политической и культурной жизни. «История датских королей» («Кнутлингсага» XIII в.) и хроника Гельмольда, восхваляя княжну Ингеборг, подчеркивают, что она всегда была в курсе политических дел и являлась «советницей» мужа⁶³.

Еще одна сестра Добродеи-Зои — Евфросинья Мстиславна была королевой Венгрии, супругой Гезы II. Участвуя в приемах послов и дипломатических миссий, она произвела благоприятное впечатление на французского короля Людовика VII, который стал крестным отцом ее первенца. Умная и энергичная, Евфросинья способствовала возобновлению тесных связей Венгрии с Киевской Русью, где великим князем стал ее брат Изяслав. В 1148 г. венгерские полки помогли ему одержать победу над Ольговичами и Давыдовичами. В 50-е годы XII в. в ходе междоусобной войны за великое княжение, в которой принимали участие Юрий Долгорукий и галицкий князь Владимирко, Изяслав пользовался поддержкой Гезы II лишь благодаря сестре. Разбитый венграми Владимирко, очевидно, знал о влиянии Евфросиньи на мужа, так как, обращаясь к «королю угорскому» с мольбой «о мире», просил Гезу II «пощадить его и не исполнять желание королевы». Евфросинья, по-видимому, требовала его казни. Геза II даровал галичанину жизнь при условии возвращения отвоеванных им городов, но Владимирко, получив свободу, нарушил обещание. В итоге Евфросинья Мстиславна оказалась прозорливее мужа⁶⁴.

Со смертью Изяслава Мстиславича в 1154 г. связи Венгрии и Руси несколько ослабли. Правда, в 1155 г. в Венгрии побывала мать Евфросиньи; король Геза II в знак

уважения к супруге оказал честь теще, дав ей «много имения» (богатые дары). Геза II вскоре умер. После его смерти Евфросинья взяла правление в свои руки. Став регентшей, она направила все усилия на защиту интересов сына. С целью укрепления позиций Иштвана III она задумала женить его на дочери галиц-кого князя Ярослава Осмомысла, которая в 1164 г. приезжала по ее приглашению в Венгрию, но брак не состоялся. В том же году регентша и ее союзники пытались найти поддержку в Чехии, в связи с чем Евфросинья с сыном приняли чешского короля Владислава II и богато одарили его. Отстаивая права сына на венгерский престол, Евфросинья Мстиславна объективно становилась поборницей политического единства Венгрии. В этом причина высокой оценки ее деятельности в исторической литературе⁶⁵.

Но партия приверженцев молодого короля, которую возглавляла его мать, унаследовавшая от деда — Владимира Мономаха талант политической борьбы, оказалась в конечном счете слабее своих противников — провизантийской группировки, опиравшейся на войска императора Мануила. Осознав невозможность удержать позиции, Евфросинья в 1172 г. бежала с Иштваном в Австрию. В стране произошел переворот, и у власти оказался другой сын Евфросиньи — Бела III. В 1186 г. он заключил свою мать в крепость Браничево, а впоследствии вообще отослал ее в Византию, где Евфросинья постриглась в монахини⁶⁶. Противники энергичной русской по происхождению королевы, видимо, посчитали монастырь единственным местом, способным «погасить» ее политические амбиции.

«Полоцкий матриархат»

История русских земель с середины XII в., когда, по образному выражению летописца, «раздрася вся земля Русьская», отражена в Киевской, Ипатьевской, Новгородской и других местных летописях. И в каждой из них упоминается много имен княгинь и боярынь, участвовавших в политической жизни отдельных княжеств и даже осуществлявших единоличное правление.

С 1125 г., когда умер Владимир Мономах и полоцкие князья перестали считаться с его преемником — Мстиславом Владимировичем, началась феодальная усобица, длившаяся до 1129 г. Она закончилась тем, что отец «Мстиславен» расправился с полоцкими князьями, лишив их престолов, имущества, пленив и «поточи» (сослав) их «в Греки», в Царьград. Полоцкое княжество оказалось без верховного правителя. Тогда-то на политическую арену и вступили княгини, взявшие на довольно продолжительный срок верховное правление в свои руки. Период 30—50-х годов XII в. в истории Полоцкого княжества В. Л. Янин назвал «полоцким матриархатом». В числе княгинь-правительниц были представительницы семьи князя Святослава Всеславича, а также жена некоего князя Михаила, имя которой осталось неизвестным⁶⁷.

При раскопках Полоцка и древнего Кукейноса, правитель которого находился в вассальной зависимости от полоцкого князя, были найдены три личные княжеские женские печати. Пока старшие члены княжеской полоцкой династии не вернулись из ссылки⁶⁸, оформлением официальных документов, к которым привешивались личные печати, вероятнее всего занималась в Полоцке жена Святослава-Георгия Всеволодовича княгиня Софья. Затем эту миссию взяла на себя ее дочь Предслава, которая хотя и была пострижена в монахини под именем Евфросиньи, но от светских дел не отошла. Личная печать Евфросиньи полоцкой (на печати — ее погрудное изображение) — единственная в русской сфрагистике, не располагавшей до ее находки монашескими и монастырскими буллами (подвесными печатями) XI — XIV вв. По мнению В. Л. Янина, Евфросинья и по принятии схимы значительное время сохраняла всю полноту светской власти. При Евфросинье в Полоцке было основано два монастыря (1161 г.) и две церкви; вкладом в один из монастырей был крест Евфросиньи — памятник прикладного искусства XII в.

Имеется певческий цикл об Евфросинье. Третья найденная женская печать Полоцка не атрибутирована⁶⁹.

В связи с «полоцким матриархатом» встает вопрос о типичности такого явления, как женские печати. Сфрагистические материалы подсказывают, что владение печатями для утверждения официальных документов и, следовательно, выполнение административных функций в своей земле были привилегией не одних полочанок. Личные печати имели мать Янки и Владимира Мономаха (В. Л. Янин считает, что имя ее — Мария; ум. в 1067 г.); жена великого князя киевского Святополка Изяславича (1093—1113 гг.) Ирина; Олисава-Гертруда — владелица Трирской псалтыри (1078—1086 гг.); жена великого князя Мстислава Владимировича Христина (мать деятельных Добродеи, Ингеборг, Евфросиньи; 20-е годы XII в.); жена великого князя Всеволода Ольговича Мария (1126—1139 гг.) и др.⁷⁰

«Слышаще словеса книжнаа, на сердце си полагаше...»

В период обособления русских княжеств в XII — начале XIII в. княгини и боярыни нередко принимали участие во внутривосточных конфликтах, межкняжеских усобицах, раздорах и заговорах на стороне тех или иных боярских группировок. Некая Улита Кучковна (Н. Н. Воронин полагал, что она была женой владимирского князя Андрея Боголюбского) входила в группу заговорщиков, совершивших убийство ее мужа в 1155 г. Наложница князя Ярослава Осмомысла Настаска обвинялась галицкими боярами в ворожбе, якобы повлиявшей на осложнение внутривосточной ситуации в этом княжестве (1173 г.). Под 1180 г. летопись сообщает, что именно по совету своей жены черниговский князь Святослав Всеволодович начал усобную войну с князем смоленским Давыдом Ростиславичем («не поведатого мужем своим лепшим доумы») ⁷¹.

В истории Галицко-Волынского княжества в начале XIII в. известную роль сыграла жена князя Романа Мстиславича Анна («княгиня Романова»), светское имя которой не дошло до нас (часто упоминаемое в литературе имя Анна она приняла после пострижения). После смерти мужа ее поддерживала часть волынского боярства, обязанная ему своим возвышением, а также города, выступавшие за мир и процветание торговли. Как опекунша малолетних сыновей и единственная правительница «княгиня Романова» была официально признана Венгрией и Польшей. С Великим княжеством Литовским Анна заключила союзный договор («божииим повелением прислаша князи литовский к великой княгине Романовой...»). После политического переворота в Галицко-Волынском княжестве Анна бежала «дырою градною» в Польшу, но не прекратила борьбу за престол, которая вылилась в 40-летию войну.

Анна старалась заручиться поддержкой венгерского и польского королей, убеждая их «идти» и «вземши предать» ей «отечество» ее. Но иноземные правители меньше всего заботились о правах княгини. Они хотели расширить свои «отечества», воспользовавшись подходящей обстановкой. Единственной силой, способной восстановить независимость княжества, оказались города и их ополчения — «вой». Опираясь на них, княгиня сумела добиться передачи ей во владение волынских земель (Берестья, Белзи) и возвращения на галицкий престол своего сына. Княгиня Анна прибыла в Галич, надеясь снова вернуться к власти, но бояре и городская знать, дав «стол» Данилу Романовичу, собирались править при малолетнем княжиче по своему усмотрению. Тем не менее Анна рискнула претендовать на единовластие, заявив о несогласии на совместное с боярами правление («хотяще бо княжити сама»). В ответ галицкие бояре «выгнаши Данилову мать из Галича». Тогда княгиня обратилась за помощью в Венгрию. Король Андрей II, «не забыв любви своя первая», «сожалиси» — явился в Галицию с войском. Галич был занят, сторонники боярского полновластия схвачены, часть их имущества конфискована, а права княгини восстановлены. Предприимчивая галицкая княгиня немедленно добилась

передачи во владение своим сыновьям городов Тихомль, Перемышль, а около 1214 г. и Владимира Волынского⁷².

Летописи, патерики и другие источники рассказывают массу историй об участии русских княгинь и боярынь в борьбе за выдвижение тех или иных политических деятелей. В XII—XIII вв. знатные женщины содействовали, как правило, продвижению тех, кто проводил политику укрепления княжеств. Такие надежды возлагала, вероятно, княгиня Верхуслава (Анастасия), дочь владимирского князя Всеволода III Юрьевича (двоюродная сестра знаменитой Ярославны из «Слова о полку Игореве»), на своего ставленника Поликарпа. Она хлопотала о предоставлении ему епископской кафедры и в письме владимирскому и суздальскому епископу Симону заверяла его: «...не пожалею и тысячи гривен серебра для тебя и для Поликарпа». Другие «мудрые» княгини, например Ольга Романовна, дочь брянского князя, участвовали в ведении «государственных дел» своего княжества, принимая посольства, управляя оставленными им по завещанию вотчинами. Немало добрых слов сказано в летописи об Ольге: отец любил ее «паче инех», брат мужа чтит ее «акы матерь», да и сам муж — волынский князь Владимир Василькович — позволял своей «княгине милой Ольге» поступать «како ей любо», как «восхощет»⁷³.

Памятники письменности XII—XIV вв. свидетельствуют о росте уровня образованности женщин из среды господствующего класса. Это прослеживается в «Поучении», написанном матерью Верху славы княгиней Марией «Всеволожей». Она, как утверждает летописец, проникала в глубину содержания читаемых ею книг: «...слышаще словеса книжнаа, на сердце си полагаше...» В круг женского чтения входила учительная, церковная литература. Аналогии, к которым прибегает княгиня в своем поучении сыновьям, обнаруживают прекрасное знание ею учительных текстов «святого Иоанна еуанге-листа», Иоанна Златоуста. Да и летописец говорит о том, что она «в поучении книжном възрасти и наказа дети...». Широкое хождение получили и апокрифические сборники. «Книги отреченныя читывала еси?»—интересовались у женщин их «отцы духовные», назначая при этом соответствующую епитимью⁷⁴.

Житие Евфросиньи суздальской (в миру Феодулии Михайловны черниговской) отмечает знание ею античной литературы: «Она познала все книги Вергилийскы и Витийски, сведуща была в книгах Аскилоповых и Галеновых, Аристотелевых, и Омировых, и Платоновых...» В этом перечне — философы Аристотель, Платон, поэты Вергилий, Гомер, медики Гален, Эскулап. Учил Феодулию и ее отец черниговский князь Михаил Всеволодович, и его боярин, также образованный «от философов». Впрочем, образование могли давать и матери. Так, воспитательницей, научившей «книгам и всякой премудрости» тверского князя Михаила Ярославича, была его мать Ксения Юрьевна. Другая дочь черниговского князя Михаила Всеволодовича — Мария Михайловна, по-видимому, получила в семье такое же образование, что и Феодулия. В январе 1227 г. Марию выдали замуж за правнука Юрия Долгорукого Василька Константиновича ростовского. Летопись скупо сообщает о ее семейной жизни, известно лишь о рождении сыновей Бориса и Глеба⁷⁵. Когда младшему из них исполнился год, на русские земли пришло время суровых испытаний.

В декабре 1237 г. орды Батые осадили Рязань и после пятидневной осады взяли и сожгли город. По приказу Батые «княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами»; убили и рязанского князя Федора Юрьевича. Жена Федора Евпраксия, узнав о смерти мужа и не желая надругательств над собой, отвергая рабью долю, «ис превысокого храма» с сыном на руках «ринулась» на землю и «заразися до смерти». Поступок Евпраксии породил легенду и дал название одному из городов Рязанской земли — Зарайску. Так же, как и рязанская княгиня, погибла жена черниговского князя Домникая. В годы нашествия Батые русские женщины, чтобы не попасть в руки врагов, довольно часто кончали жизнь самоубийством, которое в ряде случаев было формой протеста⁷⁶.

Трагические подробности взятия русских городов ордынскими варварами быстро дошли до Ростовского княжества. Муж княгини Марии Василько Константинович в марте 1238 г. сложил голову у реки Сить, защищая родную землю. Летопись донесла до нас его предсмертную молитву за детей и «жену мою Марью». По обычаю, княгиня могла принять пострижение по смерти мужа, но на руках у нее оставались малолетние сыновья. Семилетний Борис стал князем Ростова, а княгиня Марья приняла на себя регентские функции. При жизни Василька Константиновича Мария Михайловна присутствовала при освящении церквей; став вдовой, она основала свой монастырь у озера Неро. В 1259 г. княгиня принимала в Ростове двоюродного брата мужа — великого князя Александра Ярославича Невского⁷⁷.

В конце 40-х годов XIII в. на долю Марии Михайловны выпало новое тяжелое испытание. В 1246 г. в Орду к Батыю был вызван ее отец, князь черниговский Михаил. Его сопровождал сын княгини Борис. В Батыевом стане князя Михаила за отказ выполнить унижительное распоряжение хана (поклониться их идолам) подвергли жестокой расправе на глазах у внука, который и поведал матери подробности гибели деда.

По словам епископа Иоанна де Плано Карпини, Батый «послал одного телохранителя, который бил князя пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. После этого ему отрезали голову ножом...». Убийство отца Марии Михайловны было совершено по политическим причинам. В устранении Михаила черниговского были заинтересованы как сами ордынцы (их посольство он ранее велел уничтожить с целью спровоцировать конфликт с Ордой своего соперника на получение великокняжеского ярлыка владимирского князя Всеволода Ярославича), так и владимирские князья⁷⁸.

Вскоре при участии Марии Михайловны было составлено «Житие» Михаила черниговского. История жизни и смерти в Орде могущественного и гордого русского князя потрясла тогда Русь. Это «Житие» было, по-видимому, не единственным литературным произведением княгини Марии. Когда после разгрома Батыем Владимира в 1238 г. центр русского летописания переместился в уцелевший Ростов, оно велось под непосредственным наблюдением ростовской княгини. На мысль о прямом отношении Марии Михайловны к летописным ростовским сводам наводят настойчивые упоминания ее имени в тексте летописи, а также подробное описание похода на Калку, в котором активно участвовал ее муж. При этом обращает на себя внимание довольно эмоционально выраженная радость по поводу того, что князь Василько не дошел до реки и остался невредим; проявление такого чувства для летописца казалось бы неуместным, но оно вполне понятно, если принять во внимание, что это пишет жена князя. На страницах ростовских летописей большое место отведено воссозданию портрета Василька Константиновича и по сути панегирику ему, «гораздо» все умевшему, «хороброму паче мерь», умному, честному («правда же и истина с ним ходя-ста»). С горечью описаны смерть князя Василька в битве на Сити, взятие ордынской ратью родного для Марии Чернигова, а под 1246 г. — мученическая смерть отца княгини. Под влиянием Марии имя ее отца стало в летописи символом мужества, непреклонности, патриотизма русского князя и воина⁷⁹.

Но при всей эмоционально-нравственной окраске вследствие «женского восприятия» «летописание Марьи» (термин Д. С. Лихачева) не носит узколичного характера. Летописный свод княгини Марии проникнут идеей патриотизма, восстановления независимости поруганной захватчиками родной земли: «...избави бог от лютого томления бусурменского люди Ростовския земли; вложи ярость в сердца крестьяном...» Здесь нет, да и не могло быть прямых призывов к борьбе с ордынским игом, так как сама борьба воспринималась тогда как задача не столько политическая, сколько нравственно-религиозная. Но и идея мученичества за веру, прослеживаемая в летописи ростовской княгини в условиях, когда, по словам летописца, «хлеб не шел в рот от страха», была полна глубокого значения. Жизнеописания князей, написанные

эмоционально, со всей болью сердца, перерастали рамки обычных сухих некрологов, рождали в душах современников стойкость и уверенность, что «не все потеряно, что внешней силе завоевателя можно противопоставить силу духа»⁸⁰. Мария Михайловна умерла в 1271 г. В 70-х годах XIII в. систематические записи ростовского летописца прекратились.

Ордынское иго принесло неисчислимые бедствия всей Русской земле, отрицательно сказалось на ее международном статусе. В середине XIII—XIV в. резко сократились династические контакты русских земель и княжеств с другими странами, почти не прослеживается деятельность за рубежом русских княгинь. Исключение составляет лишь история средневековой Польши.

Русские принцессы на польской земле

История матримониальных союзов русских женщин с представителями польской династии Пястов в XII — XIII вв.— яркая страница деятельности русских княгинь в Европе. Одна из них — Мария Святополковна, родная сестра Сбыславы, жены правившего в то время в Польше Болеслава Кривоустого. В 1117 г., перекрестившись «в латынскую веру», она вышла замуж за знаменитого силезского магната Петра Властовича. После смерти сестры она взяла на воспитание княжеского первенца Владислава. Можно полагать, что именно в ее семье поддерживались честолюбивые амбиции будущего князя, до конца дней рассчитывавшего стать единовластным правителем. Когда муж Марии попал в опалу и бежал на Русь, она разделила с ним участь отверженного, а по возвращении в Польшу развернула деятельность по основанию монастырей и костелов. И Мария, и ее муж оставили заметный след в польской архитектуре: не случайно их считают основателями польской романской культуры XII в. Связи с Русью, которыми Петр пользовался благодаря жене, были настолько прочными, что исследователи донныне колеблются, не был ли Петр русским⁸¹.

Пространные отзывы польских хронистов получила и Елена (ум. в 1206 г.), дочь перемышльского князя Ростислава Владимировича. В 1194 г. она возглавила «краковский стол» на правах регентши малолетнего сына Казимира II Справедливого. В условиях борьбы за власть между сторонниками Мешко Старого (законного претендента на престол) и малолетнего сына Казимира II Лешека Елена Ростиславна постаралась обрести надежного союзника. Им стал волынский князь Роман Мстиславич, которого хронист называет ее «верным помощником». Впоследствии Елена Ростиславна честно его отблагодарила: она дала ему «воев в помощь», когда Роман вел борьбу за объединение Волыни и Галичины, а после смерти князя Романа его вдова, «княгиня Романова», развернувшая бурную деятельность в Галицко-Волынской Руси, в 1202 г. получила убежище от врагов при ее дворе⁸².

Стремясь к закреплению дружественных отношений Кракова с родной землей, Елена Ростиславна побудила своих сыновей, старшего — Лешека Бялого и младшего — Конрада Мазовецкого, к женитьбе на русских княжнах.

Старший сын женился на Гремиславе, дочери луцкого князя Ингваря Ярославича. Долгожданный наследник — сын Болеслав — родился у них через 15 лет. В 1227 г., когда ему исполнился год, его отец Лешек Вялый погиб. Тогда же Гремислава была провозглашена регентшей при сыне и приказала выбить печать с собственным изображением. Эта печать дошла до наших дней. На ней Гремислава изображена на польском троне с жезлом в руке и венцом на голове — такое «королевское изображение», наверное, льстило честолюбию регентши⁸³.

Гремислава стремилась возможно дольше удержаться в правах самовластной правительницы, но ее соперники — Владислав Ласконогий и Генрих Бородатый — настойчиво заявляли о своих правах на «краковский стол».

На помощь русских князей и их войска рассчитывать было трудно: в Галицко-Волынском княжестве шли непрерывные междоусобные войны. Брат Гремиславы Ярослав Ингваревич находился в плену у сына Романа Мстиславича Данила Романовича; несмотря на это, с Данилом Романовичем Гремислава продолжала поддерживать дружественные соседские отношения, основу которых заложила еще ее свекровь Елена Ростиславна. Гремислава выслала войско в поддержку отрядов Данила Романовича и тем самым фактически освободила из плена брата, который получил в «держание» один из городков Галицко-Волынской Руси и больше не участвовал в феодальных распрях⁸⁴.

Между тем право на опеку над Болеславом Гремиславе пришлось уступить. Новые опекуны — Ласконогий и Бородатый — отняли у нее сначала краковские земли, а затем и сандомирские. Однако, когда политическая конъюнктура изменилась (1232 г.), она поспешила вновь заявить о своих и сыновних правах и с этими претензиями прибыла на княжеский съезд, но была схвачена и отправлена под стражу. Дальнейшие события ее жизни разворачивались с увлекательностью, присущей разве что детективному роману. Темной ночью, подкупив стражу, Гремислава сумела выбраться из плена и бежать. Используя последнюю возможность, она обратилась с просьбой о поддержке к папе римскому. Папа издал буллу, в которой осудил учиненное над Гремиславой насилие и потребовал возвращения ей и сыну краковских и сандомирских земель. Вплоть до своей смерти в 1258 г. Гремислава оставалась при краковском дворе⁸⁵.

Польская хроника называет Гремиславу «пани знатного происхождения»; понятие «знатность» для хрониста в то время было синонимично образованности и уму. Проявив неумную энергию и дипломатический талант, Гремислава закрепила за сыном полагавшееся ему земельное наследство. Болеслава впоследствии именовали Стыдливым, Скромным. И в самом деле, на фоне деятельности его решительной матери роль самого королевича представляется незаметной. Болеслав давно уже был совершеннолетним полноправным правителем, но имя его матери продолжало упоминаться почти во всех официальных документах («chanssima», «serenissima matre»)⁸⁶.

Иное отношение в польских хрониках к другой бывшей русской княжне — жене Конрада I, младшего брата Лешека Вялого, Агафье, дочери северского князя Святослава Игоревича. Любопытно, что Агафья приходилась внучкой знаменитой Ярославне и князю Игорю Святославичу — героям «Слова о полку Игореве». Ее брак с Конрадом был заключен в 1210 г. Поддерживая мужа в его борьбе за краковский престол, Агафья обратилась за помощью к крестоносцам, за что заслужила восхваление в немецких хрониках, но была осуждена в польских. Последние приписывали ей поощрение грабежей на завоеванных землях. Но для сколько-нибудь объективной оценки деятельности Агафьи Святославны сведений слишком мало. В чем не приходится сомневаться, так это в энергичности ее действий: известно, например, что Агафья Святославна полноправно распоряжалась своими земельными владениями, жаловала крупные суммы костелам и монастырям, принимала участие в 1239—1241 гг. в княжеских съездах⁸⁷.

Сыновья Агафьи и Конрада I — Болеслав и Земовит не без участия матери стали мужьями русских княжон — Анастасии Александровны и Переяславы Даниловны. Их роль в польской политической жизни середины XIII в. почти не прослеживается в источниках, хотя известно, что дочь галицкого князя Данила Романовича Переяслава в 50-е годы XIII в. была регентшей при двухлетнем сыне; имеются подписанные ею некоторые акты дарений монастырям⁸⁸.

В исторической литературе высоко оценивается деятельность русских «принцесс» на польской земле в период ордынского нашествия на Русь⁸⁹. Направленная на укрепление позиций «славянского мира», связей русских удельных княжеств с Польшей, она способствовала решению международных проблем государств этого региона в едином ключе.

Ордынское иго изменило общую картину социально-правового положения женщин в русских удельных княжествах. В русских летописях середины XIII в. почти не встречаются сведения об активных женщинах; жены и дочери русских князей упоминаются как лица «страдательные», как объект захвата, «полона», насилия⁹⁰.

Исключение составляет лишь рассказ о княгине Ксении, жене ярославского князя Василия Всеволодовича. После смерти мужа в 1279 г. эта княгиня вместе «с дщерию» Марией оказалась на княжеском престоле — «седаще на Ярославли». Хотя Мария Васильевна с 1261 г. была замужем за можайским князем Федором Ростиславичем, Ксения отнюдь не уступила зятю полноты прав на вотчину: он «тако восприят град Ярославль», что вынужден был «княжити в нем с тещею своею»⁹¹.

В Степенной книге под 1288 г. помещена — по-видимому, имеющая фактическую основу — легенда о поездке Федора Ростиславича к ордынскому хану. Находясь в его стане, он «уязвил» своей красотой сердце дочери хана, но якобы отказался от женитьбы на ней, мотивируя свой отказ тем, что уже женат и в Ярославле есть у него сын. Между тем ярославская княгиня с дочерью ловко воспользовались долговременным отсутствием зятя и мужа и провозгласили хозяином земли Ярославской малолетнего внука и сына Михаила, сделавшись регентшами при нем. Вернувшись в свое ярославское княжение, Федор Ростиславич нашел ворота запертыми. Теща Ксения «с бояры» не пустили его и «нелепый словеса глаголаши из града женским умышлением: «Мы такового обычая не имамы, еже от инуду пришедша прияти. Довлеет нам отечеству наследник князь наш Михаил, сын твой»». Имея поддержку боярской верхушки, княгиня с дочерью были уверены в прочности своих позиций. Оказавшись в незавидном положении, Федор Ростиславич вынужден был вернуться в Орду, где хан женил своего «улуслика и служебника» на влюбленной в него дочери, получившей в крещении имя Анна. У Федора Ростиславича появились и два наследника — Давыд и Константин, но возвращение ему и его новой семье именно ярославских земель стало возможным лишь после смерти княгини Ксении, Марии Васильевны и Михаила Федоровича (между 1289 и 1292 г.). До того ярославцы не обращали внимания на угрозы ханских послов и признали Федора Ростиславича своим князем лишь в 90-е годы XIII в.⁹²

Преодоление феодальной раздробленности началось в XIV в. и происходило в условиях, с одной стороны, ожесточенного соперничества за общерусский приоритет между Московским и Тверским княжествами, а с другой — усиления борьбы за национальную независимость, важнейшей вехой которой была победа над полчищами Мамай на поле Куликовом. На фоне этих исторических событий выделяются и новые женские имена. В их числе еще одна княгиня Ксения — дочь новгородского боярина Юрия Михайловича, выданная замуж за тверского князя Ярослава Ярославича в 1263 г. В летописи особо подчеркивается ее участие в управлении княжеством, а также в воспитании сына — будущего великого князя Михаила Ярославича. Ксения Юрьевна значительно пережила своего мужа, умершего в 1271 г., и долго участвовала в управлении Тверским княжеством.

Так, когда в начале XIV в. возник конфликт между Москвой и Тверью, митрополит Максим, пытаясь удержать московского князя Юрия Даниловича от поездки в Орду за ярлыком на владимирский великокняжеский стол, предложил Юрию вначале связаться с «великою княгиною Оксиньею» в надежде на то, что она «чего восхощешь из отчины вашей, то ти дасть». Видимо, митрополит рассчитывал с помощью княгини Ксении погасить междоусобицу мирным путем⁹³.

Но спор за великое княжение зашел слишком далеко. Княгиня Ксения и ее невестка, ростовская княжна Анна Дмитриевна, тщетно пытались убедить сына и мужа Михаила Ярославича уступить ярлык. В отместку противники тверского князя спровоцировали убийство жены московского князя Юрия Агафьи-Кончаки, обвинили в нем Михаила Ярославича и донесли об этом ее отцу хану.

Вскоре тверского князя вызвали на расправу в Орду и там убили⁹⁴.

Даже этот весьма скупо представленный в источниках эпизод показывает, что в период ордынского ига в политические интриги и конфликты между князьями за великокняжеский ярлык были вовлечены в силу своего положения и женщины привилегированных слоев общества.

Есть и другие примеры того, как они пытались прекратить междоусобицу с помощью не только дипломатии, но и силы. Так, княгиня Ульяна Александровна, сестра великого князя тверского Михаила, выданная замуж за литовского князя Ольгерда, пыталась склонить мужа помочь своему брату в его безуспешной борьбе за великое княжение владимирское с московским князем Дмитрием Ивановичем ради покоя в тверской земле. За «покой» в уделе мужа — серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго — ратовала его жена княгиня Елена, дочь Ольгерда литовского и Ульяны Александровны⁹⁵.

Видную роль в истории Московского княжества сыграла суздальская княжна Евдокия, жена Дмитрия Ивановича Донского. Она была осведомлена о многих его политических планах и замыслах, участвовала в заложении церквей и присутствовала при их освящении. «Сказание о Мамаевом побоище» донесло до нас и речь великой княгини Евдокии, с которой она обратилась к «княгиням, боярыням, женам воеводским и женам служних». В уста княгини вложен не традиционный плач «проводы деющих», а мольба-требование «победить супротивных супостатов»: «Не сотвори, господи, так же, как раньше, когда великая битва русских князей на Калках с погаными татарами...»⁹⁶

С историей Куликовской битвы связан любопытный легендарный факт, который содержится в выписках А. Артынова из Хлебниковского летописца, сгоревшего в середине XIX в.⁹⁷ Речь в них идет о двух княгинях — Феодоре Ивановне Пужбольской и Дарье Андреевне, дочери стародубского князя Андрея Федоровича, якобы принимавших участие (переодетыми в мужское платье) в сражении с Мамаем. Однако пока не удалось отыскать ни этих имен в иных повествовательных памятниках, отразивших Куликовское сражение, ни подобных прецедентов в истории других битв того времени⁹⁸.

Куликовская битва ускорила процесс политического объединения Руси, восстановление разрушенной вековой зависимостью от ордынцев экономики удельных княжеств, активизировала их внешние связи. На исторической арене вновь появляются жены великих князей, оказавшиеся втянутыми в борьбу, которая сопровождала образование единого Русского государства.

Софья Витовтовна и ее невестка Мария Ярославна

В 1389 г. сын Дмитрия Ивановича Донского Василий по совету матери послал к литовскому князю Витовту (бывшему тогда изгнанником и жившему в Пруссии) сватов-бояр, рассчитывая получить в жены его дочь Софью. В Москву «из-за моря, от немцев» прибыла невеста: Софья Витовтовна жила вместе с отцом вдали от родины⁹⁹. 1 декабря 1390 г. была отпразднована пышная свадьба.

Выдавая дочь замуж за московского князя, Витовт Кейстутович, вероятно, рассчитывал на то, что в союзе Литва — Москва последняя будет играть роль второй скрипки. Но Василий Дмитриевич, отстаивая интересы своего государства, вел политическую линию, независимую от Литвы, в чем ему немало способствовала и Софья Витовтовна, принявшая сторону мужа¹⁰⁰.

На смертном одре Василий Дмитриевич завещал престол своему малолетнему сыну Василию, а жене своей отписал в полную собственность крупные земельные владения. Вскоре после смерти мужа, когда Василию II было лишь 10 лет, Софья Витовтовна созвала бояр и призвала их «крепко стоять» за ее сына. В период малолетства Василия II власть в Москве фактически перешла к боярскому правительству во главе с митрополитом Фотием, но Софья Витовтовна принимала весьма деятельное участие в государственных

делах. В 20-х годах XV в. ею был утвержден новый Судебник. «...А учинила то княгиня великая Софья», — записано в тексте этого памятника¹⁰¹. Изменения в области судопроизводства отвечали интересам удельных князей, так как великокняжеские наместники, согласно Судебнику, лишались судебной прерогативы. Вероятно, указанные изменения были внесены под нажимом боярской оппозиции во главе с боярином И. Д. Всеволожским, поскольку сама княгиня настойчиво выступала за сильную великокняжескую власть. Вот почему вскоре Судебник был отменен как несовместимый с политикой централизации.

В 1431 г. в Орде возникла тяжба между претендентами на великокняжеский ярлык — 16-летним Василием Васильевичем и его дядей Юрием Дмитриевичем звенигородским. Софья Витовтовна послала в помощь сыну боярина И. Д. Всеволожского, обещав ему в случае успеха его миссии женить сына на его дочери. Боярин сумел убедить хана, и Василий Васильевич получил статус великого князя всея Руси. Однако Софья Витовтовна не спешила выполнить данное Всеволожскому обещание и женила сына на внучке Елены Ольгердовны — серпуховской княжне Марии Ярославне. В феврале 1433 г. на свадебном пиру в Москве Софья Витовтовна, по словам летописца, увидела на сыне звенигородского князя Юрия Дмитриевича — Василия Косом золотой пояс, якобы похищенный в свое время из великокняжеской казны московским тысяцким Василием Вельяминовым. Софья Витовтовна публично сорвала пояс с Василия Косого, который, «раззлотившись», немедленно уехал из Москвы.

Рассказ, приведенный в летописи, имеет реальную основу и ясный политический смысл: летописец стремился обосновать с позиций великокняжеской власти незаконность присвоения удельными князьями не принадлежавших им регалий. Золотой пояс, снятый на пиру Софьей Витовтовной, выступает как некий символ, аналогичный бармам и другим отличительным знакам великокняжеского убора. Поступок Софьи Витовтовны имел далеко идущие последствия. Дальнейшая ее жизнь была наполнена не только крутыми переломами, трагическими событиями, но и смелыми решениями, постоянной борьбой. «Се пишем того ради, понеже много зла с того почалося», — мрачно констатирует летописец¹⁰².

Началась феодальная война за великокняжеский престол с звенигородско-галичскими князьями. Юрий Дмитриевич двинулся на Москву, разбил Василия II, занял столицу, но московское боярство отказало ему в поддержке, и он покинул город. В 1446 г. его сын Дмитрий Шемяка вновь овладел Москвой, захватил в плен Василия II, ослепил его и сослал в Углич. Это был обычный для средневековья прием устранения противника с политической арены. Все феодальные войны, по словам Ф. Энгельса, сопровождались «бесконечной, непрерывно продолжающейся» вереницей «предательских убийств, отравлений, коварных интриг и всяческих низостей, какие только можно вообразить...»¹⁰³.

Во всех этих перипетиях Софья Витовтовна испила сполна горькую чашу. Ей пришлось пережить и ослепление сына, и заточение — вначале в Звенигород, а потом в Чухлому, где она находилась до 1447 г. Лишь полная победа сына Василия, получившего после ослепления прозвище Темный, над Косым и Шемякой, утверждение его на московском престоле позволили Софье Витовтовне вернуться в Москву и продолжить деятельность, объективно способствовавшую укреплению централизованной власти. Она стала участвовать в заложении церквей и монастырей, занималась административной деятельностью в собственной отчине. В 1451 г. почти 80-летняя Софья Витовтовна сумела «организовать оборону» Москвы во время набега отрядов ханского царевича Мазовши: Василий II находился тогда на Волге, где и получил извещение о благополучном исходе дела. Во время осады города ордынцами Софья Витовтовна написала завещание, «управление чиня о своей душе», по которому непропорционально большую по сравнению с другими наследниками часть ее «купль» и наследственных владений, а также

«святостей» (драгоценных крестов и т. п.) получил ее внук Юрий Васильевич — единственный из родственников, оставшийся с ней в осажденном городе¹⁰⁴.

Мать Юрия Васильевича — невестка Софьи Витовтовны, княгиня Мария Ярославна — вместе с мужем Василием II и сыновьями деятельно участвовала в управлении землей Московской. В 1471 г. ей «бил челом» новгородский посол с целью выхлопотать «опасные» (охранные) грамоты для приезда в Москву новгородского архиепископа Феофила, и по ее просьбе великий князь выдал ему эти грамоты. Вскоре Марии Ярославне пришлось вмешаться в спор между сыновьями по поводу наследства Юрия Васильевича и предотвратить назревавшую братоубийственную войну. Юрий Васильевич умер бездетным и почти все свои ценности завещал сестре — рязанской княгине Анне, не сделав при этом распоряжения относительно крупных городов, щедро отданных ему бабушкой — Софьей Витовтовной¹⁰⁵.

Мария Ярославна всемерно способствовала проведению в жизнь объединительной политики. Плодами ее деятельности и побед Василия II в феодальной войне в полной мере воспользовался их сын — Иван III Васильевич. Дьяк Стефан Бородатый, служивший при дворе Марии Ярославны и хорошо осведомленный в тонкостях новгородско-московских отношений, в 1471 г. был послан ею сопровождать сына в походе на Новгород Великий. Верный княгинин дьяк изложил Ивану III все прошлые «измены» новгородцев великому князю и обосновал «право» московского князя на новгородскую «отчину». В 1480 г. великая княгиня благословила сына и на борьбу с ханом Ахматом, итогом которой, как известно, было свержение ненавистного ига. Участвовала московская княгиня и в других внешнеполитических актах¹⁰⁶. Статус великой княгини позволил ей сделать многочисленные пожалования монастырям и частным лицам. К княгине Марии Ярославне, как свидетельствуют документы, обращались крестьяне по поводу своих дел¹⁰⁷.

Марфа Борецкая

На северо-западе русских земель — в Новгородской и Псковской феодальных республиках — в XIV — XV вв. продолжался рост феодального землевладения, ремесел, внутренней и внешней торговли, государственный аппарат развивался в сторону усиления в политической жизни роли боярской аристократии, в том числе и богатых вотчинниц. Для новгородских боярынь было характерно участие в различного рода «сговорах», которыми полна история феодальных республик того времени. Например, в 1418 г. одна из новгородок («жена некая»), «вземши мужскую крепость», участвовала в расправе над боярином Божиным, ставшей началом «народной смуты». В 1485 г. «в заговоре больших и житых людей» участвовала «богатая Настасья» (боярыня Анастасия Григорьева), которую велено было схватить наряду с другими сеятелями смуты. О роли женщин в политической истории Новгорода говорит и тот факт, что к крестному целованию на верность великому князю московскому в 1478 г. были приведены не только бояре, житы люди, купцы, но и жены и вдовы боярские¹⁰⁸.

Колоритной фигурой Великого Новгорода в последний период его самостоятельности была знатная новгородская боярыня Марфа Борецкая. Эта «злохитрева жена», как называет ее летописец, происходила из рода бояр Лошинских. Вторым мужем Марфы был посадник Исак Андреевич Борецкий, принадлежавший к известной в Новгороде семье, которая имела в XV в. обширные «боярщины», а на арене политической борьбы и ранее проявляла себя как враг великого княжества Московского¹⁰⁹.

Похоронив обоих мужей, Марфа Борецкая осталась самостоятельной хозяйкой со значительными земельными угодьями, которые в дальнейшем увеличила за счет собственных «прикупов» и земель, колонизированных с ее ведома или по ее распоряжению представителями вотчинной администрации. К 70-м годам XV в. по размерам своих владений Марфа являлась единственной в своем роде вотчинницей, не

сравнимой с другими новгородскими боярами (Есиповыми, Овиновыми и др.). Считают, что по величине собственности Марфа к концу XV в. была третьей после новгородского владыки и монастырей. В описи ее владений можно увидеть пушнину в тысячах шкурок, и полотно в сотнях локтей, и хлеб в сотнях коробей, и мясо в сотнях туш, масло, кур, лебедей и многое другое, а главное — деньги: в вотчине Борецкой денежный оброк составлял 51 % владельческого дохода. Собственный дом Марфы в Новгороде на улице Великой (Неревский конец города) представлял собой каменные палаты в два этажа, что выделяло его среди других боярских домов ¹¹⁰.

Благодаря огромным богатствам Марфа Борецкая обрела значительный политический вес. В памяти народной долго сохранялся ее образ — властной правительницы, карающей самодержицы. Легенда рассказывает, что, узнав о гибели сыновей от первого брака в Заонежье, Марфа приказала сжечь там ряд деревень ¹¹¹. В летописях Борецкая предстает непримиримой стяжательницей с мертвой хваткой. В середине XV в., когда Соловецкий монастырь начал борьбу с новгородским боярством за обладание Обонежьем, с ходатайством перед посадниками о передаче островов во владение Соловецкому монастырю выступил соловецкий игумен Зосима. Но он был выгнан «единой от славнейших и первых града сего» — посадницей Марфой со словами: «Отчизну нашу отъемлет от нас!» Марфа безжалостно уничтожала своих противников. «Житие Варлаама Важского» рассказывает, что будто бы некий Василий Своеземцев, спасаясь от интриг посадницы, вынужден был бежать со своим семейством из Новгорода в имение на Ваге, а боярин Мирославский поплатился за тяжбу с Марфой заключением в подземелье ¹¹².

Во второй половине 60-х годов XV в. деятельная вотчинница возглавила боярскую группировку, открыто выступившую против московской объединительной политики. В 1471 г. вместе с несколькими влиятельными новгородцами, в числе которых были боярыни Анастасия, вдова Ивана Григорьева, и Евфимия, вдова посадника Есипа Андреевича Горшкова, Марфа Борецкая выдвинула «своего» кандидата для посвящения в сан архиепископа — некоего Пимена. Будучи приближенным к прежнему архиепископу Ионе, он имел доступ к Софийской казне и передал Борецким немало средств на поддержку их «партии». Однако архиепископом был провозглашен Феофил, для которого, как мы помним, вышеупомянутая великая княгиня Марья Ярославна выхлопотала «опасные» грамоты. Вернувшийся из Москвы новгородский посол сообщил, что великий князь московский в своей речи назвал Новгород «своею отчиною». Марфа использовала это известие как повод к решительным действиям. Ее дом стал местом бурных политических собраний, а сама она — их вдохновительницей. «Многие люди на сонмище к ней приходили и много послушали прелестных и богоотметных ее слов, не зная о том, что было им на пагубу», — отмечал позднее летописец, сокрушаясь, что «многие из народа» смутились «соблазном» слов посадницы ¹¹³.

В планы новгородской аристократии входило создание в Новгороде православного наместничества, зависимого от Литовского государства, а также брак будущего наместника из числа литовских панов с самой богатой новгородской собственницей — Марфой Борецкой, которая «хотячи пойти замужь за литовского же пана за королева, да... мыслячи привести его к себе в Великий Новград, да с ним хотячи владети от короля всею Новгородскою землею». В 1471 г. Марфа вместе с сыновьями выступила на вече против подчинения Новгорода Ивану III: «Тою отчаянною мыслью нача прельцати весь народ православия, Великий Новгород». С. М. Соловьев, давая оценку действиям Марфы, писал, что она «вынудила» согласие веча на отложение от Москвы: «Наемники Борецкой являлись на площади и вопили о притеснениях Москвы, о золотой воле под покровительством Казимира литовского, камнями заставляли молчать московских приверженцев...» Осуждая Марфу и противопоставляя ее Ивану III, «окруженному всем величием правды», известный историк шел вслед за составителем московского летописного свода, называвшего Марфу Иезавелью, бесноватой Иродиадой, царицей

Евдоксией, Далидой^{*1} и подкреплявшего эти свои филиппики изречениями о «злых женах»¹¹⁴. Однако Марфа применяла в политической борьбе те же средства, что и ее современники.

Сторонники Марфы подкупили «смердов, шильшков и других безыменных мужиков», которые в нужный момент зазвонили в колокола, крича: «За короля хотим!» Несмотря на то что среди новгородцев имелись противники планов Борецкой, ее «партия» пересилила приверженцев великого князя московского: послы новгородского боярства отправились с дарами к литовскому королю. Узнав об этом, Иван III 20 июня 1471 г. выступил с войском из Москвы. После битвы на реке Шелони антимосковская группировка в Новгороде вынуждена была признать свое поражение. Сын Марфы Дмитрий Исакович сложил голову на плахе. Для «замирения» с великим князем новый посадник Фома Андреевич поднес ему 1000 серебряных рублей. Иван III «не отринул челобитья, взял тяжкую пеню за проступок»¹¹⁵.

В декабре 1475 г. Иван III посетил дома крупных новгородских бояр: Коробова, Казимира, а также богатой боярыни Анастасии Григорьевой. Лишь дом Марфы Борецкой не был удостоен этой чести: Иван III продолжал опасаться новых действий с ее стороны. В феврале 1488 г. он распорядился захватить Марфу с внуком Василием Федоровичем, отослать их в заточение и «тако конечно укроти Великий Новгород». Огромные владения Борецкой были отписаны на Ивана III¹¹⁶. Марфа была казнена, не доехав до Москвы, в небольшом селе Тверского княжества Млёве¹¹⁷.

Сильная, незаурядная личность Марфы Борецкой неоднократно привлекала к себе внимание историков и писателей. Н. М. Карамзин склонен был идеализировать «величавую республиканку» Марфу и, по выражению А. И. Герцена, «возлагать иммортели на могилу Новгородской республики», последней защитницей которой она являлась. В предисловии к своей исторической повести о Марфе-посаднице Н. М. Карамзин выразил надежду, что имя ее будет вписано в «галерею знаменитых россиянок»¹¹⁸.

«Княжна эта была ума весьма горделивого...»

Длинный ряд выдающихся женщин, проявивших себя в политической жизни и борьбе как в русских княжествах, так и за рубежом в X—XV вв., был бы не полон без социальных портретов великой княгини московской Софьи Фоминичны, ее современницы великой княгини тверской Елены Стефановны и рязанской княгини Анны Васильевны.

Софья Фоминична (Зоя Палеолог) была племянницей последнего византийского императора из династии Палеологов и дочерью «морейского деспота» (властителя Пелопоннеса) Фомы. Она воспитывалась в Риме при дворе папы Сикста IV; папский двор рассчитывал с помощью ее брака с овдовевшим Иваном III втянуть Русь в русло своей политики. Возможно, не без влияния своего высокого покровителя Зоя отказала ранее сватавшимся к ней французскому и миланскому герцогам и благосклонно приняла свата от Ивана III — Ивана Фрязина, посланного специально в Рим, чтобы царскую «невесту видети». Фрязин вернулся в Москву с примерным портретом невесты: была она «на иконе писана»¹¹⁹. В мае 1472 г. Иван III отправил в Рим второе посольство к папе с просьбой отдать Зою «за Ивана князя».

Почти четыре месяца невеста великого князя московского добиралась из Рима в Москву в сопровождении свиты и обоза с приданным и свадебными подарками, отпущенными папской казной за обещание обратить Ивана III в римскую веру. Однако

^{*1} Иезавель — израильская царица, жена царя Ахава, имевшая большое влияние на мужа; Иродиада — внучка Ирода Великого, бросившая первого мужа и вышедшая замуж за его брата, своего дядю Ирода Антипу, Евдоксия (макремболитисса) — жена императора Константина X Дуки, сделавшая вопреки его завещанию соправителем второго мужа — Романа Диогена (XI в), Далида (Далила) — возлюбленная Самсона, выведавшая у него тайны и предавшая его в руки врагов.

посланнице папы римского не помогли в этом деле «ум и хитрость» — черты, которыми наделили ее историки более позднего времени: попытки «святейшего престола» потерпели неудачу. Иван III добивался брака с Софьей для укрепления международного статуса Руси и использовал его для провозглашения Руси преемницей Византийской империи, что позволило ему рассматривать и самого себя как преемника державных прав византийского императора Константина XI. В свою очередь для Зои Палеолог положение при русском дворе, после того как она стала женой Ивана III, открыло свободу действий, так как великий князь дорожил и браком с ней, и ее советами как умной и образованной женщины¹²⁰.

Личность Софьи Палеолог неоднократно привлекала к себе внимание современников — летописцев, путешественников из других стран, а впоследствии и историков. О Софье писали австрийский посол при дворе Ивана IV Сигизмунд Герберштейн, польский историк XVI в. Рейнгольд Гейденштейн, английский поэт Джон Мильтон, автор трактата «Московия» (XVII в.), и др. Одна из основных причин такого внимания, видимо, в том, что Софья Палеолог оказалась в центре политической борьбы в период складывания единого Русского государства.

Патрицианка Клариса Орсини, зная Софью до замужества, находила ее «красивой». По отзыву итальянских хронистов, Софья была невысокого роста, обладала удивительно красивыми глазами и «несравненной» белизны кожей. Строгое воспитание в папском пансионе научило ее рукоделию. Известна пелена 1494 г. Троицко-Сергиевой лавры, вышитая Софьей несомненно по рисунку придворного мастера, может быть и Дионисия. Став великой княгиней, она стремилась привлечь в Московское княжество деятелей культуры, врачей из Италии. Во время ее пребывания на московском престоле русское правительство пять раз отправляло в Италию посланников, с которыми выезжали на Русь лучшие итальянские мастера. При ней началось строительство замечательных памятников архитектуры, до нас дошли изделия художественных ремесел¹²¹.

Участие в государственных делах было смыслом жизни московской княгини. Она давала аудиенции иностранцам, имела свой круг дипломатов, к которым принадлежали, например, приехавшие в ее свите и ставшие известными дипломатами Юрий и Дмитрий Траханиоты. В 1476 г. венецианский посланник Контарини отметил в своих записках, что был представлен московской княгине и она приняла его «весьма величаво и ласково». В 1490 г. Софья Фоминична принимала в своей «повалуше» цесарского посла Делатора¹²². Все более или менее крупные события в Великом княжестве Московском второй половины XV в. так или иначе связаны с ее именем. Приезд Софьи Палеолог совпал с последним периодом борьбы за окончательное свержение ордынского ига на Руси и укреплением власти Ивана III как результата крупных успехов его централизаторской политики. «...В России,— писал Ф. Энгельс,— покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III»¹²³. Софья Фоминична примкнула к сторонникам активной борьбы с Большой Ордой.

Джон Мильтон представляет Софью чуть ли не главой «антитатарского курса». «Княжна эта, будучи ума весьма горделивого, часто жаловалась, что вступила в брак с татарским присяжным», — замечает Мильтон и далее излагает такую легенду. Хан якобы имел в Москве своих прокураторов, которые жили в Кремле и наблюдали за государственными делами княжества. Софья же, родив сына, будто бы пригласила хана на крестины и просила отдать ей дом, где жили его поверенные, так как ей было «небесное знамение» и она должна была построить храм святому Николаю на том же самом месте. Получив дом, Софья срыла его до основания, удалила ханских надзирателей из Кремля и постепенно отняла у них все, чем они владели в княжестве¹²⁴. В этой легенде, вероятно, много выдумки, но она тем не менее передает общий настрой великой княгини в отношении главного вопроса, волновавшего тогда русское общество. Хотя с 1478 г. Русь фактически прекратила выплату дани Большой Орде, формально даннические отношения еще существовали.

Летом 1480 г. хан Ахмат задумал вновь собрать дань и отправился на Русь, но в войну с ним вступил не конгломерат удельных княжеств, а осознавшая свое единство и национальную задачу Русь.

Когда Москва готовилась к обороне, Софья Фоминична решила покинуть столицу и уехала на Белоозеро. Она возвратилась только после того, как военное положение прояснилось и хан Ахмат, встретив упорное «стояние» московских ратников на Угре, обратился в бегство, а Иван III вернулся в Москву. Заслуживает ли этот поступок Софьи Фоминичны осуждения? А. Л. Хорошкевич считает, что ее «бегство из столицы в момент общего подъема» на борьбу с ханом было равносильно предательству. Думается, что речь может идти лишь о проявленном в критической ситуации малодушии: когда Софья покидала Москву, там не было ни мужа, ни войска. Летописцы не скрывают своего неодобрительного отношения к поступку Софьи и противопоставляют ей «мати князя великого» — княгиню Марию Ярославну, которая «не оставила Москвы-града». Софья же, по насмешливым словам летописца, «бегала за Белоозеро», «не гонима никим же»¹²⁵.

Последующее участие Софьи Фоминичны в политической борьбе связано с ее желанием утвердить на русском престоле своего сына Василия Ивановича. К этому она стремилась с завидной настойчивостью: упрочивала свой авторитет в уделах, подчиненных Москве, и обретала там своих сторонников, что не обходилось без конфликтов. Так, в 1483/84 г. Софья подарила своей племяннице — невесте Василия Михайловича, сына верейского князя, на свадьбу «саженье» (ожерелье), принадлежавшее первой жене ее мужа, Марии Борисовне, урожденной княжне тверской, и предназначенное Иваном III жене ее сына Ивана Младого, Елене Стефановне. Требование великого князя вернуть в казну ожерелье не встретило «понимания» у Василия Михайловича, и он бежал в Литву. Вообще Софья Фоминична довольно своевольно обращалась с княжеской казной, что, по словам летописца, нередко шло вразрез с намерениями мужа. Но эти «растраты» она делала отнюдь не по недоразумению, а преднамеренно, создавая себе опору среди князей и бояр¹²⁶.

С начала 80-х годов XV в. не было в Московском княжестве почти ни одного крупного политического события или конфликта, в котором не была бы замешана Софья Фоминична. В 1525 г. опальный думный человек Василия III Берсень-Беклемишев в беседе с Максимом Греком в запальчивости говорил: «Земля наша Русская жила в тиши и в миру. Как пришла сюда мать великая княгиня София с вашими греками, так наша земля и замешалась, и пришли к нам нестроения великия...» «Нестроения» (конфликты) выразились, в частности, в том, что «старые обычаи князь великий переменял», удалился от бояр и «ныне... запершыся сам третей, у постели всякие дела делает...». Осуждал вмешательство в дела престола Софьи Фоминичны и Андрей Курбский, писавший, что «в предобрый русских князей род всеял диавол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародейницами», среди которых «наипервейшей» считал Софью Палеолог — «греческую бабу-чародейницу»¹²⁷.

В 1490 г., после смерти старшего сына Ивана III, Ивана Ивановича Младого, первого претендента на московский престол, Софья Фоминична усилила нажим на Ивана III за передачу престола не царевичу Дмитрию, сыну Ивана Ивановича и внуку Ивана III, а сыну самой Софьи и Ивана III — Василию Ивановичу. В 1497 г. она организовала даже заговор против мужа и оппозицию великому князю, склонявшемуся к передаче престола Дмитрию Ивановичу. Во главе оппозиции встал сын боярский Владимир Елизарович Гусев. По плану Софьи, Василий Иванович должен был решительно порвать с отцом и «отъехать от него»; замышлялось захватить Вологду, Белоозеро и убить Дмитрия. Узнав о заговоре, Иван III казнил В. Е. Гусева и многих заговорщиков, а жену и сына подверг опале. В 1498 г. Дмитрий был коронован в Успенском соборе в качестве князя и соправителя деда. Но вскоре — очевидно, не без влияния Софьи — Иван III круто изменил к ней отношение: опалу ее и сына Василия признал «дьяволим действием» и «наваждением» по «лихих людей совету», противников Софьи и Василия подверг

расправе за «крамолу» и «измену», «а с нею от тех мест начат жити в брежении...». В 1499 г. Иван III назначил Василия великим князем Новгорода и Пскова, а в 1502 г. передал ему титул московско-владимирского князя. После победы Василия над Дмитрием-внуком Софья Фоминична велела вышить пелену и назвать себя на ней «царевна царьгородская великая княгиня московская Софья великого князя московского»¹²⁸. В 1505 г. смерть Ивана III сделала Василия III полновластным «государем всея Руси».

Недоброжелательное отношение к Софье Фоминичне сторонников тверской группировки придворной знати, которая активно поддерживала притязания на престол Дмитрия-внука, понятно: в их глазах она стала символом «самовластья», ограничивавшего их удельные вольности. Свои надежды на возврат «старых обычаев» они связывали с матерью Дмитрия Ивановича, великой княгиней тверской Еленой Стефановной Волошанкой, дочерью молдавского господаря Стефана II. Это ей собирался подарить Иван III знаменитое «саженье» своей первой жены. Елена Стефановна не менее Софьи Фоминичны была осведомлена в делах внешней политики. Она имела личные контакты с польским королем Казимиром; возглавляла борьбу за автокефалию русской церкви и пыталась установить связи с Сербией; в 1488 г. отправила послом в Венгрию своего соотечественника Штибора. В 1495 г. при ее дворе возник летописный свод, отразивший характерные черты политики ее группировки¹²⁹.

Разумеется, решение многих внутривластных вопросов также не обходилось без участия великой княгини тверской. Сложившаяся в 90-е годы XV в. внутривластная ситуация (конфликт между внуком и сыном Ивана III) наводит на мысль, что не случайной была и поездка в Тверь в 1497 г. сестры Ивана III, рязанской княгини Анны Васильевны, возможно пытавшейся о чем-то договориться с ней. Хотя Елену Стефановну поддерживали многие знатные фамилии удельных князей, она оказалась проигравшей стороной. В противоборстве двух властных женщин отразились не только противоречия различных придворных группировок, на которые они опирались, но и борьба воинствующих церковников с вольнодумием. Софья Фоминична покровительствовала близким к иосифлянам церковным ортодоксам, а Елена Стефановна в некоторой степени — вольнодумцам-еретикам, выступавшим против духовной диктатуры церкви. В апреле 1502 г. Иван III не только «положил» на Елену Стефановну и Дмитрия-внука «опалу», но и посадил мать с сыном «за приставы», запретив поминать их на ектениях. Елена Стефановна умерла в заточении в январе 1505 г., вскоре после смерти Софьи Фоминичны¹³⁰.

Анна рязанская

В политических интригах удельных княжеств того времени участвовала и младшая дочь великого князя Василия II Васильевича Темного, рязанская княгиня Анна Васильевна.

В 1456 г. рязанский князь Иван Федорович по завещанию передал московскому князю «на соблюдение» дочь и восьмилетнего сына Василия на время его малолетства. В 1464 г. Иван III Васильевич и «мати его» женили рязанского княжича на 13-летней московской княжне, сестре Ивана III Анне Васильевне. О последующем 20-летии ее жизни, как и о правлении в Рязани ее мужа Василия Ивановича, документов не сохранилось. Известно только, что в 1483 г. князем рязанским был провозглашен после смерти отца его малолетний сын Иван, а регентшей при нем стала Анна Васильевна¹³¹.

Рязанская княгиня была активной поборницей сохранения в своем уделе тенденций к сепаратизму. За время ее фактического правления Рязанское княжество расширило пределы за счет присоединения Пронска, а также «рязанской украины», исстари бывшей поводом для споров между Москвой и Рязанью. Будучи отрезанным от этих земель территорией Рязанского княжества, московский князь пытался договорами обязать Рязань не расширять границы. Имеется документ 1483 г., в котором рязанцам предписывается

«не вступать в Елеч и во вся Елецкая места...». Но земли «украин-ны», в том числе в районе Ельца, Рязань продолжала колонизировать весьма интенсивно. Последнее пожалование Анны рязанской (незадолго до ее смерти в 1501 г.) было сделано на земли значительно южнее Ельца, по левому берегу Дона, а многочисленные дарения боярам — в устье Воронежа, в районе Задонска¹³².

Все это не могло не беспокоить стремившегося к «самовластью» Ивана III. В 1496 г. он заключил договор с Рязанью. В его тексте встречается формула «яз... и мати наша», поэтому можно предположить, что он составлялся с согласия и, возможно, при участии Анны Васильевны; непосредственно с оформлением договора связан и визит Анны к брату в Москву. На этот договор, регулировавший взаимоотношения Москвы и удельных рязанских земель, ссылалась невестка Анны Васильевны — Агрофена Васильевна, ставшая регентшей и правительницей Рязани после смерти свекрови и мужа («и тоя грамоты свекрови своей Анны княгини Огрофе-на рушить не велела»)¹³³.

Но со смертью Анны Васильевны «партия рязанской самостоятельности» ослабела. «Наказ» 1502 г. Ивана III новой рязанской княгине — Агриппине означал ее фактическое подчинение московскому князю, а спустя 10 лет Рязанское княжество было присоединено к Москве. Память о полновластной и независимой рязанской правительнице Анне сохраняли лишь подписанные ею документы да заложенные при ее правлении церкви: Иоанна Златоуста в Переяславле Рязанском и небольшой храм в Солотчинском монастыре¹³⁴.

«Служебница» Ивана III

Окончательное освобождение русских земель от власти ордынских ханов, образование единого Русского государства незамедлительно сказались на восстановлении его международного престижа. С конца XV в. начало расти и число династических брачных союзов. Один из примеров тому — брак дочери Ивана III Елены с Александром Ягеллончиком, великим князем литовским.

Княгиня Елена родилась весной 1476 г. и была третьей дочерью Ивана III и Софьи Фоминичны. Выйдя замуж в 1496 г. за литовского князя, она навсегда покинула родную Москву, но осталась в «греческом законе», т. е. православной. «И хотя будет тебе, дочка, про то и до крови пострадати, и ты бы пострадала, а того бы еси (измены православию.— *Н. П.*) не учинила», — наказывал Иван III Елене перед ее отъездом в Литву, Обращение Елены Ивановны в католическую веру привело бы к ослаблению ее связей с Москвой, что не входило в планы Ивана III. По договору, заключенному одновременно с бракосочетанием, в Литву вместе с княгиней Еленой прибыли некоторые знатные бояре и боярыни, но они вскоре были высланы в Вильно. Русская княгиня оказалась в Литве почти в полном одиночестве. Сближению с литовской аристократией мешало различие в вероисповедании, поменять которое Елена не хотела, помня о наказе отца. «Нолны меня в животе не будет, то и отца своего наказ забуду», — писала она отцу в одном из писем¹³⁵. Елена Ивановна сумела поставить себя в новой среде с тактом, присущим истинному политику, и с достоинством, соответствующим ее высокому рангу.

Для того чтобы не отдалиться от московского двора, Елена Ивановна установила регулярную личную переписку и посылку «посольств» на родину, а «великий князь всея Руси» Иван III сообщал дочери о своих планах («тобе то да ведомо было»). Осенью 1497 г. Елена пожаловалась отцу, что муж не наделил ее желаемыми волостями и ей пришлось на собственные, полученные в приданое деньги покупать имение Жагоры. Иван III рекомендовал дочери быть настойчивее в своих просьбах к мужу, касающихся земельного имущества («и ты говорила бы с ним от себя, а не моею речью»), и требовал от нее точной информации о результатах этого дела («мне бы еси во всем отказывала»)¹³⁶.

«Служебница и девка» Ивана III, как Елена Ивановна сама себя первоначально называла в письмах и посольских речах, оставила о себе память как об умном политике и

в русских актах, и в литовских метриках. Переписка литовского и московского дворов 90-х годов XV в. позволяет говорить о влиянии Елены Ивановны на решение важных для России внешнеполитических вопросов в нужном для Ивана III направлении. Она стала как бы центром притяжения православного населения Литовского княжества, выступала в роли дипломатического посредника между группировками русской (православной) и литовской (католической) знати, оказывала покровительство первой и умело сопротивлялась обращению в католичество, хотя литовский двор и сам муж настойчиво добивались этого. По требованию родственников мужа Елена Ивановна отправила в Москву письмо о том, что ее «не нудят» в «римский закон», что живет она «в чести, жаловании и в любви», но на словах просила сообщить, что нуждается в специальной заверительной грамоте о «нерушимости вероисповедания», поскольку терпит несомненное принуждение перейти в «римский закон». Иван Васильевич потребовал новых письменных подтверждений (отослал особые «речи») от Александра Ягеллончика в том, что это не повторится. Попытка обращения Елены Ивановны в католичество таким образом не удалась¹³⁷.

В условиях военного конфликта Москвы с Литвой и разрыва отношений между ними (1498—1503 гг.) Елену Ивановну попытался обратить в «римский закон» сам папа римский, о чем свидетельствует распорядительная грамота от 26 октября 1501 г. польскому кардиналу Фридриху. В ней папа угрожал Елене Ивановне крайними мерами вплоть до развода, но она с честью вынесла и этот «психологический прессинг», оставшись по-прежнему православной¹³⁸. Стремясь ускорить восстановление дружеских отношений между Москвой и Литвой, Елена Ивановна попыталась склонить отца первым пойти на заключение мира и «остановить кро-вонролитье». Она писала в одном из писем: «Король его милость и matka его, вси надеялися, что со мною з Москвы в Литву пришло все доброе, вечный мир, любовь кровнаа, дружба, помочь на поганство; ино нынечи, государю отче, видят вси, что со мною все лихо им вышло»¹³⁹.

Мир, за который ратовала Елена Ивановна, был восстановлен в 1503 г. Переписка Ивана III с дочерью стала интенсивнее, но в эпистолярных обращениях Елены к отцу произошла разительная перемена: «служебни-ца и девка», не смевшая ранее шару ступить самостоятельно, не спросив совета отца, боявшаяся без его благословения даже «переменить одежду», постепенно превратилась в уверенную в себе королеву. Искусство ее обхождения с кардиналами и прелатами во время посещения ею Европы отмечено в документах. Иван III признал и оценил становление Елены как политика. Его послы все чаще стали обращаться к ней свои особые «тайные речи» о «делах политических», прислушиваться к ее мнению о состоянии внешнеполитической конъюнктуры. Так, Иван III спрашивал у Елены совета, «где бы пригоже женити» ее брата, будущего царя Василия Ивановича. Елена Ивановна советовалась с отцом по поводу приобретения новых земельных владений, своих прав на наследование по линии свекрови и ряда других дел¹⁴⁰.

Однако со смертью мужа и приходом к власти Сигизмунда I («Жыдимонта») права королевы Литвы Елены были урезаны. Вдова передавала с посланным ею на родину Микулой Ангеловым, которого она называла «человек мой добрый», что «Жыдимонт» ее «не в чти... держит», «да сила от короля и панов рады ей, королеве, чинится великая, города и волости выпустошили, а воевода виленский Радивил земли отьимает...». Елена Ивановна начала было переговоры с родственниками о возвращении в Москву, но была отравлена на пиру¹⁴¹.

Портрет Елены Ивановны завершает нашу «галерею» русских женщин, прославившихся самостоятельной политической деятельностью в X—XV вв. как у себя на родине, так и в государствах Западной и Восточной Европы,— «галерею», в которой стоят более 50 достойных, на наш взгляд, внимания имен княгинь, княжон, боярынь, цариц и королев. Сведения о них дают возможность представить отдаленные исторические эпохи, в которые они проявляли себя на политическом, дипломатическом и культурном поприщах. Эти женщины жили в разных княжествах Русской земли.

Некоторые из них, по происхождению иноземки, выйдя замуж за русских князей, обрели на Руси вторую родину. Другие были выданы замуж за рубеж, но не порвали связей со своей Родиной. Все они принадлежали к привилегированному сословию. Иначе и быть не могло: авторы древнерусских исторических памятников выполняли своеобразный социальный заказ имущих классов. И более или менее законченные, и только намеченные портреты нашей «галереи» объединяет одно: в нее входят социально активные личности. Среди них — полноправные правительницы в своем княжестве или вотчине" обладательницы личных печатей, символизировавших их власть в княжествах и королевствах, регентши и опекунши.

В раннефеодальной русской истории имеется немало примеров, когда находившиеся у власти женщины становились зачинателями крупных реформ. В их числе прежде всего великая княгиня Ольга, решившая приобщить Древнюю Русь к христианской вере и тем самым уравнивать ее с другими крупнейшими государствами Европы. Она же провела и первую из известных в отечественной истории финансовую реформу. Великая княгиня Ольга в Киевской Руси, Гремислава Ингваровна и Агафья Святославна в Польше выделяются своей энергичной административной деятельностью. На всем протяжении рассматриваемого периода в летописи в связи с составлением сводов законов встречаются женские имена: Анна Романова, жена Владимира Святославича, в X в.; Всеволожая в Новгороде в XIII—XIV вв.; Софья Витовтовна, жена Василия II, в XV в. На равных стоят подписи рязанской княгини Анны и Ивана III под договором Москвы с Рязанью 1496 г.

Масштабы государственной деятельности, социальной активности древнерусских женщин простирались значительно дальше границ их собственных отчин. Русские княжны, выданные замуж за иностранных принцев и королей, сыграли свою роль в государственной и культурной жизни Франции, Германии, Византии, Швеции, Норвегии, Дании, Польши, Венгрии. Будучи высокообразованными по тому времени людьми, они свободно чувствовали себя на политической арене, а в случае возникновения конфликтных ситуаций могли обратиться за поддержкой к самому папе римскому, выступить на церковном соборе в Ватикане.

Русские княгини и боярыни направляли собственных посланников в иностранные государства, а в начальный период Киевской Руси сами «правили посольства». Обычным делом для русских княгинь было вести переговоры с иностранными послами, которые им «били челом» не менее усердно, чем самим князьям. Огромный материал свидетельствует об участии древнерусских женщин в различных группировках и заговорах на арене внутривосточной борьбы с целью возвести на престол своих родственников, добиться единовластного правления или предоставления епископских кафедр своим ставленникам. Имена древнерусских женщин встречаются в источниках и в связи с борьбой за укрепление и единство их собственных земель как на Руси, так и за рубежом.

Особенно решительно выступали княгини за выдвижение на престол своих сыновей. Теми же мотивами руководствовались многие опекунши и регентши, не менее рьяно отстаивавшие позиции своих детей в сложных политических ситуациях.

Многие стороны жизни древнерусских женщин остались по тем или иным причинам за пределами настоящей главы. Далеко не всегда удавалось восстановить полностью картину удивительно многоплановой социальной их деятельности, определить истинную долю участия в политических событиях того или иного княжества, государства или королевства. Но собранные воедино отдельные детали биографий древнерусских женщин на протяжении длинного — в шесть веков — периода позволяют увидеть, что большинству из них были свойственны миротворческие миссии, причем в то время, когда история нашей страны была полна войн и других кровопролитий. С миссией «дружбы и сотрудничества» правила свои посольства в Византию и немецкие земли великая княгиня Ольга. За прекращение междоусобных кровопролитных конфликтов выступали княгиня

Анна Всеволожая, тверская княгиня Ксения и ее невестка ростовская княгиня Анна Дмитриевна, дочь Ивана III Елена Ивановна и многие другие.

Сообщая факты, свидетельствующие о преданности русских людей своему Отечеству, летописные своды нередко отмечают и патриотизм древнерусских женщин. У многих княжон, выданных замуж в другие государства, он проявлялся на чужбине в стремлении сохранить и упрочить связи с Родиной. Но особенно ярко преданность Отечеству высветили годы лихих испытаний, борьба с ордынским нашествием. Испокон веков борьба с врагами была делом мужской части населения, но источники тем не менее содержат отрывочные сведения о непосредственном участии русских женщин даже в военных походах, в обороне городов от набегов ханских полчищ.

В нашей «галерее» представлены женщины умные, энергичные, смелые, мужественные, решительные, непреклонные, сильные — одним словом, незаурядные личности. Водоворот политических событий феодальной эпохи, полных коварства и жестокости, не мог их не коснуться. Судьбы многих женщин зависели от различных перипетий политической борьбы и вражеских нашествий на Русскую землю. Так, печальная судьба постигла Предславу Владимировну. Воины Батыя «посекли мечами» княгиню Агриппину, мать рязанского князя Федора Юрьевича, а жена его Евпраксия, чтобы не попасть в руки к врагам, бросилась вместе с малолетним сыном с высокой башни. На полях брани в борьбе с врагами Русской земли, в междоусобных войнах и столкновениях удельных князей складывали свои головы отцы, мужья и сыновья древнерусских женщин. Ростовская княгиня Марья, пережив смерть отца и мужа, поведала о зверствах татар всей Руси. Княгиня Софья Витовтовна перенесла и ссылку, и ослепление сына.

Суровая эпоха требовала таких же ответных действий и от находившихся у власти женщин; порой они сами применяли жестокие средства отмщения — вспомним великую княгиню Ольгу или Марфу Борецкую. Но не эти черты характеризовали в конечном счете древнерусских женщин. Не случайно источники содержат много добрых слов любви и уважения, обращенных к матерям, женам и дочерям, которым многие князья и бояре предоставляли в своих уделах равные права, позволяли поступать «како им любо», как «восхощет» мать или жена, уповая на их «мудрость». Ум, образованность русских княжон и княгинь восхваляют и зарубежные источники, написанные иностранцами, — «История датских королей», «Хроника Гельмольда», «Записки о московских делах» С. Герберштейна и др. Европейские принцы и короли признавали обаяние русских женщин, посвящали им поэтические произведения.

Женщин привилегированного сословия на Руси отличала высокая для того времени степень культуры, что и делало возможным их участие в государственных делах, в управлении своими землями. По мере развития раннефеодального государства вместе с общим прогрессом общества росла образованность русских женщин привилегированного сословия. Многие из них знали не только родной язык, но и греческий, а также другие иностранные языки, математику, средневековую философию, астрономию, обучались риторике и «врачебным хитростям». Русские по происхождению королевы по грамотности и образованности могли соперничать со своими мужьями в других государствах. Известно, что отдельные княгини, боярыни, монахини занимались не только рукоделием, но и переписыванием книг, а некоторые княгини имели и собственные библиотеки, как Анна Ярославна. Конечно, такие факты, как написание собственного медицинского трактата, литературного произведения или «Поучения» своим детям, — случаи исключительные, но круг приобщенных к литературе женщин знатного происхождения был на Руси достаточно широк. Участвуя в государственных делах, выдающиеся русские женщины становились носителями широких культурных традиций. Многие из них, видимо, были связаны и с архитектурой, особенно когда дело касалось строительства церквей и монастырей.

Разумеется, далеко не все женщины даже высокого социального статуса принимали наравне с мужчинами участие в политической, административной, дипломатической и культурной деятельности. На них в обществе лежали главным образом традиционно женские функции и обязанности: церковная идеология в целом неодобительно относилась к женской активности, само же общество отнюдь не ограничивало их деятельность. Показательно, что оказавшиеся на Руси в результате брачных союзов иностранные принцессы, став русскими княгинями, причастными к управлению государством, включались в политическую и культурную жизнь страны.

Социальная деятельность древнерусских женщин, вошедших в нашу «галерею», вполне соответствовала их семейному и имущественному положению, подкреплялась политическими правами, зафиксированными в законодательстве. Именно могущественное древнерусское государство и породило в конечном счете знаменитых своих дочерей, прославивших русский народ и оставивших светлую память по себе в веках.

Глава II

«Пойди за мене...»

(Женщина в древнерусской семье X—XV вв.)

Заключение и расторжение брака

Чтобы представить себе облик человека русского средневековья, мало знать историю политических бурь, дипломатических конфликтов и военных столкновений, поскольку жизнь общества не исчерпывалась ими. Большую часть жизни женщина X—XV вв. проводила в семье. Между тем о многих сторонах семейной жизни, привычных нуждах и заботах, представлениях руссов мы знаем пока недостаточно. Как, например, понимал человек раннего средневековья нравственные нормы? Каков был брачный ритуал, семейный быт? Как складывались отношения между супругами, родителями и детьми?

Летописный рассказ о древлянах, радимичах и вятичах в «Повести временных лет» позволяет предположить, что архаичные формы брака («умыкание у воды»), хотя и преобладали до принятия христианства у большинства племен, в X в. стали пережитком. Описание умыкания в древнейших летописных сводах отражает проявление согласования интересов сторон в матримониальных делах и, следовательно, свободной воли женщины в этом вопросе («и ту умыкашу жены собе, съ нею же кто съвещашеся»¹). Обряд похищения невесты «у воды» совершался на праздниках в честь богини «женитвы» Лады, которые начинались ранней весной, «на Красную горку», и продолжались до середины лета — дня Ивана Купалы. У зависимого населения («на простых людех») этот обряд сохранялся долго: следы его прослеживаются в былинах, песнях и даже в церковных документах XIII—XV вв.²

Другая древняя форма закрепления брачных уз, сосуществовавшая в раннефеодальной Руси с умыканием, — «брак-приведение» с договорными элементами («поляне... брачные обычаи имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что владуче»³) — свидетельствует уже о частичной утрате женщинами права на проявление свободной воли при выборе супруга и преимущественной роли в этом деле родственников или родителей невесты.

Слова «приводить», «вести» за кого-то неоднократно употребляются летописцем при описании брачных союзов князей («Игореви взрастьшу, и хожаше по Олзе и слушаше его; и приведоша ему жену от Плескова, именем Ольгу»; «у Ярополка же жена Грекия бе, и бяше черницею, бе бо привел отец его Святослав»), а также в тех случаях, когда подчеркивалась несамостоятельность женщины как субъекта в матримониальных делах, выражаемая в безличной

форме «ведена бысть» («ведена бысть дщи Святополча Сбыслава въ Ляхы за Болеслава»; «ведена дщи Володарева за царевичь Олексиничь, Царю-городу») ⁴.

Спорным по сей день является вопрос, существовала ли в древнейшей Руси «купля жен», известная как брачный обряд многим славянским народам и описанная арабскими авторами ⁵. Но и сам термин «вено» понимается двояко. Традиционным для русской историко-юридической литературы является толкование его как платы, суммы выкупа за невесту ⁶. В то же время ряд свидетельств позволяет рассматривать термин «вено» как синоним «приданого» в древнерусском юридическом быте, что исключает существование «купли» в истории русского права («...убо муж да възратит жене и вено, аще възят что от нея ино»; «и дасть Корсунь царема за вено» ⁷).

С 988 г., с крещения Руси и присвоения церковью монопольного права утверждения брака ⁸, начали складываться нормы брачного права, включавшего в себя и определенные свадебные ритуалы. Процесс этот шел двумя путями: через трансформацию древних семейно-брачных обрядов в правовой обычай и через узаконение решений органов церковной власти, опиравшейся в своих действиях на византийское брачное право ⁹. О влиянии давних брачных традиций на нормы семейного права свидетельствуют русские памятники X—XI вв., упоминающие предварительный брачный сговор, которому предшествовала своеобразная *помолвка*. Однако она не была заимствованием элемента византийского обряда: известно, что в X в. сватов к великой княгине Ольге слал древлянский князь Мал. По русскому обычаю, помолвке сопутствовала трапеза у родителей невесты. Ели пирог-каравай, кашу и сыр. Разрезание сыра закрепляло помолвку, а отказ жениха от невесты после этой процедуры как оскорбление чести женщины карался штрафом: «...за сыр гривну, а сором ей три гривны, и а что потеряно, за то ей заплатити...» ¹⁰

Брачный сговор (ряд) был следующим элементом установления супружеского союза на Руси. Родители договаривались о размерах приданого и предполагаемом дне свадьбы, если, конечно, устанавливалось согласие самих молодоженов, в том числе невесты. В русских Кормчих получение согласия вступающих в семейный союз определяется как важнейший элемент брачного процесса ¹¹.

Отсутствие права свободного выбора женщиной жениха рассматривается как серьезный аргумент в пользу тезиса о приниженном социально-правовом положении русских женщин в X — XV вв. ¹² Поскольку брачный сговор имел прежде всего характер имущественной сделки, заключительное решение действительно принималось родителями или родственниками невесты. Однако это не являлось ограничением прав именно женщин: брачные дела сыновей, как правило, тоже вершили родители: «Всеволод [Ольгович] ожени сына своего Святослава Василковною...»; в 1115 г. «повеле Дюрги [Владимирович] Мьстиславу, сынови своему, Новегоро-де женитися...». В источниках есть свидетельства того, что на Руси — в отличие, например, от Чехии и Литвы — интересы вступающей в брак женщины все же учитывались ее родственниками. Летописный рассказ о полоцкой княжне Рогнеде, не пожелавшей выйти замуж за князя Владимира, несмотря на свой легендарный характер, тем не менее факт ¹³. О юридическом закреплении прав женщин на изъявление собственной воли в делах о замужестве свидетельствуют статьи Устава князя Ярослава Владимировича о денежных пенях, налагавшихся на родителей не только в экстремальных ситуациях (самоубийство из-за брака поневоле), но и в тех случаях, «аще девка восхощет замуж, а отец и мати не дадять». В чешском и литовском праве наказывались не родители, а девушка за самовольный выход замуж (она лишалась своей доли имущества, приданого и пр.) ¹⁴.

Надо полагать, что в среде зависимого населения на ранних этапах развития древнерусского государства брачные отношения тем более складывались под влиянием личной склонности. На это указывает статья Русской Правды (РП) о трех источниках обельного холопства, среди которых назван и брак свободного с рабой, не оговоренный

условиями. Примечательно, что не только в РП, но и в поздних актовых и законодательных памятниках нет указаний на то, что свободная женщина, выйдя замуж за холопа, теряла свой более высокий социальный статус. До нас дошла, например, грамота конца XIV в. — духовная Остафия Ананьевича, в которой большинство жен холопов и их дочери названы свободными, хотя сыновья от этих браков остались рабами, поступив в собственность холоповладельца. Заметим, что западноевропейское средневековье знало лишь обратную ситуацию: например, женщина во франкской деревне, выйдя замуж за человека более низкого социального статуса, оказывалась «запятнанной» браком с ним¹⁵.

Изменения в положении жен древнерусских холопов произошли, по-видимому, лишь в конце XIV — XV в. и были связаны с общим усилением крепостничества. Судебник 1497 г., называя в ст. 66 те же три источника обельного холопства, что и РП, дает кардинально другую трактовку похолопления через брак: «по рабе холоп, по холопе раба»¹⁶. Напрашивается предположение, что ст. 66 Судебника лишь закрепила установившееся в то время положение вещей, когда жены холопов считались свободными только юридически, а фактически находились в полной зависимости от холоповладельца. После издания Судебника 1497 г. появились грамоты, отражающие претворение его норм в жизнь: в докладной записи Ивана Федоровича Новокщенова (1497 — 1505 гг.) сообщается, что «Авдотья Иванова дочь Костыгина», «девка вольная», пошла «за холопа Захарцу, а по его холопи далась ему в рабы...». Но в записи «О разлучении» (конец XV в.), мало привлекавшей внимание историков, жене предоставляется право расторжения брака, если муж скрыл свое холопство, а мужу аналогичное право не дается: не потому ли, что формула «по холопе раба» в XV в. не сразу стала привычной, входила в практику с трудом и «вольные» женщины стремились по-прежнему оставаться свободными при мужьях-холопах? О существовавшем противодействии формуле «по холопе раба» говорят и соответствующие грамоты XVI в. Так или иначе Судебник 1589 г. вернулся к нормам РП: «А по государеву указу по рабе холоп, а по холопе рабы нет»¹⁷.

Заключение «вольными» женщинами в XV в. браков с представителями непривилегированных сословий является неоспоримым свидетельством самостоятельного решения ими этих вопросов. При заключении таких браков ограничения исходили со стороны не родственников, а феодала-холоповладельца. Так, в берестяной грамоте № 402 свободный торг зависимыми людьми проступает довольно отчетливо: «Поклон о г[оспоже]. Жонку ту дала за своего пароб[ка]». Для актов XV в. эта ситуация достаточно обычна. Например, в 1459 г. Есип Дмитриев Окинфов получил «в приданые» «паропка да девочку», которых и женил по своему усмотрению. Более того, церковные поучения XV в. требуют даже наказания для господина, «аще рабы не дасть замуж». В среде свободного населения дееспособными лицами, заключавшими брачную сделку, были сами будущие супруги¹⁸.

К концу XIII в. согласие сторон на брак стало фиксироваться в *брачном договоре*, или ряде, составлением которого после сговора занимались сваты или родственники. Элементы этой традиции встречаются в Уставе Ярослава Владимировича в статьях о «свадебном» и «сгородном», но сам институт брачного договора получил развитие позже; рядная грамота Те-шаты и Якима — одна из первых по давности — датируется концом XIII в. К этому времени относится и грамота на бересте (№ 377): «...от Микиты ко Ульянице. Пойди за мене. Яз тебе хоцю, а ты мене. А на то послухо Игнато...»¹⁹

Заключительной частью брачного сговора в XIV — XV вв. являлось церковное *обручение*, ставшее закрепленным общественной моралью обязательством жениться на девушке: «...аще кто девицу обручену нужою поиметь, не леть же ему иное пояти, но ту имети жену». Даже в случае, если обрученную «инь некто прельстит и осквернит», жениться на ней закон повелевал обрученному жениху²⁰.

Члены литовского посольства 1492 г., прибывшие для переговоров о сватовстве Александра Казимировича к дочери Ивана III Елене Ивановне, «ели у великого князя», «говорили о любви и о докончании». Через два года при повторной попытке сватовства была представлена

«грамота верующая» князю Ивану III, «абы дал за нас дочь свою». От названия деталей обряда произошли и синонимы слова «невеста» — «суженая» (о ней судили сваты) и «обрученная» (в результате сговора били рука об руку). В. И. Даль допускал возможность толкования обручения от слова «обруч» (браслет). При обручении могли присутствовать, по-видимому, лишь те, кто не был дважды женат (замужем). Так, при обручении Александра и Елены Ивановны был отстранен от участия в обряде один из послов по причине вторичной женитьбы. Обручение подтверждалось грамотой. Как обряд оно получило распространение не сразу и поначалу лишь в среде свободного населения, господствующего класса. «Чин, обрученье девице и мужю, царем и прочим» (XIII в.), опубликованный М. Горчаковым в XIX в., предписывает следующие обрядовые действия: «...предстанет же хотящая обручиться перед святыми дверми олтаря и положить на десней стране трапезы перьстня два, злот и железен. Железный убо надесно, златый же налево близь себе и перекрестить трижды...»²¹

Представителям клира было необходимо заставить своих «сынов» и «дщерей» смотреть на заключение брачных уз как на акт религиозный, но церемония заключения брака, бытовавшая в рассматриваемое время, свидетельствует о тщетности этих стремлений. Брак оставался гражданским актом, лишь освящаемым благословением церкви. Детали предсвадебной церемонии свидетельствуют, что брак по способу заключения (брачный сговор, ряд) сразу стал неким особым видом гражданского договора. Живучесть свадебного пиршества как традиции выражает тот факт, что на Руси придавалось большое значение общественному признанию брака.

Для вступления в сам венчальный брак от женщин на Руси требовалось выполнение многих условий. Одним из них был брачный возраст: 13—14 лет, в XIV—XV вв. — от 12 до 18—20 лет. Правда, зачастую условие это не соблюдалось, особенно когда вплетались политические мотивы: княжна Верхуслава Всеволодовна, когда ее «выдавали замуж», была «млада суще осьми лет»; Иван III был обручен, точнее, «опутан красною девицею» пяти лет от роду стараниями тверского князя Бориса Александровича. Однако такие браки совершались лишь в среде господствующего класса. В дальнейшем ранние браки были ограничены запретом митрополита Фотия венчать «девочок меньше двенадцати лет»²².

Русская церковь препятствовала заключению браков с иноверцами: «Иже дщерь благоверного князя даяти замужь в ину страну, иде же служат опреснок и съкверноедению не отметаються, недостойно зело и неподобно правоверным сотворити своим детем сочетание: божественный устав и мирский закон тоя же веры благоверство повелевает поимати»²³. За преступную связь с иноверцем «русска» (так называет женщину Устав князя Ярослава) наказывалась насильным пострижением в монашество; позже в ряде земель наказание ограничивалось штрафом²⁴. Этот запрет не распространялся на великих княжон, многие из которых были выданы замуж за иностранных королей.

Представители клира старались не допускать в браке смешения социальных и классовых различий: крестьянка и холопка в лучшем случае считались «меньшица-ми», т. е. вторыми женами; в худшем — свободный должен был или отказаться от притязаний на законное закрепление подобных отношений, или согласиться во имя брака стать холопом. Не случайны и в поучениях «Пчелы» (XIV—XV вв.) слова «от раб ведома есть жена зла и неистова»; они свидетельствуют о стремлении церковников устроить посягнувшего на заключение брака с женщиной более низкого социального статуса²⁵.

Ограничивалось и число замужеств: нормы христианской морали позволяли не более двух, ибо «бог совокупи — человек не разлучает». В феодальных республиках был разрешен и третий брак по смерти второго супруга и в случае, «аще кто будет млад, а детей не будет у него от перваго брака ни от втораго». Если брак заключался в четвертый раз, четвероженца немедленно «разлоучали» и лишали причастия, «донельже разрешится беззаконного брака», ибо «первый брак — закон, второй — прощение, третий — законопреступление, четвертый — нечестие: понеже свиньское есть житие»²⁶.

Древнерусской женщине любого сословия запрещалось вступление в брак с лицами, близкими ей не только по крови, но и по свойству, а также по родству возможно-

му или будущему. В «Уставе о брацех» говорится о запретах близкородственных брачных отношений до шестого «колена» (степени родства). За нарушение этого предписания по византийскому закону наказывали плетьюми, на Руси карали денежными штрафами²⁷.

Сохранение невинности до брака закон не рассматривал как условие для его заключения. Девственности церковный закон требовал лишь от будущих жен представителей клира, а с людей мирских предписывал лишь взимать штраф в том случае, если «замуж пошла нечиста». Ведь главной целью церковников было венчать и венчать, утверждая церковную форму брака вместо умыканий на игрищах: «Понужайте, убо да венчаются и живут законно»²⁸.

Древнерусская церковь опиралась еще на дохристианские представления и традиции ответственности родителей за устройство семейной жизни детей (греческий закон подобных мер не предусматривал). Пять гривен золота штрафу должны были выплачивать «великие бояре» (гривна бралась с «меньших») лишь за то, что они не выдали вовремя дочерей замуж. В поучениях духовенству есть соответствующее указание: «...а которые девицы поспели, и вы их давайте замуж, а так бы лихих дел не делали. А которые вдовицы живут незаконно, а замуж не идут, и вы их замуж давайте...» В этом вопросе церковный закон не делал исключения для холопов: «Господин, аще не оженить раба своего или рабы не дать замуж, ведый, яко блуд творит...» Ведь цель была одна — венчальный брак, ибо «без венчания женитва незаконна есть и неблагословенна и нечиста...»²⁹.

Древнерусские источники X—XV вв. почти не содержат полного описания элементов церковного венчания.

Краткое описание молитв и церковных обрядовых действий есть лишь в соответствующих «уставах» и «чинах» требников XV в.

Венчание происходило обычно «межи Рожеством и крещением», венчали после обедни либо вечером. Венчать мог любой священнослужитель — не монах. В ходе венчания жених становился по правую руку священника, невеста — по левую, оба получали «по единой свещи горячей». После надевания «перстней» (золотого — мужчиной, железного — женщиной) новобрачные «сплетали десныя руки», священник же кадил на них «фимиам» и молился «велми гласно»; обратившись па восток, благословлял брак, «жизнь мирну и долголетну», желал «имети чада и внучата, наполнения дому благодатью и красотою»³⁰.

Большинство описаний свадебного ритуала было составлено также не ранее XVI в. Но ряд обрядов оставался почти без изменений на протяжении столетий; не случайно автор свадебной записи о бракосочетании Василия Ивановича с Еленой Глинской (1526 г.) подчеркнул, что все свершалось «как велось исстари, при князе великом Симеоне Ивановиче», т. е. в XIV в. В день свадьбы невеста находилась вначале в «хоромех» отдельно от жениха, что символизировало ее неизвестность будущему супругу (отсюда и само название «невеста», т. е. «неизвестная»). «Афоризмы» древнерусской «Пчелы» тоже косвенно свидетельствуют о бытовании традиции неизвестности невесты жениху до свадьбы: «В мутне воде не видети дна, а в невесте не разумети истины». Впрочем, принцип неизвестности существовал, по-видимому, не везде, что дало основание Н. И. Костомарову упомянуть об одной новгородской свадьбе XV в., когда перед поездкой к венцу дружка кричал: «Мы не фату приехали смотреть, а невесту!.. И жених видел свою суженую»³¹.

В день свадьбы в «среднюю» палату первой входила невеста. Перед ней несли каравай с деньгами — к сытой и богатой жизни будущей семьи. Примечательно, что такое пожелание относилось именно к ней: в невесте видели, возможно, будущую распорядительницу домашним бюджетом. Перед венчанием жениху и невесте «голову чесали»; обычай этот сохранился в обряде с дохристианских времен, но дошел до нас лишь в описании рукописи XVII в.: «Да у жениха и невесты... гребнем голову чешут; да иные вражьи есть затеи...» Как видим, обряд «чесания» к XVII в. превратился уже во

«вражью затею» и даже «бесовское действо», однако в рассматриваемое нами время он был широко распространен, ибо предшествовал надеванию кики и повойника с фатой — отличительных головных уборов замужних женщин на Руси³².

Перед поездкой к венцу невесту осыпали хмелем — «к веселью»³³, вносили ритуальные предметы: шубы (к богатству), незащитые соломенные тюфяки и даже просто снопы (к легким родам) и т. п. Желанием сохранить любовь мужа объясняется существование обычая «баенной воды». Еще в XII в. черноризец Кирик спрашивал у новгородского епископа Нифонта разрешения налагать недельную епитимью на тех невест, которые устраивали перед венцом ритуальную баню, «мыльню», а воду после нее давали пить будущим мужьям, чтобы те их любили. Обрядовые действия, связанные с «мыльней», упоминаются и в свадебных записях XV в.³⁴

Среди свадебных и венчальных ритуалов XIV — XV вв. существовал обычай «вскрывания» невесты, определения ее «почестности» — едва ли не единственный, унижающий женщину, в системе свадебных обрядов, бытовавших в то время^{*2}. «Действо» это не было частью народного обычая, являясь следствием распространения церковного венчального брака и связанного с ним требования сохранения невестой целомудренности до него: «...не причащайте, женивши, а девицам потому же, которая замужь пошла нечиста ..»³⁵

Что касается других обрядовых действий, отразивших социальный статус и права древнерусских женщин, то их толкование может быть различным. Например, широко известен в этнографической науке обрядовый эпизод разувания женой мужа, упомянутый еще Нестором (полоцкая княжна Рогнеда отказывается «розути робичича»). В летописях более позднего времени и в актовом материале других свидетельств бытования этой обряда нет, что позволило некоторым исследователям увидеть его отмирание³⁶. Между тем в сказаниях иностранцев, посетивших Россию в XVI—XVII вв., есть эпизод разувания, правда в форме обрядовой игры за будущее место жены в семье и за ее права: «Молодой кладет в один из своих сапог деньги, золотые и серебряные... Молодая должна снять один сапог по своему усмотрению. Если ей удастся снять тот сапог, в котором деньги, она не только получает их, но и впредь с того дня не обязана снимать с мужа сапоги...» Аналогичный смысл имело и обрядовое разбивание кубка, упомянутое в свадебной записи XV в. Если прежде велось «бить скляницы» только на счастье, то в середине XV в. тот же эпизод обряда, выраженный в игровой форме, имел уже иной смысл — борьбы за приоритет в семье: «кто из них (жених или невеста, — *Н. П.*) первый наступит, того и победа, и тот всегда будет господином»³⁷. Даже такие подарки жениха невесте, как иголки (казалось бы, символ домашней работы) или плетень, могли выражать в X—XV вв. прежнее обрядовое значение, а не только патриархальную власть мужчины в доме, которая к XVI в. была действительно законодательно закреплена и освящена церковью. В условиях долгого бытования дохристианских ритуалов, борьба с которыми отнюдь не завершается и в XVI в., указанным предметам в XV в. мог придаваться старый, магический смысл, не сводимый к унижению и подчиненности женщины³⁸. С распространением и утверждением в XVI—XVII вв. церковного учения о патриархальном владычестве в семье, зафиксированном «Домостроем», происходило своеобразное слияние традиционной предметной символики в старых обрядах с новыми и возникающими обрядами. Взятые в целом, они отражали противоречивые изменения в социальном и семейном положении древнерусских женщин.

Древнерусское бракоразводное право также возникло вместе с принятием христианства и распространением венчального брака, и, хотя светские власти

^{*2} По предположению В. Н. Татищева, на Руси X — XV вв. отсутствовало *jus primae noctis*, этот пережиток группового брака был, по его мнению, заменен денежной компенсацией еще княгиней Ольгой, которая ввела куничный сбор в пользу князя («а уложила брать с жениха по черне куне»), освобождавший жениха от обязанности отдавать невесту князю (см. *Татищев В. Н. История Российская*, Т. II, М., Л., 1963, С. 48-49).

неоднократно вмешивались в эту сферу деятельности церкви («звляща (особенно.— *Н. П.*) в справе разводув мальженьских»), именно церковь являлась монопольным регулятором его развития³⁹. В отличие от византийского законодательства в русском юридическом быте были иные поводы к признанию брака недействительным⁴⁰, а основанием к его прекращению считалась лишь смерть одного из супругов. Церковники принимали развод лишь как уступку человеческой слабости, и вся церковная литература была буквально пронизана идеей о божественности происхождения, а потому нерасторжимости брака («не мозите жен у мужей отимати, яко тем же законом со-въкупишася и на том же судищи стати имуть...») ⁴¹. Тем не менее уже в эпоху Устава князя Ярослава Владимировича русская церковная практика располагала широким перечнем поводов к разводу.

Основным поводом к разводу с древнейших времен считалось прелюбодеяние, по-разному определявшееся для каждого из супругов. Муж признавался прелюбодеем лишь в том случае, если имел на стороне не только наложницу, но и детей от нее ⁴². Подобная ситуация, судя по епитимийным памятникам, встречалась нередко в древнерусском быте, причем в церковных поучениях и летописных свидетельствах особенно часто упоминается такое двоеженство, когда «меньшицей» была женщина более низкого социального статуса, в том числе раба⁴³. Замужняя женщина считалась совершившей прелюбодеяние уже тогда, когда вступала в связь с посторонним мужчиной ⁴⁴. Прелюбодеяние, совершенное в результате насилия, не считалось изменой (подтверждение тому — канонические ответы митрополита Иоанна II⁴⁵). Разнились и наказания за прелюбодеяние. Женщина вначале не обладала правом развода по причине неверности мужа: виновный супруг лишь наказывался годом епитимьи и денежным штрафом («лепше иного человека въкупити, абы ся и другая на том казнила», т. е. чтобы и другим неповадно было). Муж же имел право развода с женой, которая ему изменила; священнослужители, жены которых допустили адюльтер, не только имели право, но и были обязаны развестись, в противном случае «без священства есть». «Аще ли прелюбы сътвориша от него, то видит ю своими очима, а не оклеветает ближняго своего, то да пустит ю»,— требовали нормы греческого семейного права, имевшие в XIII — XIV вв. большое распространение на Руси. И даже больше: муж, узнавший о неверности супруги и «волю давший ей», т. е. простивший ей измену и не разведшийся с ней, должен был понести особое наказание⁴⁶.

Муж имел право развода с женой и по ряду других поводов, приравнивавшихся к прелюбодеянию: «...аще подумает жена на своего мужа зелием, или иными людьми, а она имать ведати, что мужа ея хотят убити...; аще жена без мужня слова имать с чюжими людьми ходити или пити или ясти, или опроче дому своего спати, а о том уведает муж ⁴⁷; аще ли жена имать, опроче мужа своего воле ходити по игрищам... а мужь имать съчивати, а она не послушает...; аще жена на мужа наведеть тати...» и т. д.⁴⁸ Изучение юридических норм XIV — XV вв. в сопоставлении с процитированным выше Уставом князя Ярослава Владимировича позволяет заметить, что на Руси бытовали византийские нормы, утверждавшие снисходительное отношение к поведению женщины. Например, Устав считал поводом к «разлоучению» разговоры женщины с посторонним мужчиной; в XIII — XIV вв. положение уже иное: «...аще [муж] в ином месте обрящет такового с своею женою беседующе или у церкве... волостелю да предаст... или яко же хоцеть, вины объявливати по закону и доводити...» ⁴⁹ С развитием феодального права женщина получила даже право развода по причине неверности супруга (XV в.) ⁵⁰.

Правами на развод по физиологическим причинам обладали равным образом оба супруга. Этот повод к разводу был официально признан уже в XII в. В случае разлучения по этой причине женщина уходила из семьи со всем своим имуществом: «...и приданое с нею все въследует жене, и отдасть ей все муж, еже аще приял будет...» К XV в. относится разрешение митрополита Фотия «поймети» третью жену, «аже детей не будет ни от перваго брака, ни ото втораго» ⁵¹.

Право на развод по материальным причинам закреплялось за каждым из супругов: «...аще жена на мужа наведет тати, велит покрасти двор мужа своего... про то их

разлучити...»; «велми зло будет, яко... не мочи держати (содержать.— *Н. П.*) жене мужа». Епископ Нифонт специально остановился на случаях, когда жена «долг мног у мужа застанет» и когда супруг «порты ее начнет грабити». В соловецкой Кормчей 1493 г., как и в более раннем памятнике — Уставе князя Ярослава, за кражу женой у мужа последнему дозволялось только «казнить» жену, а развод воспрещался, ибо церковь стремилась сократить число поводов к разводу⁵².

В памятниках канонического происхождения есть указания на некоторые особые поводы к разводу. Правом разлучения по ряду из них обладали оба супруга, например в случае принятия монашества мужем или женой. Расторгать таким образом законные браки призывали женщин еретики. Церковный же закон в качестве ответной меры оговорил этот повод к разводу обязательным согласием другого супруга на разлучение и пострижение. Соглашение такого рода изложено летописцем под 1228 г.: «Святослав отпусти княгиню свою по свету, всхотевши ей в монастырь, и дать ей наделок мног»⁵³.

Памятники XV в. свидетельствуют о том, что право на развод на Руси могло быть и односторонним; были поводы к разводу, правами на который обладала только женщина. Так, жена имела право развестись, если муж скрыл свое холопство или продался в него без ее ведома: «...чии холоп, утаився, поймет жену, а жена та не восхоцет с ним в робе быти, тех разлучити». Данная запись могла появиться лишь после фиксации правила «по рабе холоп, по холопу раба» в Судебнике 1497 г. Жена могла развестись с мужем («не виновата, идучи от него») и в случае, «аже муж не лазить на жену свою без совета» (т. е. является импотентом). Право на развод жена имела и в случае бездоказательного обвинения супругом в «злом деле» («аще муж на целомудрие своя жены коромолит»). Интересно, что при разводе по такому поводу при наличии детей муж должен был оставить «свое стяжанье» семье⁵⁴.

Правом развода по ряду поводов обладал только мужчина. Муж мог потребовать разлучения под предлогом «порчи жены», как великий князь Семен Иванович, или в случае несогласий между ним и родственниками со стороны жены. Так, Ярослав Святославич, готовясь к войне с Владимиром Мономахом, «умыслил с женою своею, Владимировою внукою, без всякой причины от нея развестись...»; волынский князь Роман Мстиславич, начиная войну с Рюриком Ростиславичем, намеревался «пустить» жену свою, дочь Рюрика, принудив ее к пострижению⁵⁵.

«Роспуст», или самовольный развод, о котором идет речь в последнем летописном свидетельстве, был объектом борьбы как церкви, так и княжеской власти. Примечательно, что самовольный уход из семьи практиковался на Руси и мужчинами, и женщинами. Если против «роспустов», совершенных мужьями, выступал еще Устав князя Ярослава, вставая на защиту «старых», или законных, жен и требуя «казнию казнити» непостоянство мужчин, то в XIII — XV вв. представители клира вели борьбу уже против аналогичных проступков со стороны женщин («аще жена, оставя мужа, за иные пойдет...»). Так, новгородский епископ Феодосий наказывал священникам не венчать тех «пущенниц», которые «за иные мужья посягают беззаконно, мятушись...»⁵⁶. Нередкими в древнерусском семейном и юридическом быте были случаи «оставления» супруга и венчания с другим по причине долгого отсутствия мужа. Стремясь утвердить постоянство в семейной жизни, церковный закон запрещал «поймать жену иного мужа», ушедшего воевать, в течение как минимум трех лет («лета три звращения ждати мужже»). После этого срока священники смотрели лояльно на новый брак. Примечательно, что, когда жена самовольно уходила к другому мужу, «финансово ответственным лицом» за этот проступок считалась не она, а ее новый муж, который и платил митрополиту «продажу» (штраф)⁵⁷.

Нормативные документы, отразившие наказания за «роспусты» без ведома церковных властей, указывают на пристальное внимание представителей клира к нравственной стороне брачных отношений. Во всяком случае при самовольном уходе мужа от жены с него кроме штрафа в пользу церкви взималась большая сумма как своеобразная

компенсация за «сором» (моральный ущерб). Размер пени зависел от статуса и достатка распадающейся семьи: «Аще пустит боярин жену великих бояр, за сором ей 300 гривен, а митрополиту пять гривен золота; меньших бояр — гривна золота, а митрополиту гривна золота; нарочитых людей — 2 рубля, а митрополиту 2 рубля; простой чади — 12 гривен (как за убийство представителя этой социальной группы по РП! — *Н. П.*), а митрополиту 12 гривен...» В случае развода по инициативе мужа — без законных на то оснований! — денежный штраф налагался, по-видимому, лишь на него самого: «...аще муж с женою по своей воле распустится, епископу 12 гривен»⁵⁸.

В XIV — XV вв. возможности такого «добровольного» развода все более ограничивались и отчетливее становилось стремление церкви сократить количество законных поводов к разводу. Так, митрополит Даниил в конце XV в. требовал узаконить лишь один из них: «...не подобает мужу от жены разлучатися, разве блудные вины». Сохранялся как повод к разводу постриг одного из супругов. Разводные грамоты, дошедшие до нас от более позднего времени, свидетельствуют, что муж в случае выхода из семьи должен был помимо штрафа возратить жене не только ее имущество, приданое и т. п., но и часть совместно нажитого: кудель, рожь и пр.; жена же обязывалась не предъявлять имущественных претензий⁵⁹. В грамоте обязательно указывалось, что «роспуст» совершен добровольно.

В церковных нормативах оговариваются и случаи, которые ни при каких обстоятельствах не могли быть поводом к разводу. Так, в XII — XIII вв. брак налагал на супружескую чету обязанности по взаимному уходу и содержанию в случае болезни. Даже если у жены или мужа обнаруживалась «слепота ли долгаа болезнь», «лихий недуг», «про то нельзя их пустити, тако же и мужа». Правда, с течением времени это правило исчезло из канонических сборников, и «Правосудие митрополичье» (XIV в.) зафиксировало уже обратную статью («про то отпустити ея, тако же и мужа») По-видимому, несогласная жизнь супругов или взаимная неприязнь, т. е. причины нравственно-психологического порядка, также не считались достаточно веским поводом к «разлоучению»⁶⁰.

Итак, элементы традиционного ритуала закрепления семейных уз трансформировались за несколько столетий в предсвадебные и свадебные обряды, типичные для венчального брака, освященного церковью. Узаконивая венчальный брак, церковь выступала в качестве регулятора в решении матримониальных дел: церковные законы устанавливали определенные наказания за насильную или несвоевременную выдачу замуж, за моральное оскорбление, наносимое возможным отказом жениха от невесты, или за несоблюдение других условий, необходимых для заключения брака, что в конечном счете отвечало интересам женщины. Узаконение каноническими памятниками различных поводов к разводу, правом на который в древнерусском государстве обладали женщины разных сословий, также свидетельствует об относительно высоком для средневековья юридическом статусе древнерусских женщин. Вместе с тем именно христианская церковь стремилась утвердить мораль «социального торможения», покорности и подчиненности женщины. Поэтому она не препятствовала проникновению в «священное таинство» брака элементов гражданского договора, сделки, которую устраивают родители⁶¹, стремясь подчинить женщину вначале, при заключении брака, воле родителей, а после свадьбы — мужу.

Женщина в семье: норма и действительность

Все стороны изучения социального статуса женщины в средневековом обществе так или иначе связаны с семьей — важнейшей ячейкой древнерусского феодального общества XI — XV вв., а для освящения статуса женщины в семье очевидна необходимость, с одной стороны, изучения церковного учения о семье и месте в ней женщины, а с другой — восприятия церковно-юридических норм современниками,

преломления в их сознании связанных с ними проблем. Воссоздание этой «живой истории» невозможно без обращения к нарративным памятникам, литературной традиции и агиографии, которые позволяют представить весь жизненный путь древнерусской женщины, от отроческого возраста до вдовства, многие житейские ситуации, связанные с рождением и воспитанием детей в семье, взаимоотношениями между ее членами.

Развитие семейно-брачных отношений от больших семей VI — VII вв. к экономически и юридически самостоятельным малым семьям XI — XII вв. не вызывает сомнения у большинства исследователей⁶². Характер семейных связей, присущих индивидуальной семье, бытовавшей в рассматриваемый период, подтверждается и по археологическим⁶³, и по письменным источникам. О малом типе как княжеских и боярских семей⁶⁴, так и семей новгородских своеземцев⁶⁵, свободных общинников и полузависимых крестьян⁶⁶ свидетельствует нарративная литература. Преобладание индивидуальной семьи зафиксировано памятниками права и в среде холопов⁶⁷. Аналогично и юридические нормы, относящиеся к гражданскому праву, свидетельствуют о проведении принципа индивидуальной, а не большесемейной⁶⁸ ответственности. Постепенное расширение социальных и имущественно-наследственных прав женщин различных классов также является показателем отмирания пережитков большесемейных отношений уже в XII - XIII вв. (см. гл. III).

Структура индивидуальной семьи в эпоху средневековья и ее внутренняя организация складывались под воздействием развивающегося христианства, и поэтому развитие семейно-брачных отношений и статус женщины в семье регулировались в значительной степени нормами христианской морали⁶⁹. Основу церковной концепции семьи составлял тезис о святости супружества⁷⁰. При этом сам брак рассматривался как непреодолимое и неизбежное для простого мирянина «зло» («женитва человека обычно зло есть»). «Едино есть бедно избыти в человецех — хотения женьска...»⁷¹ — сетовал компилятор «Пчелы». По той же логике для лиц духовных — будь то мужчина или женщина — рекомендовался целибат или же как обязательное условие целомудренная жизнь («целомудрие есть умаление похоти...»). Целомудрие рассматривалось как путь к спасению души⁷². Таким образом, внедрение нравственных начал в семейную жизнь древнерусского человека исходило из провозглашаемых церковью принципов. В теологической концепции семьи аскеза стала постепенно неким идеалом («пречюдна в девах непорочная чистота...»), доступным лишь избранным⁷³. В первую очередь это относится к агиографическим образам⁷⁴.

Проблема выбора между целомудрием, девственностью и супружеством была для средневекового человека проблемой соотношения идеала и действительности: «...много убо наипаче почтено есть девство. Брака убо вышши есть, и много честнейши девство, убо неоженившийся вышши есть женившегося». Таков был идеал.

Однако даже сами распространители подобного тезиса оговаривались: «девственным таковым аще мощно бы-ти», напоминая, что «честен бо брак и ложе нескверно», и ссылались при этом на Священное писание («не токмо не скверно, ино честно ложе») ⁷⁵. Исходя из тех же христианских представлений о нравственности, церковники осуждали второй и третий браки, заключенные даже в случае смерти одного из супругов: «Второй брак начало бывает рати и крамоле. Муж бо, за трапезою сеядя, первую жену вспомянув, прослезится, вторая же взъярится...»⁷⁶ (Какая великолепная бытовая зарисовка, свидетельствующая о чувстве глубокой супружеской любви!)

Черпая обоснование подобных моральных норм в творениях отцов церкви, церковники призывали сохранять верность супругу даже в случае аморальных проступков с его стороны («да спасеши ей и себе...»⁷⁷).

Расхождение между проповедью христианского аскетизма вплоть до целибата и признанием святости супружеских уз отражало противоречивость церковной идеологии периода становления и эволюции феодальной формации. Теологам было необходимо, с одной стороны, утверждать идею брэнности земного бытия, бессилия человеческой

личности («а се грех, еже уповать на ся или иного кого разве бога», «ничтож от человек бысть»⁷⁸), а с другой — подчеркивать значение «земных» дел, в том числе в семейной жизни основной женской роли — рождения «чад», но при подчинении их «главным» ценностям: любви к богу, самоотречению во имя его и т. д.⁷⁹ Неполноценность женщины выводилась уже из известного библейского сюжета («от мужа взята еси и тят тобою да обладает...»⁸⁰). Власть мужа над женой трактовалась церковниками как закон, соответствующий иерархичности построения сословного государства: «женам глава муж, мужу — князь, а князю — бог». Назидательно-моралистическая литература, облакаясь в одежды то художественного вымысла, то риторики или поучения, то притчи, создавала идейную основу семейной иерархии. «Жене старейшиною быти не даст вещей закон», — читаем в «Пчеле» XIV в.⁸¹ Женщина в идеальной супружеской чете, рисуемой церковниками, неизменно была «покоривой», «тихой», «смиренной», «безмолвной»⁸². Поучения церковников в этой области были направлены как к женщинам («не супротивляйте-ся, жены, мужем своим, но во всем покоряйтесь им, и повинуйтеся, жены, мужии воли»), так и к их супругам («не дай на тя жене глаголити и не попусти ей воли на силу твою наступати»). Важно было не только утвердить в сознании средневекового «мужа» образ идеальной, послушной жены, но и утратить его обратным примером — тому «наипоследняя хула», «аще кто есть женою обладаем»; «бывают те мужи мягци, безъстудны, бесмыслени, несвободни, рабични, простореци»⁸³.

В реальной действительности вопрос о «семейной власти» часто решался иначе. Летописцы отметили случаи, когда в княжеской семье жена «владыще мужем». Да и в самой учительной литературе отмечалось, что ситуация, когда мужи «градами владеючи, а женам работаючи», была нередкой⁸⁴. Однако, требуя устранения главенства женщины в брачном союзе, церковники вовсе не отрицали возможности любви и взаимопонимания между супругами⁸⁵, хотя под браком чаще всего понимался союз чисто платонический⁸⁶. Отказ от генитальных отношений в браке (жить, «плотногодия не творяху») почитался «святым делом», но отступление от этого аскетического принципа не только допускалось, но даже считалось в порядке вещей («в своей бо жене нет греха»). В Изборнике Святослава 1076 г., в Послании Климента Смолятича (XII в.) «плотская» любовь не объявляется греховной, ибо «всяко бо, иде же бог, то несть греха», а сын божий родился от женщины⁸⁷.

Но основное внимание церковников обращалось, конечно, к духовной стороне брачного союза. В любовь между супругами церковники стремились внести рациональный смысл, связывая ее с любовью к богу. В проповеди праведной и согласной жизни наблюдается та же иерархия идеалов, что и в проповеди целомудрия: супружеская любовь — любовь к ближнему — любовь к богу, поскольку сам «бог любви есть»⁸⁸. «Истинная любовь есть и богоугодная», — свидетельствовалось в «Измарагде» XIV в., хотя там имеется и осуждение любви «телесная», «си есть нечиста и ненавистна богу»⁸⁹. Факты совместного пострижения мужа и жены в монашество, неоднократно отмечавшиеся русскими летописями⁹⁰, хорошо согласовывались с обеими сторонами православной концепции: супружеской любовью и готовностью к самоотречению во имя божественных идеалов.

Микроклимат в древнерусской семье, по мнению авторов многочисленных поучений, зависел именно от женщины: «Подобает жене мужа своего мети аки главу на плечах, а муж жену свою — аки душу в теле»⁹¹. На это указывают и некоторые летописные свидетельства⁹². Не случайны поэтому обращения в памятниках XII — XIV вв. к «мужиям»: «Не лишайте собе совещания жен своих... все творите по слову с женами своими»; «под-ружье свое храни, яко уд свои: зане едино еси есть тело с нею»; «жена спасения ради человеческого бысть»⁹³.

Но не следует думать, что древнерусское общество изобиловало строптивыми женами и озабоченными утверждением своей власти мужьями. В летописях содержатся многочисленные примеры семейного «лада и береженья». Это — Ян и его «подружье»

Марья (XI в.), Мстислав Владимирович и его супруга (XII в.), Владимир Василькович волынский и его супруга, княгиня «милая» Ольга Романовна (XIII в.), Михаил Ярославич тверской и его жена Анна Дмитриевна (XIV в.), Василий Васильевич II Темный и его жена Марья Ярославна, Василий Дмитриевич и Софья Витовтовна, а также многие другие представители аристократических слоев⁹⁴. «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и другие литературные произведения наравне с фольклором донесли до нас образ «лады» («...уж нам своих милых лад не мыслию смыслити...» — читаем в «Слове...»), т. е. верной жены⁹⁵. Имеется ряд примеров и в других литературных памятниках того времени, а также в актовом материале⁹⁶. Трудно не заметить в этих источниках тенденции к наделению лиц знатных фамилий «врожденным капиталом добродетелей».

Вместе с тем несомненно, что мир древнерусской семьи может быть увиден лишь через призму представлений о нем современников, объективно выразивших в своих писаниях потребность в высоконравственных внутрисемейных отношениях. Выразительное любовное послание написал оставшийся неизвестным новгородец, далекий от проповедуемого церковниками богоугодного аскетизма: «[Како ся разгоре сердце мое, и тело мое, и душа моя до тебе и до тела до твоего, и до виду до тво] его, тако ся разгори сердце твое, и тело твое, и душа твоя до мене, и до тела до моего, и до виду до моего...»⁹⁷ Этот чудом уцелевший образец любовной записки второй половины XIV — XV в. лишь подтверждает слова Ф. Энгельса, относившего возникновение «индивидуальной половой любви» к началу средних веков и в связи с этим подчеркнувшего всеобщность процессов гуманизации и обмирщения идеологии с развитием феодального общества⁹⁸.

Вне зависимости от того, был ли основан брак на отношениях взаимной склонности, или же в основе его лежала экономическая сделка родителей, прочность семейных уз охранялась церковным законом. Поэтому основное внимание церковных сборников не случайно было обращено на проблемы сексуальной этики. Интимнейшие стороны внутрисемейных отношений оказывались отраженными в покаянии («прелюбодей и блудница, поведайте всякие грехи мне без срама...») и подконтрольными церкви. В случае совершения «греха», т. е. отступления от норм, установленных церковью, назначалась епитимья — средневековая универсальная оценка поведения человека, позволявшая церкви регламентировать даже физиологическую сторону внутрисемейных отношений («дни запретов»). В определенной мере это способствовало развитию культуры сексуальной жизни в браке и объективно содействовало охране здоровья женщины. Проповедь аскетического идеала, отрицавшего стихию чувственности и нравственную распущенность, служила своего рода методом «социального контроля в сфере семейных и половых отношений»⁹⁹. Но в целом, предпочитая целомудрие и девственность браку, церковь исходила из концепции о порочности сексуальной жизни: «грех с женами имети приближенье», ежели «не чадородия ради, но слабости ради»¹⁰⁰.

Главной проблемой сексуальной этики епитимийников являлось осуждение сексуальных связей вне рамок брака, равно как и всех извращений естественной сексуальности¹⁰¹. В особенности эти запреты касались женщин, поскольку лишение девственности церковь считала самым большим прегрешением¹⁰². Здесь же лежат истоки концепции о греховности не только поступка, но и самого помысла: «...всяк, взрев на жену, яко же похотети ей, то уже прелюбодейство створил с нею в сердце своем...»; «и воззрение убо грех есть...»¹⁰³ Настаивая на обязательной исповеди, требуя постоянного контакта между священником-исповедником и «покаяльными детьми» («мужеви с женою достоин каятися у единого отца...»¹⁰⁴), церковь получила возможность нравственного воздействия на древнерусского человека, контроля всех сторон его жизни, поступков, помыслов.

Церковь налагала многочисленные запреты в отношении поведения женщины в семье и вне дома: «ногу на ногу возложив, седети грех есть»; «пьянство жен отлучает от

мужь» и др.¹⁰⁶ Однако на Руси, как подсказывают свидетельства эпиграфики и нарративных источников, жены князей, бояр, а также представителей вотчинной администрации были в то время отнюдь не «теремными затворницами», а, например, участницами праздничных пиров. Летописи рассказывают, что в 1143 г. «Всеволод, князь киевский, приде и с женою, и с всеми бояры на сватьбу...»; в 1187 г. «посла князь Рюрик шюрина своего с женою, Славна тысяцкого с женою, инии многи бояре с женами по Верхуславу за Ростислава». Позже княгиня Агафья Ростиславна, дочь великого князя Ростислава-Михаила Мстиславича, уже *сама* в 1167 г. устраивала пир в Чечерске, а «славная богатая Настасья», жена новгородца Ивана Григорьева, угощала самого великого князя 28 декабря 1476 г.¹⁰⁶ Новгородец Кирик отмечал, что и «в монастырях часто пиры творять, съзывают вкупе мужа с жены, и в тех пирех друг другу преспевают...». И это при том, что еще Устав князя Ярослава в XII в. запретил женщине без супруга ходить в гости, «к чюждим людям» и карал за это разводом: «...аще жена без мужня слова иметь ходи-ти с чюждими людьми, или пити, или ясти...» Но реальная жизнь брала свое. Интересную ситуацию рисует приписка в одном из Прологов XV в.: «Плечи болят. Похмелен. Пошел бы в торг, да кун нет. Попадья ушла в гости...» (ее автор, по-видимому, сам поп)¹⁰⁷.

Общение женщины вне дома с мужчинами, не являвшимися ее родственниками или членами ее семьи, также осуждалось церковниками. «Паче же с женами не умножай речей», — требовали «отцы духовные». На таких «разлоучников» они налагали денежные штрафы и церковные наказания. «Не играйте игрою шутовую с чужими женами», поскольку «виденье женское — стрела есть. Беги повести женских, яко хощеши целомудр быти, не дажь дерзновение тем зрети на тя. Преже глаголят тихо и очи долу имуть. Вторые улыскают, паче же абие рассмешашася. Третье — красящеся паче меры, и являются светли видом, и бровь взводят, и обращаются оци. И сим пленяюще тя в погыбель» — такую картину «устреляния» сердца простодушного мужчины женщиной-соблазнительницей нарисовали «Пчела» XV—XVI вв. и Пролог XV в.¹⁰⁸ Карались и те, кто попустительствовал супружеской неверности¹⁰⁹. Мера наказания определялась социальным статусом (чем он был выше, тем строже был штраф), а также тем, в какой степени здесь присутствовало спонтанное проявление чувства или же преднамеренность (преднамеренное оскорбление считалось предосудительнее)¹¹⁰.

Церковники методично формировали представления о морали и нравственности в семейной жизни: «Аще кому угодится добра жена, то за чужей не ходи», «не буди прелюбодеи...»; «аще которая жена отшеде мужу ея и не ждет его, за иного посягнуть любодеица есть»¹¹¹. Церковь активно боролась и против всех пережитков дохристианской морали, одним из которых было многоженство, живо представленное в летописном материале. Простой люд не знал многоженства. Это явление, не став на Руси повсеместным, охватывало лишь некоторые высшие слои господствующего класса. Среди князей, имевших вторых жен и побочные семьи, отмечены Святослав, Владимир, Ярослав галицкий¹¹². Имеется упоминание об этом и в эпиграфическом материале: одна из берестяных грамот XII в. содержит жалобу на то, что муж отдал предпочтение незаконной семье¹¹³. В любом покаяльном сборнике можно найти епитимьи «невенчалным» женам¹¹⁴. Проблема искоренения многоженства не была ликвидирована даже к концу XVI в.

Отмеченные церковными памятниками внебрачные связи были явлением довольно распространенным, хотя многочисленные приписки, сделанные на полях церковных сборников самими переписчиками из среды клира или читателями этих текстов, говорят о несомненном усвоении людьми христианских норм нравственности и понимании противозаконности внесупружеских связей¹¹⁵.

Утверждение проповедуемых церковью моральных начал в семейной и социальной жизни привело к появлению в древнерусской литературе образа целомудренной и верной супруги (например, Феврония в «Повести о Петре и Февронии»; жена князя Михаила черниговского Агафья и ее дочь Феодулия; Евпраксия, супруга рязанского князя Федора

¹¹⁶). Нельзя оставить без внимания и летописный рассказ о жене вяземского князя Семена Мстиславича Иулиании, которую смоленский князь Юрий Святославич, пользуясь вассальной подчиненностью ее мужа, хотел «принудить с ним жити, она же сего не хотяще». Верность и любовь к мужу стоила Иулиании жизни — Юрий Святославич велел утопить ее ¹¹⁷.

Рассмотренная система религиозных морально-нравственных норм заставляет прийти к выводу о противоречивости многих церковных постулатов. По мнению церковников, сексуальные связи греховны и порочны, а путь к избежанию женщиной этого «порока» виделся лишь один — частое рождение «чад», ибо «велико зло есть, аще не родятся дети, сугуба брань». От известного тезиса «слава девичеству, яже ввремя матерству, а ввеки девству» отталкиваются все предписания, регулирующие матримониальную реальность. И хотя православные проповедники заставляли умиляться агиографическим чудесам, непорочному зачатию и рождению от одного «общания» (на этом основывается и культ богородицы), они тем не менее не забывали напомнить, что обычному деторождению предшествует грехопадение ¹¹⁸.

Женщина в соответствии с этим постулатом объявлялась существом «нечистым» ¹¹⁹, что не мешало церковникам придавать достаточно большое значение социальным функциям женщины-матери. Среди обращений к пастве в памятниках церковно-учительной литературы можно найти немало тому примеров: «Жена бо человеку дана плода деля»; «Для единой потреби мужу жена сотворена бысть — детородства ради» ¹²⁰.

Согласно православной концепции, величайшим «благом» для семьи были дети («сладка есть беседа родившему дети своих»), рождение же дочери — будущей матери — считалось «честью дому» ¹²¹. Поощряя «многочадие», православная церковь выполняла важную социальную задачу. В учении православных идеологов многодетность выступала как категория «общественной необходимости», имманентно присущая семье; она обеспечивала возможность приобретения семьей новой собственности, в том числе недвижимой ¹²². На протяжении веков церковь упорно формировала идеал женщины — многодетной матери. «Щасливый то человек,—утверждалось в средневековой «Пчеле»,—кото-рий жену себе добрую меет, и добро ему будет, жена его яко лоза доброплодная будет, а синове из себе изродит... и сядут [они] коло столу твоего, албо около дому твоего домами своими... и тако благословит тебе господь». Отом же писали и проложные жития ¹²³.

Суровые наказания налагались церковью за детоубийство, попытки избежать беременности или прервать ее. Драматические ситуации рисуют древнерусские пенитенциалии, упоминая о случаях удушения детей, заклада их и даже продажи ¹²⁴. Устав князя Ярослава Владимировича сурово наказывал женщин, которые «при муже детяти погубить», грозя им пострижением в монашество ¹²⁵. Многолетний пост назначался тем женщинам, которые «не зачати тыцились», использовали всяческие «зелия», наветы и наговоры: «Всяка жена, скажающа в себе отроча, душегубица наречется»; «жены паче убийства творят: и се всприях окаяные, иже на всяк месяц убийство некаком зелием творити... Испытать, колико убиша детей» ¹²⁶. Исповедники назначали епитимью от «трья или двема летома» вплоть до 11 лет поста, поскольку «то чрес естества створено быша». Еще строже карались аборт: «ино аще животное (живое.— *Н. П.*) —15 лет, аще образ есть —7 лет, а зарод еще — 5 лет» поста. Преждевременные роды, случившиеся от выполнения непосильной работы, епитимьей не карались: ««Аже жены делаюче что-либо страдоу и вережаются и изметають?» Он же (епископ Нифонт.— *Н. П.*) рече: «Аже не зельем вережають, нету за то опитемя»...» Учитывалось также и то, должен ли был ребенок родиться в браке или внебрачным; в последнем случае церковный закон карал как за двойной грех ¹²⁷.

Ряд церковных постановлений предусматривал защиту здоровья беременной, роженицы и ее ребенка: «Егда в утробе какая жена носить младенецъ, то не вели кланяться ей до пояса, аще и в великий пост. Мнози бо вережаются, до земли кланяся...»

¹²⁸ Суровое наказание — приравненное к каре за детоубийство — ждало мужа, «аще он риняся пьян на свою жену, вередит в ней детя» ¹²⁹.

Эта определенно положительная сторона деятельности древнерусских церковников сочеталась с решительным вытравлением церковью всех пережитков языческих культов, связанных с деторождением. Архаические обряды, связанные с чадородием, смысл которых тесно переплетался с извечными человеческими чувствами, оказались очень живучими. Бытование их прослеживается по памятникам покаянной дисциплины вплоть до XV в.

«Бабы-идоломолицы» и «бабы богомерзкий», устраивавшие «рожаничные трапезы», в кои входили имевшие символическое значение «хлебы, и сыры, и мед», а также каша, были хранительницами многих народных традиций и обрядов ¹³⁰. Их описания можно встретить в апокрифических молитвах «Аще коли жена детятем болит» и «Аще жена начнет детя родити не в борзе» ¹³¹.

Поскольку женщины «еще бо не бяху ся утвердили верою», именно к женскому полу были обращены проклятия ворожбы и чародейства в обличительных церковных поучениях ¹³². Печать решительного осуждения церковью знахарства и чародейства несут особые статьи в исповедальниках и покаянных сборниках, касающиеся языческих («чародейных») способов «приворожения» супруга ¹³³. В исповедных вопросах перечислялись женское молоко, мед, «любовное коренье», пот и пр. как средства, которыми женщины потчевали мужей, чтобы обрести их привязанность и расположение ¹³⁴.

В епитимийниках раскрывается еще одна интересная сторона мира древнерусской женщины — роль «чароде-иниц» в народном врачевании, в сохранении и передаче опыта народной медицины. Новгородец Кирик жаловался, что, «еже дети возболят», матери их к «вълхвам» ^{*3} несут, а не к попови на молитву». В деревнях именно знахарки выступали как повивальные бабки (акушерки), они же «у жен плод отымали» (делали аборт), лечили от бесплодия («детей деля») ¹³⁵. Исповедальные вопросы донесли до нас информацию о некоторых «радикальных средствах», которые использовали народные «чародеиницы». Это «детская пупорезина» (пуповина), «ложе детиное» (плацента) и ряд других аналогичных средств, которым суеверно придавалась магическая сила ¹³⁶. (Впрочем, плацента используется и современной медициной для создания препаратов, усиливающих детородные функции и способствующих омоложению органов.) Древнерусские женщины врачевали не только как знахарки и «чародеиницы». «Целити недуги» умели и образованные княгини; их методы и средства лечения вошли в историю мировой медицины ¹³⁷.

Определяя рождение и воспитание детей как установленное богом и освященное традицией «назначение» каждой женщины-матери, идеологам церкви удалось направить социальную активность женщины в сферу личной, семейной жизни, где «главой» жене и детям должен был быть мужчина. «Аще ли вино растворено, аще ли больша часть воды прилито в нь, но обаче вино наречеться,— читаем в одном из поучений XV в. в «Пчеле».— Тако же имение и дом мужьский, и дети от мужа досточно нарицатися, а не от жены, аще ли жена боле пристраиваеть...» ¹³⁸ Ситуации же, в которых жена «боле пристраивала», оказываясь распорядительницей денежных средств и семейного имущества, были нередкими. Участие женщин в организации домашнего хозяйства, по свидетельству актового, эпиграфического, нарративного материалов, было в то время весьма значительным. Новгородские грамоты на бересте дают, например, весьма подробную и широкую картину участия жен новгородских своеземцев, простых и знатных горожанок в организации домашнего хозяйства и всего семейного быта. Новгородские женщины соучаствовали в распоряжении семейным бюджетом («баба Маремьяна» из

^{*3} «Вълхвам» — дательный падеж множественного числа существительного женского рода «вълхва», т е речь идет именно о женщинах-ворожеях (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб, 1855 С. 318).

грамоты № 578 XV в.; Анна с дочерью из грамоты № 531 XIII в.), зависимыми людьми и слугами (Ксения из грамоты № 411 XIII в.) и конечно же решали все хозяйственные вопросы, связанные с покупкой и заготовкой продуктов, домашней утвари и т. д.¹³⁹

Мы нередко сетуем на то, что древнерусские женщины были ограничены «узким кругом домашних интересов», но забываем, что это восприятие сегодняшнего дня. В условиях же средневековья с характерным для него господством личного, натурального хозяйства именно дом был основным жизненным пространством человека. Здесь под влиянием женщины-матери формировались взгляды подрастающего поколения, и потому адресатом многих поучений церковников, касающихся воспитания «чад», являлась именно мать.

В древнерусских учительных сборниках женщина выступала как воспитательница целомудренности и послушания. По мнению авторов церковных сборников, именно ей подобало «нрав дитинный исправляти», «блности чад своих». Исполон веков внутри семьи складывались такие человеческие отношения, о которых упоминает «Пчела» XV в.: «Матери боле любят сыны, яко же могут помогати им, а отци дщерь, зане потребуют помощи от отец...»¹⁴⁰ В этом постулате добрых семейных отношений матери отводится равная с отцом роль. Церковные поучения требовали от детей уважения к матери: «...вечно матери своей не забудь, вспомяни, яко тою родил еси»; «...не забывай материя труда, еже о чадах печаль и болезнь. Можеша о ней поболети, яко же она о тебе. Тем же страхом раболепным послужи ей» (Прологи XIV—XV вв.). Почтение к матери объявлялось делом «богоугодным» («Пчела» XV в.), а пренебрежение и забвение памяти родителей («паки насмеялся отцю и укоряюще старость матерю...») резко осуждалось: «...и возплачется тогда, и господь не услышит его...»¹⁴¹ Обобщением истин, выработанных вековой народной культурой, являются поучения «Пчелы»: «Какы чести принесешь ты своим родителям, таких и ты чаи от своих дитии на старость». Требование: «Аще бо охудеет разумом в старости отец ваш или мати ваша, то не безчестуйте их, не укоряйте» — глубоко гуманно в своей сути¹⁴².

Церковь стремилась проникнуть во все поры общества, сказать свое слово по любому поводу во всех сложных и конфликтных ситуациях, в том числе и в возникающих перед матерью и хозяйкой дома. Трудно не заметить многочисленных поучений о наказании «дщерей», т. е. наставлении их, чтобы не стали они «срамом и безчестьем роду», «смехоми срамом дому»¹⁴³. Церковники предлагали матери систему наказаний детей с целью добиться от них послушания и уважения к старшим в семье. «Младу отротати перед старым молчати», — рекомендовала «Пчела» XV в. «Непокоривость» детей матери строго осуждалась церковью. «Матерь свою кляла ли еси, ил била, ил лаяла?»; «ил лаяла еси, а прощения не взяла до слнчнаго захода?»; «...ли досадила еси матери?» — сыпались исповедные вопросы, подтверждая таким образом, что подобные факты, увы, бывали. За проступки назначалась епитимья до 15 дней. Суровым возмездием угрожала «непокоривым» чадам, «сыгрешившим злосердием к родителям», и учительная литература: «Аще ли кто злословит родители своя — проклят, есть от бога и от людей»; «а иже кто бьет матерь, от церкви да отлучится, и лютою смертию да умрет... писано бо есть: материна клятва искоренит»¹⁴⁴. Но и от самих воспитателей учительные сборники требовали разумной строгости: «...не озлобляй, наказуя, дети»; в них осуждались те матери, что детей «кляли»¹⁴⁵.

С поучением «Пчелы»: «Родителя присно с богом чти равно» — перекликаются свидетельства актов и летописей, которые также содержат упоминания о взаимоотношениях в семье матери и детей. Князь Константин Всеволодович (начало XIII в.), чье «Наставление о детях» дошло до нас в изложении В. Н. Татищева, так обращается к своим «чадам»: «Почитайте мать вашу, сохраните повеления ея, учредите покой ей и довольство, чтоб не терпела недостатка...» Роль мудрого благословения матери неоднократно подчеркивали летописцы при описании многих значительных поступков в жизни князей, бояр и других видных представителей господствующего класса¹⁴⁷. Судя по описанным в

летописях древнерусским семьям, характерными чертами внутрисемейного микроклимата были доброта, внимание, забота к женщинам (ласковые имена, которыми звались дочери¹⁴⁸). Почтительное отношение к матери — отличительная черта древнерусского фольклора¹⁴⁹. Объектом большой любви и заботы родителей могли быть внебрачные дети (тому есть летописные подтверждения¹⁵⁰) и даже «примачки», т. е. приемыши. Последний случай ярко отразился в данной грамоте митрополита Киприана вдове Феодосье (1404 г.) на усыновление «примачка» Тимошки, которого вдова «взяла за детяти место»¹⁵¹.

Однако все это отнюдь не исключало возможности конфликтных ситуаций между матерью и детьми в древнерусских семьях. Летописные известия и в большей мере судебные акты, среди которых есть и написанный на бересте, демонстрируют подобные случаи, указывая на их распространенность¹⁵². Однако на сторону матери сразу же вставал закон. Так, митрополит Иона в своем послании детям Софьи Витовтовны, «не повинующимся матери» (1455 г.), писал: «Была мне челом, сынове, на вас мати ваша... нечто по грехом, оплошением ли вы своим, или дьяволивым навождением, или молодостию живете, с ней не държите, да еще деи и обидите ее во всемь... И благословляю вас, сынове, чтобы есте себе у нее прощение взяли и честь бы есте к ней прошлую родительскую имели во всемь...» В случае неповиновения митрополит Иона пригрозил: «...возложите мне тогда на вас духовная тягость церковнаа и свое неблагословение и прочих священников и в си век и в будущий, докеле же в чюство приидете...»¹⁵³

Особую часть христианского учения о семье и месте в ней женщины занимает вопрос об отношении к «вдовицам». Церковь исходила из того, что со смертью мужа жена теряла своего опекуна, и поэтому рекомендовала оказывать вдовам снисхождение¹⁵⁴. Нередко завещатель специально оговаривал «передачу» жены под опеку ближайшего родственника по мужской линии или духовного лица, что было духовенству выгодно¹⁵⁵. Примером может служить духовная новгородца Климента 1270 г. Климент умирал бездетным («не было у меня сыну»); при жизни он находился в сложных отношениях с монастырем: последний был его кредитором. Отношения феодального патроната заставили Климента перепоручить свою вдову монастырю. Завещая передачу монастырю своей земли, Климент «приказывает» свою жену игумену Варлааму, велит постричься ей в монахини и требует: «...выдайте ей четверть, оть не будеть голодна, или того на въслушаеть, а нечто меньшее дадите ей»¹⁵⁶.

В большинстве случаев, как подтверждают многие источники, древнерусские женщины, став вдовами, не только не попадали под власть родственников-опекунов (в отличие от западноевропейского юридического быта), но и обладали полнотой власти в отношении завещанного имущества. В духовных грамотах князей и великих князей есть немало свидетельств передачи женам права старшинства в семье (ведь и РП рекомендовала в случае вдовства «детям воли не дати»). Дмитрий Донской в своем завещании наказывал великой княгине Евдокии «укреплять чада»: «...а приказал есмь дети свои своей княгине. А вы, дети мои, слушайте свое матери во всем, из ее воли не выступайте ни в чем. А который сын мой не имет слушати свое матери, а не будет в ее воли, на том не будет моего благословения...» «Чтить и слушать мать свою» наказывал детям князь серпуховской и боровский Владимир Андреевич, тоже «приказавший» детей жене. Держать «мать свою во чти и в матерстве» требует и духовная великого князя Василия Дмитриевича. Великий князь Василий Васильевич специально указал, что главой после его смерти в семье должна остаться княгиня: «...в мое, своего отца, место...» Не «выматся из воли» матери приказал своим детям в духовной и волоцкий князь Борис Васильевич¹⁵⁷.

Получив права опеки, женщины вполне успешно управляли своим «добытком». Среди таких опекунов — великая княгиня Ольга и, например, мать Феодосия Печерского, историю которой донес до нас Киевский патерик («любяше сына паче инех»), она стремилась вырастить из него прежде всего умелого и рачительного хозяина — под стать

себе, «дабы не приносиши укоризну себе и роду своему»), ярославская княгиня Ксения и др. В «галерее знаменитых россиянок» немало упоминаний об активной деятельности женщин в период исполнения ими опекунских функций¹⁵⁸.

Противоречие реальной жизни и проповедей церковников о предназначении женщины отразилось в известных притчах о «злых женах», кочевавших в течение нескольких веков из одного церковного произведения в другое (Изборник 1076 г., «Моление» и «Послание» Даниила Заточника, «Пчелы», Четьи-Минеи, Прологи). Они оставались тем не менее удивительно постоянными, хотя сама тема женоненавистничества, столь популярная в Византии, в результате обработки православными церковниками трансформировалась. «Женофобские филиппики», сопоставление жен «добрых» и «злых» тема, характерная для многих мировых литератур¹⁵⁹. Поскольку сама культура средневековья была бинарна, постольку противопоставление «земного» и «небесного», «божьего» и «дьявольского» (а именно их отображением является антиномия «доброй» и «злой» жены) было фактом первостепенного значения. Закономерность появления доброй жены как образа, воплощающего возможность совершенства, как фиксации мыслимых представлений об идеальном, но в то же время доступном относительно понятна. Развитие же темы женоненавистничества в древнерусской литературе — это, по-видимому, определенный показатель, с одной стороны, усвоения древнерусским человеком церковной аскетической традиции, а с другой — сопротивления и противопоставления ей социальной активности женщин во всех ее проявлениях.

Обратимся к схеме описания жен добрых и злых в связи с их поведением в семье и обществе. Их добродетели и пороки излагаются авторами церковных поучений с точки зрения: *категорий христианской нравственности* (блудницы — девственницы; «жена прелюбодейна и упряничива» и «жена верная — честь земная»¹⁶⁰); *семейного уклада жизни* (злые жены «дом свой не берегут», они — «разорение дому»; добрые же — хорошие хозяйки, они «чинят медоточное житие в дому», «многие користи дому чинят», «чада и челядь питают»¹⁶¹); *производственных процессов* (злая жена, «не работав, работит», сама она «пороздная» (праздная) и муж ее — «потаковник ее лености»; добрая — «заутро встает», она «страдалюбива»¹⁶²); *определенных эстетических представлений и ценностей* (злые жены «мажутся и красятся паче меры», будучи обладательницами «прелестных удиц»; добрые же не красивы, но «умом светлы», им «красота не злато, но ум и тихость»¹⁶³). Аналогично фиксируется положение «двух типов женщин» в системе: *регламентированных ролей в семье* (злые жены «не убоятся мужа», «владеют мужем»; добрые — «добры и покорливы» мужу¹⁶⁴); *их отношения к религии* (злая жена «ни священника чтит, ни бога ся боит, ни закона божия знает», в церкви «смеется», она «глуха на спасение»; добрая же, напротив, «богобоязлива», «бояшаяся бога»; не случайно злая жена дается за «грехи человеку праведному», а добрая — «во спасение»¹⁶⁵); *участия в социальной жизни* (в отличие от добрых жен, послушно превратившихся в чадородительниц, домохозяек, полурабынь, злые жены, по мнению церковников, «меют дерзновение глаголить имати, без мужий мнятся нечто», «никого не усумнятся», но «все корят, вся осуждают и вся хулят»¹⁶⁶).

Известное по церковным памятникам понятие «добрая жена» служило утверждению христианских представлений о месте и роли женщины в семье и обществе, являясь тем самым орудием воспитания богобоязненности, законопослушания, консервации иерархической структуры семьи и самого сословного государства. Но и образ «злой жены» в концепции православных теологов, как свидетельствует комплексное изучение данных церковных и светских памятников, не был абстракцией, а являлся скорее реакцией на события и явления вполне реальные, заметно проступающие сквозь назидательную ткань предписаний.

«Злая жена» в древнерусской семье — это правомочный член ее, независимая домохозяйка, обладающая определенными правами и авторитетом; к «злым женам» с

особой нетерпимостью относились церковники. Осуждая «злую жену» как небогобоязненную, немолчаливую, непокорную мужу и закону, они не могли не признать, что такие или подобные им «жены» не только не были редкостью, но и встречались значительно чаще «добрых» («жене добре не удобь обрести...»), что в действительности было немало социально активных женщин, «непокоривых» мужу и властям («ни закона знают...») ¹⁶⁷. Для проповедников патриархальной замкнутости женщины в семье такие «жены» представляли реальную угрозу их «автократии»: «уста незаперта» «злой жены» рождали несогласие с ущемленным положением женщины в семье и обществе, т. е. тот самый «мятешь», и «велику пакость», и опасные «великие исправления» ¹⁶⁸, которые были сродни проявлению социального или антирелигиозного протеста. Может быть, не случайно и «злой муж» хотя и редко, но встречаемый в церковных текстах, — это прежде всего «праздноглаго-лящий» ¹⁶⁹? Не потому ли церковь запрещала женщине «глаголить» при людях, что боялась ее «выпрашаний», «дерзновений», превращавших «послушество ее в словесы» ¹⁷⁰?

Б. А. Романов, специально изучавший особенности внутрисемейного быта и нравов Древней Руси, выдвинул гипотезу о том, что часто встречающийся в древнерусской литературе образ «злой жены» возник в связи с распространенностью случаев брака по расчету и своеобразной экономической самостоятельности женщины в семье ¹⁷¹. Изучение учительной и проложной литературы, епитимийников и других разновидностей церковных сборников подтверждает это предположение. «Злые жены» под пером проповедников христианских этических норм становились главными виновницами не только нравственных пороков семьи и общества; на них, чуждых распространяемому идеалу смирения, «укрощения плоти и гордыни» (служившему освящению и «наиболее общей санкции существующего феодального строя» ¹⁷²), было легко в случае необходимости «свалить вину» и за социальные пороки. В лице же таких наиболее активных женщин, как, например, Марфа Борецкая, «злые жены» получали ярко выраженную политическую окраску.

Как видим, сопоставление церковной концепции семьи и социального предназначения женщины с фактами, характеризующими конкретно-историческую реальность русского общества X—XV вв., дает представление о культурных, юридических и моральных нормах отношения к женщине в древнерусском обществе. В целом картина жизни русской семьи этого времени и положения в ней женщины вовсе не столь уж мрачна, как мы нередко привыкли себе представлять, говоря о патриархальном быте с деспотической властью «главы дома». Религия и церковь, хотя и играли важную роль в жизни средневековой Руси, не охватывали всех сторон духовного мира человека той эпохи. На представления людей о роли женщины в семье влияли тогда и реалии окружающего мира, и народные традиции, и взгляды, унаследованные с дохристианских времен. Об этом свидетельствуют рассмотренные свадебные обычаи и семейные обряды той эпохи, отношения между супругами, родителями и детьми, действительные семейные нравы, раскрывающие роль женщины-матери и хранительницы домашнего очага. Поскольку на Руси X—XV вв. еще не полностью утвердилась церковная доктрина семьи, принижавшая женщину, полностью подчинявшая ее и детей властелину в доме — мужчине, постольку сами женщины пытались преодолеть навязываемые церковниками нормы «молчания» и «послушания», утвердить самостоятельное положение в браке, как экономическое, так и личностно-психологическое.

Глава III

«А жонки з жонкою присужатъ поле...» (Правовое положение женщины в X-XV вв.)

Положение женщины в русском феодальном обществе X—XV вв. не может быть обрисовано с достаточной полнотой без исследования дееспособности представительниц

различных классов и социальных групп в имущественно-правовой сфере. Эта проблема не только связана с историей развития древнерусского права в целом и семейного в частности, но и помогает найти ответы на такие важнейшие вопросы, как, например, истоки неравноправия женщин, их имущественные права в соотношении с проблемой феодальной стратификации, сопоставление нормативов древнерусского феодального законодательства и реального социального положения женщин, возможности и широта имущественно-правовой и социальной самостоятельности представительниц господствующего класса и т. п.

Права женщин на владение и распоряжение имуществом

Законодательные нормы, касавшиеся имущественного статуса представительниц разных классов и социальных групп и действовавшие в период от Русской Правды (РП) до первого общерусского Судебника, уходят корнями в глубокую древность, в эпоху складывания феодальных отношений. Первое упоминание о полномочиях женщин на владение определенным имуществом содержит уже один из наиболее ранних юридических памятников — Договор 911 г. Олега с Византией, утвердивший право женщины сохранить за собой часть общего с мужем имущества даже в случае, если муж совершил убийство и предстал перед законом: «Аще ли убежить сотворивый убийство, а и жена убившего да иметь, толицем же, пребудеть по закону...» Иными словами, в том имуществе, которое получала жена преступника «по закону», имелся и ее собственный выдел, «часть», отдельная от мужниной (ибо в статье речь идет об отдаче «его части», т. е. части мужа, родственникам). Понятие «часть», на которую имела право и которой располагала женщина, вошло в юридический быт вместе с первой кодификацией законов. О ней упоминается в статьях Пространной Правды (ПП) об имущественных правах женщин в семьях смердов, «свободных мужей» и привилегированного сословия¹. О том, что и «робы» могли обладать какой-либо собственностью, нормативные источники столь раннего времени ничего не сообщают.

Женское имущественное владение, именуемое в РП «частью», вероятно, включало приданое и не входящее в его состав некоторое парафернальное имущество — собственность жены, которой она могла распоряжаться по своему усмотрению. Впоследствии парафернальное имущество жены передавалось мужу только на основе доверенности, а обеспечением добросовестности управления им служила законная ипотека на имуществе мужа в пользу жены².

Существование *приданого* в древнейший период истории Руси доказано еще в XIX в., хотя и РП, и другие нормативные акты того времени не знают данного термина. «Аже будет сестра в дому, то той задницы (всего наследства.— *Н. П.*) не имати, но отдадять ю замуж братья, како си могут»,— говорится в РП. Свидетельство летописца («...а завтра приношаху за ней, что владуче») указывает на существование такого приданого еще в древнем обычном праве, что позволяет усомниться в правильности утверждения о том, что институт приданого был заимствованием византийских юридических норм³. Владение приданым, по РП, присуще людям из среды почти всех классов и социальных групп феодального общества, в том числе и смердам. Сам термин «приданое» появляется в актах не ранее конца XV в. (в Судебнике 1497 г. есть упоминание о «приданом холопе»)⁴. Первые рядные договоры о назначении приданого встречаются лишь в середине XVI в. Что касается свидетельств ненормативного характера о назначении приданого, то от рассматриваемого времени (до конца XV в.) их до нас дошло очень мало⁵.

Сложнее вопрос о том, владела ли женщина чем-либо помимо приданого. О существовании *парафернального имущества* жены в первом браке нет прямых сведений в русских памятниках. Правда, следует обратить внимание на определенное Уставом князя Ярослава взыскание за покражу «свадебного» и «огородного»⁶. Первый термин относительно ясен: это то, что получала невеста при свадьбе. «Огородное» — термин

менее понятный. Он по-разному написан в различных списках Устава и не объяснен до сих пор⁷. Существование в русском юридическом быте брачного сговора (о котором шла речь в гл. II) позволяет предположить, что «сговорное» («огородное») являлось либо одной из составляющих приданого, либо частью или даже самым парафернальным имуществом, приносимым женой в дом мужа.

Более понятной представляется структура «части», которой владела женщина в связи со вторичным замужеством («что на ню мужъ възложилъ», «что дал мужъ»). По-видимому, это прежде всего то же приданое, по отношению к которому древнерусские женщины обладали правом не только владения, но и распоряжения. Иначе было бы необъяснимым появление самостоятельной собственности женщины в браке, а между тем уже Устав князя Владимира считает принципиально возможной «прю между мужем и женою о животе», т. е. спор по поводу имущества. Тот же Устав предполагает возможность конфликта вдовы с братьями, снохой, свекровью и собственными детьми по поводу «живота»⁸. Трудно согласиться с тем, что это установление было введено с целью ограничить дееспособность женщин путем передачи вопросов об имуществе в ведение церковной юрисдикции, действовавшей на основании аналогичных казусов в византийских законах, ограничивавших права женщин⁹. Предпочтительнее попытаться найти свидетельства развития имущественных прав женщин, состоявших в браке¹⁰. И они имеются.

Во-первых, тот факт, что кредиторы мужа обращали свое взыскание против жены (как в «Вопрошании Кирика»), подтверждает наличие у жены определенного имущества. Во-вторых, в Уставе князя Ярослава муж предстает посягателем на имущество супруги¹¹. В-третьих, ст. 36 Псковской судной грамоты (ПСГ) также свидетельствует о том, что «женка» могла являться истцом в деле взыскания долга по неформальным документам («доскам») ¹². В-четвертых, договор Новгорода с немцами 1269—1270 гг. подчеркнул не только отсутствие общности имущества супругов, но и наличие тайной ипотеки на имуществе жены, т.е. невозможность использования ее имущества под залог имущественных сделок мужа. (Материальную ответственность за долги мужа жена несла лишь в случае его смерти, став наследницей его движимости и недвижимости.)¹³

Отметим, что тенденция имущественной неотчетственности супруги не сразу утвердилась в русском законодательстве. Несмотря на то что русско-византийский договор X в. ввел ее в одну из своих статей, РП (а позже и нормативный акт Смоленского княжества) еще требовала отдачи имущества жены на «разграбление» в случае совершения преступления мужем¹⁴. Однако новгородское право XIII в. вновь возвратилось к системе тайной ипотеки на имуществе жены, т. е. признало невозможность его залога, что отвечало экономическим изменениям, связанным с усилением феодализации общества.

Таким образом, законодательные памятники X — XV вв. дают возможность утверждать, что женщина социально свободная, принадлежавшая к привилегированному сословию и выходящая замуж вторично, могла обладать помимо приданого и некоторым парафернальным имуществом, которое могло появиться у нее за годы либо супружеской жизни (как следствие свободного распоряжения своим приданым), либо вдовства при выполнении опекунских функций.

Русская буржуазная наука в целом преуменьшала уровень развития правовой мысли на Руси по сравнению с Западной Европой¹⁵, но ею высказывались весьма убедительные доводы против византийского происхождения статей РП и других источников об опеке¹⁶. О развитости норм опекунского права говорит уже наличие в Древней Руси института женского опекунства, которого тогда еще не знало западноевропейское средневековье¹⁷. Сходство же институтов опеки в Византии и Древней Руси определялось близостью систем общественно-экономического строя, а не заимствованием правовых норм.

Рассмотрим эту проблему подробнее. Важно, например, выяснить: вступала ли вдова автоматически в права умершего супруга по отношению к детям, или же она являлась их опекуном только по закону и эта власть над детьми определялась официальным ее положением? На основании РП можно утверждать, что знатные женщины после смерти мужа полномочно становились опекуншами малолетних детей и управляли хозяйством по праву старшинства, пользуясь добытком (имуществом) и неся ответственность за убытки лишь в случае вторичного замужества. Даже когда опекаемые становились совершеннолетними, за труды по их воспитанию матери-вдове предоставлялось право остаться в доме своих детей даже против их воли, сохраняя при этом свой выдел на содержание — «часть»¹⁹. Судя по ПСГ, позже было установлено, что отказ от содержания престарелой матери должен вести к изъятию в ее пользу у недостойного сына всей части наследуемой им собственности, которую нажили совместно отец и мать. Если же женщина вторично выходила замуж, то она возвращала опекаемым всю принятую на опеку движимость и недвижимость, включая приплод от рабов и скота. Если это имущество («товар») опекаемых пускалось в оборот, то прибыль шла в пользу ближайшего родственника опекунши, «зане кормил и печаловался ими»²⁰.

За счет этого «прикупа» (прибыли) возмещался, видимо, и ущерб в имуществе, принятом опекуншей после смерти завещателя.

Более поздние нормативные акты не касаются вопросов, связанных с женским опекунством. Это позволяет предполагать, что древние нормы права опеки традиционно действовали и позже. Как видим, РП в отличие от аналогичных кодексов западнославянских земель не вводит в юридический быт понятие соопекунов-мужчин при вдовах, предоставляя женщинам значительную самостоятельность²¹. Основанием для права вдовы на опеку были не только ее соучастие в правах на общее семейное имущество, но и принципы родительской власти, авторитет матери в быту, который делал ее (хотя и на период, ограниченный вторым замужеством) полновластной главой семьи.

Рассмотренные права женщин на владение приданым и некоторым парафернальным имуществом, а для представительниц привилегированного сословия и на опекунство над детьми органически связаны с наследственным аспектом древнерусского права собственности. Именно в нормах наследственного права раскрываются эволюция и те глубокие сдвиги, которые происходили и системе личных и общественных отношений супругов, и особенно в правах женщин. Почти все древнерусские правовые документы, в том числе и РП, уделили этой области юриспруденции особое внимание.

О наследовании в низших сословиях РП дает мало сведений: после умершего раба «робе» и «робьим детям» «задницы не имати». В семье смерда после его смерти обеспечивались его незамужние дочери («даяти часть на не»), поскольку считалось, что вышедшие замуж уже получили свою «часть» в виде приданого или в иной форме. По спискам Археографическому II, Троицкому IV, Оболенскому II и некоторым другим в ст. 90 РП имеется приписка «без детии» («аже умрет смерд без детии, то задница князю... Аже будут дщери у него дома, то даяти часть на не, аже будут за мужем, то не даяти части им»). Поскольку в статье имеется указание на всех детей, а не только на сыновей, ее можно толковать так: дочери не наследуют только при сыновьях; если сыновей нет, то имущество переходит к дочерям, а если среди них есть незамужние, то им полагается часть для приданого. Аналогично в ст. 92 РП умирающий «делит дом свой детем». Это могло означать возможность для завещателя делить имущество не только между сыновьями, но и между дочерьми: ведь наследование по завещанию могло и не совпадать с наследованием по закону, согласно ст. 94 РП о выдаче замуж незамужних сестер²².

На примере развития наследственного права представительниц свободного и привилегированного населения можно проследить эволюцию права наследования, связанную с усилением феодализации общества. Изначальным этапом подобной эволюции был период господства общинного строя, когда женщине вне зависимости от ее матримониального положения отказывалось в праве наследования не только недвижимого

имущества, но и движимости. Выделение какой-либо собственности в руки женщины могло тогда привести к росту рентабельности хозяйства чужого рода и в конечном счете к социальному неравенству. Этот этап почти не нашел отражения в древнерусских письменных источниках в отличие от «варварских прав» государств Западной Европы²³.

Лишь косвенное указание на существование в предшествовавшую эпоху упомянутого выше архаичного правила отстранения женщины от наследования имеется в ст. 95 РП. Согласно этой сложной по составу статье, дочь не наследует, когда она «сестра». Очевидно, ранее дочь не имела прав ни на какое семейное имущество²⁴.

Усиление феодализации общества, преобладание территориального принципа над родовым, рост социального неравенства способствовали развитию процесса приобретения знатными женщинами прав на владение и распоряжение собственностью. По нормативным актам XI — XII вв. русские женщины предстают владелицами и распорядительницами *движимого имущества*. Основную часть его, как уже отмечалось, составляло приданое в совокупности с парафернальным имуществом. В случае смерти супруга женщины привилегированного сословия наследовали, получая «часть», и не рассчитывали на осуществление права собственности по отношению ко всему наследству — «заднице», под которой следует понимать непременно всю совокупность движимости и недвижимости семьи.

Вопрос о понимании структуры «задницы» имеет принципиальное значение, между тем досоветская и современная наука мало обращалась к нему. Если под «задницей» понимать только наследуемую вдовой собственность мужа («задница мужня»), то придется согласиться с положением о том, что древнерусские женщины не имели наследственных прав²⁵, поскольку РП четко и определенно решает эту проблему: «...а задница ей мужня не надобе». Если же под «задницей» иметь в виду всю совокупность собственности, т. е. приданое, парафернальное имущество жены, отдельную собственность мужа, совместно нажитую движимость и недвижимость²⁶, то нельзя не признать, что женщины в рассматриваемое время уже обладали некоторым кругом наследственных прав. Они не были и не могли быть в случае наследования по закону собственницами *всего* совокупного имущества семьи, хотя и пользовались им до совершеннолетия детей на правах опекунов и системы семейной иерархии.

Можно даже предположить, что запрещение наследовать всю «задницу» и свидетельствует как раз о том, что женщины, становившиеся полновластными хозяйками имущества после смерти супруга, стремились закрепить свои права на все наследство, хотя по закону могли наследовать лишь его часть. Логично предположить, что на втором этапе эволюции имущественных прав наследуемой частью была только *движимость*. Во времена РП под «частью» разумелась известная сумма средств²⁷, некий выдел на содержание, находившийся в полной собственности женщин. В пропорциональном отношении «часть» матери вряд ли была меньше «части» каждого из детей: если бы существовало неравенство в количественном отношении, оно было бы специально оговорено в законе. Жена же причисляется к первому ряду наследников, ее права оговариваются в первую очередь²⁸. Лишь в ст. 92 РП идет речь только о детях-десцедентах, во всех остальных упомянута и мать.

Особый интерес представляет ст. 94 РП, по которой переживший свою жену супруг не получал наследственной доли в имуществе покойной, а только управлял этим имуществом²⁹. На «часть» первой жены имели право только ее дети, даже если отец передал эту «часть» («взложил») своей второй жене, т. е. мачехе этих детей. Отметим, что в русской буржуазной науке бытовала несколько иная точка зрения насчет толкования этой статьи РП. «Из содержания статьи,— писал, например, специалист по истории наследственного права В. А. Рязановский,— с большой вероятностью можно вывести заключение, что муж после смерти жены остается главой семьи, владеет и распоряжается имуществом, оставшимся после умершей, пожизненно». Это утверждение справедливо отчасти, ибо трудно согласиться с тем, что ст. 94 РП обосновывает не только право

владения имуществом жены, но и право распоряжения им. Разница между этими понятиями очевидна. Правом владения «задницей» располагали и женщины на правах опекунов, но превратить общее семейное имущество в единоличную собственность не могли, как и мужа по отношению к женскому парафернальному имуществу. Не случайно при растрате имущества первой жены муж (а в случае его смерти — сводный сын) должен был, как утверждается в некоторых списках РП, возместить убыток³¹.

Таким образом, сравнение положения вдовы и вдовца в русском законе позволяет говорить о равенстве их прав.

Еще более интересна ст. 106 РП, устанавливающая наличие у древнерусских женщин не только наследственных прав, но и права женщины в отличие от своего мужа выбирать, кому из детей передать свое наследство. По этой статье предпочтение отдавалось тому, кто проявил больше внимания к матери: «...аже и вси сынове ей будут лиси (черствые, «лихие». — *Н. П.*), а дочери может дати, кто ю кормить». Впоследствии это правило было зафиксировано и в ПСГ³².

Что касается прав братьев и сестер на этом, втором этапе эволюции имущественных отношений, то они не были одинаковыми. Сестры, например, не получали всего наследства («задницы не имали»), если братья выдавали их замуж. Но если бы дочь вообще не была наследницей, то РП употребила бы именно термин «дочь», а не «сестра» (сравни ст. 90 и 91)³³. Следовательно, в принципе дочери являлись наследницами («части», «задницы»), а специальное акцентирование того факта, что сестра при наличии братьев не являлась наследницей, как раз не исключает распространенности в быту наследования имущества дочерьми, а говорит о тех случаях, когда брат являлся старшим в семье и мог заменить родителей.

Последний, третий этап эволюции имущественных прав знатных женщин — утверждение возможности владения *недвижимостью*: землей, «отчиной». Этот этап зафиксирован лишь в поздних источниках. Так, суд Пскова, разбирая наследование без завещания («ряда»), т. е. по закону, утверждает, что, если после смерти «которого человека» останется «отчина», жене пользоваться ею пожизненно, если только она не выйдет замуж. Такое же требование предъявляется и к мужу умершей жены, после которой тоже может остаться недвижимое имущество («а у ней останется отчина!»). Доказательства прав знатных женщин на владение недвижимостью (землей) имеются, на наш взгляд, и в тех статьях ПСГ, которые подчеркивают определенные ограничения прав женщин в судебном процессе. Так, в ст. 17 и 18 говорится: «А целовать боярину, и житьему, и купцю как за свою землю, так и за женню»; «а позовут боярина, и житьего, и купца в его земле или в женне, ино ему отвечать или ответчика послать в свое место и в женне по тому крестному целованию»³⁴. Подчеркнутое в данных статьях ограничение процессуальных полномочий женщин в случае судебных тяжб по поводу недвижимости является лишним свидетельством законодательного закрепления прав женщин на владение землей.

В конце XIII в. утверждается правило, касающееся дочерей: они получают часть «имения», «равнаа с братии»³⁵, и тем самым закрепляются равные права братьев и сестер на недвижимость, хотя Судебник 1497 г. (ст. 60) оставил приоритетное право за братьями. Показательно, что в конце XIII в. даже незаконная жена могла претендовать на «прелюбодейную часть» в имуществе умершего, чтобы прокормить общих с ним детей, и даже вести тяжбу с его законной женой (и даже с ним самим при его жизни!), требуя «дати урочнаа чьясть на оскуду»³⁶.

Таков процесс эволюции приобретения представительницами господствующего класса имущественных, в частности наследственных, прав, который нашел отражение в нормативных актах X — XV вв. Само расширение имущественных прав женщин, получение ими прав на владение недвижимой собственностью органически связано с общими экономическими и социально-классовыми изменениями, характерными для государства, развивающегося по феодальному пути и преодолевшему к началу XVI в.—

по крайней мере в праве — рецидивы дофеодальных структур. Представленная условная схема рассматриваемого процесса и хронологически, и по существу отлична от аналогичной, выработанной досоветской историко-юридической наукой. Мнение об имущественной подчиненности древнерусской женщины своему супругу, схематично обобщенное М. Ф. Владимирским-Будановым («до XIV в. имущество жены находится в собственности мужа, от XIV и по XVII в.— общность имущества и с XVIII в.— раздельность») ³⁷, серьезно корректируется данными самих нормативных актов. Точка зрения буржуазной науки объясняется тем, что она не пыталась дать социально-экономическое обоснование процессу развития права. Попытке создать иную, более адекватную, приближенную к действительности картину положения русской женщины способствует рассмотрение вопроса об эволюции имущественных прав женщин в X—XV вв. в связи с общими проблемами развития феодальной собственности на землю.

Приобретение и реализация земельной собственности

Широкие возможности изучить реальное имущественное положение древнерусских женщин предоставляют новгородские грамоты на бересте. В них, как и в нормативных документах раннефеодальной эпохи, четко выражен второй этап эволюции владельческих прав женщин — период обладания и пользования движимым имуществом, и прежде всего денежными средствами. Например, новгородская грамота № 228 (XII в.) перечисляет должников, среди которых названа «Ярошковая» (жена Ярошки, Ярослава), задолжавшая 9 резан. Грамота № 449 (тоже XII в.) говорит о безымянной «дъложнице»: «...у ней 6 гривен в дъложениць». Среди грамот, найденных в Старой Руссе (конец XII в.), имеется письмо жены Ивана должнику Фоме, в котором она требует отдачи ей денег за проданную соль, угрожая повышением цены на нее, т. е. ростовщического процента ³⁸.

Интересную житейскую ситуацию представляет грамота № 531. Суть ее в том, что некая Анна с дочерью (видимо, из мелких феодалов) давала в отсутствие мужа Федора занятые им у некоего Константина деньги в рост, получая с этого немалый доход. Теперь же она вместе с дочерью просит защиты у своего брата Климента от разгневанного мужа и отца. Подобная ситуация (дача одним из супругов без ведома другого денег в долг) не вызвала бы удивления, датируйся грамота XIV — XV вв. Но стратиграфический анализ показал, что находка относится к XII в.! Это свидетельствует о значительной самостоятельности женщин в денежно-ростовщических операциях уже в XII в., о раздельности имущества супругов (доход-то от процентов шел явно в личную собственность женщин, а не в общую семейную — иначе чего бы гневаться мужу Федору?). Женщины-заимодавцы XII в., как показывают грамоты, проявляли отличную осведомленность о нормах тогдашнего ростовщичества, зафиксированных еще III и позже ПСГ ³⁹.

Новгородская I летопись сообщает о строительстве церквей знатными женщинами, что предполагало наличие у них значительных денежных средств. Среди таких женщин и жительница Новгорода «Жирошкина дъчи» Полюжая Городщиница (XII в.), и «дщи князя Чешь-ского» Мария Всеволодовна, субсидировавшая строительство церкви во Владимире (XII в.). В Ипатьевской летописи можно найти и более ранние свидетельства. Так, Мария (Мстиславна?), жена великого князя Всеволода, основала Кирилловскую церковь в Киеве (XII в.), где и была похоронена. В Лаврентьевской летописи (XIII в.) упомянуты монастырь Святой Богородицы, «юже бе создала великая княгиня и блаженная Всеволожа» (дочь Всеволода III Юрьевича Елена Всеволодовна), и церковь Спаса Преображения в Твери, которую заложила Ксения Юрьевна, жена тверского князя Ярослава Ярославича. Имеются свидетельства XIII в. о совместном с мужьями и сыновьями основании знатными женщинами монастырей ⁴⁰. Летопись упоминает о раздаче денежной милостыни монастырям княгиней, женой Святополка Окаянного: «...много раздала богатство мо-

настырем и попом, и убогим...»⁴¹ Неоднократно отмечают летописцы и получение дорогих даров дочерьми от родителей⁴².

Конец XIII в. оставил нам возможность судить о женском движимом имуществе по уникальной рядной грамоте псковичей Тешаты и Якима. Эта грамота — договор о взаимных расчетах в связи с женитьбой Якима на дочери Тешаты. Тешата, судя по этим расчетам, — вдова, приданое за дочерью дает серебром, а взамен берет у дочери (впоследствии — жены Якима) свое монисто⁴³. Примеры могут быть умножены. Так, приданое в виде движимости завещал своей дочери Фетинье в XIV в. и Иван Калита: «А что золото княгини моее Оленино; а то есмь дал дочери своей Фетиньи, 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковал...» Новгородские берестяные грамоты конца XIII — начала XV в. (№ 129, 293, 328, 358, 363, 389 и др.) также дают исследователю немало свидетельств участия женщин в денежных операциях на основе лично им принадлежавшей движимости. Помимо денег в имуществе женщин называются изба, подклеть. Женщины побогаче могли иметь в Новгороде и собственных людей, и рабынь⁴⁴.

Среди актов XV в. встретилась следующая любопытная ситуация: некий Мина Васильев сын описывает в купчей на землю сделку с Никоном Филимоновым сыном. В документе говорится: «...а сию землю купил Миня на женни куны, опришьно отца и братии свои». Здесь налицо раздельность денежных средств в семье Мины Васильевича⁴⁵. Указание на деньги жены в сочетании с подчеркнутым «опришьно отца и братии свои» имеет целью сохранить вотчину за женой и лишить в дальнейшем своих родственников права на родовый выкуп.

Последний этап эволюции имущественных прав женщин привилегированного сословия — это свободное распоряжение и пользование ими недвижимым имуществом. Уже в берестяных грамотах конца XII — XIII в. упоминаются женщины, владевшие недвижимым имуществом. Так, по грамоте № 227 (конец XII—XIII в.) можно установить, что жена и сын главы большого семейного клана были должны удовлетворить земельные и денежные претензии к ним в связи с кончиной последнего. При этом претензии по поводу земельного участка выставляли не только братья покойного, но и (что примечательно!) их жены — Радоковая и Давы-жая. Новгородская грамота № 55 (XIII в.) свидетельствует о продаже целого двора в Новгороде женой некоего Фомы, проживавшего в Акосове⁴⁶.

Известно женское землевладение и в княжествах. Уже в XII в. в одном из граффити Софии Киевской упомянута княгиня Всеволожая как покупатель «земли Бояновой», за которую она заплатила «семьсот гривен собольих»⁴⁷. По «рукописанию» (завещанию) князя Владимира Васильевича его жена получила: город Кобрын «и с людьми, и з данью, како мне даяли», села Городел «и с мытом», Садовое, Сомино, Березовичи (недавно купленное село), монастырь «св. Апостолы». При этом сам князь утверждал: «...а княгини моей, по моем животе, аже восхочет в черниче пойти, пойдет; аже не восхочет иш, а како ей любо, мне не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моем животе»⁴⁸.

В памятниках XIV—XV вв. число сведений о распоряжении земельным имуществом женщинами резко увеличивается. Немало упоминаний о женском владении недвижимостью содержит эпиграфический материал, находящийся в соответствии с уже рассмотренными нормами ПСГ. Это и завещание некой Фетиньи, жившей в середине XIV — начале XV в. (грамота № 28), и завещательное письмо некой Орины, внучки Юрия Онцыфоровича, «приказавшей» свои земли Колмову монастырю, и грамота № 474 — жалоба одного из новгородцев против захвата пашни («оралици»), принадлежавшей его жене, которая этим неблагоприятным поступком «зобижена». В грамоте № 474 отчетливо отразилась раздельность имущества супругов, зафиксированная ст. 94 ПП⁴⁹.

Среди грамот XV в. наиболее известна жалоба Анне от Микифора, которого не признали хозяином купленного им у Анны участка: «Поклоно Ань от Микифора з Дорофеева жеребея. Что еси дала пожню в Быковщине, то Шеюга отнимает, другую —

Осипко. Землицы мало, а пожни отъимают...» В грамоте № 307 к госпоже Настасеи Михайловне» обращаются «хрестьяне» ее деревни с жалобой на лиц судебной администрации, опечатавших их имущество по «лживым рукописаниям». В грамоте № 53 некая Мария заключает купчую на покос сена. Документ № 580 представляет собой «рукописание» владелицы земли в «Здарвею» Ульяны в пользу двух ее сыновей⁵⁰

Новгородские грамоты на бересте — это в основном бытовая, житейская переписка. Юридическая сторона ситуаций, отчетливо показанных новгородскими берестяными грамотами, может быть обоснована актовым материалом XIII—XV вв., подтверждающим дееспособность представительниц привилегированного сословия как в передаче во владение, продаже, так и в приобретении недвижимой собственности. Явления, которые нам предстоит наблюдать, возможно, уходят корнями в большую древность, ибо частный акт возник на Руси сравнительно поздно, а сравнительно ранних по времени создания актов дошло до нас совсем немного.

Акты *дарения* частной недвижимой собственности, совершенные самими женщинами из привилегированных социальных групп, нашли отражение в грамотах, носящих наименование «данные» и «вкладные». В комплексе документов, связанных с реализацией женщинами права собственности на недвижимость (около 400 опубликованных и найденных в архивах актов), эти грамоты преобладают. В данных и вкладных грамотах нами выявлено 107 дарений и 8 указаний о вкладах. Абсолютное большинство данных и вкладных грамот относится к XV в., лишь три — к XIV в.⁵¹ Наиболее ранними следует считать данную Оксиньи, дочери Фомы Васильева, жены Григория Остафьева, архимандриту Чудова монастыря Иоакиму на пустошь Шугаровскую, близ реки Каширки (1381 г.), а также вкладную Иулиании, жены великого князя Ольгерда, Успенской церкви в Озерищах (1377 г.)⁵². Акты дарения чаще всего совершались знатными женщинами в пользу монастырей. Однако имеется ряд пожалований и частным лицам. Так, Ирина Ольгова подарила своему зятю Тимофею Александровичу (Синему) село Марьинское в Костромском уезде, а княгиня Марья, жена Семена Александровича Олеска, оформила данную на боярина Даниила Русано-вича. Есть и другие аналогичные упоминания⁵³.

При исследовании актов дарения земли женщинами — данных и вкладных грамот в пользу монастырей⁵⁴ — немаловажным вопросом является определение частоты самостоятельных процессуальных действий женщин. Рассматриваемая с точки зрения определения субъекта, совершившего акт дарения, совокупность грамот (104) распадается на три группы актов: 1. Дарения во исполнение воли умерших мужей или других родственников мужского пола, например свекра (29). 2. Совместные с мужем, отцом и родственниками мужского пола дарения (24). 3. Самостоятельные действия женщин (51 грамота). Тот факт, что последняя группа включает половину всех грамот данного комплекса, — серьезный аргумент в пользу распространенности процессуальных действий женщин, не зависящих от других членов семьи. Однако и наличие большого числа дарственных, составленных «по приказу», «по благословению» родственников, и прежде всего мужей (27 %), не может служить аргументом в пользу тезиса о несамостоятельности женщин и их недееспособности. Составление таких грамот было вызвано, вероятно, тем, что вдова становилась распорядительницей и управительницей всего оставшегося после смерти мужа хозяйства, подчас разоренного. Нередко женщины, как далее увидим, были вынуждены передавать имения своих мужей за их же долги.

Примечательно, что некоторые из дошедших от XV в. документов отразили и альтернативные ситуации, когда муж «дает» недвижимость «по слову» жены. Например, некий Иван Дмитриевич передал в монастырь село Перцово «по Евдокеину слову Даниловой жены». В грамотах первой группы имеются три упоминания о передаче женщинами земли в пользу монастырей «по приказу» матери или свекрови. В двух из них исполнительницей воли умершей является Мария Боровская, в третьей — Елена Кормилицына дарит одну из трех деревень, полученных от матери⁵⁵.

Небезынтересна и вторая группа актов, являющихся совместными дарениями (24): с мужьями — 8, с сыновьями — 11, с мужем и детьми (в том числе и с дочерьми) — 3, с матерью — 2. Определенное распространение имели, по-видимому, и совместные дарения отца и матери своим детям⁵⁶. Формально добровольный акт дарения в действительности оказывался результатом длительных предшествующих экономических отношений между земельными собственниками — участниками сделки. Например, одна из вкладчиц, Акулина (Голтяева?), совершая с сыном акт дарения недвижимости в Переяславском уезде, обуславливает свои действия обязательством со стороны монастыря уплатить долги своего мужа «Ондрея» на сторону — «десять рублей... Марье Федорове с тое земли». В другой грамоте дарение монастырю — скрытая уплата долга ему. Некоторые вкладчицы, например Анастасия (Саларева) и княгиня Евдокия, жена князя Дмитрия Ивановича Донского, ставят условие, запрещающее отчуждение кому-либо, кроме них самих, подаренных монастырю земель («а будет им те села продати, и им мимо меня, Настасьи, тех сел не продати») ⁵⁷. Подобное условие, затрудняющее мобилизацию земельной собственности монастырем, рисует женщин дальновидными политиками в области экономики феодального хозяйства: они, по-видимому, предусматривали возможность «распыления» семейной вотчины «при животе» и после смерти вкладчицы и хотели это предотвратить. В то же время перед нами достаточно распространенная клаузула, встречающаяся отнюдь не только в «женских» актах.

В рассмотренной совокупности документов о дарениях недвижимости знатными женщинами 11 пожалований сделали духовные лица: монахиня, старицы, черницы, инокини; 1 — «посадница» Марфа Борецкая, 3 — I боярыни, 25 — княгини и великие княгини. В тексте остальных грамот (64) нет упоминаний о социально-классовой принадлежности вкладчиц, но косвенные данные позволяют установить, что они либо княгини, либо своеземщицы (если грамоты новгородско-псковского происхождения) ⁵⁸.

Примыкающая к группе данных и вкладных группа жалованных грамот представляет интерес с двух точек зрения. С одной стороны, жалованные грамоты являются ценным источником по истории иммунитета и помогают воссоздать картину судебно-фискальных прав привилегированных владелиц земли, ибо, как указывал К. Маркс, в феодальную эпоху высшая власть в суде была атрибутом земельной собственности ⁵⁹. С другой стороны, жалованные грамоты (в том числе жалованные-данные-тарханские и жалованные-данные-льготные), закреплявшие разными путями переход недвижимости во владение феодалов, так же как и обычные, вкладные, характеризуют правомочность женщин в области передачи (во владение, в пользование, в собственность) земельных владений. Среди 67 рассмотренных грамот⁶⁰ такие грамоты (24) составляют около 36 %. Две из них являются совместными с мужьями пожалованиями сел (данными) ⁶¹. Остальные представляют собой самостоятельные дарения монастырям деревень (2), сел (9), монастыря (3), пожень (2), волости (1), двора в городе (1), пустошей (1), леса (1), участка земли (1). Пожалование волоцкой княгини Иулиании Михайловны именно светскому лицу и к тому же женщине — Ульяне Баламутовой с сыном ⁶² — единственное в своем роде, хотя в грамотах другого рода встречаются упоминания о родственниках женщины женщине ⁶³. Причинами заключения сделки примечательна жалованная грамота жены волоцкого князя Бориса Васильевича («княгини Борисовой»), которая, как и упомянутая вкладчица Акулина (Голтяева?), передала недвижимость монастырю с обязательством выплаты им «княгине Борисовой» — Ульяне Михайловне всех пошлин и 4 руб. своего долга ⁶⁴.

Небезынтересно обратить внимание на персонифицированную атрибуцию жалованных грамот, составленных женщинами. В отличие от данных все жалованные грамоты, которыми мы располагаем, исходят от княгинь (14) и великих княгинь (53), причем большинство (37) из них — от великой княгини Марии Ярославны, а 9 составлены «по приказу великие княгини Софьи». Кроме того, мы располагаем 10 грамотами самой Софьи Витовтовны.

Объем прав вдовствующих великих княгинь на недвижимость определяется обычно в духовных грамотах их мужей (примером могут служить духовные Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича, Василия Васильевича). Каждая великая княгиня получала со смертью супруга во владение удел — часть великокняжеской, государственной территории. От него принципиально отлична феодальная собственность великих княгинь, о которой духовные грамоты говорят: «А в прикупах и примыслах вольна: кому восхочет дати, ино тому и дасть»⁶⁵. Акты дарения и передачи недвижимости монастырям свидетельствуют о значительных «примыслах» и «прикупах» княгинь, которыми они свободно распоряжались. Преобладание дарственных, исходящих от женщин самого высокого социального ранга, объясняется не только их положением в обществе, но и наличием у них значительных (по сравнению с другими женщинами привилегированного сословия) денежных средств.

Значительную группу актов, связанных с *продажей* земельных владений женщинами, представляют 33 купчие грамоты⁶⁶. Судя по этим грамотам, продажа недвижимости женщинами светским лицам — явление более распространенное, чем пожалования им (20 актов из 33). Ранний случай возмездной передачи недвижимости именно женщиной — продажа Анной Радивонковой некоему Петру Радцеовскому своей «деднины» и «вотни-ны» в 1359 г⁶⁷

Среди названных 33 актов лишь в двух упомянута продажа земли вдовой. Однако факт относительно большого числа документов (11), где в качестве субъектов сделки упомянуты матери с детьми, предполагает, что подобные совместные сделки делались вдовыми женщинами. Подтверждает правильность этого вывода и наличие среди актов продажи недвижимости случаев вынужденной передачи земельной собственности: в одном варианте — за долги мужа, в другом — за долги мужа и «деверня сына»⁶⁸. Необычна и единственна в своем роде продажа села Кириллова Волняницкого сестрами Феодосией, Татьяной и Евдокией Яковлевыми⁶⁹. Рассматриваемые грамоты отразили 5 совместных возмездных передач супругов, 11 самостоятельных продаж замужними женщинами; 3 акта говорят о сделках, заключенных женщинами — духовными лицами (в одном случае черницей Марфой, причем землю ей «отводил Семен вместо матери своей Марфы»⁷⁰). При отводе земель лишь в одном случае из 33 «ялася Василиса сама», еще в одном — супруги вместе, в остальных — специально оговоренные в акте люди⁷¹.

Следует отметить такую форму возмездной передачи (недвижимости, как «дача в куплю», предполагающая уплату за землю некоторой суммы, по-видимому меньшей ее действительной стоимости. Покупка такого рода позволяла женщине — продавцу недвижимости владеть проданной землей «до живота» с потерей права на распоряжение проданным имуществом. Примером может служить приписная грамота к духовной великого князя Василия Васильевича: «...что ми дала Настасья Федорова Андреевича... а держати ей за собою до своего живота, да что ми дала ее Орина Олексеева, жена Игнатъевича, свои села на реце... в куплю же до своего жизота... А княгини моя по моим купчим грамотам отдаст им цену за те села по их душе, кому они прикажут опосле живота взяти...»⁷²

Интересную ситуацию рисует и новгородская купчая XV в.: «Се купил Филипеи Семеновиць у Ульяне, у своей жены, и у ее зятя, у Нафлока, и у его жены Марьи землю Сенькинскую... и двор за рекою... и дал им на ней Филипеи два рубли да овцу попопонка... А купил себе в одерень и своим детям»⁷³. Эта купчая свидетельствует о раздельности собственности супругов в семье, и ее появление можно объяснить, если предположить, что покупателем в этой сделке был супруг Ульяны во втором ее браке. Не случайно в числе продавцов «земли Сенькинской» упомянута Марья, названная женой зятя Ульяны. Будь эта Марья общей дочерью Ульяны и Филиппа Семеновича — зять Нафлок приходился бы зятем и покупателю. Между тем в грамоте подчеркнуто, что он лишь «ее зять». Совместность сделки Ульяны с зятем и дочерью убеждает в правильности предположения, что первого мужа Ульяны уже не было в живых и доставшиеся от него

дочери с зятем и вдове земли продавались в новую семью Ульяны — Филиппу Семеновичу. Возможно, отец Марьи оставил ей эту вотчину в качестве приданого, но при жизни матери (Ульяны) дочь — даже замужняя — не имела права ею распоряжаться. Родственные продажи в целом не являлись редкостью, продавцами в них часто выступали свекровь или теща⁷⁴. Видимо, у Филиппа Семеновича были и свои дети от другого брака, ведь землю он покупал не только себе, но и им «в одерень». Таким образом, эта новгородская купчая иллюстрирует упомянутую ст. 94 РП о правах на «отчину» наследников от разных браков.

Купчие, отразившие продажу недвижимости женщинами, свидетельствуют о разнообразии правовых норм, в которых проявлялась мобилизация земельной собственности, а это в свою очередь важный аргумент в пользу развитости феодального базиса и его надстройки. Один из актов, где речь идет об «уступке» игуменьей суздальского Александровского монастыря Ириной Спа-со-Евфимьеву монастырю ржаной и овсяной нив, рисует картину обусловленной продажи: Ирина передавала земли монастырю, который был обязан «давати» ей «на всякий год за те нивы по двадцети четвертей ржи, да... овса, да по пяти ведер рыб соленых». Срок истечения условий купчей (выплаты оброка) в тексте не указан («на всякий год»). Возможно, если бы это условие было для игуменьи Ирины пожизненным, оно в грамоте было бы оговорено, как это сделано в купчей Андриана Федорова у Фетиньи Воронцовой: «...до своего живота». На сложные экономические отношения между земельными собственниками (среди которых и полноправная женщина!) указывает акт 1440 г. из архива Троице-Сергиева монастыря: князь Дмитрий Юрьевич Красный купил у Фетиньи, жены Ивана Юрьевича, «селцо Воробьевское», но он его «дал Фетиньи жити и с деревнями до ей живота»⁷⁵. Такая продажа ставила жену Ивана Юрьевича в выгодное для нее положение: получив «триста рублев московским серебром да шюбу кунью попол-нка», она имела возможность пожизненно пользоваться проданной землей.

Поиск ранних свидетельств эволюции имущественных прав знатных женщин в эпиграфическом материале привел к выводу, что большинство документов такого рода (10 из 33 купчих) — новгородско-псковского происхождения, т. е. относится к Северо-Западу Руси, где развитие товарно-денежных отношений, не нарушенное ордынским вторжением, было особенно интенсивным. Правда, при этом следует учитывать и худшую сохранность источников в Центральной Руси. В развитии феодального права важную роль играл и внешний фактор — соседство с теми русскими землями, которые тогда оказались под властью Литвы. Это способствовало завершению имманентно идущих процессов, ибо право Северо-Западной Руси развивалось во взаимодействии с эволюцией права польско-литовского⁷⁶. Вот почему обнаруживается немало аналогий как в формуляре купчих, так и в самих ситуациях, отразившихся в документах о продаже женщинами земельной собственности, в западнорусских землях и на территориях Малопольши и Литвы⁷⁷.

Если считать доказанной дееспособность женщин привилегированного сословия в заключении актов дарения и продажи недвижимости в XIII—XV вв., то можно с очевидностью предположить, что в то время женщины свободно совершали также *обмен* и *раздел* земельной собственности, хотя документов, отражающих сделки такого рода, совершенные женщинами, значительно меньше, чем данных, жалованных и купчих. Так, в распоряжении исследователя 9 грамот об обмене и 5 отдельных⁷⁸, причем наиболее раннее упоминание об обмене соответствует во временном отношении появлению актов продажи и пожалования (псковская грамота второй половины XIV в.⁷⁹). В документах встречаются случаи обмена «окладом на оклад», доплаты женщинами некоторой суммы за полученные в результате обмена земли. Например, М. Росовая за полученное ею имение в «Червоной Руси» — село Куропатники доплатила «40 копь» (грошей)⁸⁰. В четырех актах сделка совершается женщиной самостоятельно, в одном — совместно с мужем, в трех — с детьми. Есть два акта со сделками между родственниками: Андрей Дмитриевич менялся землями с матерью, а Василий Дмитриевич выменял у матери села в Юрьеве. Подобные

сделки были достаточно распространенными, ибо являлись одним из способов «округления» разбросанных владений⁸¹. Достаточно вспомнить дельные (раздельные) грамоты, где в таких сделках участвовали женщины (6 документов), чтобы убедиться, что случаев обменно-раздельных операций между родственниками (и женщинами в их числе) было немало⁸².

К вопросу о дееспособности женщин в области сбыта имущества относится и реализация их права на *заклад* и *залог* недвижимости, ибо женщины привилегированного сословия, несомненно, обладали этим правом. Так, в одном из документов некая Офимья, Стефанова жена, закладывает свою «отчину» на Русском Севере Феодосию Никитину сыну; в другом — княгиня Ирина, жена князя Семена Ивановича, участвует в аналогичной операции с землями в Дмитровском уезде. Ряд актов свидетельствует о подобных действиях женщин на территории западнорусских земель⁸³. В тексте этих документов не содержится никаких ограничений прав женщин на заклад принадлежащих им земель; лишь в одном акте упомянуто согласие мужа на совершение сделки⁸⁴.

Рассмотренный материал об участии женщин в дарении, продаже, обмене, залоге недвижимой собственности подтверждает правомочность представительниц господствующего класса в имущественной сфере (см. Прил., табл. 1).

Вопрос о правомочности и дееспособности женщин привилегированного сословия охватывает и область приобретения недвижимого имущества в его основных формах: получение в дар (безвозмездное приобретение), купля и получение в качестве приданого или наследства.

Документов, отражающих акт *пожалования* (или *дарения*) женщинам, немного (16)⁸⁵. В общей совокупности жалованных и данных грамот акты о дарении светским, частным лицам составляют незначительную часть. Один из наиболее ранних актов подобного рода — данная Мавре Корякиной на Узменские пожни в Бежецком Верхе 40-х годов XV в. (если не считать косвенное указание о пожаловании женщине в одной из духовных)⁸⁸. Среди грамот, упоминающих женщин, которым сделаны родственные пожалования, в двух получателями являются игуменьи, а три представляют родственные дарения: в одном случае — отца, в другом — супругов своим дочерям, в третьем — свекрови невестке. Среди родственных дарений примечательна передача Есипом Пикиным половины деревни Талицкой во владение «до живота» жене без права распоряжения: после ее смерти эти земли надлежало отдать монастырю⁸⁷. Остальные документы отражают вассальные отношения между землевладельцами и женщинами-собственницами.

Мало дошло до нас актов, отражающих *покупку* земельной собственности женщинами, хотя первое упоминание о таких действиях женщин относится к началу XIV в.⁸⁸ Пока известно 14 таких свидетельств⁸⁹. Ни в одной из дошедших до нас купчих грамот (4) не упоминается как обязательное условие согласие мужа или родственников по мужской линии на заключение сделки, которое было неременным по польско-литовским законам⁹⁰. Покупки совершались на собственные деньги женщин («на женни куны»). «...Дала есмя ему на той трети... земли... пять рублей да пополонка вол. А купила есми ту землю себе и своим детям впрок без выкупа...» — свидетельствует Елена Жабина. Варвара, жена Герваса, перекупила у мужа за сто гривен села Толмачи и Журково. Княгиня Иулиания купила у сына «селце Михайлов-ское». Треть всех свидетельств о покупке земель женщинами связана с именами великих княгинь и приобретениями комплексов близлежащих к их уделам земель⁹¹.

Наиболее распространенным способом приобретения недвижимой собственности женщинами было получение ее в *приданое* и *наследование* по отцу, мужу и другим членам семьи. Незамужняя женщина, пока был жив отец, находилась в материальной и личной зависимости от него и имела ограниченные имущественные права не только на распоряжение, но и на владение недвижимостью. После смерти отца, а тем более обоих

родителей происходили существенные изменения, касавшиеся получения женщинами части оставшейся после родителей недвижимой собственности.

Рассмотренные формы реализации и приобретения земли женщинами не привлекали к себе специального внимания. Вопросы, связанные с получением в приданое недвижимости представительницами господствующего класса, получили некоторое отражение в работах буржуазных историков и правоведов, которые исходили в основном из свидетельств более позднего времени (XVI в.). В досоветской историографии утвердилось однозначное мнение относительно прав на приданое в виде недвижимой собственности: приданое в лучшем случае «составляло собственность семьи, будучи назначено на удовлетворение материальных ее потребностей». Под этим подразумевались собственность мужа на женино приданое и право распоряжения им⁹².

Чтобы определить возможно точнее широту прав женщин на свое приданое, необходимо выяснить: кто пользовался приданым, каковы были пределы этого пользования, а также судьбу приданого после брака. Для этого обратимся к актовому материалу XIV — XV вв., ибо самое раннее и уникальное свидетельство — рядная Тешаты и Якима середины XIII в. — не дает ответа на поставленные вопросы.

В нашем распоряжении имеется 21 документ, прямо или косвенно отражающий акт получения приданого или пользования им⁹³, причем в 12 случаях упоминание о приданом встречается в духовных грамотах. В четырех из них дочери приобретали по завещанию родителя не часть земельной вотчины, а лишь «приданных людей» и движимость. В двух случаях причина подобного явления кроется, по-видимому, в малолетстве дочерей, когда выдача их замуж — дело далекого будущего и забота оставшихся в живых родственников: «А дочь мою Овдотью жена моя и мои дети дадут замуж избобчя...» В третьем случае — в духовной троцкого чернеца Вас-сиана Уварова — все родственники, в том числе и сыновья, получали лишь движимое наследство. В четвертом же дочь завещателя была уже замужней, и часть отцовской «отчины» получал ее муж, которому, кстати, завещатель «приказывал» и жену свою вместе с другими детьми⁹⁴.

Имеется еще одна грамота, в которой упоминается приданое в форме движимости: волоцкий князь Иван Борисович сообщал в своей духовной, что он «истерял» приданое своей «сестричнии» (племянницы), в котором были «платья и суды», и за эту оплошность завещает ей некоторую движимость. Поскольку в грамоте речь идет о племяннице, а не о дочери и к тому же само упоминание косвенное (быть может, «сестричния» располагала и «приданными» землями?), то на основании этого документа нельзя предполагать какое-либо ущемление прав дочерей при получении наследства⁹⁵. Тот факт, что в большинстве случаев приданое в форме движимого имущества получали сами дочери, а не только их мужья, не может вызывать сомнения. В перечне завещаемого дочерям движимого имущества значительную часть составляют женские вещи: украшения, шубы, «чепи» из драгоценных металлов (при замужестве великих княгинь, начиная со свадьбы дочери Ивана III Елены, составлялись специальные описи царского приданого⁹⁶). Полученные в качестве приданого денежные средства использовались для земельных приобретений⁹⁷.

В то время как западные современницы древнерусских женщин получали приданое чаще всего в виде денег, движимости⁹⁸, в русских документах содержится немало примеров получения в качестве приданого недвижимой собственности. «Приданными» землями в актах названы село Елизаровское Олены, жены Андрея Михайловича Плещеева; деревня Задешинская, которую Мавра Корякина передала монастырю; деревня Болдинская Мавры Румянцевой, отданная ею по завещанию сыновьям Василию и Долмату; деревня Ворохобьино, данная в «придании» дочери Ульяне троцким старцем Феогностом⁹⁹. В других грамотах передаваемые по завещанию дочерям земельные массивы, хотя и не названы прямо «приданными», являлись тем не менее таковыми. Прежде всего это земли, упоминаемые в духовных знатных женщин как принадлежащая именно им собственность, отличная по характеру от «примыслов» и «прикупов»¹⁰⁰.

Потенциально «придаными» землями можно назвать и такие, которые упоминаются в духовных как будущее приданое дочерей: «А что волости за княгинею за Ульяною, ис тых волости дети мои... дадут дчери ее Сурожику, село Лучиньское...» Или в другом акте: «...тщери своей Екатерине как взростет велел есми ей дати сыну своему Захарью деревню Ботвиньево». Есть и другие свидетельства подобного рода ¹⁰¹. Двинская купчая иллюстрирует ситуацию, когда «дети», братья, уже отдали «ю (сестру.— Н. П.), како си могуть»: «...село... Фофановское со всеми угоды... Федоре дали братья Аврам и Яков отчину свою...» ¹⁰².

В актах описана и такая ситуация, когда завещанные женщинам земли могли после их смерти переходить во владение не зятю, а внуку, т. е. и являться приданым, и входить в парафернальное имущество. Например, отец-завещатель передавал незамужней дочери в пользование часть своей вотчины на срок «до ее живота, а по животе, ино внуку моему князю Василию» ¹⁰³.

Еще один вариант можно назвать нереализованным приданым. Так, верейский и белоозерский князь Михаил Андреевич в первой духовной, составленной в 1486 г., завещал дочери Анастасии «в Ярославском уезде свои два села», оговаривая незыблемость ее прав на земельную собственность: «А будут те селца надобны моему господину великому князю, и господин мой князь велики даст моей княгине Настасье в тех земель место свои земли». Однако в духовной, написанной позже, Михаил Андреевич завещал Анастасии только «триста рублей», не упоминая никаких сел ¹⁰⁴. Возможно, что к тому времени ярославские села уже перешли во владение Анастасии Михайловны в связи с ее замужеством (в последней духовной фигурирует «зять Осиф»).

Отмечая свидетельства самостоятельного распоряжения «придаными» землями (пожалование монастырю, завещание) замужними женщинами и случаи их совместных с мужьями акций (продажа, пожалование «по приказу» матери, дарение сыну) ¹⁰⁵, мы не обнаружили фактов неограниченной власти супруга над жениным приданым. О приоритетных правах женщин на собственное приданое говорит и судьба приданого при прекращении брака: оно по закону переходило чаще всего к детям, а в случае бездетности возвращалось родителям ¹⁰⁶. В реальной же жизни муж и жена в отношении приданого составляли нередко единое юридическое лицо или находились в совладении (имели «свои половины») на протяжении всей совместной жизни ¹⁰⁷. Не случайно и в формуляре грамот, связанных с совместным распоряжением приданым в форме недвижимости, появляется указание на согласие жены в общей супружеской сделке: «А что жены моей село Елизаровское приданое в Переяславском уезде, и мы, со своею женою Оленою поговоря, дали есмя по любви то село... сыну своему...» ¹⁰⁸

Разумеется, одним из главных путей приобретения недвижимости замужними женщинами было *наследование* ими части «отчины» по мужской и женской родственным линиям ¹⁰⁹. В случае если завещатель передавал «по душе» все наследство монастырю, родственники (в том числе жены) получали лишь движимость. Иногда такая сделка оформлялась следующим образом: «...што в моем селе да и в деревнях, и то серебро прикащики мои зберут, да дадут жене моей» ¹¹⁰.

Большая группа документов о наследовании земельной собственности представительницами господствующего класса связана с получением ими земли по завещанию мужа (34), отца (14), матери (2), свекрови (5), брата (1), дяди (1). Некоторые знатные женщины «отказывали» свои земли внукам, племянникам, сыновьям; другие — передавали их «по душе» монастырям (таких духовных 5 плюс 16 упоминаний в других актах) ¹¹¹.

Наследование по *отцу* ¹¹² прямо и непосредственно связано с приданым; наиболее раннее упоминание в актах об этой форме наследования — середина XIV в. ¹¹³ В ряде случаев передача земельной собственности замужней дочери сопровождалась упоминанием и о ее муже, т. е. наследуемая часть вотчины давалась супругам в совладение ¹¹⁴. Это, однако, не было следствием действия каких-либо нормативных

установлений или обычного права. В каждом конкретном случае завещатель поступал так, как того требовали интересы сохранности и целостности земельного владения. Например, распространенной формой приобретения знатными женщинами земли во Пскове (как, впрочем, и в других регионах Руси) было получение ее «в одерень», т. е. в неограниченную какими-либо условиями собственность, предусматривающую право дальнейшего распоряжения приобретенной землей. Передача земли «в одерень» «дочки своей Марфы» встречается в духовной Анцыпора. Марфа, по-видимому, была либо старшей из его дочерей, либо в ином по сравнению с сестрами гражданском состоянии (возможно, она — дочь Анцыпора от первого брака): «...а дочкам моим Анне ни Оксеньи не вступатись им в мое данье ни во что же...»¹¹⁵, т. е. они ничего не получили по духовной.

Юридический статус, на основании которого производились земельные передачи от отца к дочерям, не исчерпывался передачей им земли в совладение и в безусловное пользование. Существовал обычай и передавать землю «в кормлю», бывший как бы промежуточной формой между первыми двумя формами наследования по отцу. При передаче земли по завещанию между ближайшими родственниками (особенно между мужем и женой) это была одна из наиболее распространенных форм сделок. Например, Никита Хов, автор духовной конца XV в., оговаривает передачу сел своим дочерям и «внуке» так: «А изнесутца... дочка моя и внука моя, ино то село даю святому Николы... себе на память... А что село мое Кустово седенье, то даю дщери своей Софьи до ее животу»¹¹⁶.

Итак, перед нами три формы наследования женщинами земель по отцу: передача земли в совладение, «в кормлю» и в безусловное пользование и распоряжение. В нескольких документах о наследовании отцовской недвижимости¹¹⁷ не удалось установить форму передачи и обусловленность сделки. Один из таких актов — новгородская рядная XV в. — раскрывает преимущественное право женщин на основную часть наследуемой «отчины»¹¹⁸. На основании текста этой рядной может быть построено несколько вариантов генеалогических схем семьи, в ней упомянутой¹¹⁹. Однако в любом случае казус, описанный в документе, необычен: некой Огруфене Федоровне удалось получить 5/6 земельного наследства, в то время как ее племяннику и, возможно, даже родственнику по мужской линии рода досталась лишь 1/6 наследства (7 обож). Эта новгородская грамота подтверждает приоритетные права старших дочерей перед младшими на завещанные земли и вместе с тем не противоречит характерной для феодальной юриспруденции тенденции предоставлять при получении наследства преимущественные права сыновьям и родственникам по этой линии¹²⁰.

Права наследования по другим родственным линиям — *брату, дяде* отразились в небольшом количестве документов, что не дает возможности сделать далеко идущие выводы. Несомненно одно: данные акты подтверждают, что женщины, в том числе и являвшиеся непрямыми родственницами (например, племянницы), тоже располагали правом получения наследства — части общей семейной земельной собственности (особенно в случае отсутствия прямых наследников — мужчин)¹²¹. Это утверждение расходится с высказанным ранее мнением об отсутствии у женщин — не прямых родственниц прав на наследование части семейной вотчины. Считалось, что они наследовали только приобретенные ими самими земли, которые при жизни завещателя составляли часть общего семейного имущества¹²².

Между тем духовная грамота волоцкого князя Ивана Борисовича свидетельствует о разделе недвижимости между родственниками-мужчинами (братом, дядей) и племянницей¹²³. «Село Ощитники и з деревнями», данные ей по духовной грамоте, представляли собой особое имущество, полученное ею только по наследству, так как растраченную завещателем часть общей семейной движимой собственности, которая ей принадлежала, он компенсировал тоже движимостью.

Мы располагаем и упоминаниями о составлении духовных женщинами¹²⁴, однако в большинстве актов либо вовсе не указан субъект, получавший наследство от матери, либо таким субъектом являлись мужчины, чаще всего сыновья.

Свидетельств о наследовании недвижимости женщинами по *матери* и *свекрови* хотя и немного¹²⁵, но они позволяют сделать одно немаловажное наблюдение. В духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича читаем: «А что села княгининские пошлые, то ее и есть, а ведает те села... княгиня моя, доколе, бог даст, женится сын мой, а потом ино даст те села сына моего княгине, своей сносе, которые были издавна за княгинями...» В грамоте упоминаются и переданные когда-то жене Василия Дмитриевича село Малино «з деревнями» и село Репенское, завещанное в свое время матерью Василия Дмитриевича Евдокией своей невестке¹²⁶. Упоминание о существовании в общей семейной земельной собственности некоторой части, передаваемой традиционно по женской линии рода, позволяет объяснить нередкую передачу представительницами господствующего класса земельного имущества именно невесткам, причем в их личную собственность, а не в совладение с мужьями или сыновьями¹²⁷.

Остальные грамоты¹²⁸ служат подтверждением уже высказанных положений о распространенности передачи недвижимости в совладение и «в кормлю до живота».

Определенный интерес при изучении наследования земли женщинами по женской линии представляет духовная Софьи Витовтовны, поскольку в ней среди наследников упомянуты родственницы не только по нисходящей, но и по восходящей линии (свекровь, великая княгиня Овдотья)¹²⁹.

Анализ духовных знатных женщин позволяет выделить некоторые общие черты, присущие таким документам. Они составлялись при жизни, «при животе» наследовательницы. Чаще всего это выражалось в формуле: «Се яз... (имя рек), ходя при своем животе...»¹³⁰ В случае отсутствия завещания в письменном виде родственницы наследовали по закону, и действовали при этом, по-видимому, общие правила. Во всех духовных представительниц господствующего класса объектом распоряжения является земля и движимость (в некоторых случаях). Примечательно, что знатные женщины в своих духовных нередко назначали пра-воприемницами после своей смерти женщин же, прежде всего дочерей, реже внучек, племянниц, снох¹³¹. Доказательство тому — относительно большое число пожалований и другого рода сделок и дарений, совершенных «по приказу матери своее» или реже «тетки»¹³².

Основную группу упоминаний о наследовании имущества женщинами в духовных грамотах и актах другого рода составляют сведения о наследовании по *мужу* — 36 документов¹³³. Среди них 5 являются завещаниями великим княгиням, 9 — удельным княгиням и княжнам, 22 — представительницам привилегированного сословия, мелким земельным собственницам. Многие документы свидетельствуют о том, что завещатели передавали своим женам в наследство земельную собственность лишь «до живота» их (до того, как «изнесется княгиня моя»), а не в полное их распоряжение¹³⁴. В соответствии с нормами, установленными еще РП, недвижимость, которую наследовали женщины, в случае их смерти или вторичного замужества завещатели просят передать либо сыновьям и братьям, либо дочерям, либо монастырю «по душе» их, либо глухо констатируют: «А пойдет замуж, ино ей не дати участок ничего, и участка ей в земли нет»¹³⁵. Досоветские исследователи считали передачу недвижимости «в кормлю» одним из наиболее ярких свидетельств неполноправия женщин в имущественной сфере¹³⁶.

Между тем изучение структуры наследуемой женщинами семейной «отчины» позволяет утверждать, что «в кормлю» передавалась лишь особая, строго определенная часть всего земельного наследства, которая в каждом конкретном случае могла быть и больше, и меньше остальной наследуемой женщинами земельной собственности, на которую они имели все права, могли ею распоряжаться и завещать по своему усмотрению. Особенно ярко это иллюстрируют документы, где речь идет о крупных земельных

вотчинницах, и прежде всего великих княгинях. Мы уже видели, как представительницы господствующего класса распоряжались недвижимым имуществом: дарили, жаловали, обменивали, продавали и покупали. Имущество, которое они получали в качестве подарка или приданого, было объектом их бесконтрольного распоряжения («оприснь делу», указывалось в таких случаях в актах¹³⁷). Эти земли имели черты, присущие аллоду; хозяйство на этих землях велось силами закабаленных крестьян и несвободных людей¹³⁸.

Иной характер как в юридическом, так и в социально-экономическом отношении имели наследуемые женщинами земли, не являвшиеся их частной феодальной собственностью. У великих княгинь такие земли составляли особый, прижизненный удел. В него входили деревни, села, волости, традиционно принадлежавшие вотчиннице при жизни и передававшиеся по завещанию из поколения в поколение («дедина», «отца моего вотчина»). Обычно эти владения выделялись в земельных массивах одного или нескольких сыновей, причем завещатель указывал на обязательность передачи их после смерти владелицы обратно в родовую вотчину¹³⁹. В составе удела могли быть купли и другие приобретения мужа. «А что... Новое селце, что есмь купил, и Олександр святой, что есмь купил на Костроме, то даю княгини своей», — завещал Иван Калита. «Примыслы» и «прикупы» мужа могли со специальной оговоркой переходить и в полную собственность княгинь: «А теми примыслы всеми благословляю княгиню свою, а в тех примыслах волна моя княгиня, сыну ли которому даст, по души даст. А дети мои в то не вступаются...»¹⁴⁰

Объем прав великих княгинь на данный «до живота» удел, состоявший из традиционно наследуемой земли и «прикупов» супруга, сводился к осуществлению на его территории функций государственной власти (право управления, суда, податей, фиска) без вмешательства каких-либо представителей великокняжеской администрации. Но земли данного «до живота» удела нельзя было продать, заложить и передать по завещанию. Важной отличительной чертой прижизненных уделов было то, что они включали области с преимущественно черным крестьянским землевладением. Крестьянское население и мелкие вотчинники этих уделов подчинялись юрисдикции великих княгинь¹⁴¹.

Существенное значение имеет вопрос о том, что жаловали знатные женщины: лично им принадлежащую недвижимость или же лишь земли, переданные им во временное владение? Заметим, что купли, продажи, обмены и другие сделки осуществлялись только с частной феодальной собственностью. Сохранившиеся в монастырских архивах жалованные грамоты великих княгинь и по содержанию документов, и по их формуляру аналогичны жалованным грамотам великих князей. Среди них имеются пожалования земли как «по своей душе», так и «по приказу мужа», «по государя своего грамоте», «по благословению государя своего» и т. п. Если земли не входили в состав неотчуждаемого удела княгинь, то передача их специально оговаривалась в ду-ховной супруга¹⁴².

Чаще всего при наследовании родительской вотчины явный приоритет имели сыновья. Но во многих духовных «части» земель, наследуемые женой и сыновьями, либо вовсе не разделялись, либо были приблизительно равны, а иногда выдел матери превышал выдел каждого из сыновей¹⁴³. Князь Семен Иванович Гордый весь свой удел, полученный от отца, с прикупленными в Переяславле, Юрьеве, Владимире, Костроме селами даже при наличии родственника-мужчины (возможно, сына, упомянутого в грамоте) безусловно передал своей жене¹⁴⁴. Есть и альтернативные ситуации, например такой дискриминирующий собственнические права женщин казус: завещатель, не имевший сыновей, предпочел передать основную часть вотчины «по душе» монастырю, а не жене, сделав при этом следующее примечание: «А, даст бог, родится у моей княгини сын, благословляю сына своего своею отчиною. А по души даю в Омифов монастырь свою вотчину, волость Буи город... и сын мой у тех монастырей те земли выкупит...»¹⁴⁵ Тем не менее женщины, и прежде всего жены, входили в целом в первый ряд наследников. Не

случайно, предвосхищая возможность разорения земельного выдела княгинь ордынцами, завещатели указывали: «Вам, сыном моим, княгини поделите вы ся опять тыми волостями на то место». В случае смерти одного из сыновей мать получала часть его земельного наследства, причем именно на нее возлагалась обязанность «поделить того уделом сынов»¹⁴⁶.

Итоги анализа 97 актов XIV—XV вв. и упоминаний в них о правах женщин привилегированного сословия на приобретение недвижимой собственности сведены в обобщающую таблицу 2 (см. Прил.).

Среди различных способов получения женщинами привилегированного сословия прав на недвижимую собственность необходимо отметить и участие жен и вдов феодалов в процессе колонизации. В рассматриваемое время она осуществлялась главным образом на землях Русского Севера, Обонежья и Подвинья. Новгородские феодалы быстро прибирали к рукам эти окраинные и малонаселенные районы путем простой экспроприации общинных земель, реже покупки. В их числе были Наталья Бабкина, владелица земельного массива в Шунгском погосте Обонежской пятины, и боярыня Анастасия, «жена Ивана Григорьева», увеличившая свои владения за счет волостей в Пудожском погосте в Обонежье и на Емце в Подвинье. Своими, хотя и небольшими, территориальными приобретениями распоряжались в этих районах жены своеземцев, например Мария Федоровна, жена своеземца Остафьева¹⁴⁷.

Но конечно, наиболее колоритной фигурой в истории колонизации Обонежья и Подвинья была Марфа Бо-рецкая. Организация ее владений позволяет отметить некоторые черты, характерные для общей тенденции развития феодальной собственности женщин на недвижимость. На основании описаний владений Марфы Борецкой по материалам Новгородских писцовых книг¹⁴⁸ можно заметить (см. Прил., табл. 4), что владения «посадницы» и на основной территории Новгородской республики были весьма значительны: земельный массив на территории Деревской, Бежецкой, Шелонской, Вотской и Обонежской пятин составлял 91,1 % всей ее земельной собственности¹⁴⁹. Изучение процесса развития женского землевладения в XIV—XV вв., а также источников о получении недвижимой собственности дает право предположить, что это были земли, полученные либо в приданое, либо по наследству, либо в качестве покупки, либо путем прямого захвата у другого феодала, даже у великого князя¹⁵⁰. Сам факт владения Марфой основным массивом принадлежащих Борецким земель при наличии совершеннолетних сыновей указывает на распространенность казуса вступления матери в пользование «добытком» по праву старшинства и родительской власти, о чем уже шла речь. Видимо, то, что Марфа не выходила еще раз замуж, позволило ей сохранить основную часть владений мужа в собственных руках, не передавая ее сыновьям.

В середине XV в. Марфа Борецкая расширила свои владения за счет Заонежья, о чем говорят сообщения о владении ею Устьежским поселением («Устьежской волостью»), а также ее данная с сыном Федором Исаковичем Соловецкому монастырю¹⁵¹. Переход земель Обонежья во владение Марфы совершался, по-видимому, путем открытой экспроприации земель у черносошного свободного населения, которое еще в 1434 г. было независимым¹⁵². В Заонежье находилась значительная часть вотчинных владений новгородских земельных собственников, с которых они собирали в большинстве случаев денежный оброк. В каждом из владений имелся большой двор, где проживали не сами боярыни-землевладелицы, а представители их администрации. Организация такого большого двора в каждом земельном массиве Борецкой была аналогичной устройству Большого двора в Кострице¹⁵³.

Наступление на права черносошных крестьян, прямой захват их земель, осуществляемый представителями администрации вотчины знатных боярынь, рисуют последних как типичных аллодисток, положение и права которых в общей системе социально-классовых отношений мало чем отличались от положения и прав представителей другого пола.

Итак, имущественные права и положение женщин, принадлежащих к привилегированным социальным группам, были относительно прочными и регулировались нормами, закрепленными светским феодальным законодательством. Права их на семейное имущество выражались через такие категории собственности, как приданое, определенное парафернальное имущество, часть общего семейного имущества (выдел, «часть») и др. Эти права женщин обеспечивались выдачей приданого при выходе замуж. Приданое было их собственностью, сохранявшейся за ними после смерти супруга и в случае бездетности или отсутствия заблаговременно составленного письменного завещания (наследования по закону) возвращавшейся в семью родителей женщины. В период существования семейного союза в отношении приданого муж и жена составляли единое юридическое лицо и находились в совладении. Гораздо реже женщины самостоятельно реализовывали свое право собственности в отношении этой части семейного имущества, осуществляя с ним некоторые сделки. Последнее особенно относится к тем случаям, когда приданое получалось в форме движимого имущества, прежде всего ценностей и денежных средств. Получение приданого в виде недвижимости находилось в прямой зависимости от положения женщины в системе феодальной иерархии: «приданные» земли упоминаются чаще в тех актах, где субъект-получатель обладает наиболее высоким социальным статусом.

В парафернальное имущество представительниц господствующего класса также входила некоторая собственность, в том числе недвижимая, которая могла быть получена в дар, куплена или унаследована. Наличие собственных денежных средств и относительная имущественная самостоятельность замужних женщин делали необязательным указание на соучастие мужа или опекуна в актах сделки (данных, жалованных, купчих). Приданое в форме недвижимости было характерно в основном для XIV—XV вв., но отдельные свидетельства о правах женщин на наследование земельной собственности и на распоряжение ею встречаются уже в конце XIII — начале XIV в.

Светские нормативные памятники X—XV вв. свидетельствуют, что некоторые изменения претерпело и право дочерей на получение недвижимости по завещанию, фиксируя переход от права наследования лишь при отсутствии братьев (X—XI вв.) к праву получения равной с ними «части» наследства (с конца XIII в.). Актовый ненормативный материал подтверждает возможность наследования недвижимости дочерьми по отцу, в том числе замужними, которые в этом случае получали земельные массивы в совладение с мужьями. Наследование по отцу незамужними дочерьми предполагало возможность приобретения ими движимого и недвижимого имущества в пожизненное владение («в кормлю») и в не ограниченную какими-либо условиями собственность («в одерень»). Приоритетное право на наследование отцовской вотчины имели прямые родственники-мужчины (сыновья, братья завещателя), при их отсутствии — прямые родственницы-женщины (даже при наличии не прямых потомков по мужской линии, например внуков), т. е. в русском феодальном законодательстве к концу рассматриваемого периода действовал принцип когнатического родства. При отсутствии прямых наследников земельное наследство передавалось в руки не прямых родственников, из круга которых женщины также не устранились (наследование по дяде, по брату).

Вдова при наследовании по мужу приобретала определенные права на распоряжение не только собственным имуществом (приданым, «прикупам», «примыслами»), но и частью общего семейного владения. Право распоряжения частью «отчины» нередко бывало ограничено (до совершеннолетия детей, до вторичного замужества), а иногда было и пожизненным. Величина выдела вдовы по сравнению с «частью» сыновей или дочерей варьировалась. В прижизненный удел, выдел, могли входить и «прикупы» мужа, и традиционно передаваемые из поколения в поколение земли, в частности и по женской линии (бабка — мать — дочь, свекровь — сноха и пр.).

Документы, свидетельствующие о существовании наследования по женской линии (по матери, по сестре и т. п.), — доказательство постепенного развития феодального

общества и древнерусского права собственности. Наследование по женской линии подчинялось общим принципам наследования и в XIV—XV вв. было достаточно распространенным.

При жизни мужа движимая и недвижимая собственность жены находилась в общем семейном владении, поэтому в период существования супружеского союза женщина выступала в большинстве случаев как соучастница в общих с мужем семейных сделках. После смерти супруга вдовы проявляли большую имущественную самостоятельность, однако полномочия их в области права собственности были все-таки ограничены. Преимущественное право при получении наследства имели наследники-мужчины. Кроме того, они получали части завещанной вотчины в собственность, и, как правило, без ограничений.

В нормативных памятниках от Русской Правды до общегосударственного Судебника 1497 г. отразились два основных периода эволюции прав женщин в области права собственности: владения и распоряжения движимым имуществом (X—XIII вв.) и распространения владельческих и собственнических прав женщин на недвижимость (XIV—XV вв.).

Древнерусские женщины привилегированного сословия, обладавшие широкими правами в области приобретения движимого и недвижимого имущества, были дееспособны и в области его реализации — в продаже, обмене, залоге, пожаловании. Первые упоминания о распоряжении земельной собственностью женщинами встречаются в эпиграфическом материале XIII в., однако основной комплекс документов, отразивших правомочность женщин в этой области, относится к концу XIV—XV в. Одной из форм приобретения недвижимой собственности на Северо-Западе Руси было участие представительниц господствующего класса в колонизации окраинных и малонаселенных земель. Владения боярынь и других земельных собственников в этих регионах могли даже превышать размеры их вотчин на традиционно освоенных землях. «Право» на подобные земельные экспроприации они имели постольку, поскольку их социальный статус позволял им осуществлять внеэкономическое принуждение, применяя эксплуатацию чужого труда с целью возможно более значительного повышения рентабельности своего хозяйства. То, что среди актов, раскрывающих право женщин привилегированного сословия на самостоятельное распоряжение земельной собственностью, находятся свидетельства о различных формах сделок, заключенных женщинами, углубляет представление о юридической и процессуальной дееспособности древнерусских женщин, способствуя пониманию основных закономерностей развития феодальной собственности на землю (см. Прил., табл. 3).

Распространение права владения и распоряжения недвижимым имуществом на представительниц господствующего класса подтверждает высокий уровень общественного и экономического развития Руси, достигнутый ею к концу XV в., и свидетельствует об окончательном или по крайней мере значительном преодолении дофеодальных пережитков в имущественной сфере древнерусского права. Исследование имущественных прав женщин способствует раскрытию особенностей строения и эволюции феодальной земельной собственности. Можно утверждать, что в основе развития имущественных прав женщин лежало в первую очередь ослабление семейно-родственных связей, усиление тенденции к свободному отчуждению земельной собственности под влиянием развития товарно-денежных отношений.

Женщина и суд: преступление и наказание

Характер феодального законодательства на Руси X—XV вв. был предопределен его классовой природой, поэтому общественные права древнерусских женщин должны рассматриваться с учетом социальной иерархичности феодально-сословного государства. Но такую возможность дают в основном памятники светского права, которые позволяют

сопоставить степень наказуемости за одно и то же преступление для представительниц различных социальных слоев и классов. Так, Устав князя Ярослава иллюстрирует зависимость меры наказания от статуса женщин в классовом обществе. Церковные же памятники (епитимийная, учительная литература, нормативные акты) чаще всего трактуют эти вопросы абстрактно, и положение «жены» как субъекта церковного права определяется лишь отсутствием холопского состояния. Рассмотрение поставленной проблемы, лимитируемое источниковым материалом, можно условно представить как две группы вопросов: первая — защита прав женщин различных социальных слоев феодальным законодательством и ответственность за преступления, совершенные по отношению к ним как к членам общества и субъектам права; вторая — ответственность самих женщин за преступные действия.

В древнерусских памятниках уголовного светского и церковного права зафиксированы различные виды преступлений, совершаемых по отношению к женщинам. Так, на основании РП можно судить о цене жизни представительниц различных классов и социальных групп Древней Руси. Например, штраф за убийство зависимой женщины, согласно РП, колебался соответственно той роли, которую она играла в вотчине феодала. Лишение жизни холопки, стоявшей на низшей ступени феодальной «лестницы», РП наказывала 6 гривнами, но цена ее жизни могла быть и еще ниже, в зависимости от изменений во внутри- и внешнеполитической конъюнктуре.

Жизнь холопки ценилась выше, чем жизнь холопа (5 гривен), поскольку холопка была воспроизводительницей рабочей силы для феодала. В «Слове о полку Игореве» южные князья, призывая на помощь суздальского князя Всеволода, восклицают: «...еже бы ты был [здесь], то была бы чага (раба.— *Н. П.*) по ногате, а кошей (раб.— *Н. П.*) по резане!» Наивно было бы предполагать, что автор «Слова...» выразил мысль с коммерческой точностью; но приток половецких рабов действительно мог так снизить цену на русских холопов, что они «гроша ломаного» не стоили бы. Ногата и резана — деньги мелкие (1 гривна = 20 ногатам или 50 резанам), т. е. цена на рабынь упала бы в 120 раз, а на рабов — в 250! Большая по сравнению с мужчиной ценность жизни рабыни отразилась даже в поговорке: «Чага — по ногате, кошей — по резане»¹⁵⁴.

К концу XIV в. уставная Двинская грамота князя Василия Дмитриевича оправдала убийство «робынь» их собственными «осподарями»: «...а случиться смерть, в том... вины не емлють»¹⁵⁵. В случае если рабе поручалось выполнение ответственных функций в вотчине, положение менялось — штраф за ее убийство возрастал в 2 раза: «А за кормилца 12 [гривен]; тако же и за корми [ли]цю, хотя си буди холоп, хотя си раба». Роль кормилицы как воспитательницы детей феодала подчеркивается не только размерами штрафа в законодательстве, но и свидетельствами повествовательных источников¹⁵⁶. Узаконивая высокую пеню за лишение жизни холопки-кормилицы, РП особо выделяла и положение рабы-наложницы, воспитывающей «робичичей», прижитых ею от феодала, которые, кстати, после его смерти получали (вместе с матерью!) статус свободных людей¹⁵⁷.

На основании РП можно установить, что и штраф за убийство несвободной, но не находящейся в холопском состоянии женщины^{*4} был равен штрафу за убийство рабыни. Убийство же ремесленницы (термин может быть понят и как «жена ремесленника», и в прямом смысле) каралось уже 12 гривнами¹⁵⁸.

Определение правового положения свободной женщины («жены») на основании РП вызвало полемику ученых еще в XIX в. Единого мнения по этому вопросу нет до сих пор. Причиной тому — возможность двоякого толкования ст. 88 РП: «О жене. Аже кто убьет жену, то тем же судом судити, яко же и мужа; аже будет виноват [а], то полвиры

^{*4} В русских статьях из «Закона Судного людем» имеется указание на то, что женщина из среды полузависимого населения или жена зависимого «человеце», попавшего в голодные годы в кабалу за «дачу» (купу, ссуду), могла и не обращаться в холопку.

двадцать гривен». Мнение, высказанное в XIX — начале XX в., поддерживалось большинством историков права, а в советской историографии — А. А. Зиминим¹⁵⁹. Суть его в том, что на Руси, как во всяком феодальном обществе, было узаконено неравное положение женщины, за убийство которой платилась только половина штрафа. Другую точку зрения — известного историка права В. И. Сергеевича — в советское время разделили С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров, В. Л. Янин. По их мнению, за убийство женщины судили так же, как и за убийство мужчины, а если женщина была виновата (например, сама участвовала в потасовке), то штраф за ее убийство уменьшался до половины виры (20 гривен против обычных 40)¹⁶⁰. Не случайно в Пушкинском списке III и IV редакции РП стоит «виновата» вместо «виноват». Подобная трактовка снимает противоречие между двумя частями статьи. И еще одно соображение в пользу мнения о равной вине за убийство мужчины и женщины в Древней Руси: заметим, что в РП платилась одинаковая пеня за лишение жизни ремесленника и ремесленницы, кормильца и кормилицы, раба и рабыни, поэтому и виры за убийство женщины и мужчины, не находящихся в социальной зависимости, если следовать логике, должны были быть одинаковыми. Определенная трудность, возникающая при интерпретации данной статьи, состоит в том, чтобы выяснить, относилось ли вышеуказанное предписание о денежном взыскании за убийство именно к замужним женщинам (по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова — к неверным женам¹⁶¹) или же вообще к каждой женщине. Последнее представляется более вероятным¹⁶².

Обратимся к другому типу преступлений, известному в юриспруденции как *dehonestatio mulieris* (обесчещение, оскорбление чести). Оно появилось в русском феодальном законодательстве уже в XI в. и в процессе эволюции приобрело широкую шкалу вариаций. Можно разделить их на две основные категории: оскорбление чести путем совершения какого-либо непристойного поступка, действия и словесное оскорбление. Одним из наиболее тяжких преступлений первой категории было «пошибание» (изнасилование). В иерархии штрафов за него, установленных светским уголовным законодательством, отразилось социальное дифференцирование пострадавших и отсутствие единой ответственности субъектов за совершение преступления.

РП не рассматривала этот вид преступления. Но после того как в 1016 г. новгородцы «иссекоше Варягы в Поромоне дворе», когда те начали бесчинствовать в городе («насилие деяти на мужатых женах»), в законах стали подробно оговариваться размеры штрафов в зависимости от социального положения оскорбленных. По отношению к представительницам несвободного населения и холопкам это преступление не влекло за собой уголовной ответственности, если субъект, его совершивший, был владельцем, господином пострадавшей: «...аще же раба от господина... осквернена, несть си греха, а господину ответ дати». В этом случае преступнику назначалось церковное наказание (епитимья): год поститься или же только «ответ дати» представителям клира. В качестве компенсации за моральный ущерб, нанесенный рабыне, церковный закон предписывал ее обязательное освобождение¹⁶³. Это было следствием развития норм РП: на основании одной из статей ее Пространной редакции можно заключить, что наложница обладала правом получения «вольной» лишь после смерти холо-повладельца; опираясь же на церковные установления, рабыня могла рассчитывать на свободу и при его жизни («аще кто с робою своею блуд сътворит — освободит рабу свою и постится лето едино»). В случае если субъект, совершивший насилие над рабыней, являлся по отношению к ней лицом посторонним, преступление его было уголовно наказуемым и отвечал он за него на основании светских законов. «Иже с чюжею рабою блудит, аще убо и домовит есть, да даст по той вине господину рабы тоя... аще ли же убог есть, да биен будет» — такое решение предлагали в случае «пошибания» рабыни «Книги законные» — византийский правовой свод, имевший, по мнению А. С. Павлова, немалое влияние и хождение на Руси в XIV—XV вв.¹⁶⁴

Расплата за данный вид преступления была одинаковой как для соотечественников, «русинов», так и для иностранцев. Известно, что договор Новгорода с Готским берегом 1189—1199 гг. одним из первых защитил честь холопок: «Оже кто робу повержетъ насильем, а не соромить — за обиду гривна; паку ли соромить — себе свободна». Более поздний документ свидетельствует о еще более строгом наказании: виновник должен был расплатиться уже не гривной кун, а гривной серебра (1 гривна кун = 1/4 серебряной гривны). О том, что это предписание о размерах штрафа за изнасилование рабынь соблюдалось, свидетельствуют некоторые акты XV в., исходящие из западнорусских земель. Разница в штрафах за «пошибание» рабынь и «простой чади» (зависимого населения) почти пропорционально соответствовала различию между пенями за убийство женщин этих категорий (изнасилование несвободной женщины каралось 15 гривнами штрафа)¹⁶⁵.

Еще более внушительная кара была установлена за совершение насилия над женщинами свободного сословия. Если в РП 40 гривен ветхими кунами платилось за убийство человека, то в договоре конца XII в. это пеня за обесчещение: «Оже пошибает мужеску жену либо дочь, то князю 40 гривен ветхими кунами, а жене или мужское дчери 40 гривен ветхими кунами» (данное сравнение условно: РП являлась общерусским законом, а договор имел локальное действие). Примечательно, что в договоре 1189—1199 гг. за изнасилование свободной женщины вменялся тот же штраф, что и за убийство новгородца: «Аже убьютъ купчину новгородца... то за ту голову 10 гривен серебра». Соглашение Смоленска с Ригой и Готским берегом XIII в. вполне допускало и убийство прелюбодея на месте преступления: «Оже имуть Русина вольного у волное жены в Ризе или на Гътском березе, оже убьютъ, и тѣт убит...» Аналогичное наказание предусматривалось и за совершение такого преступления на Руси. По-видимому, убийство человека за совершение прелюбодеяния было нередким явлением, поскольку, согласно греческим законам, заимствованным Русью (о «муже, который прелюбодея с своею женою в зплетении застанет»), в «Книгах законных» говорится, что он «не осужен яко убийца будет», «волен есть муж своими руками такового убить, никаковая беды сего деля бояся»¹⁶⁶.

«Пошибание» боярских дочерей каралось штрафами, исчислявшимися в золотых гривнах, соотношение которых с серебряными специально оговорено в законе: «...аже будетъ баба была в золоте и мати — взяти ему 50 гривен за гривну золота...» Сумма, выплачиваемая за бесчестье боярыни, была значительной: 5 гривен золота — «аже великих бояр дчи», представителям «меньших» бояр платилась 1 золотая гривна. К тому же церковный закон предписывал за «пошибание» девушки непременно заключение брака с нею да еще два года епитимьи. В случае же отказа, «аще ли не кается, не поиметь ея, казнить градским законом: отгяти поль-имения и дати девицы той за срам»¹⁶⁷. Отметим, что польский историк Т. Левицкий обратил внимание на свидетельство арабского автора Абу-Хамида (XII в.), утверждавшего, что на Руси «неуважение, проявленное к знатной женщине, могло караться лишением имущества». О том, что это действительно практиковалось, говорит и «Закон Судный людем»: «...приложися вздвѣвѣющийся прежде 20 лет, да продается со всем именем своим и отдается девицы». «Закон...» входил, как известно, в «Мерило Праведное», добавившее к взысканиям даже «носа урезание». Денежную компенсацию, а в данном случае все «имение», получали сами оскорбленные женщины, а не их мужья или родственники. Это отличало правовое положение древнерусских женщин от положения их европейских современниц, где сумму за посягательство на честь жены всегда получал муж¹⁶⁸.

В XV — XVI вв. существовала система наказаний за преступления, аналогичные обесчещению, — умыкание, толоку, «блуд умолвкой». В русском законодательстве рассматриваемого времени еще не выделились предумышленные преступные акты (т. е. совершенные с заранее обдуманым и согласованным — например, с родителями — решением), что отличает восточнославянский юридический быт от западнославянского. Ведь, по польским законам XI—XV вв., при определении кары за преступление

учитывалось согласие потерпевшей на совершение умыкания¹⁶⁹. В русских же законах это не предусматривалось, а наказание было и, по-видимому, являлось единым для преступников любого социального ранга¹⁷⁰. Применялось оно в большинстве случаев к «простым» людям, так как в среде зависимого населения пережитки родового строя сохранялись особенно долго. Меры наказания за «всьхищение» «жены» или «обрученной» были строгими, вплоть до членовредительства, являвшегося характерным не для русских законов, а для византийских норм уголовного права. К оскорблению действием относилось и нарушение целостности одеяния женщины, особенно срывание головного убора: «...оже съгренеть чюжее жене повои с головы или дщери, явится простоволоса, 6 гривен старые за сором» (аналогичная обида, нанесенная мужчине, каралась штрафом в 2 раза меньшим). Загрязнение женских одежд наказывалось, судя по материалам покаянной литературы, несколькими днями епитимьи. Церковное наказание предусматривалось и тем, кто «лукавством чюжу жену целуеть»¹⁷¹.

Оскорбление словом как вид преступления второй категории типа *dehonestatio mulieris* упоминается в Уставе князя Ярослава в связи с казусом ложного обвинения в блудодействе. Обязательность штрафа за словесное оскорбление сочетается здесь с наказанием, дифференцируемым в зависимости от социального ранга потерпевшей. Оскорбление словом дочерей и жен «великих» бояр каралось штрафом, равным плате за изнасилование женщин этой социальной группы,— 5 гривен золотом (возмещение, правда, получал мужчина). Приравнялось к оскорблению и оклеветание женщины; в случае если клеветником оказывался муж, пострадавшей давалось право даже требовать развода¹⁷².

Наказания за телесный ущерб рассматривались княжеской юрисдикцией безотносительно к вопросам пола (примером могут служить постановления РП). Кара за увечье рабынь следовала лишь в случае смерти пострадавшей («аще кто биет... рабу свою жезлом, а умрет от руку его, судом да ся мстит; аще ли пробудет день или два, да не мстит: свое бо есть имение»). Однако средневековая церковь особо наказывала за увечья, нанесенные социально свободной и знатной женщине. В юго-западных землях (в частности, в Галиции), где действовали не только русские, но и польско-литовские законы, полторагривенный штраф брался с оскорбившего знатную женщину ударом по лицу¹⁷³.

В среде свободного населения за нанесение побоев жене уголовного наказания мужу предусмотрено не было, но церковная власть назначала ему шесть лет епитимьи, а супруге рекомендовала «извет дати перед людьми» и даже допускала развод. Уголовное же наказание распространялось на посторонних мужчин — денежный штраф 6 гривен (без социальных градаций). Учитывалось и состояние здоровья пострадавшей: если в результате потасовки «женка... дetyа выверже», на основании постановлений Псковской судной грамоты муж мог требовать с избившего «годовщину» — штраф за убийство¹⁷⁴.

Серьезная кара предусматривалась и сыну за избиение матери: за такое преступление наказывали «во-лостельской казнью» и пострижением в монашество. Ненормативные источники, в частности берестяные грамоты, свидетельствуют, что подобные ситуации возникали в семейном быте довольно часто. Об этом говорят и летописные свидетельства, и эпиграфика. Так, Евпраксия, жена князя Ярослава Владимировича, была убита пасынком. В берестяной же грамоте № 415 (XIV в.) читаем: «Поклоно от Февронее к Феликсу с плацома. Убиле мя пасынке и выгониле мя изо двора. Велише ми ехать городо или сам поеди семо. Убита есемо». Пасынку за избиение матери угрожала даже потеря части наследства, согласно РП. А мачеха Феврония между тем была осведомлена о своих правах: она обращалась к какому-то должностному лицу. Находка свинцовой печати, принадлежность которой адресату грамоты — Феликсу установлена В. Л. Яниным, убеждает в том, что Феликс и был в суде этим должностным лицом¹⁷⁵.

Как сообщает грамота № 156 (XII в.), жена некоего Мън... (имя не дописано) в отличие от безвинно пострадавшей Февронии была избита по собственной вине: «От

Завида к Мън... к жене и к детьмъ... А жену ти били, не измучили, чего же? К Луке иди». Прочтение этой грамоты вызвало в свое время разногласия¹⁷⁶. На наш взгляд, автор грамоты отвечал на не дошедшую до нас претензию Мън... к Завиду. Последний не отрицает, что жену Мън... били, но почему-то удивлен, что Мън... предъявляет претензию: «чего же», мол, ты нас обвиняешь? Тем более что ее «не измучили», т. е. никто ее не пытал¹⁷⁷. Возможно, жена Мън... была сама виновата и потому пострадала. «К Луке иди»: Лука или участник схватки, или ее свидетель. Поводов же быть виноватой, как увидим ниже, было достаточно.

Женщина как субъект совершаемого преступного акта появляется в источниках не реже, чем в качестве объекта преступления. Представительницы всех сословий феодальной Руси, кроме рабынь, были дееспособными лицами, субъектами права, и потому самостоятельно несли ответственность за преступления. Ответственность, в том числе материальную, за проступки, совершенные холопкой, нес холоповладелец. Светское законодательство не оговаривало размеры ответственности за преступления именно женщин. Штрафы дифференцировались в зависимости не от пола, а от социально-классовой принадлежности преступника или преступницы. В то же время церковные нормативы представляют большую группу проступков, за которые женщина обязана была нести наказание (вне зависимости от социально-классовой принадлежности — штрафы не дифференцированы). Одним из них было прелюбодеяние, за которое церковь предписывала развод; кроме того, муж имел право развода с женой по ряду других поводов, приравняемых к супружеской измене¹⁷⁸.

Помимо прелюбодеяния, совершаемого как замужними, так и незамужними «женами», широко бытовали и другие проступки морально-нравственного порядка. Шкала наказаний за них была широка — от десятка покаяльных поклонов (или нескольких гривен штрафа) до нескольких лет поста. Особенно строго карались женщины, совершившие детское «душегубство», «исказившие» в себе ребенка, использовавшие для этого разные «зелья». Подобных «жен» церковь разрешала мужьям, «доличив» (уличив), самим «казнить», т. е. наказать¹⁷⁹.

Поскольку женщины на Руси нередко участвовали и в различных потасовках, Устав князя Ярослава не только выделил в особую статью «драку по-женьскы» (укусы, «одеранье»), но и ввел специальные наказания за побои, нанесенные собственному мужу, а также другой женщине. В последнем случае штраф был вдвое больше: 3 гривны за побои, нанесенные мужу, против 6 гривен за избивание женщины женщиной. Среди исповедных вопросов к «женам» встречаются наказания тем «затворницам», которые «лаяли», «бились», «плюнули на лице» посторонним мужчинам и своему мужу. Есть в требниках упоминание о наказаниях женщины за избивание даже «отца духовного» и за «срамословие» ему. За словесное оскорбление («или укорила еси чужа-го мужа...») налагалась епитимья — 12 поклонов¹⁸⁰.

За воровство, как один из видов уголовных преступлений, взыскивались равные штрафы и с мужчин, и с женщин («такое же и жена», добавляет составитель Устава Ярослава при описании краж конопля, льна, полотна). Кража женой у собственного мужа, как проступок скорее нравственного, чем уголовного, порядка, не влекла за собой епитимью (лишь «мужь казнить ю»), но за поджог дома, стога на женщину налагался штраф. Примечательно, что ситуация, когда муж продавал или пропивал женино добро, давала право женщине на «разлоучение»¹⁸¹.

Помимо свидетельств об ответственности женщин за собственные проступки в источниках встречаются упоминания об ответственности жен за действия их ближайших родственников, в первую очередь мужей. Если имущественная сторона этого вопроса характеризуется наличием тайной ипотеки на имуществе жены, то аспект личной ответственности обусловлен существованием пережитков системы ответственности коллективной. Несмотря на то что на основании РП можно судить об утверждении уже в X в. системы индивидуальной уголовной ответственности, тем не менее в ней же имеется

и статья о выдаче свободного «людина» за «разбой» на «поток и разграбление» вместе с женой¹⁸². Подобные свидетельства есть и в повествовательной литературе. Так, некоторые полоцкие князья в 1129 г. были сосланы преемником Мономаха князем Мстиславом Владимировичем вместе с женами и детьми. Трудно определить степень участия в княжеских интригах наложницы галицкого князя Ярослава Осмомысла «Настаски», обвиненной галичанами в «ворожбе», но казнена она была явно в назидание непокорному князю. Вместе с мужьями, оказавшимися побежденными в политической борьбе, несли наказание и их жены; преследования за политические разногласия распространялись на жен опальных даже в Новгородской республике. Церковные власти следовали за светским законом, стремясь обязать жену нести ответственность за преступления мужа. Однако это правило не было односторонним: «Достоит жене мужу своему помочь терпети опитемыи и мужу жене своей достоин велми волею, яко ж друг другу, брат брату добро есть тако»¹⁸³.

Но случаи совместной ответственности, в том числе жен за мужей, к концу XIV—XV в. становятся все более редкими. «Поток и разграбление» всей семьи в РП заменяются высокими штрафами в кодексах феодальных республик. Среди массы зависимого населения, в частности холопок, принцип неответственности членов семьи (если они, конечно, не были соучастниками), выгодный холоповладельцу, нашел свое утверждение еще в РП: «Аже холоп крадет кого-либо, то господину выкупати и любо выдати и с ким будеть крал, а жене и детем не надобе; ино оже будуть с ним крали и хоронили, то всех выдати»¹⁸⁴.

Последний вопрос — о правах женщин во время судебного процесса. В древнейший период отечественной истории суд носил, как известно, состязательный характер и обе стороны считались истцами. Даже если не затрагивать историю развития имущественных отношений в древнерусской семье¹⁸⁵, то и тогда нельзя не заметить, что уже Устав князя Владимира представляет женщину конца XII — начала XIII в. полноправной участницей судебного процесса¹⁸⁶, а нормативные документы Псковской и Новгородской феодальных республик дают представление о механизме судебного поединка с участием женщины. Так, тягавшийся со вдовой знатного человека во Пскове (сословная принадлежность и семейное положение, очевидно, воздействовали на определение широты процессуальной самостоятельности) должен был присягнуть и биться на поединке либо сам, либо выставить вместо себя наймита. Аналогично поступала и женщина. Вместе с тем ей предоставлялся ряд привилегий. Например, в Новгородской республике женщина присягала перед тяжущейся стороной не в суде, а у себя дома. Псковская судная грамота предусмотрела случай о тяжбе между двумя женщинами: «А жонки с жонкою присужать поле (судебный поединок. — *Н. П.*), а наймиту от жонки не быть ни с одну сторону», т. е. наймит отменялся¹⁸⁷.

Самостоятельность женщин в судебных процессах подтверждают и другие факты. Например, в середине XV в. великий князь Василий II назначил «поле» о спорных землях между княгиней Евфросиньей и великокняжескими крестьянами. Но «поле» не состоялось: княгиня Евфросинья «отступилась» от притязаний. Суть тяжбы между слутским князем Семеном Михайловичем и пинской княгиней Марией излагает судная грамота 1499 г. Княгиня Мария с дочерью Александрой самовольно захватили во владение Слуцк и Копыл, хотя эти города принадлежали брату Марии, Семену Михайловичу. Судебная тяжба была решена в пользу законного владельца городов, а княгиня Мария с Александрой обещали «в то не вступатися». Не менее интересная ситуация описана в правой грамоте кемских князей, которым пришлось тягаться с «Федоровою княгинею Кемского с Анною». Она, как и княгиня пинская Мария, тоже пренебрегла правами законных владельцев: «Анна того селца и деревень нам не отдает, а живет в нем силно». «Во княгино Аннино место» ее человек Тимошка предъявил суду даже фальшивые документы, сфабрикованные под руководством княгини (с «княжь Федоровой рукой»)¹⁸⁸.

Примечательно, что в XIV в. была зафиксирована процессуальная дееспособность женщин не только привилегированного сословия, но и зависимых в случае тяжбы с «осподарем». В одной из грамот великого князя Василия Дмитриевича говорится: «...а кто, холоп или роба, имеется тягати с осподарем и поимется на правду, а не будет на них поруки...»¹⁸⁹

Частью вопроса о процессуальной дееспособности женщин является вопрос о послушестве. В отечественной и зарубежной литературе чаще всего встречается мнение, что женщины на Руси не имели права судоговорения и не могли быть свидетелями, «послухами».

Однако конкретных указаний запретительного характера в нормативных документах X—XV вв. не содержится. В качестве подтверждения можно сослаться на «Главы о послухах» известных «Книг законных», которые имели значительное влияние на древнерусский юридический быт. Здесь целых 15 статей запрещают послушествовать рабам, нищим, умалишенным, малолетним, близким родственникам, родственникам по свойству и пр., но ничего не говорится о каком-либо ограничении процессуальной дееспособности женщин. Что касается актового материала, то исследователь располагает уникальными документами с указанием на послухов-женщин. «В лето 6888 (1380 г.— *Н. П.*) потъписана была церковь Спаса в Ковалеве монастыре близ Новгорода». Данный акт был совершен при свидетелях, среди которых названы не только великий князь Дмитрий Иванович и новгородский архиепископ Алексей, но и «подружья» знатного новгородца Офонася Степановича — Мария. Спустя век, в 1488 г., Федка, жена Олизара Шиловича, составила дарственную для своего племянника Богдана на земли, находившиеся в ее волынских владениях, указав в списке «послухов»: «...а при том была дочка моя княгиня Марья Семеновна Ровенская...»¹⁹⁰

Среди «послухов», «стоявших у печати», как правило, упоминаются мужчины, но есть и исключения. Так, при покупке земли игуменом Николаевского монастыря Василием «у печати стояла Лукерья», а в другой купчей (Мелентия) — Матрена¹⁹¹. Обладание же собственными восковыми печатями (ими, кстати, пользовались не только сами женщины, но и их мужья, родственники) также является неопровержимым фактом широкой процессуальной дееспособности древнерусских знатных женщин. Так, князь Данило Васильевич Патрикеев запечатал одну из своих данных «матери своее княгининою Марьиною печатью»; Иван Константинович Добрынский пользовался «Овдотьиною печатью старициною», «тещи своее»; черница Варвара — «Марьиною печатью свекровьиною»¹⁹².

Представительницы верхушки привилегированного сословия — крупные вотчинницы могли и сами вотчинный «суд судити», как, например, игуменья Федотья в Кашинском монастыре, или представлять одну из тяжущихся сторон в спорных делах по поводу недвижимой собственности. Несколько таких документов дошло до нас от 60—70-х годов XV в. Они связаны с именем великой княгини Марии Ярославны, которая в одном случае даже тягалась с самим великим князем Иваном Васильевичем по поводу земель в Переяславском уезде. Процессуальная сторона дела здесь рисуется следующим образом: от обеих тяжущихся сторон равным образом действовали личные судьи, составившие единый «съежий суд». В другом случае (грамота 1470—1478 гг.) «суд судил великие княгини тивун нерехотской Семен Григориев по великие княгини грамоте». Суть процесса излагается в «списке», по которому «княгиня великая Марья велела судье... троицкого старца Геронтия оправить, а Нелидка Шубина обвинити, а землю велела присудити к монастырской земле»¹⁹³.

Как по приведенным актам, так и по другим аналогичным источникам трудно определить долю непосредственного участия княгини в решении спорного дела. Другой вопрос: было ли упоминание «слова» княгини («и по государыни своей великие княгини слову...») лишь частью клаузулы в документе, т. е. документальной формальностью, или же выражало действительное участие княгини в осуществлении судебно-

административных функций? Обратимся к документу конца XV в., связанному с тяжбой между митрополичьим посельским Данилой и Сысоем Терпиловым о луге на реке Шексне. Ход судебного процесса, зафиксированный в документе, гласит: «Перед великою княгинею Марфою судья Василей Ушаков сказал... и учинил стати перед великою княгинею у доклада по крещеньи... И на срок перед великою княгинею митрополичий посельской Данило стал, а Сысойко Савел не стал. И княгини великая, *выслушав суд* по списку и по судьину слову, *велела* (курсив мой.— Н. П.) посельского Данилка оправити и пожно велела присудити по меже к митрополичьей поже, а Сысою велела обвинити...»¹⁹⁴ Налицо участие знатной женщины в судебном процессе в качестве судьи (или одного из судей).

Итак, можно заключить, что положение женщины на Руси в свете феодального светского и церковного права к XV в. формально не отличалось от положения мужчины. Некоторые установленные и рассмотренные различия в действительности могли быть как в пользу женщины (двойной штраф за некоторые преступления, оскорблявшие ее честь), так и в сторону ограничения ее прав (отчасти в области послушества, в ряде случаев ответственности за преступления супруга). Активно действующим социальным и юридическим лицом — как о том позволяют судить церковные нормативные акты — женщина стала к XIII в. (именно тогда появились статьи о самовольном уходе жены от мужа, разводе, о драке между женщинами и т. п.). С XII—XIII вв. и даже ранее женщины всех социальных групп, кроме обельных холопов, были обязаны нести ответственность за преступления, совершенные ими самими или их ближайшими родственниками, что является дополнительным свидетельством того, что россиянки к XV в. стали самостоятельными субъектами права.

Правовые нормы, закреплявшие собственнические и иные имущественные и социальные права женщин на Руси, были, разумеется, «*юридическим выводом из существующей экономической организации общества, которая основана на частной собственности на средства производства...*»¹⁹⁵. Именно экономическая организация древнерусского общества и, как следствие, ее социальная иерархичность, феодальная стратификация обуславливали различие прав женщин в зависимости от их социально-классовой принадлежности. Рубеж между правовым статусом привилегированного и зависимого населения очевиден. Хотя светские и церковные власти формально сделали нормой юридического быта охрану жизни и чести зависимых женщин, денежные взыскания за преступления, совершенные по отношению к представительницам непривилегированного сословия, были значительно меньшими, чем за аналогичные проступки, совершенные по отношению к женщинам знатым. Те немногие сведения об имущественном положении представительниц феодально зависимого населения, которыми располагают исследователи, позволяют заключить, что в этой форме полномочия социально зависимых женщин распространялись лишь на некоторую совокупность движимости. По мере феодализации общества и усиления крепостнических тенденций права эти сокращались.

Тем не менее формально все женщины Древней Руси находились под защитой феодального законодательства и являлись самостоятельными субъектами права. Представительницы же класса феодалов, а также привилегированных социальных слоев (мелкие собственницы, своеземлицы) к концу XV в. имели почти равные с мужчинами права на защиту со стороны княжеской и церковной юрисдикции, а также определенные полномочия в самом судебном процессе.

Правомочность древнерусских женщин в имущественной сфере, выявленная на основе дополнения данных нормативных памятников сведениями ненормативных источников, тесно связана с реализацией права владения и распоряжения движимым имуществом в XI—XIII вв. и осуществлением права владения и распоряжения недвижимостью в конце XIII —XV в. Речь идет о передаче собственной земли женщинами (пожалование, дарение, продажа, обмен, залог) и приобретении ее в

собственность (получение в дар, покупка, получение в приданое, наследование). Период XIII—XIV вв. был известным переломом в эволюции имущественных прав женщин привилегированного сословия, поскольку в это время право на владение и, главное, на распоряжение недвижимой собственностью было за женщинами нормативно закреплено соответствующими статьями законов. В основе развития имущественных и социальных прав знатных женщин лежали главным образом материальные причины, а отнюдь не воздействие христианской церковной доктрины, якобы защищавшей права женщин, и не развитие правовых институтов, как таковых, о чем нередко писалось в буржуазной историко-юридической литературе¹⁹⁶.

Глава IV *«Сугуба одеянья сотворя...»* *(Одежда и украшения древнерусских женщин)*

Внешний облик русских женщин в X—XV вв. представлен больше в канонизированном изображении княжеских семей, по которому трудно судить об эволюции женского костюма. Если же реконструировать представление о нем на основе отрывочных сведений источников, то нельзя не увидеть, как веками отрабатывался оригинальный, самобытный «стиль» в русской женской одежде, дополняемой разнообразной обувью и украшениями.

Уже в древнейший период (X—XIII вв.) в костюме русских женщин имелось разделение на нижнюю (нательную) одежду и верхнее платье. Нательная одежда— «срачица» («сорощица», сорочка) —упомянута во многих письменных памятниках¹. Исполнок веков она делалась из тонкой льняной ткани: «Взем льну учинить ми срачицу, порты и полотенцо...» В древнерусском языке существовало два термина для обозначения льняной ткани: «хласт», «холст», «тълстины», означавшие небеленую ткань, и «бель», «платно», означавшие выбеленное полотно. Характерно, что при раскопках нередко встречаются остатки этих материалов, причем чаще всего беленый холст («платно»). «Белые порты» (нижняя полотняная одежда) упомянуты еще в Уставе Ярослава Мудрого (XII в.). Льняное нижнее белье остается в употреблении и позже, в XIV—XV вв. Летописец, описывая разорение Торжка в 1373 г., свидетельствует: «...а жен и девиц одираху и до последние наготы... и до срачицы...»²

Женская нижняя одежда кроилась длинной и имела рукава, намного превышавшие длину руки. На запястьях они поддерживались «наручами» — обручами, браслетами, которые нередко находят в женских захоронениях. Они заметны и в некоторых фресковых изображениях и книжных миниатюрах³. Пляшущих женщин со спущенными рукавами без обычных «наручей» можно рассмотреть на ритуальных русальских браслетах XII в., описанных Б. А. Рыбаковым. Особенно характерно изображение такой плясуньи со спущенными рукавами на «наруче» из Старой Рязани (клад первой половины XIII в.). А. В. Арциховский считал, что нижняя женская рубаха не подпоясывалась⁴. Имеется и альтернативное мнение, которое разделяет ныне большинство исследователей⁵. Разнообразные пояса были одним из древнейших элементов костюма, украшением и в то же время «оберегом», преграждавшим дорогу «нечистой силе». Части поясов находят среди курганных древностей, изображены они и на миниатюрах, например в сцене русалии из Радзивилловской летописи⁶.

Те части нижних «руб», которые могли быть видны, украшались в XIV в. у наиболее знатных «дам» — «женчугом и дробницами» (мелкими металлическими пластинками в виде блесток, лапок или листочков); у представительниц социальных низов — льняным плетеным «ажуром»⁷. Полотно для сорочек изготовляли сами женщины: достаточно вспомнить описание «доброй жены» в «Повести временных лет». В Софийском соборе Киева имеется фресковое изображение княжны, прядущей нить; аналогичен рисунок в Велеславской библии (XII в.). «Уозцинку (холст.— Н.П.) выткала, и

ты у себя избели», — просит одна новгородка другую в грамоте № 21 (XV в.). В XIV—XV вв. сорочка знатных женщин делалась из шелка, стала «шиденной» (от немецкого Seide — шелк) и подчас не белой, а, например, красной, но такие «срачицы» были, по-видимому, праздничными и надевались редко⁸.

Источники X—XIII вв. дают сведения для характеристики верхней одежды более или менее зажиточных женщин древнерусского общества. Вероятно, костюм древнерусских женщин различных классов был одинаковым по крою, но различным по использованным тканям⁹. Очевидно, одежда представительниц феодальной знати имела больше предметов и деталей в каждом из видов одежды, а комплектация проводилась из большего числа компонентов.

В массе своей у древнерусских женщин нижняя сорочица дополнялась набедренной одеждой — «поня-вой» или «поневой». Термин этот часто встречается в переводных церковных сборниках самого раннего времени. И. И. Срезневский объяснял его как полотнище, кусок ткани. В. И. Даль предполагал, что слово «понева» произошло от глагола «понять, обнять», поскольку понева представляла собой кусок ткани, которым обертывалось тело¹⁰. О том, что это было именно набедренное одеяние, прямых данных нет, хотя, например, на браслете, найденном в Старой Рязани, плясунья изображена в поневе и фартуке. Волнистый рисунок ткани или вышивка поневы повторяются на рукавах. М. Г. Рабинович полагает, что поневой до XVI в. называлась просто «полотняная ткань или рубашка». Однако упоминание поневы в Уставе князя Ярослава (XII в.) как одежды, отличной от «белых порт» и «полотна», позволяет предположить, что речь шла именно об одежде, надевавшейся помимо сорочки. В X—XIII вв. эта одежда действительно могла быть полотняной и не отличаться по цвету от самой рубашки. Поверх поневы на талии мог завязываться шерстяной вязаный пояс, аналогичный найденному при раскопках в селе Горки¹¹. Поневы могли быть суконными или шерстяными — из «волны», т. е. шерстяной пряжи. Археологические раскопки погребений позволяют сделать вывод о том, что в XII—XIII вв. уже были известны разноцветные клетчатые шерстяные ткани («пестрядь»). «Пестрядь» использовалась как материал для понев деревенских женщин, поскольку в городах поневу в XIV—XV вв. носили все реже¹².

Грубая шерстяная ткань называлась «власяница»; монахини надевали ее прямо на голое тело — это была форма самоистязания. Так, княгиня Василиса, постригшись в монастырь в 1365 г, «в срачице не хожаше, но власяницу на теле своем ношаше»¹³. Из власяницы шили кафтаны, которые были в то время и мужской и женской одеждой. Одежда из шерстяных тканей стала преобладающей в городах примерно с XIII в. Часть шерстяных тканей ввозилась (в Новгороде были известны голландские, английские и фландрские сукна), но уникальные по красоте шерстяные ажурные изделия производились руками русских мастериц, в частности новгородок. Верхняя одежда состоятельных горожанок могла шиться и из привозных хлопчатобумажных тканей. «Купи ми зендянцу добру», — просит новгородка Марина своего мужа Григория в письме, датированном XIV—XV вв. «Зендянца» — широко известная в Новгороде хлопчатобумажная ткань, производившаяся в селе Зандана, недалеко от Бухары¹⁴.

Верхняя одежда знатных княгинь и боярынь в X — XIII вв. шилась из восточных вышитых шелков («паволок»¹⁵) или плотной ворсистой ткани с золотой или серебряной нитью, похожей на бархат («аксамита»¹⁶). Арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан отметил, что знатные женщины у славян носили «хилу» (халат) — верхнюю шелковую одежду¹⁷. Такая одежда упомянута в летописях при описании праздничных облачений женщин и названа «ризы»¹⁸. Плащ-накидка на торжественной одежде долго сохранялся в костюме древнерусских женщин. Сопоставляя миниатюры Радзивил-ловской летописи, изображающие великую княгиню Ольгу, с фресками Софии Киевской, среди которых есть, например, живописное изображение княжны с прислужницами¹⁹, можно сделать вывод о том, что верхняя одежда была свободной и длинной, состояла из прямого, чаще всего подпоясанного платья, дополненного распашным одеянием (типа накидки или

плаща), ворот, подол и стык ткани которого были оторочены каймой. На фресках Софии Киевской, изображающих дочерей Ярослава Мудрого, на женщинах одеты именно такие платья и окаймленные плащи. Не исключено, что кайма была нашивной и представляла собой широкую шелковую тесьму, шитую золотом. Такого рода «позументы» были найдены и в погребениях²⁰. «Подволоки» на «золотной камке» (тонкий шелк) — белой, желтой, «червчатой» (малиновой) — упоминаются в духовной верейского и белоозерского князя Михаила Андреевича (XV в.) в перечне имущества, завещанного дочери Анастасии²¹.

Одежда представительниц привилегированного сословия, даже не предназначавшаяся для торжественных случаев и праздничных выходов, также богато декорировалась. Некоторое представление о ней дает миниатюра из Изборника Святослава 1073 г., неоднократно привлекавшая внимание исследователей²². На этой миниатюре на княгине, жене Святослава Ярославича (по Любечскому синодику, ее имя — Киликия), свободное прямое платье с широкими длинными рукавами, снабженными «наручами»²³. Платье подпоясано; соответствие в цвете «наручей» и пояса позволяет думать, что пояс заткан золотым шитьем. Низ платья украшен каймой, а верх — круглым отложным воротником. Платье с декорированным таким образом воротом и плечами можно заметить и на других миниатюрных изображениях, а также в орнаментации буквы «К» Евангелия 1270 г.²⁴

Дореволюционные исследователи древнерусских миниатюр и фресок обычно проводили прямую аналогию между княжеской одеждой рассматриваемого времени и византийской «модой» X—XI вв. Свободные одежды знатных древнерусских женщин они называли хитонами, подпоясанные платья — далматиками, распашные ризы — мантиями²⁵. Конечно, принятие Русью христианства в православном варианте могло существенно повлиять на расширение культурных контактов Руси и Византии и, следовательно, способствовать перениманию некоторых элементов костюма. Но древнерусский костюм, в том числе и представительниц господствующего класса, не был заимствованием. Фресковая живопись, книжные миниатюры и орнаментация отличались известной канонизацией. Еще Н. П. Кондаков отметил, что изображение одежды матери Ярополка Изяславича в Трирской псалтыри соответствует изображению сановных облачений византийского двора²⁶. Археологических же материалов, позволяющих судить не об элементах костюма, а о нем самом в целом, сохранилось крайне мало. Но те, которые дошли до нас, убеждают в том, что в костюме древнерусских женщин в X—XII вв. проявилось не столько сближение Руси с Византией, сколько изменение некоторых традиционных форм, имевшихся у восточных славян в первые века новой эры: накладных одежд (сорочек и т. п.), распашных (халатов, курток и т. п.) и драпирующих (плащей)²⁷. Да и дошедшие до нас образцы вышивок^{*5}, которыми богато украшалась одежда женщин всех слоев древнерусского общества, позволяют обратить внимание на традиционность определенных рисунков. Особые круги («диски») и месяце-образные «лунницы», мотивы «плетенки», сердцевидные фигуры под полуциркульными арками заметно отличаются от обычной византийской орнаментации.

На фресках канонизированная одежда княгинь и княжон имеет только отложные воротники (влияние византийской традиции)²⁸. Похожие на фресковые изображения круглые воротники — «ожерелки» не пришивались, а накладывались на женские платья. Среди материальных останков женских одежд XII в. Нередко находят другой тип древнерусских воротников — стоячие, выполненные на жесткой основе (береста или кожа) и обтянутые шелком или иной тканью с вышивкой цветной или золотой нитью. Низ воротников сохраняет следы прикрепления к одежде (так называемые пристяжные)²⁹. Вышитые золотом, «саженные жемчугом» воротники сохранились в костюме знати в

*5 По поверью, «нечистая сила» не могла ни войти, ни выйти через отверстие, защищенное вышивкой. Поэтому в женской одежде придавалось большое значение декорированию края — обшлагов, полочек, подола и, конечно, ворота.

течение нескольких столетий. В XIII—XV вв. вышитые воротники были деталью одежды и женщин непривилегированного сословия. Такие вещи с любовью передавались из поколения в поколение. «Ожерелье пристяжное, с передцы низано...» — отметил в числе наследуемых детьми сокровищ верейский и белоозерский князь Михаил Андреевич. Драгоценное, расшитое жемчугом ожерелье (3190 зерен!) оставила своим детям волоцкая княгиня Ульяна³⁰.

В холодное зимнее время женщины Древней Руси носили меховую одежду: более состоятельные — из дорогих мехов, менее знатные — из дешевых. Меха («скора») упоминаются в «Повести временных лет». Дорогие меха (горностаи, соболя и пр.) упомянуты в летописи лишь применительно к женской княжеской одежде³¹. Известно, что в XIII в. знатные русские женщины охотно украшали горностаевыми шкурками опушку платьев, а наиболее состоятельные делали из них накладки по подолу одежды, доходившие по ширине до колен, что не могло не поражать путешественников-иностранцев. Излюбленными в одежде знатных женщин были и рысьи меха. У Ярославны — героини «Слова о полку Игореве» — шубка была бобровая («...омочу бобрян рукав в Каяле реце...» — причитает она). Женщины среднего достатка носили и беличьи шубы. Например, одна из новгородских берестяных грамот упоминает меха белки и росوماхи — их часто получали в виде дани, скупали у соседей, чтобы перепродать в другие страны. Изредка среди археологических находок попадаются части медвежьего или волчьего меха.

Шубы в то время носились женщинами только мехом вовнутрь и первоначально сверху ничем не покрывались (отсюда название — кожух). Но со временем нагольная (не покрытая) меховая одежда стала считаться грубой, шубы стали крыть тканью, и чехол делался из самых дорогих и ярких кусков. У княгини XV в. могло быть до десятка шуб, а то и больше: и «багряная», и «червчатая», и «цини» (сизая), и «бело-голубая», и зеленая, как свидетельствует завещание Ульяны Михайловны Холмской. Помимо «кожуха на беличьих чревах» (от чрево — живот) у нее было две шубы соболя, а сизая шубка была пошита из «дикого» (серо-голубого) бархата с «золот-ным» шитьем и «венедицкой» (венецианской) камки (шелка)³². Шубы носились с большой бережностью и передавались от матери к дочери.

Древние фрески говорят о том, что одежда знатных женщин была многоцветной и предполагала яркие сочетания, свежие, сочные тона. В новгородской берестяной грамоте № 262 упоминается «портище зелени», в следующей — «портище голубине» (т. е. зеленая и голубая одежда), в грамоте № 288 — «золотник зеленого шолку». И примеров подобного рода можно найти немало. «Церлennyй» (червлennyй), т. е. ало-красный, синий, коричневый, зелено-желтый, зеленый цвета дополнялись в одежде золотым и серебряным шитьем. Шитье металлической нитью отличало костюм не только женщин княжеского рода, но и представительниц зажиточного сельского населения. Домашние мастерицы сплетали, спрядывали тонкую золотую нить с льняной. В XI—XII вв чаще всего шили «в проем» (прокалывали ткань), причем длинные стежки были на лице, а короткие — на изнанке. В XII—XIII вв. золотая нить укладывалась на ткань и прикреплялась шелковой³³. Рисунок вышивки был разнообразен; чаще всего встречались причудливо изогнутые стебли, стилизованные цветы, круги, геометрические фигуры.

Излюбленным цветом в костюме женщин всех сословий был красный. В притче о доброй жене в «Повести временных лет» упомянуты «червлены и багряны одеяния». Об этом говорят археологические находки, среди которых более половины — ткани красновато-бурых тонов, хотя попадаются и черные, и синеватые, и зеленые, и светло-коричневые. Красили ткани преимущественно растительными, реже животными красками. Синюю краску делали из сон-травы, василька, черники; желтую — из дрока, листьев березы; золотисто-коричневую — из шелухи лука, коры дуба и груши. Обилие красных оттенков в костюмах древнерусских женщин объясняется и тем, что красный цвет был цвет-«оберег», и тем, что существовали многочисленные естественные

красители, окрашивавшие ткани именно в красно-коричневые цвета, гречишник, зверобой, кора дикой яблони, ольхи, крушины³⁴.

Представление о многокрасочности древнерусского женского костюма дают завещания князей. Так, Иван Данилович Калита своим дочерям Марье и Федосье «нынеча нарядил» «кожюх»^{*6}, подбитый мехом, украшенный «аламами» и жемчугом. Украшение «алама-ми» — серебряными и золотыми чеканными бляшками — придавало одежде особую пышность и парадность. Упоминания о «сженчужных аламах» встречаются и в других грамотах. Подобные украшения одежды были очень дороги и, конечно, передавались по наследству князьями своим женам среди другого движимого имущества: «...а что останет золото или серебро или иное что есть, то все моей княгине...»³⁵ Судя по грамоте верейского и белоозерского князя Михаила Андреевича, большинство предметов из его завещания принадлежало к платью княгини и было оставлено дочери Анастасии. В ее гардеробе были летники, сшитые из полосатой обьяри, зеленой и желтой камки, — женская легкая одежда с длинными и широкими рукавами («накапка-ми»). Рукава летников нередко расшивались «вошвами» — полосками аксамита, черного и багряного. Женские зимние «кортели» (одежда, аналогичная летнику, но подбитая мехом) в имуществе верейского князя утеплялись куницей, белкой, соболями, горностаями; их украшали разноцветные «вошвы» — зеленые, синие, черные, «червчатые». Хороши, судя по описанию, были и шубки: белая, «рудо-желтая», багряная, зеленая, «червчатая», одна из которых была подбита лисицей. В середине XII в. одна лисица стоила больше рубля серебром³⁶.

Под стать этим туалетам набор одежд волоцкой княгини Ульяны Михайловны. Малиновый золотный бархат и бурская золотная камка, подбитые соболями и куньим мехом, послужили материалом для шитья семи шуб и «кортеля». Из французского алого сукна («скор-лат») был сшит «опашень» — необычная для современного человека одежда с очень длинными, сужавшимися к запястью рукавами и спиной, кроившейся длиннее переда. Носили «опашни» внакидку. Любопытно, что княгиня Холмская завещала дочери и спорки одежды — тоже достаточно дорогие: «...накапки сажоны (жемчугом. — Н. П.), да вошва на одну накапку шита золотом да сажена была жемчугом, да жемчуг с нее снизан, а осталось его немного...» Кроме того, перечислены серебряные позолоченные пуговицы от женской шубы, кружево на «портище», шитое золотом и серебром. Егорьевскому игумену Мисаилу княгиня тоже завещала кое-что «по душе»: «кортель» из голубой тафты на белках и лисью душегрею³⁷.

Своеобразной и яркой частью древнейшей женской одежды был головной убор — обязательное дополнение любого костюма русских женщин. Он имел в древнерусском костюме не только эстетический смысл — завершал одежду, но и социальный — показывал достаток семьи, а также этический — «мужатице» позорно было ходить простоволосой. Традиция шла от времен язычества, когда покрывание головы означало защиту самой женщины и ее близких от «злых сил». Женские волосы считались опасными, вредоносными для окружающих (вероятно, в первую очередь для мужчин)³⁸. Отсюда — характерная для православных традиция не входить с непокрытой головой в церковь или, например, неписаное право современной дамы сидеть в помещении в шляпе.

Головной убор соответствовал семейному и социальному положению древнерусских женщин. Отличительной чертой головного убора замужней женщины было то, что он целиком закрывал волосы. Девушки были свободны от этого жесткого предписания. Они нередко носили волосы распущенными или же заплетали в одну косу; макушка всегда была открыта³⁹. В свадебном ритуале с незапамятных времен обряд смены прически и головного убора⁴⁰ был одним из главных: девушка в глазах

^{*6} «Кожюх» (кожух) — застегивающийся спереди на пуговицы вид верхней одежды, мужской или женской, у богатых крытый атласом, аксамитом, обьярью, камкой или сукном. Обьярь и камка — шелковые привозные ткани.

окружающих становилась женщиной не после первой ночи с женихом, а уже тогда, когда на нее надели «бабью кику» — убор замужней женщины.

Находки при раскопках корун, венков, венцов и венчиков, т. е. девических головных уборов X—XIII вв., хотя и редки, но позволяют составить представление о них. Узкая полоска металла или материи охватывала лоб и скреплялась на затылке. Более сложный, богато украшенный венчик назывался «коруна». Изображение коруны можно найти в Изборнике Святослава 1073 г. («Дева» из знаков Зодиака)⁴¹. Коруна представляла собой жесткую основу, обтянутую тканью (иногда под ткань подкладывался валик), и своеобразно украшалась. Коруны чаще всего служили праздничными уборами незамужних женщин-горожанок, а сельские жительницы до замужества носили чаще девичьи венцы. Различают три основных варианта венцов: пластинчатый (серебряный, реже бронзовый); налобный венец-повязка из парчовой, а иногда и шерстяной или полотняной ткани, вышитый и богато орнаментированный; венец из металлических бляшек, нанизанных на нити или шнуры. Девичий венец был своеобразным украшением девичьей прически: нередко от венца у висков заплетались две косички, которые продевались потом в височные кольца; другой вариант — венец поддерживал волосы, уложенные в виде петли, спускавшейся перед ухом от виска (в этом случае волосы как бы «подстилали» височные украшения). Налобный девичий венец, сделанный из ленты, нередко украшался шерстяной бахромой (очевидно, в комплекте с одеждой — шерстяной юбкой-поневой), что подтверждает женское захоронение из кургана вятичей XIII в.⁴²

Украшения древнерусских девичьих корун и налобных венчиков свидетельствуют, что эта форма головных уборов возникла из цветочных венков. Гирлянда из цветов на голове девушки была также символом совершеннолетия и непорочности. Художественные украшения валика коруны были призваны создать впечатление венка из живых цветов: отдельные элементы выгибались, делались рельефными, украшались цветными стекляшками, а при достаточном богатстве семьи — драгоценностями⁴³. Фландрский рыцарь Гильбер де Лануа, побывавший в Новгороде в 1413 г., отметил, что здесь «девушки имеют диадему на макушке, как у святых...». Интересное описание такой «диадемы», т. е. девичьего венца «з городы» (с зубцами), содержится и в духовной верейского князя Михаила Андреевича: «...венец з городы, да с яхонты, да с лалы (рубинами.— *Н. П.*), да з зерны с велики[ми] (жемчугом.— *Я. Я.*); другой веноч низан великим жомчугом, рясы с яхонты да с лалы, колтки золоты с яхонты...»⁴⁴

Еще богаче украшался головной убор замужней женщины. Формируясь в XII—XV вв. и приобретая название кики (кички), он вобрал в себя элементы традиционных женских головных уборов восточных славян — корун, а также полотнатого головного убора — убруса или повоя, который является одним из древнейших. Убрусы и повои полностью закрывали волосы женщины, концы их спускались на спину, плечи и грудь. Повои были известны уже в X в.; похожие головные покрывала носили тогда и византийские женщины, отчего русские буржуазные историки именовали русский повой мафорией или фатой, хотя говорить о заимствовании повоя из Византии нет оснований. Княгиня на миниатюре Изборника Святослава 1073 г., женщины на фресках новгородской церкви Спаса Нередицы, великая княгиня Ольга на одной из миниатюр Мадридской рукописи, а также в изображении Радзивилловской летописи, на фресках церкви Федора Стратилата — все они предстают перед нами в тонких головных покрывалах, судя по мягким складкам тканей, «паволочитых», т. е. шелковых⁴⁵. Позже поверх повоя надевалась корона-кокошник, или кика (зубчатая, лучевая или башеннообразная), а зимой — шапка с меховым околышем и округлой тульей. Во всех случаях часть убора надо лбом была украшена богаче⁴⁶. В дальнейшем передняя часть кики (чело, или очелье), украшенная жемчугом, шитьем или драгоценными камнями, делалась съёмной⁴⁷. Впрочем, очелье могло располагаться и на повое: расшитый мелкими стеклянными бусами край матерчатого головного убора, закрывавшего лоб женщины, был найден в

крестьянском погребении XII в. в Подмоскowie. Височные и иные украшения замужних женщин крепились уже не к волосам, а к самой кике

Одним из украшений очелья кики и повоя были рясы, упомянутые еще Даниилом Заточником⁴⁹. Они представляли собой бахрому из нанизанных на нити бусин или жемчужин. «Рясы с яхонты» значатся в духовной верейского князя Михаила Александровича. В XIV — XV вв. рясы прочно вошли в обиход и в зажиточных семьях передавались из поколения в поколение, став к XVI — XVII вв. основой для разнообразных модификаций⁵⁰.

Изменения в головных уборах связаны с развитием украшений всего костюма древнерусских женщин. Женские украшения X—XIII вв.— одна из наиболее частых находок при раскопках курганов того времени. В курганных древностях можно выделить две большие группы, различные по исходному материалу: изделия из металлов и изделия из стекла. В X—XV вв. использовались также костяные и деревянные украшения, а в костюмах горожанок Северо-Западной Руси — янтарные.

В X—XIII вв. одними из самых распространенных на Руси женских украшений, которые радовали представительниц всех сословий древнерусского общества, были височные кольца. Археологи считают их этнически-определяющим признаком. Например, новгородские словенки носили ромбоштитковые височные кольца; женщины Полоцкой земли — браслетообразные; предки современных москвичек — вятичи — семилопастные и т. п. Самыми распространенными были проволочные височные кольца, но встречаются и бусинные, и шитковые, и лучевые⁵¹. Способы крепления колец к головному убору или волосам были разнообразными. Кольца могли подвешиваться на лентах, ремешках или косичке, могли прикалываться к ленте, как бы образуя цепочку. Иногда височные кольца продевались в мочку уха, как серьги. С исчезновением этого типа украшений в XIV — XV вв. в уборе представительниц привилегированного сословия появились полые колты, крепившиеся к головному убору (аналогично кольцам) на ремешках, цепочках или рясах (цепях из колодочек). Лучевые колты XIII — XV вв.— частая находка при раскопках кладов⁵².

Женские серьги встречаются реже височных колец и шейных украшений как в описаниях ранних письменных источников, так и среди археологических находок. Один из типов женских серег — в виде вопросительного знака — был обнаружен в Новгороде и датирован XIII—XV вв. О женских серьгах упоминается в духовной волоцкой удельной княгини. Судя по их описанию, хозяйка была очень бережливой, хорошо знала цену каждой такой «мелочи» в своей казне. Старая княгиня указала в завещании, что три камня из ее серег — два яхонта и один лал (рубин) — вшиты в нарядную шапку сына Ивана; серьги же без камушков она предназначала своей снохе, причем будущей («а дасть Бог, сын мой Иван женится...»), а жене старшего сына — тоже пару серег с яхонтами и лалами, камни от которых в «пугвицах» ожерелья сына⁵³.

Значительно чаще серег попадают в описаниях и при раскопках курганов и кладов дутые круглые колты. Они делались из различных металлов, всегда полыми (не исключено, что туда вкладывалась ткань, пропитанная эфирными, душистыми маслами), богато украшенными перегородчатой эмалью, зернью, сканью. Поскольку находят колты главным образом при раскопках городских поселений, можно сделать вывод о том, что колты были украшением преимущественно представительниц городской и местной феодальной знати. В начале XIII в. появились колты из оловянисто-свинцовых сплавов, имитирующие дорогие серебряные и золотые, но с более простым декором, лишь подражающим украшениям знати из драгоценных металлов. После ордынского завоевания такие колты не прослеживаются, хотя в духовных знати колты с драгоценными камнями упоминаются еще долго⁵⁴. Вероятно, они остались в употреблении лишь как семейные реликвии у представителей знати.

Не менее популярными у женщин всех сословий были шейные украшения, и прежде всего стеклянные бусы. Они насчитывают сотни разновидностей, каждая — со

своей неповторимой орнаментацией, формой, окраской. Выделяются четыре типа стеклянных бус, носимых древнерусскими горожанками: из синего, черного, светло-зеленого стекла со сложными «глазками»; из многослойных стеклянных палочек, которые разрезались и прокалывались; дутые бусы и наконечник многогранники, вырезавшиеся из застывшего твердого стекла, как из камня. Наибольшее распространение имели бусы из разноцветного «рубленого бисера»⁵⁵. Ибн-Фадлан, описывая свое путешествие на Волгу в X в., отметил, что жены руссов особенно любят зеленые бусы. Он утверждал, что мужья разорялись, платя по 15—20 монет серебром за каждую зеленую бусину. Среди курганных же находок зеленые бусы редки; в небогатых захоронениях попадаются синие, бирюзовые, желтые и полосатые. В среде знати получили большое распространение украшения, комбинируя бусины из различных материалов (например, золотые дутые, жемчужные зерна, а также выточенные из драгоценных камней). Восемь таких золотых «пронизок» завещала волоцкая княгиня своим детям⁵⁶.

В отличие от «демократических» бус металлические обручи — гривны, носившиеся как украшение тоже на шее в X—XIII вв. и отчасти позже, являлись достоянием лишь зажиточной части крестьян и горожан. На многих шейных гривнах сохранились следы починки — признак того, что они представляли известную ценность. Наиболее дорогими гривнами были билоновые (сплав меди и серебра); наиболее распространенными — медные или бронзовые, иногда со следами серебряного покрытия. Выделяются дровые, круглопроволочные, пластинчатые и витые гривны. Каждый тип соответствовал определенному ареалу распространения. Например, вблизи Ладожского озера были популярны крученые и дровые гривны, а женщины Северо-Восточной Руси носили главным образом витые и т. п. Жгутовые гривны неизменно встречаются на миниатюрах, изображающих сцены свадеб. В Никоновской летописи можно насчитать 23 изображения гривен⁵⁷.

Шейные гривны предшествовали более поздним металлическим украшениям типа ожерелий (от древнерусского слова «жерло» — шея), хотя сами продолжали существовать как праздничные украшения знатных женщин и в XVI в. «А что золото княгини моей Оленино, то есмь дал дчери своей Фетиньи, 14 обручи и ожерелье, матери ее монисто новое, что есмь сковал. А чело и гривну те есмь дал при себе», — записал в своей духовной Иван Калита. Мониста из жемчужных зерен, золотых бляшек и подобных драгоценностей также известны и по актовому материалу, и по летописным памятникам. Волынский князь Владимир Василькович «поби и поляя» в слитки мониста «бабы своя и матери». Дмитровский князь Юрий Васильевич завещал рязанской великой княгине Анне монисто, которым «благословила» его «его баба» — Софья Витовтовна. Ожерелья с «жемчужным саженьем» и «великими яхонты» упомянуты в духовной верейского князя Михаила Андреевича, а «ожерельной жемчуг» — в завещании волоцкой княгини⁵⁸.

Очень ценным и дорогостоящим шейным украшением женщин привилегированного сословия были цепи. Среди них встречались и кольчатые (из колец), и «огничатые» (из продолговатых «огнив»), и черненые (их называли «враные цепи»), а также в виде трехгранных призм. «А что колтки золотые — то Офимьино», — пишет в своей духовной новгородец Федор Остафьевич, перечисляя далее «цепецку золоту колцату» и другую «цепецку золоту враную». В берестяной грамоте № 138 (вторая половина XIII в.) названы две цепи, оцененные в 2 рубля. На эти деньги в Новгороде XIV в. можно было купить 400 беличьих шкурок. К началу XIII в. относится первое упоминание о золотых цепях как женском украшении в Ипатьевской летописи. «Хрестычатую» золотую цепь (ее рисунок — соединение мелких золотых крестиков) подарила кашинская княгиня Василиса Семеновна великому князю Василию Дмитриевичу, а сама цепь была в составе ее приданого⁵⁹.

Неотъемлемой частью костюма женщины-горожанки Северо-Запада Руси в X—XIII вв. были нагрудные и поясные привески — разнообразные по форме металлические украшения, составлявшие часть ожерелья. Большинство привесок имело и символическое

значение — играло роль амулетов. Они носились на длинных шнурах или «чепках» (цепочках), прикрепляясь к платью на груди или у пояса. Делались привески из серебра, меди, бронзы, билона. По внешним очертаниям их разделяют на зооморфные, воспроизводящие предметы быта и символизировавшие достаток (ложки, ключики, гребни и т. д.) или богатство (ножики, топорики). Последние — вместе с мечами — были символами поклонения Перуну. Носили также бубенчики, шумящие привески, игольнички, а также привески геометрические (круглые, лунницы, крестики, ромбы, трефовидные, копьевидные и т. д.)⁶⁰. В настоящее время известно 200 типов привесок; некоторые из них появились у славян как результат заимствования у соседей, например у угро-финнов. Одной из самых излюбленных привесок-амулетов у древнерусских женщин был конек с вытянутыми ушками и загнутым в кольцо хвостом. Конь был символом добра и счастья, связывался с культом солнца и в привесках неизменно окружался кружочками — солярными знаками. Помимо коньков нередко носили стилизованные изображения водоплавающих птиц, олицетворявших животворные свойства воды. Многие новгородки носили у пояса на кожаных шнурах объемные (полые внутри) изображения животных с одной или двумя головами, закрученным спиралью хвостом и цепочками вместо ног⁶¹.

«Бытовые» привески-амулеты производились главным образом в деревнях и были частью костюма сельских жительниц. Деревня дольше города сохраняла приверженность языческим культам, поэтому в сельских захоронениях среди привесок часто встречаются лунницы и кресты, связанные с древним языческим божеством Ярилом⁶².

Любимым украшением и горожанок, и крестьянок были также бубенчики с разнообразными разрезами. Как типичное украшение женского костюма они просуществовали вплоть до XV в., в то время как вышеназванные типы привесок — лишь до XIII в. Бубенчики носили и в комплекте с другими привесками, и в составе бус, иногда подвешивали их к шейным гривнам. Они могли быть украшением венца или кики, а могли вплетаться в волосы за подвесной ремешок. Нередко использовались бубенчики и в качестве пуговиц. Но главным образом это было традиционное подвесное украшение у пояса, на рукавах, кожаных поясных кошельках. В эпоху средневековья карманов в женской одежде не было и поясной кошелек — калита — выполнял их функции. Согласно верованиям восточных славян, бубенчики и другие шумящие привески считались символическими изображениями бога-громовержца, охранявшего людей от злых духов и нечистой силы⁶³.

Среди подвесных украшений знати известны и медальоны. Они делались из серебра или золота, украшались перегородчатой эмалью, зернью, сканью⁶⁴. С XII в. в подражание дорогостоящим стали производить медальоны из дешевых сплавов, отлитые в имитационных формах. Частью костюма древнерусской знати были предметы, аналогичные по типу подвескам-амулетам у крестьянок и горожанок. Например, в духовной князя Дмитрия Ивановича (1509 г.) значатся «маялки (шумящие привески.— *Н. П.*) съ яхонты и зъ жемчуги»⁶⁵.

Еще одним украшением женского наряда (особенно парадного) были застежки (фибулы). Их делали из железа, оловянисто-свинцовых сплавов, меди, бронзы, серебра. Одно из первых упоминаний о фибулах содержится в «Повести временных лет» под 945 г., а наибольшее число археологических находок приходится на слои X—XII вв. В одном захоронении обычно встречается лишь одна большая привеска-застежка, реже — две. Носили их либо у плеча, либо на груди (они застегивали верхнюю, драпирующую одежду типа плащей и накидок). Мелкими фибулами древнерусские женщины застегивали сорочки у ворота, пристегивали к поясу амулеты и привески, а также хозяйственные предметы: ключи, кресала, ножички. Фибулами могли прикрепляться и украшения к женскому головному убору⁶⁶. До X в. застежки-фибулы были только большими, массивными, а позднее — в XIV—XV вв. — преобладали легкие, мелкие. Во все века этот тип украшений богато орнаментировался, орнамент же варьировался в зависимости от этнонационального региона, степени мастерства ковщиков, чеканщиков и других

подобных причин. То же конструктивно-функциональное значение, что и фибулы, имели в женской верхней одежде булавки — принадлежность костюма лишь знатных горожанок. Две одинаковые по форме и размеру одежные булавки с длинными стержнями и крупной прорезной головкой, соединенные цепочкой, поддерживали встык края плаща⁶⁷.

В XV в. плащи и накидки употреблялись все реже, а вместе с изменением форм одежды менялся и набор ее традиционных дополнений. Фибулы стали и вовсе редким украшением. Зато пояс оставался неизменным аксессуаром женской одежды. Золотые пояса, состоявшие из позолоченных металлических бляшек-накладок и являвшиеся знаками феодального достоинства,— излюбленный предмет благословений князьями своих родственников в духовных. О своем золотом поясе упоминает в завещании княгиня Ульяна Михайловна; два пояса такого рода значатся в духовной углицкого князя Дмитрия Ивановича. Женские пояса, аналогичные изображенному на миниатюре Изборника Святослава 1073 г., известны издавна; делались они из шелка, затканного золотой или серебряной нитью, бархата или кожи с коваными металлическими бляшками. Часто дорогим металлом отделялись лишь наконечники поясов, завершаемые бубенчиками, а сам пояс украшался канителью — винтообразно витой золотой или серебряной проволокой. У женщин победнее бляшки эти («наузольники») были медными или бронзовыми⁶⁸.

Древнерусские горожанки, очевидно, охотно носили и стеклянные браслеты. Их фрагменты найдены при раскопках древнейших слоев (начало X в.), но чаще всего они встречаются в городищах XI—XIII вв., где количество таких находок исчисляется тысячами. Попадаются голубые, синие, зеленые и желтые обломки браслетов, которые дают представление о принципе их изготовления: стеклянные палочки сгибались в кольца, стержни же раскрашивались и иногда перекручивались металлическими или стеклянными нитями контрастного цвета. Стеклянные браслеты были в основном украшением горожанок, а металлические — и горожанок, и крестьянок. Чаще всего находят медные и бронзовые изделия, реже серебряные и билонные. Золотые пластинчатые браслеты-«обручи» были привилегией лишь городской знати. Носили браслеты и на левой, и на правой руке, часто на обеих и по нескольку штук. Пластинчатые браслеты часто надевали на предплечья у локтевого сгиба. Многие браслеты носились поверх рукава сорочки. Поразительно велико число их разновидностей: дрововые, витые, ложновитые (отлитые по форме, имитирующей витой браслет), плетеные, пластинчатые, ладьевидные, узкомассивные (в виде вытянутого поперек запястья ромба или овала) и др. Специфически городскими были лишь створчатые браслеты из билона, свинца с оловом, серебра, в том числе позолоченного

Среди женских украшений особенно распространенными в X—XV вв. были перстни. Объясняется это важнейшей ролью перстня в свадебной обрядности. Хотя их носили и мужчины, перстни были все же женским украшением. Имеется находка перстенечка в детском захоронении — на ручке у девочки двух-трех лет. Перстни носили, конечно, на руках, но в нескольких захоронениях они надеты и на пальцы ног. Перстни — одна из самых многочисленных археологических находок среди украшений. Они нередко повторяли формы браслетов (витые, плетеные, пластинчатые и т. п.). Индивидуальную форму имели печатные перстни, а также новгородские перстни со вставками — зелеными, синими, голубыми, черными, прозрачными стекляшками. Печатные перстни и новгородские со вставками получили распространение не ранее XIII в., существовали вплоть до XV в. и даже позднее. Изображения печатей перстня (птицы, звери, цветы, треугольники) служили и личным знаком владельца, если оттискивались на воске после текста документа, скреплявшего сделку⁷⁰.

Женский костюм завершала обувь. Одно из первых упоминаний о «сапозех» и «лаптех» содержится в Лав-рентьевской летописи под 987 г. Лапти различных плетений (косого, прямого — в зависимости от традиций того или иного этнического региона) носили главным образом сельские жительницы. Делались лапти из лыка (внутренней

части коры лиственных деревьев) и бересты, которые долго вымачивались и распрямлялись под прессом. Для получения одной пары лаптей на небольшую женскую ступню нужно было погубить три-четыре молодые липки, а носились такие лапти, даже сплетенные «с подковыркой» (двойной подошвой), от нескольких дней до недели. Форма лаптей различалась в зависимости от местности: южные и полесские лапти были открытые, а северные — «бахилы» — имели вид низких сапог. Лапти, плетенные из кожи, были много прочнее лыковых, но и дороже. Чтобы совместить дешевизну с прочностью, в деревне нередко применяли комбинированное плетение лаптей из лыка и кожаных ремней. В городах лапотцы в XII—XIV вв. делали также из покровок ткани, кусочков сукна и даже из шелковых лент. Тогда их называли плетешками⁷¹.

Женскую кожаную обувь шили в XIII—XV вв. в городах из шкур лошадей, крупного и мелкого рогатого скота⁷². Летописец, описывая легендарное путешествие апостола Андрея в Новгород в XII в., сообщает: «Дивно видех словеньскую землю, идучи ми селю. Видех бани древены... и совлокуться, и будуть нази, и облеются квасом уснянымъ...» («усние» — древнерусское название кожи)⁷³. Разрыхленная квашением в хлебном квасе кожа дубилась корой ивы, ольхи, дуба (отсюда и сам термин «дубление»); затем кожи выравнивались, жировались для эластичности и разминались. Таким образом получались самые дорогие сорта кож — юфть и полувал, но в них могли щеголять лишь знатные боярыни. Юфть окрашивалась в яркие цвета, о чем свидетельствуют и книжные миниатюры, и фрески, изображающие знатных женщин. На матери Ярополка Изяславича из Трирской псалтыри башмачки красные; такие же изображены у княгини Киликии, жены Святослава Яросла-вича (Изборник 1073 г.), и у жен новгородских бояр на иконе «Молящиеся новгородцы» (XV в.). Археологические находки подтверждают, что цвета кожаной женской обуви были разнообразными — не только красными, но и зеленоватыми, желтыми, коричневыми⁷⁴.

Мягкая юфть разных цветов была не по карману простым новгородкам. Они носили обувь из сыромятной кожи — так называемые поршни⁷⁵. Обувь для «поршней» не дубили, а лишь разминали и пропитывали жиром. Она была очень прочной, только быстро намокала в дождь. Шили женскую кожаную обувь льняными нитками, которые для прочности вошили. Мягкие женские «поршни» с небольшим числом швов делали нередко из более тонких и нежных частей кожи животного, главным образом из его «чрева» — брюха; они и назывались «черевья» (черевички). Повседневные «поршни» и «черевья» украшались лишь необычными швами («плетешок»). Вокруг краев «поршня» пропускались кожаные ремешки, которые стягивали обувь по ноге, образуя мелкие складки, тоже украшавшие обувь. Ажурные «поршни» были гораздо наряднее. Они делались нередко с матерчатой подкладкой. Орнамент ажуря представлял собой чаще всего параллельные прорезы, полоски. В случае пронашивания такая обувь тщательно ремонтировалась кожаными же заплатками. Кроме ажуров с X в. существовали вышивка обуви шерстяными и шелковыми нитками, а также ее тиснение. Ажурные и вышитые «поршни» появились в городах (Новгороде, Гродно, Старой Рязани, Пскове) не ранее XI в.⁷⁶

Распространенным типом женской кожаной обуви были мягкие туфли, напоминающие современные детские пинетки. У большинства таких туфель у щиколотки пропускался ремешок, завязывавшийся спереди на подъеме. Длина следа в найденных экземплярах женской обуви не превышает 20 — 22 см; это говорит о том, что ножки горожанок того времени были весьма миниатюрными⁷⁷.

Полусапожки горожанок были короткими и не жесткими: в заднике у них отсутствовала твердая прокладка из бересты или дуба, обязательная в сапогах. Как и туфли, полусапожки украшались вышивками. Среди вышивок обуви Пскова XII—XIII вв. преобладают красные кружки (солярные знаки), прошвы из темных ниток (изображение дороги) и зеленые завитки (символ жизни). С XII в. любимым типом обуви состоятельных жительниц древнерусских городов стали сапоги — тупоносые и остроносые (в

зависимости от традиций данного региона), причем носок был немного приподнят. Псковские сапоги были непременно с кожаным, наборным, низким каблучком (с XIV в.), а, например, рязанские отличались треугольной кожаной вставкой на носке. Яркие кожаные сапожки с выпушкой материи и вышивкой цветными нитками, речным жемчугом являлись дополнением нарядной и праздничной одежды богатых женщин, своеобразным показателем достатка семьи, необходимым атрибутом одежды лиц, облеченных властью

78

Итак, сочетание основных предметов и украшений женского костюма X—XV вв. может дать представление не только о внешнем облике, но и о социальном, семейном положении женщины и месте ее жительства.

Основу костюма древнерусских крестьянок в X—XV вв. составляла длинная, до щиколоток рубаха (сорочка) и набедренное одеяние (понева). Обязательной частью женской крестьянской одежды был пояс. Чем богаче была сельская жительница, тем больше в ее наряде, особенно праздничном, было всевозможных украшений, выше качество их выработки, дороже использованные материалы. Наиболее приметной частью костюма крестьянки домонгольского периода был головной убор (венец у девушек и кика у «мужатиц»), а также его украшения — височные кольца, по форме которых можно было судить о том, откуда родом их обладательница. Носили крестьянки серьги, бусы, привески, медные браслеты и перстни. На ногах у деревенских женщин были лапти. Состав костюма древнерусских горожанок был сложнее и включал большее число предметов. Поверх длинной сорочки они надевали одно или несколько платьев прямого или расширенного покроя и распашное одеяние. Число одежд зависело от сезона и материального достатка семьи. Верхнее платье делалось короче нижнего и имело более широкие рукава. Подол и обшлага нижней одежды всегда были видны, образуя ступенчатый силуэт. Как и в костюме крестьянок, дополнял наряд пояс.

В одежде знатных горожанок, княгинь и боярынь использовались дорогие, чаще привозные ткани. Из бархатистого аксамита шились распашные одежды типа плащей с застежкой на правом плече — часть праздничного облачения княгини. Особенности климатических условий (холодные зимы) были причиной особого внимания к теплой одежде на меху — шубам, которые в то время носили мехом вовнутрь. Головной убор горожанок всех сословий (коруны у девушек и кики с повоями у замужних) по форме имел много общего с крестьянским, что обуславливалось его происхождением от сельского, однако отделка его была сложной, замысловатой. Украшением убора горожанки долгое время служили колты на рясах (у зажиточной части они делались из драгоценных металлов). Шеи горожанок «огружали» металлические гривны и ожерелья из бус. Боярыни и княгини носили поверх рукавов на запястье и предплечье массивные створчатые браслеты; горожанки попроще довольствовались разноцветными стеклянными. В отличие от крестьянок-«лапотниц» горожанки и представительницы господствующего класса были «все в са-позех». Кожаная обувь X—XIII вв. — «поршни», мягкие туфли, полусапожки и сапоги без каблуков и жесткой основы — кроилась просто и грубовато, зато была яркой, цветной.

В XIV—XV вв. свободный ступенчатый силуэт одежды, подчеркивавший статность русских женщин, претерпел мало изменений. Менее всего новации затронули наряд сельских жительниц, хотя височные кольца (свидетельство этноплеменной принадлежности) или, например, шумящие привески (признак соседства с угро-финскими племенами) постепенно исчезли из убора крестьянок. У знатных горожанок, боярынь, княгинь вместо плащей появились летники, «кортели», «опашни». В холодный осенний или зимний день они надевали кожухи и шубы, которые в богатых семьях теперь крылись яркими дорогими тканями. Излюбленным цветом одежды традиционно оставался красный. Количество и качество платья и украшений по-прежнему обуславливали социальный престиж их обладательниц. Обувь Марфы Борецкой и ее современниц (конец XV в.) стала значительно более сложной по крою и оформлению: появились ажурные,

составные изделия. «Поршни» совсем вышли из употребления; повседневная обувь стала удобнее по конструкции. В XIV—XV вв. наибольшее распространение получили полусапожки и сапоги с наборным кожаным каблучком на жесткой основе, ставшие излюбленной обувью горожанок, а также княгинь и боярынь. Изготовление одежды, прядение и ткачество, шитье и вышивание были повседневным рукоделием всех женщин — богатых и бедных, хозяек и их служанок. Благодаря самим женщинам женские наряды становились подлинными произведениями искусства. Об этом пишет и летописец: «Обретши волну и лен творит благопотребная руками своими... Руце свои простираеть на польезь-ная, локти свои устремляеть на веретено... Сугуба одеянья сотворит...»⁷⁹

Глава V **«Теремная затворница» или правомочный член общества?** **(Историография проблемы)**

Представления о социальном положении древнерусских женщин в дореволюционной историографии

Накопление фактического материала о положении женщин в древнерусском обществе, их имущественных и социальных правах, семейном статусе и роли в культурной и общественно-политической жизни в X—XV вв. началось в отечественной историографии в XVIII — первой половине XIX в.¹ Одним из первых идей создания портретов «россиянок, знаменитых в истории или достойных сей чести», увлекся крупнейший дворянский историк, «последний летописец» Н. М. Карамзин. Его историческая повесть о Марфе-посаднице пробудила интерес к биографиям других выдающихся женщин русского средневековья. Предлагая историкам обратиться к этим сюжетам, Н. М. Карамзин считал возможным воссоздать женские портреты на основании летописных, агиографических, литературных и легендарных фактов, «изображая лица живыми красками любви к женскому полу и к отечеству»².

В начале XIX в. появились первые работы о древних свадебных обрядах. Н. Цертелев, И. Платонов, М. Морошкин придерживались мнения, что в давние времена «девическая жизнь предпочиталась жизни замужних женщин, которые зависели от мужей своих», что жены русских князей были «рабынями или по высшей мере прислужницами мужей»³. Один из исследователей русских свадебных обрядов, Д. И. Языков, собрал сравнительно большой фактический материал и подробно описал роль женщин — свах, подруг, боярынь, посаженной матери и т. д. — в свадьбе в XVI—XVII вв., сетуя на скудость материала по этому вопросу до XV в. включительно. Это утверждение опроверг в 50-х годах XIX в. М. П. Погодин, который на основе скрупулезной выборки и подборки отрывков из русских летописей осветил «частную жизнь» князей, а также свадебные обряды и семейные нравы X—XIII вв.⁴ М. П. Погодин не ставил перед собой исследовательских задач, но его публикация пробудила интерес к жизни и быту древнерусского общества.

В 60-х годах XIX в. среди работ, освещающих «домашнюю жизнь и нравы» людей X—XVI вв., выделились труды видного историка и археолога, создателя программы по изучению истории быта русского народа И. Е. Забелина. Они касались и социального статуса женщин в средневековой Руси⁵. И. Е. Забелин использовал широкий круг источников: летописи, свидетельства иностранцев, древнерусскую церковную литературу, памятники материальной культуры и др. Поэтому при всей ограниченности концепции И. Е. Забелина (он, в частности, полагал, что «права женщины как члена семьи» не связаны с «ее правами как члена общества») в его работах много важных и точных наблюдений о положении русской женщины в древности и в средневековье.

Современник И. Е. Забелина Н. И. Костомаров — историк либерально-буржуазного направления, исследовавший главным образом XVI—XVII вв., — привел в своих трудах

немало фактов, поражающих читателя «избытком,— как он сам писал,— деспотизма мужа над женой» в средневековой Руси. Но в работе по истории Северо-Западного региона Русского государства им были сделаны иные выводы о социальных правах и нравах русских женщин. Так, Н. И. Костомаров отметил, что «женщина в Новгороде пользовалась юридическим равенством с мужчиной». Перу Костомарова принадлежит и вводная статья к альбому «Русские исторические одежды» С. С. Стрекалова, в котором едва ли не впервые обстоятельно прорисованы детали древнерусского женского костюма и женских украшений⁶.

Среди работ буржуазных историков XIX в., касавшихся истории семейных отношений, а также вопроса об участии женщин в производительном труде и ремеслах (в рамках «семейной экономики»), следует отметить труды А. Терещенко и Н. Аристова. Книга видного русского этнографа А. Терещенко «Быт русского народа» по сей день привлекает исследователей богатством фактического материала. Используя древнерусские, арабские, греческие источники, он сделал попытку исследовать историю женского костюма на Руси и затронул вопрос о «византийских заимствованиях» в древнерусской одежде. Полвека спустя поднятая А. Терещенко тема нашла отклик в литературе. В книге Н. Аристова «Промышленность Древней Руси», под коей автор разумел всю хозяйственную деятельность человека, для своего времени исчерпывающе разработаны летописи, акты, жития, сведения иностранцев, переводная литература, былины⁷. В качестве свода материалов по истории быта, костюма, ремесла, в том числе «женского», она служит справочником не одному поколению историков.

С 30-х годов XIX в. изучение социального положения женщин в древней и средневековой Руси было связано с проявлением научного интереса прежде всего к правовым отношениям внутри древнерусской семьи. Этому способствовал перевод с немецкого языка фундаментального труда профессора Дерптского университета И. Ф. Эверса «Древнейшее русское право в историческом развитии» (СПб., 1835). И. Ф. Эверс подчеркнул связь между возникновением русской государственности и эволюцией семейно-родовых отношений.

Внимание буржуазных историков права привлекли уголовно-правовые и материально-правовые нормы X — XV вв.⁸, имущественные и наследственные отношения между супругами⁹, правовое положение женщин¹⁰. Однако историки государственной школы, преувеличивая значение нормативных документов, обрекали себя на формально-юридическую трактовку явлений истории древнерусской семьи, правового статуса женщин и тем самым искажали и упрощали представления о древнерусском обществе. Односторонность выводов буржуазных историков ярко проявилась в оценке внутрисемейных отношений, в принижении роли женщины в древнерусском обществе, ее правовой дееспособности. Несмотря на большой фактический материал, введенный в научный оборот исследователями древнерусского права, и значительное число работ по проблеме, ученый мир того времени не выработал определенного мнения по вопросу о наличии у женщин собственного имущества (о так называемой «раздельности имущества супругов»). Решение этого ключевого вопроса ограничилось полемикой в печати, которая выявила полярные точки зрения.

И. Ф. Эверс и его последователи А. Попов, В. И. Сергеевич отстаивали положение о том, что в древнерусской семье у женщины отсутствовала отдельная от мужа собственность, а это якобы доказывало исконную подчиненность жены мужу¹¹. Н. Рождественский, О. Ланге, И. Губе. А. Савельев, Н. Дебольский, напротив, подчеркивали правовую самостоятельность женщин и имущественную раздельность в супружеском союзе¹². В начале XX в. Д. Я. Самоквасов высказал мысль о наличии в начальные века русской истории двух «типов» жен: «купленных или приобретенных посредством грабежа» и «договорных», обладавших по сравнению с первыми значительной имущественной самостоятельностью. К точке зрения о «раздельности имущества супругов» примыкал В. И. Синайский. Мнение о имущественной несамостоятельности

женщин в браке разделял В. А. Рязановский¹³. Буржуазные ученые не смогли объяснить обнаруженные ими в источниках противоречия, вопрос о «женской собственности» остался открытым.

Широкий подход к проблеме на основе использования большого круга источников отразили труды крупнейших профессоров Московского университета И. Д. Беляева и С. М. Соловьева. По своим общественно-политическим взглядам они принадлежали к различным течениям русской либерально-буржуазной мысли (И. Д. Беляев — к славянофилам, С. М. Соловьев — к западникам), но «в отношении важного вопроса о положении женщины в древнерусском обществе»¹⁴ — сходились.

И. Д. Беляев первым из русских историков использовал для характеристики имущественного положения женщин в X—XV вв. помимо нормативных источников известные тогда науке акты и материалы. Он убедительно доказал самостоятельность материально-правового статуса женщины в древнерусской семье, противопоставив, в частности, ее широкие по тем временам права на опеку и наследство нормам византийских правовых кодексов (Эклоги, Номоканона), содержащих некоторые ограничения материальных прав женщин. И. Д. Беляеву принадлежит идея о развитии норм русского права, относящихся к женщинам, хотя он и не пытался найти основу этой эволюции. Касаясь перспектив развития правового статуса представительниц привилегированного сословия, И. Д. Беляев склонялся к мысли об отсутствии каких-либо негативных изменений в XIV—XVII вв. и даже полагал, что прежний «порядок» остался «до настоящего времени», т. е. до второй половины XIX в.

С. М. Соловьев тоже придерживался мнения о наличии у женщин собственного движимого и недвижимого имущества и отмечал вытекающую отсюда возможность их участия в политической жизни общества (подразумевались, естественно, привилегированные его слои). Правда, он считал, что социальная активность женщин в Русском государстве обуславливалась «спасительной силой» христианской религии и ролью духовенства, которое «во имя этой религии поддерживало все эти отношения»¹⁶.

Возрастание интереса к проблемам семьи и социальному положению женщин в русском обществе¹⁷ отвечало идейно-политическим запросам того времени: в среде радикальной дворянско-буржуазной интеллигенции обсуждались вопросы эмансипации женщин. Отсутствие трудов по интересующей нас теме историк государственной школы К. Д. Кавелин назвал тогда «одним из самых чувствительных пробелов в изучении русской истории»¹⁸.

На этом фоне особенно заметным был труд В. Я. Шульгина о женщинах допетровской эпохи. Он поставил ряд широких исследовательских задач: изучить семейную жизнь русского народа, определить — через «историю женщин — степень влияния на нашу жизнь элементов византийских, монгольских, европейских». В «истории русской женщины» В. Я. Шульгин выделял три основных периода: языческого быта, домонгольского и XIV—XVI вв. Первый из них характеризуется тем, что «все сферы жизни открыты женщине», второй — постепенным «исключением женщины из мужского общества», третий — развитием затворничества. Возвращение женщине ее места и социальных прав в обществе произошло, по мнению Шульгина, при Петре I. Главной доминантой, воздействовавшей на изменение прав и социального статуса женщин, он считал «византийское влияние», усиливавшее стремление «к религиозному уединению русских женщин»¹⁹. Однако затворническая жизнь монастыря была явлением общим и для женщин, и для мужчин, а «византийское влияние» на русское право в X—XV вв. способствовало скорее развитию тенденций, противодействовавших «отлучению» (термин Шульгина) женщин от общественной жизни, чем их затворничеству.

К числу первых специальных исследований относится и книга А. В. Добрякова «Русская женщина в домонгольский период», изданная в 1864 г. Ее автор, учитель одной из санкт-петербургских гимназий, поставил перед собой цель «рассмотреть, как

представляют женщин памятники древнейшего периода русской жизни»²⁰. А. В. Добряков впервые предпринял попытку рассмотреть положение женщин в семье и обществе в зависимости от их принадлежности к тому или иному социальному слою. Он стремился показать имущественные и личные права женщин, их жизнь в семье, взаимоотношения с родственниками, различия между правами и положением «язычницы» и «христианки».

Во второй половине XIX в. тема, которой посвящена книга, нашла отражение в трудах историков, популяризовавших исторические знания. О судьбе женщины в допетровское время писал Н. Я. Аристов. На основе трудов С.М. Соловьева, В. И. Сергеевича и других ученых создал биографии выдающихся древнерусских женщин Д. Я. Мордовцев. Большой круг историко-литературных источников привлек для освещения «женского литературного типа» Древней Руси И. С. Некрасов²¹. Но преимущественное использование некоторыми филологами (А. Н. Чудиновым, А. И. Желобовским, Н. В. Шеметовой) материалов фольклора приводило к преувеличению степени социальной «свободы» древнерусских женщин, к идеализации их общественного положения²². В то же время ограничение круга источников нарративной и церковной литературой вызывало тенденциозное преуменьшение значения и роли женщин в хозяйственной и политической жизни древнерусского общества. «Женщина была бесправна... роль женщины проявлялась только в семье», — писал И. Е. Забелин. «...Ни о какой общественной жизни для женщины не могло быть и речи...» — отмечал позднее Н. К. Грунский²³.

Возможности использования агиографического материала для изучения древнерусской истории исследовал в 1871 г. В. О. Ключевский и пришел к выводу, что кано-низированность описаний жизни, поведения, самих образов древнерусских женщин в житийной литературе и связанное с этим искажение фактов являются помехой для привлечения житий как источника исторического исследования²⁴. Действительно, даже для характеристики «деяний» выдающихся женщин русской истории (например, княгини Ольги) материал агиографии оказывается на редкость тенденциозным. Но, взятые в комплексе и сопоставленные с другими историческими памятниками, данные житийной литературы могут помочь воспроизвести церковную концепцию социальной роли женщины. Однако этот прием не использовался в дореволюционной буржуазной науке.

Свое понимание вопроса о социальном положении древнерусской женщины дали революционные демократы и их последователи, произведения которых носили большей частью пропагандистский характер. Они подчеркивали неравноправие женщин в любом классовом обществе и искали причину этого в сфере общественных отношений. Сравнивая различные формы государственного устройства в период феодальной раздробленности, последователь революционных демократов И. А. Худяков увидел существенные различия в положении женщин в княжествах и феодальных республиках. Так, он обратил внимание на отдельные свидетельства участия женщин не только в судебных тяжбах, но и в политической жизни средневекового Новгорода и использовал эти данные для обоснования необходимости решить один из насущных тогда вопросов — о социальном равноправии женщин. В одной из своих статей И. А. Худяков утверждал, что проблема социальной роли женщины в «эпоху Древней Руси и Московии» должна рассматриваться на основе трех видов источников: фольклора, церковной литературы и летописей, соответственно представляющих «три женских портрета»: «поляницу», «злую жену» и, наконец, «пользовавшуюся большей свободой правительницу» (Марфа, Софья Витовтовна и т. д.)²⁵.

Другой представитель демократического лагеря — С. С. Шашков — в своих исследованиях по истории русских женщин опирался на опубликованные письменные источники. В предисловии к одной из книг, изданной в 1872 г., он писал: «...ввиду вопросов эмансипации, волнующих современные женские поколения, знание былых судеб русской женщины представляется не только интересным, но и практически полезным для дела освобождения». С. С. Шашков заметил связь между возникновением частной (он ее

называл «исключительной») собственности и ухудшением социального положения женщин, т. е. вплотную подошел к историко-материалистическому пониманию проблемы. Говоря о тяжелом положении зависимой женщины, он подчеркивал, что «женщина всегда старалась освободиться из этого положения, что она боролась с враждебными ей началами». «Противодействие русской женщины всему, что давило и порабощало ее, было достаточно сильным», — отмечал С. С. Шашков. К «порабощающим началам» он относил «религию, закон, обычай». По его мнению, особенно заметное негативное воздействие на социальное положение русских женщин оказал «ви-зантизм», наложивший на всю древнерусскую жизнь печать «мрачной, суровой замкнутости». В этом вопросе он, как видим, разделял взгляды В. Я. Шульгина. С. С. Шашков считал, что XVI век принес «полное порабощение» женщине, а «историю борьбы женщин за свободу» и «самостоятельность» начинал со сподвижницы Степана Разина Алены Арзамасской (Темниковской)²⁶.

С демократических позиций подошел к исследованию проблемы и историк-публицист А. П. Шапов. Его интересовали главным образом такие вопросы, как «положение народной женщины», женская грамотность и образование. Представляет интерес вывод А. П. Шапова о противоречивости влияния церкви и христианства на изменения в положении женщины. С одной стороны, писал он, «церковь с самого начала взяла женщину под свою защиту, возвысила значение матери», а с другой — та же церковь «укореняла в ней (женщине. — Н. П.) веру в святость и нерушимость церковно-брачного подчинения мужу». «Источник унижения и отверженности» женщины в Древней Руси А. П. Шапов предлагал искать в воззрениях людей, а также в господстве аскетических идеалов, насаждавшихся церковью²⁷.

Особое направление в исследовании истории древнерусской семьи и социального положения женщины буржуазными учеными связано с применением сравнительно-исторического метода. Несмотря на ряд допущенных исследователями ошибочных сопоставлений, этот метод способствовал углубленному анализу проблемы. В трудах С. М. Шпилевского, С. В. Ешевского и других ученых собран большой материал для сравнительного изучения положения женщины и истории семьи в средние века на Руси и в Западной Европе. К. Алексеев и В. Д. Спасович при сравнении прав супругов на Руси и в Польше выявили аналогии в развитии семейного права восточного и западного славянства. В работах М. И. Горчакова, Д. Н. Дубакина, А. И. Загоровского, Н. К. Суворова, А. С. Павлова, А. И. Алмазова на основе исследования византийских правовых норм, вошедших в состав древнерусских памятников семейно-Мрачного права, определялись сходство и различия семейно-брачных норм Византии, Руси и Западной Европы, доказывалась самобытность русского брачного права²⁸.

Среди причастных к этому направлению исследователей было много специалистов по истории церковного права. Не случайно материалы их трудов неоднократно использовались А. Надеждиным, Т. В. Барсовым, Л. М. Альтшуллером и другими авторами, которые стремились показать права и роль женщины в обществе позиций христианских воззрений, на основе церковной концепции. Защитники ее восхваляли влияние церковных законов на укрепление семейного статуса женщин, что якобы благотворно способствовало «устранению женщин из жизни общественной» и выполнению ими тех функций, которые «свойственны женщинам от природы»²⁹.

Однако мнение авторов, разделявших взгляд церковников на предназначение женщины, не было общепризнанным. В спор с теми, кто представлял древнерусскую женщину — вслед за канонической литературой и церковными законами XII—XV вв. — «покорной рабой, игрушкой своего мужа-господина»³⁰, вступили ученые, которые отвергали воззрения на сам брак в Древней Руси как на акт исключительно религиозный. Многие исследователи семейно-брачных отношений в «домосковский период» Руси (А. Ефименко, А. Смирнов, Л. Харламов и др.) стремились доказать, что брак в X — XV вв. был лишь разновидностью частной сделки, носил договорный характер; что по крайней

мере в домонгольский период оба лица, вступавшие в брак, участвовали в заключении договора о нем³¹.

В конце XIX — начале XX в. возрос интерес к историко-этнографической проблематике³², и внутрисемейные отношения в X—XV вв. нашли отражение в исследованиях историков, сумевших научно оценить древнерусскую покаянную литературу и епитимийники как источники по истории семейного быта Древней Руси, Особую роль в изучении этих памятников сыграли публикации и работы С. И. Смирнова³³.

В начале XX в. попытку создать обобщающие работы по «истории русской женщины», дать ответ на вопрос о причинах ее «долголетнего теремного затворничества», отнявшего у нее все человеческие права»³⁴, предприняли женщины — М. Дитрих и Е. Щепкина. Их выводы мало чем отличались от выводов предшественников³⁵. В качестве причин негативных изменений в социальном статусе женщин М. Дитрих и Е. Щепкина выдвигали «утверждение патриархальных начал», влияние христианства и византийской литературы. Остались традиционными и хронологические этапы в «истории русской женщины»: языческая свобода, которую сменило «постепенное закабаление»; с XVI в. — усиление затворничества, а со времени Петра I — освобождение, включение женщин в общественную жизнь. Е. Щепкина внесла, правда, в эту хронологию некоторые коррективы, до XVI в. — «замкнутость семейной жизни для женщин высших классов», а с XVI в. — возрастание интереса к «ценности женской личности»³⁶.

На рубеже XIX и XX вв. буржуазные историки проявили внимание к новым сторонам проблемы. Так, в рамках изучения внешней политики Руси и истории международных отношений X — XIII вв. освещалась (до этого отмеченная лишь в популярных очерках) внешнеполитическая деятельность великой княгини Ольги³⁷, королевы Франции — дочери Ярослава Мудрого Анны Ярославны³⁸, императрицы Германии Евпраксии-Адельгейды Всеволодовны³⁹, королевы Венгрии Евфросиньи Мстиславны⁴⁰, а также дипломатическая деятельность русских княжон, в том числе польской королевы Елены Ивановны — дочери Ивана III⁴¹. На участие в установлении международных контактов представительниц княжеских родов указывалось и в биографических очерках отдельных князей, составленных А. В. Экземплярским⁴².

Немногим больше «повезло» вопросу об образовании и грамотности женщин в Древней Руси. На рубеже XIX и XX вв. увидела свет книга известной участницы женского либерального движения 70—80-х годов Е. О. Лихачевой «Материалы для истории женского образования в России (1086 — 1856)». Однако наука располагала тогда лишь нарративными и отчасти актовными материалами, не были еще известны или верно датированы многие эпиграфические источники. Следствием ограниченности источниковой базы был вывод об общей неграмотности древнерусских женщин, за редким исключением представительниц привилегированных слоев⁴³.

К началу XX в. русская историческая наука накопила некоторый археологический материал, позволивший расширить представления о древнерусской одежде и женских украшениях⁴⁴. Обобщить достижения русских археологов попыталась Л. Н. Кудь. Ее небольшая работа «Костюм и украшения древнерусской женщины» (Киев, 1914) по сей день единственное исследование, специально посвященное этому вопросу. Но вне поля зрения автора оказались многочисленные свидетельства русских летописей, памятников церковной литературы. Не использовались в работе фрески и миниатюры как источники по истории древнерусского женского костюма, хотя вопрос о привлечении их к изучению одежды X — XV вв. был уже поставлен⁴⁵.

Итак, русская дореволюционная историография выявила и накопила значительный конкретно-исторический материал, позволяющий с разных сторон осветить историю семьи, социальное положение и роль женщины в древнерусском обществе, воссоздать ее внешний и духовный облик. Буржуазные историки концентрировали внимание на юридических аспектах внутрисемейных отношений, исследовали главным образом

имущественные права супругов в семье. Проявив интерес к отдельным представительницам привилегированного сословия, они отчасти осветили социальный статус женщин этого ранга. Филологи и этнографы выделили наиболее яркие женские образы в фольклоре XI—XV вв. В попытках создать обобщающие труды по проблеме заметно стремление выявить динамику изменений в социальном статусе древнерусских женщин, предложить свое понимание вопросов о причинах возникновения их политического неполноправия, о новых путях и традициях в истории женской эмансипации.

Однако концептуально-методологическая ограниченность не позволила дворянско-буржуазной историографии дать обоснованное решение ряда сложных вопросов Древнерусской семьи, в том числе и об имущественных правах женщин в Древней Руси. Ученым революционно-демократического направления, вплотную подошедшим к историко-материалистическому пониманию процесса эволюции семейных отношений, также не всегда удавалось правильно объяснить явления X—XV вв. Но именно они первыми обратили внимание на необходимость изучения положения «народной» женщины, расширив тем самым круг исследуемых вопросов.

Древнерусские женщины в работах советских ученых

Возможность подлинно научного исследования проблемы, которой посвящена книга, дала историкам марксистско-ленинская методология. В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина содержатся существенные выводы об основных общих чертах, характеризующих феодальную формацию в целом и феодальную семью в частности, имеются ценные высказывания о роли женщины в обществе, в том числе в феодальном. По отношению к женщине в обществе, писал К. Маркс, можно «судить о степени общей культуры человека». Ф. Энгельс отметил в «Анти-Дюринге» верное положение социалистов-утопистов о том, что «в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации»⁴⁶. Исследуя процессы классового образования, Ф. Энгельс показал зависимость и тесную взаимосвязь происхождения семьи, частной собственности и государства.

Рассматривая семью исторически, в ее связях с производством, экономическим развитием и всей жизнью общества, Ф. Энгельс пришел к выводу, что утверждение частной собственности на средства производства сопровождалось негативными изменениями в социальном положении женщин. Он писал: «Ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения»⁴⁷.

Поскольку феодальной формации — особенно в ее «первые столетия» — присуще господство натурального хозяйства, когда дом и семья были жизненной и производственной ячейкой, постольку права женщин, их положение в феодальном обществе зависели в конечном счете от статуса женщины в семье. «Господство мужа» и «сравнительно большую крепость брачных уз, которые только муж и может расторгнуть», Ф. Энгельс выделил как отличительные черты моногамной семьи того времени. В основе подобной дифференциации социальных и семейных ролей лежали, как указывал Ф. Энгельс, «экономические условия, а именно победа частной собственности», ибо в классическом виде в любом зрелом феодальном обществе в роли собственников средств производства выступали, как правило, мужчины, а женщины были исключены из системы первичных отношений распределения (средств производства, и прежде всего земли). Говоря об исключении женщин из социально-экономических отношений в эпоху средневековья, Ф. Энгельс отнюдь не утверждал, что они были отстранены и от участия в производительном труде. На женщинах по-прежнему лежали все домашние заботы, но,

писал Энгельс, «ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало касаться общества. Оно стало *частным занятием...*»⁴⁸.

Ф. Энгельс обратил внимание и на то, что «господство мужа» в средневековой европейской семье накладывало особый отпечаток на внутрисемейные отношения. Главе семьи принадлежало право решения всех вопросов, связанных с замужеством взрослых дочерей и с разрывом брачных уз. Исключенность из системы опекунского, наследственного, владельческого права ставила женщин в феодальную эпоху в неполноправное, несамостоятельное, зависимое положение от отца и мужа. «Это приниженное положение женщины... постепенно было лицемерно прикрашено... но отнюдь не устранено»⁴⁹.

Ф. Энгельс дал обобщенный образец феодальной семьи, указал наиболее типические черты и отношения, характеризующие социальный и семейный статус женщин в средневековую эпоху. Но марксистско-ленинская теория социально-экономических формаций, предполагая типологический подход к истории человечества, тем не менее не отрицает, что в рамках стадийных типов общественного развития имело место значительное разнообразие конкретных форм. Отсюда вытекает необходимость пристального изучения этих форм по отдельным регионам.

Творчески осваивая наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, советские историки смогли значительно продвинуть исследование социальной, экономической, политической истории Руси в эпоху феодализма, в том числе и изучение истории семейно-брачных отношений, быта, материальной и духовной культуры.

Уже в 20-х — начале 30-х годов XX в. советские Ученые встали на путь поиска с позиций исторического материализма решения проблем, поставленных буржуазной наукой. Конечно, труды С. Я. Вольфсона, Н. К. Ковалева, В. Ф. Ржиги о семье и браке в феодальный период имели недостатки, свойственные в то время молодой советской исторической науке в целом: слабо анализировались факты, недостаточно критически оценивались источники. Утверждение марксистско-ленинской концепции затруднялось тем, что отечественная история была «обжита» буржуазной наукой, оставившей значительное историографическое наследство, в котором наряду с определенными достижениями было много идеалистических схем и антинаучных конструкций. Тем не менее первые труды историков-марксистов отличал уже классовый подход к исследуемой проблеме. Так, С. Я. Вольфсон, рассмотрев положение женщины в средние века по различным социальным категориям (феодалы, купцы-горожане, крестьяне и ремесленники), подчеркнул, что «семья и брак в разных классовых группировках феодальной эпохи имели организацию столь же различную, сколь было различно и общественное бытие этих группировок»⁵⁰.

В числе первых появились работы, раскрывавшие общественную деятельность ряда известных представительниц привилегированного сословия Русского государства. Сопоставление русских источников между собой и с иностранными актами и хрониками позволило Е. А. Рыдзевской выявить новые имена деятельных женщин Древней Руси, известных в X — XIII вв. в странах Западной Европы⁵¹.

Блестящий знаток феодального землевладения и генеалогии С. Б. Веселовский впервые применил ее для изучения земельных владений феодалов, в том числе женщин. Исследованию особенностей правового статуса знатных вдов историк отвел специальную главу в одном из своих трудов. Определенный вклад в изучение «женского землевладения» XIV—XV вв. внесли работы С. А. Таракановой-Белкиной, которая впервые подсчитала размеры вотчин некоторых крупных новгородских боярынь и своеземцев по Писцовым книгам⁵².

На новой методологической основе строилось изучение социально-правового и семейно-правового статуса древнерусских женщин. С. В. Юшков пришел к выводу о высоком уровне развития семейного права в Древней Руси, отметил взаимосвязь между семейным правом феодального периода и древним обычным правом. Вслед за С. Я. Вольфсоном С. В. Юшков подчеркнул, что при сословном принципе складывания

феодалной юриспруденции не могло быть общего наследственного или семейного права для феодалов и крестьян в Древней Руси. С. В. Юшков рассмотрел некоторые стороны имущественных отношений между супругами, учитывая социальную стратификацию. Анализируя генезис различных отраслей древнерусского права, в том числе семейного, он выдвинул гипотезу о преобладании на Руси в XI — XVII вв. семейной общины-задруги. Однако эта точка зрения не встретила поддержки в исторической литературе⁵³.

Оригинальное исследование Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» (М., 1947) содержит ряд интереснейших характеристик деятелей древнерусской эпохи, социальных групп и институтов домонгольской Руси. Б. А. Романов описал жизнь «всякого человека Древней Руси XI — XIII вв.» — словом, и горожанок, и крестьянок, и княгинь, женщин свободных и зависимых, а также брачные обряды и развод, составление завещания, семейный быт и различные житейские ситуации, в которых участвовали и женщины. Заслугой его, по словам Б. Д. Грекова, было то, что он сумел определить, в чем «быт противоречил установлениям церкви, и то, в чем он шел у церкви на поводу»⁵⁴.

Благодаря успешному развитию археологии в изучении истории быта и одежды русских людей, в том числе женщин, наметились направления, не известные дореволюционной историографии, например социально-дифференцированный подход к истории одежды вообще и женской в частности. В 30—40-е годы заметный вклад в исследование особенностей украшений, тканей, обуви древних руссов внесли А. В. Арциховский, В. Ф. Ржига, М. Г. Рабинович, А. С. Гущин, а также Л. И. Якунина, занимавшаяся типологизацией древнерусских тканей. А. В. Арциховский блестяще доказал необходимость привлечения древнерусских миниатюр к анализу истории одежды, быта и нравов древних руссов⁵⁵.

Большую роль в разработке истории быта, одежды, социального лица древнерусского человека сыграл труд Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» (М., 1948). Б. А. Рыбаков отметил роль в ремеслах древнерусских женщин, занимавшихся ткачеством, прядением, выпечкой хлеба, гончарным делом и даже участвовавших в ряде «мужских» ремесленных операций, например в литейных и железоделательных промыслах. Исследуя надписи на предметах, он впервые поставил вопрос о грамотности древнерусских ремесленниц.

В 50 — 60-е годы отечественная медиевистика получила ряд многотомных публикаций важнейших юридических памятников и делопроизводственных документов XIII—XV вв. Началось издание первых берестяных грамот, находки и публикация которых продолжаются по сей день. Б. А. Рыбаков обработал большой эпиграфический материал XI — XVI вв.⁵⁶ Все это открывало новые перспективы для изучения истории семейного, имущественно-правового и социального положения древнерусских женщин.

Особое значение для изучения имущественных прав древнерусских женщин имеет анализ региональных источников по социально-экономической истории России XIV — XV вв. в работах А. П. Шурыгиной, А. Л. Шапиро, В. Л. Янина о Новгородской земле, А. И. Копанева о Белозерском крае, Ю. Г. Алексеева о Псковской земле и Переяславском уезде. Надежную базу для работы над актовым материалом и другими источниками по проблеме создали источниковедческие исследования Л. В. Черепнина⁵⁷.

Историко-этнографические аспекты темы освещались в работах А. И. Козаченко о русском народном свадебном обряде и в очерках М. Г. Рабиновича о русском феодальном городе⁵⁸.

С середины 50-х годов продолжается дискуссия, связанная с выяснением типологии древнерусской семьи, без изучения которой трудно определить место и роль женщин в обществе, степень их социальной активности в X—XV вв. Труды Б. Д. Грекова, О. М. Рапо-ва, Я. Н. Щапова доказали, что в доордынский период русской истории малая семья преобладала, а большая постепенно отмирала⁵⁹. Но М. О. Косвен считал иначе, и его точку зрения о длительном преобладании больших семей и семейных общин отчасти разделил И. Я. Фроянов⁶⁰. М. Б. Свердлов, предложивший не смешивать понятия

патриархальной большой семьи и семьи неразделенной, придерживается мнения о господстве малой семьи. На материалах XVII—XIX вв. эту точку зрения убедительно обосновал В. А. Александров⁶¹.

Интерес к вопросам типологии древнерусской семьи обратил внимание исследователей на самостоятельное значение темы семейного и социально-правового статуса древнерусских женщин. О задаче специальной разработки этой проблемы как назревшей писал еще в 1970 г. Я. Н. Щапов, предлагая анализировать нормативные источники под этим углом зрения. Однако до сегодняшнего дня ее решение не нашло конкретного воплощения, хотя исследование самим Я. Н. Щаповым византийского правового наследия, бытовавшего на Руси в XI—XIII вв., его публикация уставов и уставных записей XII—XV вв. намного облегчают путь историка, занятого выявлением и обработкой нормативных памятников по истории семейного быта⁶².

То же значение имеет и исследование Р. Г. Пихоей памятников канонического права, в частности ранних епитимийников, которые являются важными источниками по истории реальной жизни, быта, внутрисемейных отношений⁶³. Христианскую доктрину, ее влияние на изменение статуса женщин в Древней Руси, взаимодействие обычного и церковного права в области семейно-брачных отношений освещали в 80-е годы В. Ю. Лещенко, К. Пикуль, А. К. и И. А. Фоменко⁶⁴.

Свою роль в изучении некоторых сторон социального положения женщин до XV в. путем сравнения Руси с другими странами средневековой Европы (Великим княжеством Литовским, Англией) сыграли работы Г. М. Даниловой, С. Лазутки, И. М. Валиконите, К. Ф. Савело, Ю. Л. Бессмертного⁶⁵. В статьях И. М. Валиконите об отражении в Первом Литовском статуте социально-экономического и правового положения женщин прямо указывается на взаимодействие норм древнего русского писаного права и обычного литовского, белорусско-украинского права.

В последнее десятилетие ярко проявилось стремление наших современников понять жизнь людей раннего средневековья, проникнуть в их духовный мир. Но после книги Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» едва ли не единственными исследованиями такого рода были монография В. Л. Янина «Я прислал тебе бересту...» (М., 1975), живо рисующая быт и нравы новгородских горожан, и упоминавшиеся очерки М. Г. Рабиновича⁶⁶.

Значительный вклад в изучение этой стороны проблемы внесли советские филологи⁶⁷, и прежде всего Д. С. Лихачев. В его трудах «Человек в литературе Древней Руси» (М., 1970) и «Поэтика древнерусской литературы» (М., 1972) реконструируется по сути сама Духовная жизнь людей XI—XV вв. П. В. Снесаревский сделал попытку показать, что древнерусские литературные памятники XV в. отражали относительно высокий для средневековья социальный статус знатных женщин, что свидетельствует, по его мнению, о гуманизации русской культуры⁶⁸.

В 70-е годы еще более прояснились черты социально-го облика древнерусской женщины привилегированного сословия. В. Т. Пашуто, анализируя внешнюю политику древнерусского государства, отметил «целую плеяду русских княгинь, игравших видную роль в политической жизни Европы». А. Н. Сахаров в монографии «Дипломатия древней Руси» посвятил специальную главу княгине Ольге, защищавшей интересы древнерусского государства на дипломатическом поприще. Я. Н. Щапов в труде о княжеских уставах XI—XV вв. показал участие древнерусских женщин привилегированного сословия в законодательной деятельности. В работах С. Д. Бабишина, Б. В. Сапунова, А. А. Мединцевой приводится интересный материал, свидетельствующий о грамотности древнерусских женщин, что было важной предпосылкой участия их в политической жизни феодальных княжеств⁶⁹.

Свой вклад в воссоздание внешнего облика древнерусских женщин постоянно вносят археологи и этнографы. М. Н. Левинсон-Нечаева и А. Нахлик исследовали древнерусские ткани⁷⁰, С. А. Изюмова, В. П. Левашева, И. Вахрос, Ю. П. Зыбин, Е. И.

Оятева — особенности кроя и наименований древнерусской обуви ⁷¹. Группа исследователей-археологов систематизировала древне-русские женские украшения. Н. П. Гринкова, М. В. Седова, И. П. Журжалина и др. специально изучали височные кольца, привески-амулеты, «ожерелки» и другие виды шейных украшений ⁷²; М. А. Сабурова и В. П. Левашева — самобытный женский головной убор ⁷³. М. А. Безбородов, З. А. Львова, Ю. Л. Щапова и др. описали стеклянные украшения и другие аксессуары женского костюма X—XV вв. (бусы, браслеты, перстни, пуговицы, флаконы и т. п.) ⁷⁴. А. В. Арциховский и В. П. Левашева в разделах об одежде в коллективных трудах «История культуры Древней Руси» и «Очерки русской культуры XIII—XV вв.» обобщили богатый материал памятников вещественной культуры. О. И. Подобедова проанализировала сведения древнерусских миниатюр и привела новые данные о русской женской одежде. Результаты многолетнего исследования археологических, эпиграфических, историко-этнографических материалов обобщила коллективная монография «Древняя одежда народов Восточной Европы» ⁷⁵.

Итак, советская историческая наука, расширив источниковую базу изучения отечественной истории периода феодализма и создав необходимые предпосылки для специального исследования социального положения женщин и роли их в древнерусском государстве, осветила ряд новых по сравнению с дореволюционной историографией аспектов проблемы. Фундаментальные работы по истории социально-экономических отношений продвинули вперед изучение имущественного статуса женщин, особенно привилегированного сословия. Типологический подход к проблеме древнерусской семьи открыл пути к изучению новых моментов социального положения женщин в X—XV вв., не известных буржуазной науке. Выявление и публикация архивных источников, развитие этнографии, археологии и других отраслей исторических знаний создают предпосылки для проникновения в глубинные слои древнерусского общества.

Тем не менее, несмотря на устойчивый интерес к социальному и семейному положению древнерусской женщины историков нескольких поколений, так и не нашел исследовательского решения вопрос: когда древнерусская женщина стала «теремной затворницей» или она вообще была дееспособной самостоятельной личностью? Историография проблемы, которой посвящена книга, распадается на темы, подчас мало связанные между собой. Между тем интерес к проблеме давно вышел за пределы границ нашего государства. Судьбы отдельных представительниц древнерусского общества и их социальная роль привлекают внимание зарубежных ученых с XIX в. и по сей день.

Интерес к проблеме в работах зарубежных авторов

В 1825 г. русский князь А. Лобанов-Ростовский издал в Париже сборник документов, посвященный жизни и деятельности вышедшей замуж за короля Франции Генриха I дочери Ярослава Мудрого Анны Ярославны. В сборник вошли обнаруженные им во французских архивах жалованные грамоты монастырям и аббатствам, выдержки из хроник и прочие документы, свидетельствующие об активности русской княгини на административно-управленческом поприще. Этот факт в известной степени стал знаменательным, так как пробудил интерес зарубежных исследователей к истории Русского государства в средние века. В том же году материалы сборника Лобанова-Ростовского использовал виконт де Сен-Амур в популярной книге, частично посвященной «принцессе Анне-Агнессе» (так называли Анну Ярославну во Франции) ⁷⁶.

Западные исследователи прежде всего проявили интерес к истории династических браков как средневекового выражения политических союзов между государствами. В их работах XIX — начала XX в. раскрывалась внешнеполитическая деятельность Евпраксии Всеволодовны (в Германии XII в.), Анастасии Ярославны (в Венгрии XII в.), Агафьи Святославны (в Польше XIII в.) и других дочерей великих князей, неоднократно отмечались высокий уровень образованности русских княгинь, их стремление к участию в

политической жизни⁷⁷. Немецкие, французские, английские, польские исследователи сравнивали права и социальный статус русских женщин в средние века с правами и статусом их современниц в западноевропейских странах и, как правило, противопоставляли свободное положение женщин в Западной Европе «униженности» и бесправию женщин в Древней Руси. Тогда за рубежом только русский по происхождению немецкий ученый Н. Мельников в специальном исследовании попытался обосновать иное мнение. Он писал, в частности, что «на Руси со времен Ольги женщина занимала высокое положение в обществе, обладала правом собственности, осуществляла дипломатические миссии...». В качестве основных причин изменения социального и правового положения женщин в XVI — XVII вв. Н. Мельников вслед за немецким юристом Е. Гроссе назвал развитие «патриархального начала» и воздействие «христианской религии, препятствующей общественному прогрессу»⁷⁸.

В монографии немецкой исследовательницы М. Вебер «Супруга и мать в развитии права» утверждалось, что в средние века женщина была неправомочна, ибо не имела собственности, и как единственное исключение из общего правила рассматривался статус женщин Восточной Европы, и прежде всего России. Именно М. Вебер принадлежит правильное толкование ст. 88 Русской Правды («О жене»), в то время как ее герменевтика вызвала разногласия среди русских исследователей. В немецкой историографии статья изначально признавалась как узаконение равноправного положения мужчины и женщины в древнерусском уголовном праве. М. Вебер отметила высокий уровень развития русского брачного права X — XV вв. и подчеркнула, что оно узаконило дееспособность и процессуальную полномочность женщины, которая после смерти мужа не попадала под опеку какого-либо родственника по мужской линии, а становилась владелицей оставленного ей хозяйства⁷⁹.

В 20-е годы XX в. французский историк Б. Шаль и американская исследовательница Е. Елнет предприняли попытку осветить положение незнатной русской женщины, и в частности крестьянки⁸⁰. В то время в зарубежной историографии была общепризнанной точка зрения Е. Гроссе о безусловном преобладании в средние века большого типа семейной организации. Поэтому выводы Б. Шалья и Е. Елнет о существовании в средневековой Руси «нуклеарного» типа семьи (т. е. индивидуальной, малой) явились несомненным шагом вперед. Е. Елнет в качестве источников наравне с памятниками средневековой литературы привлекла без должной критики фольклор XIX в. Конечно, фольклор отражает в известной степени образ мысли людей прошедших эпох, но внеисторичность подхода к произведениям устного народного творчества привела исследовательницу к негативной характеристике статуса женщин в крестьянских семьях (отсутствие прав, подчиненность мужу во все эпохи и т. п.).

В 1933 г. на VII Международном конгрессе историков был заслушан доклад польской исследовательницы Л. Харевичовой «Возможно ли написать специальную историю женщины?». В прениях по докладу говорилось о необходимости создания работ по истории социального положения женщин в разных странах в различные эпохи. Л. Харевичова готовила к изданию монографию о женщине польского средневековья, но ее выходу в свет помешала война и смерть исследовательницы в фашистском застенке. Лишь богато иллюстрированный научно-популярный очерк Л. Харевичовой, опубликованный в 1938 г., дает возможность судить о значительной разработанности автором темы и важных выводах, в том числе об общности процессов развития брачно-правовых норм восточных и западных славян, а также имущественно-правового статуса женщин⁸¹.

В 1939 г. вышла книга немецкого ученого Ф. Гаазе об обычаях и народных верованиях восточных славян. Ф. Гаазе впервые обратил внимание на распространенность в Древней Руси икон и фресок с изображением покровительницы замужества и замужних женщин Параскевы Пятницы, предположив, что это каким-то образом связано с языческими верованиями и культом богини Мокоши. Эту гипотезу впоследствии подтвердил советский ученый С. А. Токарев⁸².

Известный интерес к проблеме проявил и американский историк Г. Вернадский. Одна из его статей была посвящена особенностям имущественного и социально-правового статуса русских женщин в XVI — XVII вв.— главным образом бездетных вдов, принадлежавших к верхушке привилегированных слоев. Изучая указы и судебники XVI в., он пришел к выводу, что центральная власть стремилась ограничить наследование вотчинных владений вдовами и «помешать им получить больше чем малую долю вотчинного владения» их мужей. Между тем в основе описанных Г. Вернадским явлений лежало не стремление ограничить женщин как таковых, а развитие условного землевладения, вытеснявшего вотчинное. В работах Г. Вернадского 40—50-х годов также имеются некоторые замечания, касающиеся темы книги. Негативные изменения в социальном статусе и семейном положении русских женщин во времена «Домостроя» он объяснял влиянием системы «ордынского властвования» над Русью, которая, по его мнению, якобы сыграла в целом «прогрессивную роль, воздействуя на русскую государственность и русскую культуру»⁸³.

В 40—50-е годы польские историки и юристы А. Ветуляни, Н. Полонская-Василенко, С. Роман, Б. Лещиньский концентрировали внимание на особенностях экономических и политических процессов в государствах западных и восточных славян в эпоху феодализма. Б. Лещиньский, сопоставляя сведения «массовых источников» по средневековой истории (актов, судебных записей) с данными нормативных документов, на большом конкретном материале доказал, что в славянских землях по крайней мере в области имущественных отношений, а также права наследования и распоряжения недвижимой собственностью женщина была дееспособной наравне с мужчиной того же социального ранга. В монографии есть материал, характеризующий положение женщин на русских территориях, оказавшихся с середины XIII в. в орбите Польши и Литвы. В 1978 г. А. Шимчакова дополнила изыскания Б. Лещиньского по этому географическому району, показав деятельность русских княгинь на польском великокняжеском престоле. Несомненный вклад в изучение историко-родословных связей русского княжеского дома внесла статья И. Грали, сумевшего выявить новые факты, связанные с биографиями Агафьи Святославны, галицкой княгини Романовой (автор оспаривает утверждение, что ее имя — Анна) и других русских деятельниц средневековой Восточной Европы⁸⁴.

В 50-е годы и в немецкой буржуазной историографии предпринималась попытка пересмотра ряда утверждений о статусе женщин в западноевропейском средневековье, но отношение к социальному положению женщин на Руси осталось без изменений. Основную источниковую базу монографии К. Клаус «Положение русской женщины от введения христианства до реформ Петра Великого» составили описания «Московии» иностранными путешественниками, «Домострой», незначительный нарративный материал. К. Клаус полагала, что этих источников достаточно для освещения «истории русских женщин» на протяжении восьми веков! В отличие от ученых разных стран, стремившихся показать общественное положение средневековых женщин во всем его многообразии, К. Клаус представила древнерусскую женщину все той же «теремной затворницей». В качестве основной причины затворничества, возникшего, по ее мнению, еще до появления «Домостроя», она выдвинула влияние ордынского ига на духовную жизнь русского общества, а также «хождение на Руси византийских аскетических писаний». «Рамки теремного воспитания стали ломаться только в конце XVII—XVIII в.,— верно заметила она.— Реформы Петра I, поднявшего Русь до уровня передовых европейских держав, дали женщине возможность деятельности в социальной и культурной областях». Здесь налицо, с одной стороны, преувеличение широты прав женщин в XVIII в., с другой — недооценка периода XII—XV вв., когда русские женщины, особенно привилегированного сословия, имели высокий для средневековья социальный статус⁸⁵.

В 60-х годах американские исследователи уделили особое внимание изучению особенностей большесемейной организации родственных отношений у русских крестьян

и традиционной для буржуазной науки темы — о правовых установлениях, связанных с закреплением и расторжением брачных отношений⁸⁶. Для некоторых из них стало нормой распространять черты семейного и социального статуса русских крестьянок XIX в. на предшествующий период, «смешивать» особенности разных эпох и усматривать причину пониженного положения женщин в бытовании нравов крестьян во всех слоях русского общества⁸⁷. В то же время высказывалась и диаметрально противоположная точка зрения о том, что в России женщины — это традиционно «сильные личности», способные — если судить по древнерусской и русской литературе — затмить «героев-мужчин» и сохраняющие свою эмансипированность даже в современном обществе⁸⁸.

Среди работ американских исследователей 60-х годов выделяется монография Г. П. Федотова, специалиста по истории церкви и православного вероучения. Явный крен его в сторону утверждения исконной религиозности русского народа очевиден. Но едва ли не первым среди зарубежных авторов Г. П. Федотов обратил внимание фамилистов (тех, кто занимается изучением семьи) на епитимийники, «Измарагды», «Пчелы», патерики как на источники по истории представлений о семье и семейных отношениях в Древней Руси, на необходимость изучения сюжета о «злых женах», очень широко распространенного в средневековых литературах. Вслед за ним В. Ледерер тоже показал «интернациональность» сюжета о «злых женах» в средневековых литературах и причину этого явления правильно связал с общими задачами церковных проповедников того времени: обоснования иерархичности семьи и общества, подчиненности женщины главе семьи, воспитания богобоязни, понимания своей «ничтожности» в мире и обществе⁸⁹.

О живом интересе американских исследователей к интересующей нас проблеме свидетельствует ряд работ конца 60-х — начала 70-х годов. Так, Л. Успенский и В. Лосский коснулись толкования женских образов в русской иконописи X — XV вв. К. Рид, отталкиваясь от исследования фольклорных сюжетов и образов древнерусской литературы, проследил на протяжении десяти веков развитие в ней темы «русалий». А. Глассе посвятила статью древнерусским «амазонкам» — поляницам⁹⁰.

В 1970 г. на XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва) французские медиевисты обратили внимание на необходимость координации исследований по истории семьи и социального статуса женщин в различные эпохи. Изучение истории древней и средневековой Руси в этом аспекте стало вестись еще интенсивнее, что совпало как с оживлением интереса к вопросам фамилистики, так и с усилением внимания к конкретным проблемам именно русской истории⁹¹.

В 1975 г. на базе Станфордского университета (США) была проведена первая конференция на тему «Женщины в России: изменяющиеся реальности и меняющиеся представления»⁹². И по сей день американские ученые, главным образом женщины, довольно скрупулезно исследуют особенности социального статуса женщин древней и средневековой Руси и России. Магистерская диссертация С. МакНелли (1976 г.) на тему «От общественной деятельницы к домашней затворнице: изменение положения женщин в средневековой России» отразила успех американской историографии в освещении таких ее аспектов, как эволюция теории женоненавистничества в православии и воздействие ее на древнерусскую семью, правовой статус женщин привилегированных слоев русского общества, быт цариц и боярынь. С. МакНелли попыталась выделить основные черты жизни крестьянской семьи и статуса женщины в ней. Впервые в историографии влияние канонического права на семейный статус женщин и церковной идеологии на представления людей было рассмотрено «амбивалентно» (термин автора, подразумевающий многозначность): показаны позитивные и негативные последствия такого воздействия.

С. МакНелли полагает, что в «истории русской женщины» эпохи средневековья имеется лишь один существенный рубеж — XVI век, до него — период «социальной мобильности женщин», после — затворничество. Она определяет «три основные доминанты воздействия» на статус женщины в России: изменения в социально-

политическом строе, кульминацией которых явился «московский период» Руси, эволюция форм православного христианства и появление крепостного права. Исследовательница использовала летописи, актовые свидетельства и записки иностранцев. Но это круг источников, известных еще русским дореволюционным исследователям, которых сама же С. МакНелли осуждает за предвзятость и ограниченность. Она имела возможность расширить источниковую базу исследования за счет опубликованных в СССР памятников и документов XIII—XV вв., но не сделала этого. Тем не менее ее выводы заслуживают внимания. Бесспорно, например, что «права людей на Руси зависели более от социального ранга, чем от пола»; верен тезис о влиянии принятого Русью христианства на изменение социального статуса женщин⁹³.

Однако при всей обстоятельности труд С. МакНелли страдает заданностью итоговых выводов, в которых «автократическая система Московской Руси» выступает основным «подавляющим началом», оказавшим влияние и на положение женщин. Некоторые из оппонентов-соотечественников С. МакНелли указывали на произвольный подбор фактов, соответствующих лишь ее представлениям, ее схеме⁹⁴.

В 1977 г. в Станфорде вышел в свет коллективный труд «Женщины в России» под редакцией Д. Аткинсон. В основе книги лежат статьи, доклады и выступления участников вышеупомянутой конференции. Изменениям в имущественном и социальном статусе женщин древней и средневековой Руси посвящена вводная статья Д. Аткинсон. Как и С. МакНелли, она не склонна преувеличивать степень социальной униженности женщин в X—XIII вв., а «киевский период» предстает у нее как бы «золотым веком» русских женщин.

Как специалист по социально-экономической и сравнительной истории, Д. Аткинсон обратила внимание на нормативное закрепление широких (для средневековья) прав и привилегий древнерусских женщин, и в частности на опеку женщин над несовершеннолетними сыновьями. Но дальнейшую эволюцию социального статуса древнерусских женщин Д. Аткинсон оценила как процесс в целом регрессивный. По остроумному замечанию другой американской исследовательницы, Н. Колльман, она «утверждала, что восточные славяне наслаждались свободным обществом, в дальнейшем же их свободы деградировали стадийно: период раздробленности, период покорения Новгорода и Пскова, период утверждения московской автократии и т. д.». В качестве причин «снижения» социального статуса женщин в последующее время Д. Аткинсон, как и задолго до нее К. Клаус, выдвинула влияние ордынского ига, роль церкви и «изменение физических условий», под которым разумеется развитие производительных сил, появление новых орудий труда, освоенных преимущественно мужчинами. Вслед за дореволюционными русскими юристами Д. Аткинсон утверждала, что «теремная система» была порождена стремлением укрыть жен и детей в случае набегов татар. Другой причиной появления «теремов» на Руси она назвала «влияние христианской аскетической концепции»⁹⁵. Эта точка зрения получила за рубежом широкое распространение, в том числе в современной историографии ФРГ⁹⁶.

В 1977 г. во Франции, в г. Пуатье, состоялся международный симпозиум «Женщина в цивилизациях XI — XIII вв.».

В нем приняли участие французские историки, а также представители американской и польской исторической науки. Медиевисты разных стран поддержали точку зрения французского ученого Р. Фоссье о том, что «необходимо отказаться от предвзятого мнения, согласно которому женщина в средние века находилась в подчинении у мужчины». Ж. Вердон, Р. Арнольде, Ж. Боку выдвинули идею о том, что в средневековье наряду со сферами общественной жизни, в которых имел место приоритет мужчины (войны, политика, внешние связи), существовало несколько областей «женского господства» — организация экономической жизни дома, семьи, воспитание, внутрисемейные отношения. В условиях натурального хозяйства и замкнутости

экономических структур эти области имели важное социальное значение, и потому приоритет женщины в них французские историки назвали «тайным матриархатом»⁹⁷.

Положение древнерусской женщины затронул в докладе польский историк, профессор А. Гейштор. По его мнению, права представительниц господствующих классов в западнославянских государствах постепенно расширялись, на Руси же заметнее социальное бесправие женщин, утверждение женофобских тенденций в фольклоре и литературе⁹⁸.

Международные встречи историков последнего десятилетия⁹⁹ дополняются многочисленными трудами по проблеме.

Так, американская исследовательница Р. Левиттер в статье «Женщина, святость и брак в Московии» объясняет появление «теремного затворничества» усилением влияния церкви, которая, «развивая идею ритуальной чистоты более, чем теорию моральной слабости женщин», идеологически обосновывала устранение женщин из сферы социальной жизни. Другой американский исследователь — Ж. Д. Гроссман — в статье «Женские образы в древнерусской литературе и фольклоре», продолжая и развивая идею В. Сандомирской-Данхэм и А. Глассе о традиционном существовании в русской литературе образа «*femme fatale*», высказал мысль о воздействии образа сильной, социально активной женщины русского средневековья на появление образов самоотверженных женщин в русской классической литературе XIX в. Он описал деятельность княгини Ольги и Анны Ярославны, судьбы Февронии муромской и Улиании вяземской. Широта привлеченных Ж. Д. Гроссманом источников таила в себе опасность уравнивания их разных по значимости сведений, и он ее не избежал. «Хождение богородицы по мукам», крестьянские пословицы и былины позднего происхождения (XVII — XVIII вв.), «Пчелы», «Измарагды», древнерусские вышивки, созданные народными мастерицами, иконы и летописи — все это соседствует друг с другом, запутывая общую картину развития женских образов в древнерусской литературе и искусстве. Тем не менее Ж. Д. Гроссману принадлежит важный вывод о том, что представления о женщине в «ментальности» (образе мышления) русского средневековья складывались под воздействием двух направлений — церковного (ограничивающего) и народного (утверждающего самостоятельность и «самоценность женщины») ¹⁰⁰.

Интенсивную разработку проблемы ведет американская исследовательница Е. Левина, автор диссертации «Женщины в средневековом Новгороде XI — XV вв.»¹⁰¹. Она первая в западной историографии по рассматриваемой теме опиралась не только на опубликованные, но и на архивные источники и эпиграфический материал. Результаты исследования особенностей землевладения женщин в Новгороде, их политических прав в Новгородской феодальной республике Е. Левина опубликовала и в СССР. В последнее время она продолжает изучение внутрисемейных отношений в Древней Руси, как имущественных, так и сексопсихологических¹⁰².

Исследование С. Леви о положении женщины в Русском государстве XVI в. сводится к доказательству, что имущественные права женщин если и претерпели эволюцию в XVI в., то только в сторону расширения. В других ее работах отмечается, что в XVI в. в среде боярства и дворянства политические амбиции той или иной деятельницы оказывались прямо пропорциональными ее имущественному статусу. Представляя женщин средневековой России социально активными личностями, С. Леви пытается «поколебать страшно стандартные и безрадостные заключения» своих предшественниц — К. Клаус и С. МакНелли. Более поздней эпохой (XVII в.) занимается главным образом на актовом материале М. Томас. Ее работы отличает обстоятельное знакомство с советской историографией. Заслугой М. Томас следует признать пересмотр устоявшегося мнения о монахинях (черницах) на Руси как наиболее социально пассивном слое русского общества¹⁰³.

В 1983 г. журнал «Русская история» (США — Канада) выпустил специальный номер, все статьи которого посвящены изучению социального статуса женщины в древней

и средневековой Руси и России. Помимо названных Е. Левиной, М. Томас, С. Леви на его страницах выступил со статьей «Женщины и холопство в Московии» Р. Хелли, автор известной книги «Холопство в России» (1982 г.). Доказывая, что в XVI—XVII вв. женщина в России и как производительница материальных благ, и как холоповладелица «занимала второстепенное положение», он объяснял это тем, что с ростом роли дворянства как служилого сословия женщины, исключенные из него, получали все меньше возможностей для обретения холопов. Объяснение Р. Хелли справедливо отчасти, ибо он не учел сравнительно широкие возможности покупки женщинами недвижимой собственности с проживающими на ней крестьянами и холопами, реальность дарений, наследства и приданого. Но вызывает недоумение его вывод о том, почему женщина-холопка занимала второстепенное по сравнению с холопом положение в русском обществе. По мнению Р. Хелли, причина крылась, с одной стороны, в том, что на Руси были «запрещены проституция и конкубинат (сожительство.— Н. П.)», а с другой — в том, что «москвиты не использовали холопов в производственной деятельности», ориентированной на рынок. Вряд ли правомерно утверждать, что западноевропейские современницы русских холопок доказывали свою нужность обществу ввиду большей распространенности проституции и конкубината, и уж вовсе неверно отрицать участие холопок в производственной деятельности, ориентированной на рынок¹⁰⁴.

Заслуживают внимания совместная статья Х. В. Дуи, А. М. Клеймолы и работа Н. Колльман. Х. В. Дуи уже был известен как составитель сборника документов с собственными комментариями, в которых содержатся интересные наблюдения об имущественном статусе женщин различных классов средневековой Руси. Его совместная с А. М. Клеймолы статья посвящена вопросу о том, в какой степени женщины древней и средневековой Руси и России (в. кн. Ольга, Евфросинья полоцкая, Феврония муромская, боярыня Морозова, К. Годунова) влияли на события общественно-политической жизни или воздействовали на них через своих мужей или мужчин вообще, «воодушевляя их». Сравнивая древнерусские тексты о выдающихся русских женщинах с произведениями западноевропейской литературы, отразившими «культ прекрасной дамы», Х. В. Дуи и А. М. Клей-мола пришли к выводу, что в памятниках литературы Древней Руси нашли отражение реальные черты женщин — «ярких индивидуальностей, деяния которых их авторы хотели оставить в памяти потомков»¹⁰⁵.

Н. Колльман избрала в качестве предмета изучения быт верхушки привилегированных слоев русского общества. Описывая затворничество русских княгинь и боярынь в «эпоху Московской Руси», она приводит много интересных фактов, но интерпретация их не всегда ясна. Трудно согласиться с утверждением о том, что женщины элитарного социального слоя не обладали в то время правом фиска в своих вотчинах и административными правами.

Нуждается в дополнительной аргументации и объяснение Н. Колльман причин проявления «теремной системы» на Руси, истоки которой она видит в XIV в. По ее мнению, затворничество было следствием «укрепления царской автократии и боярской элиты», так как позволяло им «осуществлять контроль за политическими связями крупных родов и семей» (ограничивать круг знакомств, выдавать замуж в соответствии с задачами династических и политических связей и т. п.). При этом она подчеркивает, что говорить о «затворнической жизни» по отношению к женщинам из других слоев русского общества едва ли верно, хотя оценки теремной жизни нередко распространяют и на быт дворянок того времени. Н. Колльман уделила особое внимание положению вдов из привилегированного сословия и справедливо подвергла критике высказанное ранее в американской литературе мнение о том, что высокий статус знатных вдов в средневековых обществах объяснялся их неспособностью к выполнению прокреативных функций и утратой сексуальности (мнение М. Дуглас)¹⁰⁶. Прочное социальное положение знатных вдов объяснялось, несомненно, их стабильным имущественным статусом.

Рассмотрению прав вдовствующих княгинь и боярынь был посвящен доклад швейцарского исследователя К. Гёрке на V Международной конференции по истории Московского царства (Австрия) в 1984 г. К. Гёрке аргументированно доказал неизменность имущественно-правового статуса вдовы вплоть до XV — начала XVI в. По его мнению, в основе всех «изменений лежали интересы формирующегося самодержавия, его стремление препятствовать существованию наследственных владений, передаваемых женщинам», а также утверждение в качестве основной формы земельной собственности поместья — условного держания, которым женщины, естественно, не обладали, так как не могли нести воинской службы. К. Гёрке считает безосновательными утверждения о том, что западноевропейская женщина имела более высокое положение, чем «затворница-московитка», и предлагает свою интерпретацию причин неверного представления о древнерусской женщине как о забитом, бесправном, униженном существе. По его мнению, большую роль здесь сыграло влияние предвзятых взглядов иностранных путешественников, посетивших Россию в XV—XVII вв. и имевших «заданную цель противопоставить свою «развитую» и «культурную» страну варварской Руси»¹⁰⁷.

Результаты новейших исследований по проблеме Н. Колльман, А. Клеймола, Е. Левина, Д. Кайзер и другие исследователи-руссисты представили на очередную конференцию «Женщины в истории Российского государства», которая состоялась в августе 1988 г. в г. Кенте (США, штат Огайо). Аспекты темы, предложенные авторами для обсуждения, отличались нетрадиционностью и разнообразием. Это, например, источниковедение «истории русских женщин», некоторые проблемы истории канонического права XIII—XVII вв. в связи с морально-психологическими и сексопатологическими сторонами межличностных отношений между полами, частнопроводимые аспекты истории имущественных отношений в русских семьях эпохи позднего феодализма и многие другие.

В 1989 г. в рамках регулярно созываемой в г. Прато (Италия) Международной конференции по социально-экономической истории предполагается работа специальной секции, участники которой обсудят вопросы имущественного статуса женщин в эпоху средневековья в европейских странах, и в частности в России.

Итак, изучение социального положения женщин в древней и средневековой Руси и России ведется в зарубежной историографии уже более полутора столетий. Наибольшее внимание к проблеме проявилось в 60—90-е годы XIX в., когда на повестку дня встал так называемый женский вопрос, и в современный период (особенно в американской историографии), когда становятся все более актуальными вопросы исторической демографии, истории общественного сознания, социальной психологии. В США, во Франции, в Австрии и других западноевропейских странах в последнее десятилетие проводились конференции, прямо и непосредственно посвященные или косвенно затрагивающие отдельные аспекты проблемы. Такие ее стороны, как быт княгинь и боярынь, деятельность некоторых из них на административно-управленческом поприще, в области дипломатии, освещены в зарубежной историографии довольно полно. Зарубежному читателю в определенной степени представлен имущественно-правовой статус древнерусских женщин господствующего класса. Несомненно плодотворным является направление, требующее пересмотра укоренившихся представлений о положении женщин в русском средневековье, их абсолютном бесправии, несамостоятельности и темноте.

Большинство зарубежных ученых, изучавших социальный статус древнерусских женщин, выделяют в его эволюции два периода: «прогрессивный» (до XV в.) и «регрессивный» (с конца XV — начала XVI и до XVIII в.). В числе причин понижения социального статуса они называют негативное влияние византийской церковной доктрины и ордынского ига; «изживание первобытной матриархальной свободы» и усиление «автократических тенденций» в период складывания единого Русского государства; окончательное закрепощение крестьян, появление дворянства и условных

держаний; необходимость сохранения в целостности имущества и «чистоты крови» бояр и князей и в связи с этим образование «системы затворничества».

Зарубежная литература по истории древнерусской семьи и социального статуса женщин в целом представляет сложное историографическое явление, поскольку представлена она главным образом работами буржуазных авторов позитивистского толка, которым чужда четкая классовая оценка исторических явлений, личностей. Помимо методологической ограниченности для многих работ характерна сравнительно узкая источ-яиковая база, оставшаяся в основном на уровне дореволюционных русских исследований, ибо, как правило, не привлекается археологический, эпиграфический, агиографический, епитимийный материал. Поэтому целостной картины социальных прав и возможностей древнерусских женщин, четких представлений о их роли и месте в средневековом обществе в зарубежной историографии нет.

Некоторые итоги и перспективы исследования

Попытка представить семейное, социально-правовое, имущественное положение русских женщин, их внешний облик, уровень грамотности и образованности в X—XV вв., реконструировать биографии отдельных, в том числе наиболее известных, представительниц древнерусского общества предпринята автором с целью восполнить пробел, возникший в советской историографии. Проблема, которой посвящена книга, специально не изучалась и до сих пор не была известна широкому читателю.

Но это не означает, что автор сумел подвергнуть равному анализу под углом зрения исследуемой проблемы все исторические события и факты X—XV вв. Причина тому — неравномерная обеспеченность различных периодов и аспектов темы письменными историческими источниками.

Привлечение в полном объеме памятников материальной культуры, несомненно, откроет будущим исследователям широкие перспективы изучения не только домашнего быта, который, как доказывается в книге, традиционно был «сферой женского господства», но и социального положения женщин из непривилегированных слоев (например, ремесленниц).

Специального исследовательского подхода требует изучение вопроса о развитии женских образов в древнерусском народном творчестве, что должно пролить новый свет на историю духовной культуры, чаяния и Устремления средневековых людей, в том числе самих женщин.

Расширить источниковую базу возможно и за счет письменных исторических источников. К таким памятникам, которые еще ждут исследователей «женского вопроса» в эпоху русского средневековья, прежде всего следует отнести комплекс писцовых книг. Путь изучения имущественно-правовой самостоятельности женщин в XV—начале XVI в. лежит через исследование не только истории их землевладения, но и всего объема владельческих и социальных прав женщин различных классов, а также историко-демографических аспектов: структуры и состава русской средневековой семьи, правового статуса ее членов, особенностей внутрисемейных отношений в неразделенных и малых семьях, «этнографии детства» и др. Различные виды актов, свидетельства летописей, отчасти введенные в научный оборот в данной книге, могут быть пополнены новыми, содержащими больше сведений о социально-правовом положении представительниц угнетенного класса и непривилегированных социальных слоев древнерусского общества, т. е. прежде всего тех, кого мы относим к производителям материальных благ.

Возможные пути дальнейшего исследования проблемы связаны не только с поиском новых комплексов источников. Известно, например, что одной из антифеминистских сил была церковь. Но чем вызвано это явление? Это тема для размышлений о причинах возникновения подчиненного социального положения женщин при феодализме. Еще более четкое представление о динамике изменений в социально-имущественном и

политическом положении женщин может сложиться в результате исследования развития в XVI—XVII вв. тех процессов, которые мы наблюдали в первые шесть столетий истории русской государственности. Речь идет в первую очередь об изменениях в материально-правовом положении женщин в связи с ростом служилого сословия и дворянского землевладения. Это поможет выявить причины появления в XVI в. «Домостроя», динамику негативных изменений в семейном статусе женщин и ответить на вопрос, когда же появились на Руси «теремные затворницы». Проведенное автором этих строк исследование показало, что до XVI в. говорить о них нет оснований.

Изучение персонального состава участников политической борьбы в X—XV вв. позволяет убедиться, что среди них было немало образованных, деятельных, политически дальновидных женщин. В том, как проявлялась их социальная активность, можно рассмотреть нечто большее, чем просто спорадическое участие в заговорах и конфликтах. В росте числа участниц политической борьбы, в положительной динамике изменений их материально-правового, владельческого, социального статуса с X по XV в. отразился прогрессивный ход развития древнерусского общества со всеми его особенностями и закономерностями.

По мере углубления разностороннего исследования проблемы, обобщения сведений, почерпнутых из различных по виду и типу источников, автор все более убеждался в том, что и мнение о принижении, подчиненности положения женщины на Руси X—XV вв. по сравнению с социальным статусом мужчины, и представление о русском средневековье как о времени подавления личности — не более чем миф, развившийся на почве самоуверенности людей более поздних эпох, и в первую очередь современников становления капитализма.

Примечания, источники и литература

Введение (с. 3—10)

- 1 См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 486.
- 2 Правда Русская // ПРП. Вып. I. С. 73-235; Судебник 1497 г. // ПРП. Вып. III. С. 346—371.
- 3 Новгородская судная грамота // ПРП. Вып. II. С. 212 — 219; Псковская судная грамота // Там же. С. 286 — 302.
- 4 Договоры Руси с Византией 911 и 944 гг. // ПРП. Вып. I. С. 6, 30, 58; Договор 1189—1199 гг. Новгорода с Готским берегом и немецкими городами // ПРП. Вып. II. С. 124—132; Договор (Правда) Смоленска с Ригой и Готским берегом // Там же. С. 72—75; Соглашение 1230—1270 гг. Смоленска с Ригой и Готским берегом // Там же. С. 75 — 100, и др.
- 5 Салическая Правда / Пер. Н. П. Грацианского. Казань, 1913; Польская Правда, цит. по: Греков Б. Д. Избранные труды. Т. I. М., 1957. С. 426—434; Литовская метрика. Отд. I. Ч. 1. Книга записей. СПб., 1910; Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Подгот. к печати и коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965.
- 6 Ряд исследователей, и в частности Я. Н. Щапов, считают данный вид источника памятником церковного права (см.: Щапов Я. Н. Новый памятник русского права XV в. // Славяне и Русь. Киев, 1972), но происхождение источника — великокняжеская среда — позволяет уточнить, что именные уставы и уставные записи являются памятниками княжеского законодательства, данными совместно с церковной властью. См.: Устав князя Владимира Святославича // ПРП. Вып. I. С. 235—253; Устав князя Ярослава Владимировича // Там же. С. 257—285; Уставная грамота князя Ростислава смоленского 1150 г. // ПРП. Вып. II. С. 39—45; Устав великого князя Всеволода о церковных судах и о людях и о мерилах торговых // Там же. С. 160—172.

7 Запись «О бесчестьи» (XII—XIII вв.) // Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 198; запись «Об обрученых» (вторая половина XIV в.) // Там же. С. 204; запись «О невенчаньи» и «О разлучении» (XV в.) // Там же. С. 206—207.

8 Кормчая. Синодальное изд. М., 1834; Кормчая Балашова XV в. // РО БАН, 21.5.4; Закон Судный людем Краткой редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961; Закон Судный людем Пространной редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961; Мерило Праведное. По рукописи XIV в. / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961; Правосудие митрополичье // Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 126—127, Росписание степеней родства и свойств, препятствующих браку («Устав о брацах») // РИБ. Т. VI. С. 143—

9 Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. VI. С. 1—20; Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Там же. С. 21—62; Заповеди митрополита Георгия // Голубинский Е. Е. История русской церкви Т. I. М., 1880. С. 509 — 526; Памятники более позднего времени см. РИБ Т. VI. С. 270-276, 278-290. 500-502.

10 В книге использованы тексты епитимииников и требников из следующих архивных фондов: ЦГАДА, ф. 381. РО библиотеки Московской Синодальной типографии; РО БАН: ф. 13.3 (Яцимирского), 13.2.7 (Архангельского), 16.4, 24.2 (И. И. Срезневского), 34.7.5 (Собрания текстуальных постановлений Успенского); РО ГПБ, ф. Ки-рилло-Велозерского монастыря, А. Ф. Гильфердинга, Софийской библиотеки, М. П. Погодина, Соловецкого собрания, Петербургской духовной академии; РО ГИМ, ф. Синодального и Музейного собрания, собрания А. И. Хлудова, И. Е. Забелина, А. С. Уварова, Воскресенского монастыря; РО ГБЛ: ф. 178. Муз. собр.; ф. 210. Собр. В. Ф. Одоевского; ф. 1173. Новгородской Софийской библиотеки и др.

11 См.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971; Патерик Киевского Печерского монастыря СПб., 1911. Минеи XIII—XV вв. хранятся в Синодальном собрании ГИМ и в ЦГАДА (ф. 181 и 381); Прологи XIII-XV вв.—в ЦГАДА (ф. 381, № 158-172); сборники типа «Пчел» - в ЦГАДА (ф. 181, №370/820) и РО ГПБ (ф. п. 1-44 и др.).

12 Именно это сыграло решающую роль в утверждении скептического отношения В. О. Ключевского к агиографической литературе как историческому источнику (см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. СПб., 1871).

13 См. жития в. кн. Ольги, Евфросинии суздальской, Евфросинии полоцкой и др. в кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2, 4. СПб., 1896—1898. Ср.: Житие и жизнь Евфросинии суздальской. Списано иноком Григорием. СПб., 1888.

14 См. в Списке сокращений ПСРЛ, ПВЛ, НПЛ.

15 Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 1557-1558 гг. при царском дворе//ЧОИДР. 1884. Окт. С. 26—32; Бочкарев В. Н. Московское государство XV—XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев: Тексты. СПб., 1914; Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб., 1843; Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

16 «Слово Даниила Заточника» по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Подгот. Н. Н. Зарубин. Л., 1932.

17 См. в Списке сокращений ААЭ, АИ, АЗР, АСЭИ, АФЗХ, АЮ, АЮВ, АЮЗР, ГВНП, ДАИ, ДДГ, а также: Чаев Н. С. Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Вып. 35. Л., 1929; Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941; см. в Списке сокращений НПЛ.

18 См. в Списке сокращений НПК, ПКОП.

19 См. в Списке сокращений НГБ.

20 См.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I — II. М., 1970; Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978; Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. I. Киев, 1966; Он же. Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI-XVII вв. Киев, 1976.

Глава I (с. 11-69)

1 ПВЛ. Ч. I. С. 12-13.

2 См.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 87.

3 См.: Гриценко З. А. Агиографические произведения о княгине Ольге // Литература Древней Руси. М., 1981. С. 35.

4 См.: Мавродин В. В. Древняя Русь. Происхождение русского народа и образование Киевского государства. М., 1946. С. 184; ПСРЛ. Т. II. С. 21.

5 Согласно агиографической концепции, Ольга считается поселянкой с. Выбутина (Лыбутина), то дочерью (правнучкой) некоего Гостомысла, то дочерью половецкого князя (см.: РБС. Т. 12. СПб., 1905. С. 241—243). Дебатировался вопрос и о варяжском происхождении Ольги, однако, например, Е. А. Рыздзевская утверждала, что «считать Ольгу норманкой нет оснований» (см.: Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX-XIV вв. М., 1978. С. 195).

6 А. Н. Сахаров вслед за В. Н. Татищевым считает, что княгиня родилась в конце IX в.; Г. Г. Литаврин на основе «Проложного жития Ольги» называет также 894 г.; Б. А. Рыбаков полагает годами рождения княгини 923—927 гг., не считая достоверным «приведение» Ольги Игорю в 903 г. (см.: Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980. С. 262, 276, 285; Литаврин Г. Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 177; Рыбаков В. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 369).

7 ПСРЛ. Т. II. С. 35; см.: Сахаров А. И. Указ. соч. С. 237.

8 Рыбаков В. А. Киевская Русь... С. 360; ПВЛ. Ч. I. С. 40.

В предложении молодой вдове стать женой убийцы ее мужа тогда не было ничего необычного. Тот, кому удавалось убить царя или главу рода, женившись на вдове убитого, становился преемником его власти (см.: Лихачев Д. С. Комментарии к «Повести временных лет» // ПВЛ. Ч. II. С. 297).

9 ПСРЛ. Т. II. С. 45—46; История Льва Дьякона Калойского. Т. VI. СПб., 1820. Гл. 10. С. 66.

10 ПСРЛ. Т. II. С. 48; ПВЛ. Ч. I. С. 43.

11 Д. С. Лихачев полагает, что путешествие Ольги в Новгород — домысел летописца, спутавшего Деревскую землю на юге (землю древлян) с Деревской пятиной Новгорода на севере (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 305-306).

12 ПВЛ. Ч. I. С. 43.

Среди историков есть разногласия в оценке административной роли Ольги. Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, В. А. Рыбаков едины в мнении о том, что княгиня вводила новую систему взимания поборов, сама устанавливала становища, ловища, погосты; у Н. Н. Воронина самостоятельная «активно административная роль Ольги» вызывала сомнение (см.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1944; Мавродин В. В. Древняя Русь. С. 186-188; Рыбаков В. А. Киевская Русь... С. 363-365; Воронин Н. Н. Право и суд // История культуры Древней Руси. Т. II. М.; Л., 1951. С. 38). С. В. Юшков считал главной заслугой Ольги ликвидацию местных племенных княжений, что было причиной финансовых реформ (см.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 108—109).

13 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 238.

14 Там же. Т. 21. С. 314.

15 См.: Литаврин Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 56-57; ПВЛ. Ч. I. С. 45; НПЛ. С. 114.

16 См.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I [2]. М., 1904. С. 101. Примеч. 5; Constantini Porphyrogeneti imperatoris de ceremoniis aulae Bysantinae libri duo. Т. II. Bonnae, 1829—1830. Cap. 15. P. 511, 594—595; Liutprandi cremonensis episcopi relatio de legatione Constantinopolitana. Migne; Paris, 1853. P. 917; Liutprandi cremonensis episcopi historia gestorum regum et imperatorum sive antapodosis. Migne; Paris, 1853. P. 895.

17 Острогорский Г. Византия и киевская княгиня Ольга // To Honor Roman Jakobson. Vol. II. Hague; Paris, 1967. P. 1469; Литаврин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки. М., 1982. С. 173; ПВЛ. Ч. I. С. 57.

18 См.: Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 291; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1967. С. 67; Голубинский Е. Е. Указ. соч. С. 101. Примеч. 5; ПВЛ. Ч. I. С. 44-45.

19 Критику этой точки зрения см.: Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 260-270.

20 ПВЛ. Ч. I. С. 44, 45; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 292; Путешествие новгородского епископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872. С. 58.

21 См.: Мавродин В. В. Древняя Русь. С. 191; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 120-121; Рыбаков В. А. Киевская Русь... С. 371; Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 296; Monumenta Germania Historica. Scriptorum (далее: MGH SS). Т. I. Leipzig, 1825. P. 624-625 (под 959-962 гг.).

22 Ариньон Ж.-П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // ВВ. 1980. Т. 41. С. 117; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XI вв. СПб., 1913. С. 10-13; ПВЛ. Ч. I. С. 47-48.

23 ПВЛ. Ч. I. С. 80; ПРП. Вып. I. С. 237; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972. С. 71.

24 ПРП. Вып. II. С. 162.

25 Annales Lamberti // MGH SS. Т. III. Leipzig, 1839. P. 68; Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949. P. 174. Г. Острогорский отрицает родственные связи между Анной и Феофано (см.: Острогорский Г. Указ. соч. P. 1470).

26 ПВЛ. Ч. I. С. 54-56; Ч. II. С. 320-322; ПСРЛ. Т. II. С. 122 (под 1015 г.).

27 ПВЛ. Ч. I. С. 92, 97; Киево-Печерский патерик: О преподобном Моисее Угрине // ПЛДР. XII в. С. 543; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 279; Thietmar von Merseburg. Chronik. Darmstadt, 1957. Lib. VIII. Cap. 32.

28 См.: Тимирязев В. А. Французская королева Анна Ярославна // Исторический вестник. Т. LV. СПб., 1894. С. 201; Annales Islandorum Regii // Scriptorum Regum Danicarum (далее: SRD). Т. III. Hafniae, 1776. P. 39; Каргер М. К. Портрет Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // Учен. зап. ЛГУ. № 160. Сер. Истор. науки. Вып. 20. Л., 1954. С. 143—180.

29 Saint-Aymour C. de. Anna de Russie, reine de France et comtesse de Valois. P., 1896; Meseray F. de. Histoire de France depuis Pharamond jusqu'a present. P., 1648. P. 143; Levron I. Anne de Kiev princesse russe reine de France // Miroir de l'histoire. P., 1972. N 268. P. 118-125.

30 См.: Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 123; Тимирязев В. А. Указ. соч. С. 204-205; Hallu R. Anne de Kiev, reine de France. Romae, 1973. P. 240.

31 Druon M. Paris de Cesar a Saint Louis Hachette. P., 1964; Холодилин А. Н. Автографы Анны Ярославны — королевы Франции // Русская речь. 1985. № 2. С. 111. Установить, существует ли подлинник этого письма Анны, не удастся.

32 Житие и хождение Даниила, руськыя земли игумена (1106—1107 гг.) // Православный палестинский сборник. Т. I. Вып. 3. СПб., 1885. С. 127.

33 См.: Мельников Е. И, О языке и графике подписи Анны Ярославны // Славянское языкознание: Сб. ст. М., 1959. С. 113—119; Черных П. Я. К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославны // Доклады и сообщения филолог, ф-та МГУ. Вып. 3. М., 1947.

34 См.: Рыбаков В. А. Киевская Русь... С. 412; *Rerum Gallicarum et Franciscarum. Scriptores*. Т. XI. Р., 1876. Р. 653—654; Grunwald C de. Anne de Russie reine de France // *Miroir de l'Histoire*. Р., 1964. N 174. Р. 674—680; *Chronici Hermanni continuatio Codicis Sangalensis* // *MGH SS*. Т. XIII. Р. 731; Saint-Aymour C de. *Op. cit.* Р. 54-62.

35 Meseray F. de. *Op. cit.* Р. 144—145; Тимирязев В. А. Указ. соч. С. 207; Кайдаш С. Н. Сильнее бедствия земного. М., 1983. С. 8—9; Анна Ярославна // РБС. Т. I. СПб., 1896.

36 См.: Жуковская Л. П. Реймское евангелие. М., 1978; Bortoh G. Douze Russes et un empire: mille ans d'histoire. Р., 1980. Р. 260.

37 Two of the Saxon Chronicles. Т. I. Oxford, 1892. Р. 196—198; *Antiquites russes d'apres les monuments historiques des Islandais et des Scandinaves*. Т. II. Copenhague, 1852. Р. 57 — 58; Formanna Sogur. *Kaupmannahofn*. 1831. В. VI. Bl. 133—134; *Hauksbok*. Kobenhavn, 1892 — 1896. Bl. 333; Blondal S. The Last Exploits of Harald Sigurdsson in Greek Service // *Classica et Medievalia*. V. 2. Fasc. 1. Copenhague, 1939. Р. 3, 26; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 134-135; Глазырина Г. В. Свидетельства древнескандинавских источников о браке Харальда Сурового и Елизаветы Ярославны // *Внешняя политика Древней Руси*. Юбилейные чтения, посвященные... В. Т. Пашуто. М., 1988. С. 14—16.

38 Adamus Bremensis. *Lib. III. Cap. 12. Cshol. 62* // *Quellen des IX. und XI. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches*. В., 1961. S. 135—499; Moravcsik G. *Bysantinoturcica. Die bysantinischen Quellen der Geschichte der Turkvolker*. Bd I. В., 1958. S. 237—244; Gyorffy G. Zur Geschichte der Eroberung Ochrids durch Basileois II // *Actes du XII-e Congres International des Etudes Bysantines*. Т. II. Beograd, 1964. Р. 58; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 52.

39 *Monumenta Poloniae Historica* (далее: МРН). Т. II. Р. 796 (1087 г.); «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI — XIII вв. М., 1987. С. 70, 211; Dlugossii I. *Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*. Т. III. Varsoviae, 1970. Р. 37, 105, 380; Щавелева Н. И. Русские княгини в Польше // *Внешняя политика Древней Руси*. Юбилейные чтения, посвященные... В. Т. Пашуто. С. 117 — 122.

40 ПВЛ. Ч. I. С. 137, 139 (под 1089 и 1093 гг.); Baumgarten N. *Genealogies et manages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siecle*. Roma, 1927. Table V. N 2. Р. 22-23.

41 Татищев В. Н. *История Российская: В 7 т. Т. 2*. М.; Л., 1963. С. 95; ПСРЛ. Т. I. С. 233 (под 1096 г.).

42 См.: Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086 — 1796 гг.). СПб., 1890; Исторические сведения о жизни преподобной Евфросиньи, княжны полоцкой. СПб., 1841. С. 5.

43 См.: *История культуры Древней Руси*. Т. II. М.; Л., 1951. С. 216—244. Представление о круге наук, которым обучались женщины, дают Прологи XIV—XV вв.: «...научися елинским книгам и бысть мудра звездочтица, и риторию, и врачебную хыткость имущи, и философию, и глаголяше инемния языки...» (Пролог XIV—XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 164, л. 173); «дщи Василиска... научися елинским книгам и бы моудра, рекше грамотиикии и риторикиию, и врачебную философию...» (Пролог XV в. // Там же, № 154, л. 119 об.).

44 Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880, л. 250 об.; *Житие и жизнь благоверной великой княжны Евфросинии суздальской*. СПб., 1888. С. 21—22.

- 45 Киево-Печерский патерик. СПб., 1911. С. 206; ПСРЛ. Т. I. С. 205, 282; Т. II. С. 276, 288; Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Вып. IV. М., 1963. С. 148.
- 46 См.: Янин В. Л. Указ. соч. С. 148—149.
- 47 Остромирово евангелие. 1056—1057 гг. СПб., 1889. С. 293; Пантелеймоново евангелие // ГПБ, собр. Соф. б-ки, № 1, л. 224; Псалтырь 1296 г. // РО ГИМ. Синод, собр., № 235, л. 1; Житие... Евфросинии суздальской. С. 67. Ипатьевская летопись под 1180 г. приводит плач жены усопшего смоленского князя Романа Ростиславича, и в частности ее горестное восклицание: «...воистину тебе наречено имя Роман». Фраза имела смысл лишь в том случае, если княгиня знала, что по-гречески «роман» значит «сила», «крепость» (ПСРЛ. Т. II. С. 617).
- 48 Regesta historiae Brandenburgensis. Bd I. B., 1836. S. 99; Chronicon monasterii Rosenfeldensis seu Hassfeldensis // Monumenta inedita rerum Germanicarum praecipue Bremensium. Bd I. Bremen, 1740. S. 125; Block R. Verwandtschaftliche Beziehungen des sachsichen Adels zum russischen Furstenhause im XI Jh. Weimar, 1931. S. 204; Kirchner M. Die deutschen Kaiserinnen in der Zeit von Konrad I bis zum Tode Lothars von Supplinburg. B., 1910. S. 150; Forssman J. Die Beziehungen altrussischer Furstengeschlechter zu West Europa. Bern, 1970. S. 100—140.
- 49 Kirchner M. Op. cit. S. 45, 57, 117 — 119; Ediger T. Russlands alteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der romischen Kirche. Halle, 1911. S. 59; Giesenbrecht G. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Bd III. B., O/J. S. 611.
- 50 РИБ. Т. VI. С. 7; Leib V. Rom, Kiev et Byzance a la fin du XI-e siecle. P., 1924. См.: подробнее: Шайтан М. Е. Германия и Киев в XI в. //ЛЗАК. 1926 г. Т. 34 (1). Л., 1927. С. 15—17; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 125-127.
- 51 Annales stadensis // MGH SS. Т. XVI. S. 317; Kirchner M. Op. cit. S. 119-122; Ediger T. Op. cit. S. 57—60; Розанов С. П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд. гум. наук. 1929. № 8. С. 631; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 26. Австро-венгерские историки XIX в. обвиняли Евпраксию-Адельгейду в «двусмысленном поведении» и «супружеской неверности» {Fessler T. A. Geschichte von Ungarn. Leipzig, 1867. S. 205}.
- 52 Krug F. Forschungen in der altesten Geschichte Russlands. Т. II. SPk, 1848. S. 578-618.
- 53 См.: Шайтан М. Е. Указ. соч. С. 19.
- 54 Annales ecclesiastici. Т. XI. Antverpiae, 1642. Col. 626 (1093 г.), 638 (1095 г. и подача буллы); Annales Sancti Disibodi // MGH SS. Т. XVII. S. 14; Meyer von Knonau G. Jahrbucher des deutschen Reiches unter Heinrich IV und Heinrich V. Leipzig, 1904. S. 425, 444.
- 55 ПСРЛ. Т. I. С. 90-92 (под 1091 и 1106 гг.); ПСРЛ. Т. II. С. 188 (под 1091 г.).
- 56 См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 104-106.
- 57 ПВЛ. Ч. I. С. 175 (под 1097 г.).
- 58 ПВЛ. Ч. I. С. 195 (под 1112 г.).
- 59 См.: Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 167-168; ПСРЛ. Т. IX-X. С. 1150; Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 132.
- 60 ПСРЛ. Т. II. С. 206, 292; Т. VII. С. 25; Татищев В. Н. История Российская. Т. II. С. 135; Морошкин М. Я. Славянский имянослов. СПб., 1867. С. 23, 92, 96, 97; ПСРЛ. Т. II. С. 286; Пападимитриу С. Брак русской княжны Мстиславны-Добродеи с греческим царевичем Алексеем Комненом//ВВ. Т. XI. № 1-2. СПб., 1904. С. 73-98.
- 61 См.: Литаврин Г. Г. Как жили византийцы? М., 1974. С. 126; Васильевский В. Г. Василия Охридского неизданное надгробное слово на смерть Ирины // ВВ. Т. I. СПб., 1894. С. 82—83; Путешествие новгородского епископа Антония в Царьград // Православный палестинский сборник. Ч. LI. СПб., 1899. С. 36, 66, 92.

- 62 См.: Лопарев Хр. Брак Мстиславны // ВВ. 1902. Т. IX. Вып. 3—4. С. 429, 437; Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., 1960. С. 26; Дитрих М. Н. Русские женщины великокняжеского времени. СПб., 1904. С. 36—38.
- 63 НПЛ. С. 21; *Genealogia rerum Danorum* // SRD. Т. II (1). Р. 160 — 161; *Ex Historia Regum Danorum dicta Knutlinga saga* // MGH SS. Т. XXIX. Р. 292—293; Славянская хроника Гельмольда / Под ред. Л. В. Разумовской. М., 1963. С. 126; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. II (I). Киев, 1908. С. 140; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 330; Forssman J. Op. cit. S. 139.
- 64 ПСРЛ. Т. II. С. 254, 310-311, 318-320, 323-324, 408, 482-483; Грот К. Я. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889. С. 23, 94, 96; Schier F. *Reginae Hungariae primae stirpis*. Vienna, 1876. S. 110.
- 65 ПСРЛ. Т. II. С. 323—324 (под 1155 г.); *Vincentii Pragensis Chronica* // *Fontes Rerum Bohemicarum*. Т. II. Praha, 1874. S. 457—458; Грот К. Я. Указ. соч. С. 270, 274, 303; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 9, 177 — 179.
- 66 См.: Грот К. Я. Указ. соч. С. 268; *Annales Posenienses* // *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Т. V. Budapestini, 1937. P. 127; *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. Т. II, Budapest, 1830. P. 230
- 67 ПСРЛ. Т. II. С. 293, 301; Т. XXV. С. 31; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М., 1970. С. 274; Он же. Полоцкий матриархат//Знание — сила. 1970. № 12. С. 17—19.
- 68 ПСРЛ. Т. II. С. 217 (под 1133 г.), 296 (под 1140 г.).
- 69 См.: Янин В. Л. Актовые печати... Т. I. С. 234; Исторические сведения о жизни преподобной Евфросиньи, княжны полоцкой; Голубинский Е. Е. Указ. соч. Т. I (1). С. 771; Серегина Н. Песнь об Евфросинье // Советская культура. 1988. 12 апр.
- 70 См.: Янин В. Л. Актовые печати... Т. I. С. 17-19, 21-23, 33, 71, 83, 130, 156, 163, 173, 183-184, 210, 211.
- 71 См.: Воронин Н. Н. Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 79; Он же. Рец. на кн. А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» // Вестник АН СССР. 1945. № 9. С. 112; ПСРЛ. Т. II. С. 313 (под 1173 г.), 614 (под 1180 г.).
- 72 ПСРЛ. Т. II. С. 717, 719, 721, 727-729, 735; *Grala H. Drugie malzenstwo Romana Mscislawowicza* // *Slavia Orientalis*. R. XXXI. N 3—4. Warszawa, 1982. S. 117; Баумгартен Н. Первая ветвь князей галицких // Летопись историко-родословного общества в Москве. Т. IV. Вып. 4 (16). СПб., 1908. С. 16.
- 73 Патерик Киевского Печерского монастыря. Киев, 1911. С. 75; ПСРЛ. Т. II. С. 903-909 (под 1287 г.).
- 74 Троицкая летопись / Реконструкция текста М. Д. Приселкова. М.; Л., 1950. С. 289-290 (под 1205 г.); Требник XV в. // РО БАН, Архан. Д-72, л. 48 об.
- 75 Житие... Евфросиньи суздальской. С. 21 — 22; ПСРЛ. Т. V. С. 207; Т. VII. С. 134, 188 (под 1419 г.); Т. I. С. 191 (под 1227 г.), 194-196, 221 (под 1231 и 1230 гг.).
- 76 ПСРЛ. Т. III. С. 51; Повесть о разорении Рязани Батыем // ПЛДР- XIII в. С. 187; Повесть о Николе Зарайском // Там же. С. 183; см.: Кайдаш С. Н. Сильнее бедствия земного. Рассказы о женщинах русской истории. М., 1983. С. 20. V
- 77 ПСРЛ. Т. I. С. 196, 199, 203, 226, 227, 252; Т. V. С. 196.
- 78 Там же. Т. I. С. 321; Иоанна де Плано Карпини, архиепископа антиварийского, история монгалов, именуемых нами татарами. СПб., 1911; Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 1966. С. 27—28.
- 79 См.: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 110—111; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 190, 283-286; ПСРЛ. Т. I. С. 223; Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960. С. 315-318.

- 80 ПСРЛ. Т. I. С. 175-177, 200-201 (под 1237 и 1262 гг.); Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 286; Серебрянский Н. Указ. соч. С. 117.
- 81 Cetwmski M. Piotr Wtastowic czy Piotr Rusin // Sobotka. Т. 29. Warszawa, 1974. S. 429—443; Щавелева Н. И. Указ. соч. С. 118.
- 82 Balzer O. Genealogia Piastow. Krakow, 1895. S. 184; Vincentii Chronicon Polonorum // МРН. Т. II. Lwow, 1964. P. 438, 442; ПСРЛ. Т. I. С. 330. В польской историографии существует мнение о том, что Елена Ростиславна была чешкой по происхождению (Wasylewski T. Helena Ksigzniczka znojemska, zona Kazimierza II Sprawiedliwego // РН. Т. 69. Z. 1. Warszawa, 1976. S. 115-120).
- 83 Balzer O. Op. cit. S. 275—276; Wlodarski B. Polityczne ptany Konrada I księcia mazowieckiego // Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu. 1971. Т. LXXVI. S. 29; Kodeks dyplomatyczny Matopolski. Т. II. Krakow, 1886. S. 39-40.
- 84 ПСРЛ. Т. II. С. 753-754.
- 85 Szymczakowa A. Ksiezniczki ruskie w Polsce XIII w. // Acta Universitatis Lodzianis. Zeszyty naukowe Uniwersytetu Lodzkiego. Folia historica. Ser. 1. 1978. N 29. S. 29, 30; Wlodarski B. Op. cit. S. 44—45; Rocznik matopolski // МРН. Т. III. Lwow, 1878. S. 169.
- 86 Kronika Wielkopolska // МРН. Ser. 2. Т. VIII. Warszawa, 1870. S. 79; Szymczakowa A. Op. cit. S. 31; Kodeks dyplomatyczny Matopolski. Т. 1. Krakow, 1876. N 11-13, 24, 27, 29, 31, 36, 40, 41, 44, etc.
- 87 ПСРЛ. Т. II. С. 720; Piotr Dusburg. Chronika terrae Prussiae // Scriptorum Rerum Prussicarum. Т. I. Leipzig, 1861. S. 36—37; Zbior ogolny przywilejow i pomnikow mazowieckich. Т. 1. Warszawa, 1919. N 394, 404, 406; Szymczakowa A. Op. cit. S. 35.
- 88 Balzer O. Op. cit. S. 289; Korduba M. Anastazja // Polski Stownik Biograficzny. Т. I. Krakow, 1935. S. 88; Sobocinski W. Historia rzgdown opiekuricznych w Polsce // Czasopismo prawno-historyczne. 1949. Т. II. S. 269.
- 89 Szymczakowa A. Op. cit. S. 42; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 9.
- 90 ПСРЛ. Т. IV. С. 49 (под 1317 г.); Т. VI. С. 131; Т. VIII. С. 75 (под 1401 г.); Т. V. С. 215; Т. VII. С. 197 (под 1319 г.) и др.
- 91 ПСРЛ. Т. X. С. 134, 154 (под 1277 г.); Т. XXV. Ч. I. С. 393.
- 92 ПСРЛ. Т. XXV. Ч. I. С. 392, 395, 397. См. также: Житие преподобного князя Федора ярославского // Ярославские епархиальные ведомости. 1875. № 37; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (с 1238 по 1505 г.). Т. 2. СПб., 1891. С. 78-80.
- 93 ПСРЛ. Т. I. С. 207; Т. V. С. 207 (под 1286 г.); Т. VII. С. 164 (под 1263 г.), 188-189 (под 1319 г.); Экземплярский А. В. Указ. соч. с. 446, 448
- 94 ПСРЛ. Т. VII. С. 195 (под 1319 г.); Т. V. С. 215 (под 1319 г.).
- 95 ПСРЛ. Т. VIII. С. 15 (под 1368 г.), 18-19 (под 1371 г.).
- 96 Там же. С. 36 (под 1380 г.), 64 (под 1393 г.); Т. V. С. 256 (под 1407 г.).
- 97 См.: Титов А. Предания о ростовских князьях. М., 1875. С. 3—5.
- 98 История ростовских «поляниц» рассматривается иногда наряду с судьбами действительных исторических личностей (см.: Кайдаш С. Н. Указ. соч. С. 37—40), с чем трудно согласиться.
- 99 ПСРЛ. Т. II. С. 351; Т. IV. С. 97; Т. V. С. 244.
- 100 См.: Софья Витовтовна // РБС. Т. 19. СПб., 1909. С. 144; Экземплярский А. В. Указ. соч. С. 135.
- 101 ПСРЛ. Т. II. С. 354; Т. IV. С. 120 (под 1425 г.); ААЭ. Т. I № 115. С. 85; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. II. М., 1953. С. 158.
- 102 ПСРЛ. Т. IV. С. 208; Т. V. С. 266, 268; Т. VI. С. 149, 277; Т. VIII. С. 97, 98, 115; Т. XXV. С. 250.
- 103 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 411.
- 104 ПСРЛ. Т. VIII. С. 150, 152; Т. XII. С. 26, 76; ДДГ. № 57. С. 178; РБС. Т. 19. С. 146.

- 105 ПСРЛ. Т. VIII. С. 151, 180; Т. VI. С. 214, 223-224.
- 106 См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. I. М.; Л., 1948. С. 350; ПСРЛ. Т. VIII. С. 184 (под 1477 г.); Т. VI С. 206, 224-225 (под 1477 и 1480 гг.).
- 107 См.: Очерки истории СССР... Ч. II. С. 406.
- 108 ПСРЛ. Т. III. С. 136; Т. VI. С. 236; Т. 25. С. 321 (под 1478 г.).
- 109 ПСРЛ. Т. IV. С. 130, 359; Т. V. С. 37; Т. VI. С. 202; Т. XII. С. 8 (под 1428 г.); Очерки истории СССР... Ч. II. С. 173.
- 110 См.: Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939; Шурыгина А. П. Новгородская боярская вотчина в XV в.: Боярская вотчина Борецких. Дисс... канд. ист. наук. Л., 1948. С. 147 и др.; Очерки истории СССР... Ч. II. С. 375.
- 111 См.: Отечественные записки. Т. 14. СПб., 1863. С. 198-199.
- 112 ПСРЛ. Т. IX. С. 137—138; Житие преподобного Зосимы. М., 1834; Житие преподобного Варлаама Важского. СПб., 1893. Предисл.
- 113 См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. I. С. 356-363; ПСРЛ. Т. IV. С. 133 (под 1477 г.).
- 114 ПСРЛ. Т. VI. С. 5 (под 1471 г.); Т. VIII. С. 158-159 (под 1471 г.); Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 85-86.
- 115 ПСРЛ. Т. VI. С. 6 (под 1471 г.); Соловьев С. М. Об отношениях... С. 89.
- 116 ПСРЛ. Т. III. С. 142; Т. IV. С. 259; Т. V. С. 38; Т. VI. С. 16 (под 1476 г.), 24 (под 1484 г.); Т. VIII. С. 199; Марфа Борецкая // РБС. Т. 3. СПб., 1908. С. 220.
- 117 Подробнее см.: РБС. Т. 3. С. 220.
- 118 См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. СПб., 1817. С. 95, 130; Он же. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода. Историческая повесть. М., 1912; Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1956. С. 191. См. также: Сумароков П. И. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода. СПб., 1807.
- 119 ПСРЛ. Т. VII. С. 154 (под 1469 г.); Т. VI. С. 197 (под 1471 г.).
- 120 См.: Толстой Ю. В. Московия Джона Мильтона. М., 1875. С. 19; Успенский Ф. И. Брак царя Ивана III Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. Т. VIII. № II. С. 690—691; Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978. С. 247; Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908. С. 12-13.
- 121 См.: Софья Фоминишна // РБС. Т. 19. С. 153; Рындина А. В. Новгород и западноевропейское искусство XV в. // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 245. Примеч. 19; Выголов В. П. Русская архитектурная керамика конца XV — начала XVI в. // Там же. С. 282-311; Очерки истории СССР... Ч. II. С. 158, 383.
- 122 Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. Отд. I. СПб., 1836. С. 114; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 111; Очерки истории СССР... Ч. II. С. 328, 409.
- 123 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 416.
- 124 См.: Толстой Ю. В. Указ. соч. С. 18—19.
- 125 См.: Хорошкевич А. Л. Русское государство... С. 111; ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 284; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 264.
- 126 ПСРЛ. Т. XXIV. С. 202-203; Т. VI. С. 235; Т. XII. Прил. С. 265; Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 530.
- 127 Отрывок следственного дела Берсеня Беклемишева и Жареного 1525 г. // ААЭ. Т. I. № 172. С. 141-145; Курбский А. История о великом князе Московском // Курбский А. Соч. Т. I (РИБ. Т. XXXI). Пг., 1919. С. 271-272.
- 128 См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. I. С. 289; Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971. Илл. 29.

129 ПСРЛ. Т. VI. С. 235 (под 1483 г.); Хорошкевич А. Л. Русское государство... С. 175, 233; Каштанов С. М. О списке двух неопубликованных летописных сводов // Проблемы источниковедения. 1959. Т. VIII. С. 460-465.

130 ПСРЛ. Т. VIII. С. 242 (под 1497—1502 гг.). Подробнее см.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 84, 140, 212-213, 226, 230-232; Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 275.

131 ПСРЛ. Т. XXV. С. 275, 278; Т. VI. С. 181, 185; Т. XII. С. 111-112.

132 См.: Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 600; Юшков А. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ. Ч. I. СПб., 1898. С. 31 (1491 г.), 45-46; Анна Васильевна // РБС. Т. 2. С. 156; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 274; АСЭИ. Т. III. № 334. С. 360; № 367. С. 388; № 336. С. 361.

133 ДДГ. С. 333; ПСРЛ. Т. VI. С. 42, 45; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. I. С. 210-211; Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 277.

134 См.: Вейнберг Л. Б. Личность Анны Васильевны, великой княгини рязанской // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. IV. № 8. Рязань, 1890. С. 168-169; РБС. Т. 2. С. 157.

135 ПСРЛ. Т. VIII. С. 182, 227-229; Т. VI. С. 69, 142-143; Т. XXXII. С. 99; АЗР. Т. I. № 116. С. 142; Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. № 76-77. С. 412-422.

136 Сб. РИО. Т. 35. С. 196-226, 231-233.

137 См.: Зимин А. А. Указ. соч. С. 102-104, 180; Сб. РИО. Т. 35. С. 422.

См.: Бережков М. Н. Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская // Труды IX археологического съезда, Вильно, 1893 г. Т. II. М., 1897. С. 33; Лурье Я. С. Елена Ивановна, королева польская и великая княгиня литовская как писатель-публицист // Canadian American Slavic Studies. Montreal, 1979. V. 13. N 31. P. NI — ААЭ. Т. I. С. 104; Сб. РИО. Т. 35. С. 192. 221

140 См.: Церетели Е. Елена Ивановна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. СПб., 1898. С. 180—205; Макарий. История русской церкви. Т. IX. СПб., 1898. С. 110; Сб. РИО. Т. 35. С. 412.

О крупных земельных владениях Елены Ивановны говорят ее жалованные и данные грамоты: АЮЗР. Т. I. № 45; АЗР. Т. I. № 219; Т. II. № 8, 58; АВК. Т. XXIV. Вильно, 1897. № 16; Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским. Вып. 1. М., 1900. № 164; Акты Литовской метрики. Т. I. Вып. 1. Варшава, 1896. JV» 357; Вып. 2. Варшава, 1896. № 522, 602.

141 Сб. РИО. Т. 35. С. 490. За отравление Елены Ивановны ее ключник получил в награду вотчину (там же. С. 524).

Глава II (с. 70-103)

1 ПВЛ. Ч. I. С. 14; ПСРЛ. Т. I. С. 6.

2 ПСРЛ. Т. II. С. 293; Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. VI. С. 18; Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 147; Сумцов Н. И. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 100—105; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 228 — 252; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. М., 1861. С. 38; Т. 2. М., 1869. С. 89 и др.

Похищения («умыкания») невест происходили, как правило, во время «игрищ», подобных купальскому обряду: «Егда бо придет самый тот праздник, мало не весь град возьмется в бубны и в сопели... и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плесанием. Женам же и девкам — главам накивание и устам их неприязнен клич, всескверным песни, хрептом их вихляние, ногам их скакание и топтание. Тут же есть мужем и отроком великое падение на женское и девичье шатание. Тако же и женам мужатым беззаконное осквернение тут же...» (Послание игумена Панфила о купальской

ночи // РО ГПБ, Погод. 1571, л. 240—240 об.; ср.: «Измарагд» XV в. // РО БАН, 13.2.7, л. 18-18 об., 54 об.; РИБ. Т. VI (9). С. 137; (33). С. 272).

3 ПСРЛ. Т. I. С. 6.

4 Там же. С. 12 (под 823 г.), 32 (под 897 г.), 118 (под 1102 г.); Т. II. С. 286 (под 1102 г.), 290 (под 1104 г.); Т. VII. С. 23 (под 1104 г.).

5 Niderle L. Slovanske starozitaosti // Oddil kulturni. Dilu 2. Svz. 2. Praha, 1934; Lesinsky V. Stanowisko kobiety w polskim prawie ziemskim potowy XV wieku. Wroclaw, 1956. S. 84; Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 193, 221, 259, 265, 276.

6 См.: Загорский А. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884. С. 17; Морошкин М. Свадебные обряды Древней Руси // Сын отечества. 1848. № 2. С. 74.

7 Кормчая Балашова (XV-XVI вв.) // РО БАН, 21.5.4, л. 205 об.; ПСРЛ. Т. XV. С. 15; Словарь древнерусского языка XI—XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 76.

8 В грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича, как и в Уставе Владимира Свягославича (XII в.), право признания брака недействительным оставлено за церковью: среди проступков, которые должны наказываться епископией, указана «третья тяжа, аще кто примется через закон», т. е. соединит себя брачными узами вопреки церковным правилам (см.: ПРП. Вып. II. С. 41).

9 См.: Дубакин Д. О влиянии Византии на семейный быт русского общества // Христианское чтение. 1881. № 3—4; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; Липшиц Е. Э. Вступит, ст., пер. и коммент. к «Эклоге» // Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. М., 1969; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972.

10 ПВЛ. Ч. I. С. 104; ПСРЛ. Т. III. С. 52; Свадебные записи XV-XVII вв. // ДРВ. С. 8, 11, 12; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 33. С. 269.

11 Цит. по: Павлов А. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1884. Прил. Тексты. Ст. 10. С. 233 (список XVII в.).

12 См.: Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877; Дубакин Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». СПб., 1880. С. 75; Sobocinsky W. Problemy historii panstwa i prawa Rusi Kiowskie // Czasopismo Prawno-historyczne. Т. 11. Poznan, 1952. S. 400.

13 ПСРЛ. Т. I. С. 32 (под 1128 г.); Т. II. С. 314 (под 1143 г.), 482 (под 1115 г.).

14 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 20, 26, 27. С. 268-269; Хрестоматия памятников феодального государства и нрава стран Европы. М., 1961. С. 879, 882.

15 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 110. С. 119; АСЭИ. Т. III. № 292; Cole-man E. R. Medieval Marriage Characteristics. A neglected Factor in the History of Medieval Serfdom // Journal of Interdisciplinary History. 1971. V. II. P. 210.

16 ПРП. Вып. III. С. 357. Исследователи XIX в. не обратили внимания, что это изменение произошло в XV в. В. И. Сергеевич писал, что еще во времена РП «раб-муж делал и жену свою, дочь свободного человека, рабою» (Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. I. СПб., 1902. С. 52). А. А. Зимин также считал, что женщина всегда попадала в холопы по мужу (см.: Зимин А. А. Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV в. М., 1973. С. 358—359). С ним полемизировала Е. И. Колычева (см.: Колычева Е. И. Холопство и крепостничество. Конец XV—XVI в. М., 1971. С. 29—30). Мы разделяем ее точку зрения.

17 АСЭИ. Т. III. № 439, 242; РИБ. Т. XVII. С. 359; Щапов Я. И. Новый памятник русского права XV в.: Запись «О разлучении» // Славяне и Русь. М., 1968 (далее: «О разлучении»). С. 375-382; ПРП. Вып. IV. Судебник 1589 г. Ст. 137.

- 18 НГБ (1958-1961). С. 103; АСЭИ. Т. III. Л 100. С. 137; РИБ. Т. VI. С. 925.
- 19 Сб. РИО. Т. 35. С. 717; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 32. С. 269; Вып. II. С. 278; НГБ (1958-1961). С. 76-77.
- 20 МДРПД. VII (в). Ст. 14. С. 50; XXV. Ст. 25. С. 146.
- 21 Сб. РИО. Т. 35. С. 71-72, 120-123, 141; Ханьков Д. Д. Русские былины. М., 1860. С. 122; Даль В. И. Толковый словарь... Т. II. М., 1955. С. 616; Горчаков М. О тайне супружества. СПб., 1880. Прил. С 6- МДРПД. VII (в). Ст. 14. С. 50.
- 22 РИБ. Т. VI. С. 275 (Послание митрополита Фотия XV в.), 284, 918-919; ЧОИДР. 1848. Окт.- дек. С. 28; ПСРЛ. Т. II. С. 136 (под Нг7 г.). Лихачев И. П. Инока Фомы слово похвальное. СПб., 1908. С. 37-38, 46, 51.
- 23 РИБ. Т. VI. Ст. 13. С. 7. По списку Троице-Сергиевой лавры вместо «благоверство» стошт «благородство», что меняет смысл статьи: замуж в «ину страну» отдавать можно, если «божественный устав» повелевает «поимати» благородного (родовитого) мужа.
- 24 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 17. С. 268; Вып. III. С. 173.
- 25 ПРП. Вып. I. РП. Ст. НО. С. 119; РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 184,
- 26 РИБ. Т. VI. С. 204, 273, 281 (1410 г.), 515; АИ. Т. I. С. 161; «Об обрученых...». С. 204.
- 27 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 20-26. С. 268-269; РИБ. Т. VI. С. 143-144. Ср. греческое законодательство о браке: «Эклога». С. 93. Комментар. к ст. 2. Отметим еще два условия, необходимых для вступления в брак: наличие двух-трех свидетелей и соблюдение сроков, так как запрещалось заключать браки в Рождественский (14 ноября — 24 декабря по ст. ст.), апостольский (июнь), Успенский (1 — 15 августа) посты и на масляную неделю (МДРПД. XIX. Ст. 30. С. 117; Горчаков М. Указ. соч. С. 15-17).
- 28 РИБ. Т. VI (2). С. 46; (134). С. 924; МДРПД. XIII. Ст. 28. С. 92.
- 29 ПРП. ТЛ. УЯ. Ст. 5. С. 267; РИБ. Т. VI (134). С. 918-919, 925; МДРПД. XIX. Ст. II. С. 115. См. также: Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. М., 1976. С. 104; Он же. Княжеские уставы и церковь... С. 285—287.
- 30 НПЛ. С. 27; РИБ. Т. VI. С. 254, 274; Требники XV в. // РО ГПБ, Мих. Q. п. 9, л. 23 — 24 об.; Гильф. 21, л. 15 об.— 17; Q. п. 1. № 473, л. 243.
- 31 См.: Сахаров И. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. Ч. III. Кн. 2. СПб., 1837. Дополнения: Русские свадебные записи (далее: РСЗ). С. 120; «Пчела» XIV—XV вв. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 184; Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. I. СПб., 1872. С. 158—159.
- 32 РСЗ. С. 26; Жекулина В. И. Исторические изменения в свадебном обряде и в поэзии // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 237-253; Сб. РИО. Т. 35. С. 185—186; Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. СПб., 1861. С. 46; ПРП. Вып. II. Договор 1189-1199 гг. Ст. 8. С. 126. В. И. Даль учел термин, существовавший издавна для замужних женщин, не носивших головного убора: «гребенщица — укорно: покинувшая русскую одежду, заменившая платок гребенкой» (Даль В. И. Толковый словарь... Т. I. М., 1955. С. 393).
- 33 Сб. РИО. Т. 35. С. 186. Объяснение обрядового эпизода см.: Жекулина В. И. Указ. соч. С. 242.
- 34 РСЗ. С. 34; Буслаев Ф. И. Указ. соч. С. 47; Жекулина В. И. Указ. соч. С. 242-243; РИБ. Т. VI. С. 41; Сб. РИО. Т. 35. С. 187; ДРВ. С. 11-12.
- 35 Сб. РИО. Т. 35. С. 187-188; ДРВ. С. 12; Буслаев Ф. И. Указ. соч. С. 46-47; РИБ. Т. VI. Ст. 134. С. 924.
- 36 См.: Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда // СЭ. 1957. № 1. С. 69-70.
- 37 Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 1557 / 58 г. при царском дворе // ЧОИДР. 1884. Окт. С. 27-27; Сб. РИО. Т. 35. С. 186; Олеарий А.

Подробное описание Голштинского посольства в Московию и Персию. М., 1870. С. 207—208; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859. Гл. I.

38 Известный этнограф XIX в. Н. И. Сумцов так описывал значение иголки и плети в свадебных обрядах: «Плеть... Значение этого обряда сходно с римским. В Риме многие женщины охотно подвергались ударам, думая, что они дают чарочадородие. Ударам приписывается благотворная сила... Иголка составляет последний предмет в свадебном ритуале и служит исключительно средством, предохраняющим от колдовства...» (Сумцов Н. И. Указ. соч. С. 94).

39 АЗР. Т. I. № 42; ПРП. Вып. II. С. 39; Вып. I. УЯ. Ст. 3, 7, 14.

40 РИБ. Т. VI (2). Ст. 81 (недействительный брак попа или дьякона с невестой, утратившей девство). См.: Эклога. Титул 2. Ст. 1-3.

41 Требник XV-XVI вв. //РО БАН, Усп. 59, л. 138; Пролог XIV-XV вв. //ЦГАДА, ф. 381, № 171, л. 246; Лествица Иоанна Лествичника (XIII в.) //ЦГАДА, ф. 381, №. 452/920, л. 2 об.

42 «Прелюбодейство есть с мужатицею, а блуд есть со свободною...» (МДРПД. XV. Ст. 17. С. 106); Маргарит. XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 193, л. 280-280 об.; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 8. С. 267; РИБ. Т. VI (2). Ст. 69-70. С. 41-42.

43 Книги законные. Разд. II (Закон о казнях). Ст. 45. С. 72; РИБ. Т. VI (2). Ст. 69. С. 41-42; МДРПД. I (5). Ст. К-69. С. 5; XI. Ст. 20. С. 68; ПСРЛ. Т. I. С. 29 (под 6478 г.), 34 (под 6488 г.).

44 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 53. С. 271.

45 РО ГПБ, Ф. п. 1, № 582, л. 251 об.; РИБ. Т. VI (1). Ст. 26. С. 18.

46 РИБ. Т. VI (2). Ст. 69-70. С. 41-42, 58; (1). Ст. 82. С. 2; МДРПД. XXVII. Ст. 27. С. 154; Книги законные. Разд. II. Ст. 49. С. 73.

47 РИБ. Т. VI (1). Ст. 24. С. 13 - здесь обратная норма: разговор с посторонним мужчиной назван «невъзбранным».

48 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 53 (3-6). С. 271.

49 Книги законные. Разд. II. Ст. 26. С. 68.

50 Ср.: ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 53/3. С. 271; «О разлучении». С. 207, и «аще мужь в своем дому в нем же с своею женою живет, преобидя ея, с иною живеть, волно есть жене и от таковой вине раздрешати брак...» (Книги законные. Разд. III («О разделении браком»). Ст. 16. С. 83).

51 Книги законные. Разд. III. Ст. 2. С. 79; РИБ. Т. VI (2). Ст. 93. С. 4. Можно оспорить утверждение М. Г. Рабиновича о том, что «церковные правила... ничего не говорили о бесплодии жены как поводе для развода» (Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 216).

52 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 53/6. С. 271; РИБ. Т. VI (2). Ст. 92. С. 48. См.: Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 89. Ст. 36; Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I. Ч. I. Переяславский список Кормчей. С. 536.

53 РИБ. Т. VI (1). Ст. 12. С. 6; (И). С. 430-431; РО БАН, 11.9.15 (Воскр. 6), л. 103; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 249, 313-317; МДРПД. XIX. Ст. 57. С. 119; ПСРЛ. Т. I. С. 191.

54 «О разлучении». С. 207; МДРПД. I (11). Ст. К-93. С. 9; РИБ. Т. VI. С. 118; Книги законные. Разд. III. Ст. 14-16. С. 82.

55 ПСРЛ. Т. I. С. 174; Т. IX. С. 217; Татищев В. Н. История Российская. Т. II. М.; Л., 1963. С. 132.

56 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 8. С. 267; МДРПД. XIII. Ст. 29. С. 92; ЧОИДР. 1881. Апр.- июнь. С. 80; АИ. Т. I. № 109 (Поучения священнослужителям 1499 г.): «...иже муж жену пустит или жена мужа без вины...»; ср.: № 298. С. 545.

57 РО ГПБ, Ф. п. 1, № 582, л. 187 об.; Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 219.

- 58 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 3. С. 266; Ст. 16. С. 268.
- 59 РИБ. Т. VI. С. 523; АЮ. Т. II. № 404 (I). С. 425-426.
- 60 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 10. С. 267; Правосудие митрополичье (XIV в.) // ЛЗАК. Т. XXXV. М., 1929. С. 115. Ст. 8; МДРПД. XXVII. Ст. 26. С. 154; XLVIII. Ст. 18. С. 242.
- 61 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 72.
- 62 Мнения участников дискуссии 50 — 70-х годов (Б. Д. Грекова, Я. Н. Щапова, М. О. Косвена, И. Я. Фроянова и др.) см.: Сverdlov M. B. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1982.
- 63 См.: Русанова И. П. Славянские древности VI — VII вв. М.; 1976. С. 44, 48—49; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 25—26, 34—35.
- 64 ПСРЛ. Т. II. С. 45, 334; НПЛ. С. 206, 209, 227, 263, 277, 280, 324.
- 65 ГВНП. № НО. С. 168; № 221. С. 191; НГБ (1958-1961). № 255. С. 79; № 263. С. 90; № 363. С. 59 и др.
- 66 ПСРЛ. Т. II. С. 252-253.
- 67 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 7. С. 121 и др.
- 68 Там же. Ст. 8, 20, 21, 33. С. 121-124 и др.
- 69 «То все суды церковные, даны законом божьим, и князю и бояром, и судьям в те суды не лзе вступатися, не прощено им от закона божия...» (РИБ. Т. VI (9). С. 118).
- 70 «Гайна сия велика есть...» (Требник XV в. // РО БАН, Усп. 59, л. 135).
- В литературе XIX в. велась полемика о месте и роли обычно-правовых норм в системе церковно-государственного семейного права. В ней участвовали этнографы, историки, юристы, теологи. Апологеты богословия представляли христианство «организатором» семьи, создавшим «гармонию семейного быта» (см.: Дубакин Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». СПб., 1880. С. 2 — 3; Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888. С. 62). С критикой попытки изобразить историю формирования семейно-брачных отношений в религиозно-идеалистическом духе выступила этнограф А. Ефименко, утверждавшая, что, несмотря на старания церковников, народ (крестьянство) относился к браку как к гражданскому акту, лишь освящаемому благословением церкви (см.: Ефименко А. Народные юридические воззрения на брак // Знание. 1874. № 1. С. 29. Критику ее точки зрения см.: Победоносцев К. Курс гражданского права. СПб., 1875. С. 11). В действительности борьба за упрочение религиозного содержания брака была одной из сторон деятельности православных церковников, признававших гражданские обязательства, вытекавшие из светского, договорного характера брака.
- 71 «Пчела» XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 180, № 658/1170, л. 212 об.
- 72 «Пчела» XIV-XV вв. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 186; ЦГАДА, ф. 181, № 370 / 820, л. 11; Пролог XIV в. // ЦГАДА, ф. 381, № 155, л. 144 об.; № 162, л. 107; № 173, л. 210; Сборник XV в. // Гильф. 38, л. 96—98. Ср.: «Не пребывати, яко скоти, в безъвздержании...» (МДРПД. XXI. Ст. 8-11. С. 136-137; XXXV. С. 178).
- 73 Собрание канонов XIV в. // ЦГАДА, ф. 381, № 78, л. 32; П-3. Ст. 58. С. 71.
- 74 Миняя служебная XV в. // РО БАН, 16.14.14, л. 64, 66 об., 241 и др.; Миняя в честь великомученицы Евфимии // ЦГАДА, ф. 181, № 589 / 1091, л. 89, 134 об.; Житие Евфросинии полоцкой // ПДРЦУЛ. Вып. 2. № 8. С. 25; ср.: Пролог XIV—XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 154, л. 138.
- 75 РИБ. Т. VI (1). С. 70; (32). С. 259; МДРПД. VII (а). Ст. 4. С. 45. Следует учесть и норму русского брачного права (неизвестную в Византии), по которой безбрачие светской девушки наказывалось штрафом (см.: Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XIV-XV вв. С. 104).
- 76 РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 133 об., 187 об. Ср.: РИБ. Т. VI. № 73. С. 595; МДРПД. VII (б). Ст. 21. С. 49.
- 77 П-1. Ст. 71. С. 100; Ст. 100. С. 121.

- 78 МДРПД. VII (а). Ст. 4. С. 45; Маргарит. XV в. // РО ГПБ, Кир.-Бел. 112 / 237, л. 5; Требник XV-XVI вв. // РО БАН, Усп. 59, л. 78 об.
- 79 П-4 (1). Ст. 57. С. 71; П-2. Ст. 137. С. 41 и др.
- 80 Пролог XIV в. // ЦГАДА, ф. 381, № 173, л. 118 об.
- 81 Пролог XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 171, л. 195; «Измарагд» XV в. // РО БАН, 13.27, л. 81; «Пчела» XIV-XV вв. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 10 об.
- 82 «Меючи жену законную... पहले страха божия научи себе послушанию» (П-1. Ст. 98. С. 21. Ср.: Послание Есифа к детям и братии (XI — XV вв.) // Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб. ОРЯС. Т. 82. СПб., 1907. С. 139 и др.). «Жене красота не злато, но ум и тихость» (П-3. Разд. «А». С. 60). «Жена правдива, и смиренна, и безмолвна — жизнь дому и спасение мужу своему» (П-2. Ст. 168. С. 45; ПДРЦУЛ. Вып. IV. № 60. С. 120; Слово некоего христороубца (XII — XIII вв.) // Никольский Н. К. Материалы... С. 108 — 109).
- 83 ПДРЦУЛ. Вып. IV. № 60. С. 119; «Измарагд» XV в. // РО БАН, 13.2.7, л. 83 об., 86; «Пчела» XIV в. // ЦГАДА, ф. 181, № 970 / 820, л. 120; № 370 / 820, л. 121 об.; П-1. Ст. 98. С. 21; РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 134.
- 84 ПСРЛ. Т. II. С. 265 (под 6533 г.), 296 (под 6648 г.); Отрывок поучения Ефрема Сирина XI в. // РО БАН, 24.4.20 (Срезнев. 67), л. 3 об.
- 85 ПВЛ. Ч. I. С. 158 (под 1096 г.). См.: Снесаревский П. В. Отношение к женщине в памятниках письменности русского средневековья (XI — XV вв.) // Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. ст. М., 1983. С. 31.
- 86 «...господь бог рече: яды мою плоть и пия мою кровь во мне пребывает. Да как тело Христово в себе имуще, сласти тела прилеп-ляти?» — вопрошал автор одного из покаяний XIV в. (МДРПД. XIII (а). Ст. 12. С. 82).
- 87 Житие Дмитрия Донского (XV в.) // ПСРЛ. Т. IV. М., 1925. С. 352; МДРПД. I (7). Ст. И-21. С. 7; Изборник 1076 г. М., 1965. С. 176.
- 88 МДРПД. XLII. Ст. 78. С. 205; XLV. Ст. 135. С. 14. Ср.: «Прьваа любви есть, еже бога любит всем сердцем, потом же ближнего...» (Почтение митрополита Климента Смолятича о любви // Никольский Н. К. Материалы... С. 96; РИБ. Т. VI (18). С. 95, 96, 163).
- 89 «Измарагд» XIV в. «Слово о любви» цит. по: Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893 (далее: «Измарагд»). Тексты. С. 57; «Измарагд» XV-XVI вв. // РО БАН, 13.2.7 (Яц. 7), л. 101; Сб. слов XV в. // РО БАН, Архан. Д-178, л. 47; Пролог 1492 г. // РО ГПБ, 896 / 804, л. 105 об.
- 90 ПСРЛ. Т. II. С. 150—152, 326 и др. (о жене смоленского князя Давыда Ростиславича); Т. I. С. 176, 192 (о жене суздальского князя Всеволода Юрьевича, «родом ясыне», создавшей монастырь). П-1. Ст. 94. С. 20; РО ГПБ, Р. п. 1, № 44, л. 12 об.
- 91 П-3. Разд. «Б» (1). С. 61. Среди проступков, за которые им женщину налагалась епитимья, была и несогласная жизнь в браке: «...или мужа не любила, или гневалася на него...» (Требник XV в. / РО ГПБ, Соф. б-ка, № 875, л. 134 об.).
- 92 ПСРЛ. Т. II. С. 527-532, 658 (под 6676 и 6995 гг.) - о Ростиславе Мстиславиче и его сестре Рогнеде; о Рюрике Ростиславиче и еп. снохе Верхуславе.
- 93 ПДРЦУЛ. Вып. IV. № 60. С. 119-120; «Измарагд. XV в. / РО БАН, 13.2.7, л. 81 об.; РИБ. Т. VI (10). С. 124; (13). С. 141: (1238-1305 гг.).
- 94 ПСРЛ. Т. I. С. 91; Т. II. С. 76, 79, 96, 97, 303; Т.У. С. 2Ш. 213; Т. VI. С. 146; Т. VII. С. 61-62; Т. VIII. С. 154, 197. Ср.: Ярослав Изяславич, чтобы «выкупить» у Святослава Всеволодовича свою жену, «попрода весь Киев» (ПСРЛ. Т. II. С. 111; под 6682г.).
- 95 См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 74-77, 93-96 и др.
- 96 «А что, господине, скорбишь о своем княгине, что в недуге лежит...» (АСЭИ. Т. II. № 313. С. 275; Т. III. № 248. С. 267).

- 97 Грамота Моисея № 521 (вторая половина XIV — XV в.) цит. по: Янин В. Л. Комплекс берестяных грамот № 519—521 из Новгорода//Общество и государство феодальной России. М., 1971. С. 36-37.
- 98 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 170.
- 99 МДРПД. XLV (а). Ст. 64. С. 210; XIX. Ст. 13. С. 116; 1 (8) Ст. 24. С. 78; II. Ст. 6. С. 28; VII (а). Ст. 44. С. 47; XLV. С. 207; РИБ. Т. VI (10). С. 125; (2). Ст. 93. С. 48; Василев К. Любовь. Историко-философское исследование / Пер. с болг. М., 1982. С. 65.
- 100 «Пчела» XIV в.//ЦГАДА, ф. 181, № 370/820. л. 2 об.; РИБ. Т. VI (32). С. 253.
- 101 Требник XV в. // РО ГПБ, Соф. б-ка, № 1056, л. 100-101 об.; МДРПД. XXV. Ст. 4. С. 143; XL (VIII). Ст. 26. С. 243; ПРП. Вып. I УЯ. Ст. 4, 18—26. С. 266, 268 — 269; Алмазов А. И. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т. III. Прил. Тексты архивных материалов. Одесса, 1894. С. 160—169.
- 102 «Мужеску полу нет беды... а девице, рече, могут борзо вредити» (РИБ. Т. VI (2). Ст. 49. С. 35. Ср.: МДРПД. I (22). Ст. К -41) С. 16; РИБ. Т. VI (8). С. 116); Славянский перевод византийского Покаянного устава, содержащийся в Кормчей Румянцевского музея (№ 230. XV в.) //ВВ. Т. VIII. СПб., 1901 (далее: ПУ). С. 416. Ср.: Требник XV в. // ГИМ. Чуд., № 5, л. 71 об.- 72.
- 103 МДРПД. VII (а). Ст. 1, 45, 14. С. 46; «Измарагд» XV в // РО БАН, 13.2.7, л. 41 об., 145 об.; Калик. 190, л. 17 — 17 об.; Приписки скорописью против этих слов: «зри» («Пчела» XIV в.) //ЦГАДА, ф. 181, № 370 / 820, л. 9.
- 104 МДРПД. XIX. Ст. 22. С. 117. Ср.: «Понуждайте жену ж и дети на покаяние приходити не силою, но волею» (С. 211. XI в.).
- 105 МДРПД. XIX. Ст. 76. С. 120; ХБ. С. 196.
- 106 ПСРЛ. Т. II. С. 19, 94, 136; Т. III. С. 142; Т. VII. С. 79.
- 107 РИБ. Т. VI (1).Ст. 29. С. 16; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 21. С. 267; ЦГАДА, ф. 381, № 174, л. 31-34, 123 об.
- 108 «Измарагд» ХУ-ХУ1 вв.//РО БАН, Архан. Д-178, л. 44 об.; «или помигивала еси кому?..» (исповедный вопрос женам в Требнике XV в.//РО БАН, Архан. Д-73, л. 42 об.). См. также: Пролог Х1У-ХУ вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 158, л. 171; МДРИД. VII (а) Ст. 14. С. 46; Сбор. рук. ХУ в. // РО ГПБ Q п.1, № 729-л. 73 об. Обращает на себя внимание и короткая приписка в одной из «Пчел» (XV в.) против слов «язык клеветлив жены добрыя» : «Постой-ка, Ирина, склевета на мя... (РО ГПБ, К. п. 1, № 44, л. 149 об.; «Пчела» XV в. // РО БАН, 133.15 (Яцим. 42), л. 31) РО ГПВ, Р. п. 1, № 48, л. 80-80 об.; РИЗ. Т. VI (124). Ст. 29. С. 362; П-2. Ст. 205. С. 49.
- 109 «Всяк ходяй межю мальжена, припадая да покается 11 лет» (МДРПД. П. Ст. 38. С. 31); «мужа от жены ци отмолвила еси » (исповедный вопрос Требника XV в. // РО ГИМ, Чуд., № 5 л. 72 — 72 об.); Требники XV в. // РО БАН, Архан. Д-73, л. 42 об.; РО ГПБ Сол. 1099/1208, л. 180-180 об.; Соф. б-ка, № 839, л. 198-199, 184 об.- 185; Соф. б-ка, № 875, л. 133-134; Соф. б-ка, № 1056, л. 100 об.— 101 об.
- 110 Книги законные. Разд. II. Ст. 27-28. С. 69.
- 111 П-3. Разд. «Б». Ст. 19. С. 63; П-2. Ст. 149. С. 43; П-4 (2). Ст. 25. С. 77; Ст. 150. С. 43; МДРПД. VII (а). Ст. 50. С. 47.
- 112 ПСРЛ. Т. I. С. 29, 34 (о Малуше — матери Владимира Святославича; о самом Владимире: «...бе же Володимер побежден похотью женьскою, и быша ему водимые: Рогнедь... от Грекине... от Чехине, а наложниц бе у него 300 а Вышегороде, а 300 в Белегороде, а 200 на Берестове „ селци»). О Ярославе галицком см.: ПСРЛ. Т II С. 563—564.
- 113 «От Гостяты къ Васильев. Еже ми отьць даяль и роди съдаяли, а то за ним. А ныне, ведя новую жену, а мъне не въдаст ничьтоже. Избил, въ руки пустилъ же мя. А иную пояль. Доеди, добпе сътвори» (НГБ (1952). № 9/XI ». С. 41)
- 114 РИБ. Т. VI (11). Ст. 137; (33). С. 272; (1). Ст. 69. С. 41-42. Книги законные. Разд. II. Ст. 45. С. 72; МДРПД. I (5). К-69. С. 5; (ХБ)Ст. 20. С. 68; VII (б). Ст. 21. С. 49.

- 115 Против слов «вслед похотяй не ходи» — приписка: «Помни: воздержатися»; против слов «не прилепляйся людощеицам — погыбнешь» - приписка: «Памятуй» (РО ГПБ, Р. п. 1, № 44 л. 154 об.) Ср.: Пролог XIV в. // ЦГАДА, ф. 381, № 163, л. 140 об.
- 116 См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 69
- 117 ПСРЛ. Т. 25. С. 237 (под 1407 г.).
- 118 Пролог XV в. // ЦГАДА, ф. 381, № 355, л. 256; Сбор, рук XV в. // РО БАН (Литва), Р. 19, № 103/227, л. 710 об.; Пролог XIV-XV вв. // ЦГАДА ф. 381, № 150. л. 31 об.; № 163, л. 11 об.; № 173, л. 139. Ср.: Житие Александра Свирского XV в. // РО ГИМ, Син. 997, л. 1143 об.
- 119 «Имаше женоу - мать похотем...» (МДРПД. XXXIV. Ст. 52. С. 191. Ср.: П-2. Ст. 153. С. 44). Матери «рождешой» запрещалось 40 дней входить в церковь (МДРПД. I (22). Ст. 42 С. 16. РИБ. Т. VI (2). Ст. 42. С. 33).
- 120 «...Такожв женитве нет опитемьи...» (МДРПД I (7) Ст К-72 . 6; XI. Ст. 3. С. 64; П-1. Ст. 76. С. 16).
- 121 П-2. Ст. 239-240. С. 51; «Пчела» XV в. //РО ГПБ, Р. п. 1, № 44, л. 188 об. Ср.: «Сладко есть родившим беседа детии своих», где иной смысл: родителям радостен говор, лепет их детей (ЦГАДА ф. 181 № 658/1170, л. 223).
- 122 Adamsky F. Sociologia malzenstwa i rodziny. Warszawa, 1982. S. 115.
- 123 П-2. Ст. 86. С. 17. «Блажена еси ты в женах тако детище родивши. Блажено терпение твое...» и т. п. (Пролог XV в. // ЦГАДА, ф. 381, № 163, л. 65-65 об.; № 639, л. 582 об.). Ср.: РО ГИМ, Син. 997, л. 1143-1144.
- 124 Требники XV в. // РО ГПБ, Q. п. 1, № 473, л. 117; № 469, л. 140; F. п. 1, Соф. б-ка, № 875, л. 133-133 об.; МДРПД. IV. Ст. 38. С. 41; VII (б). Ст. 46. С. 54; XIX. Ст. 110, 136. С. 125, 127; Сб. слов XV в. // РО БАН, Архан. Д-178, л. 70 об.- 72 об.; Пролог XIV в. // ЦГАДА, ф. 381, № 171, л. 131 об.- 132.
- 125 См.: Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976. С. 33. № 108; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 4. С. 266-267.
- 126 ПУ. С. 430; МДРПД. II. Ст. 7. С. 28, 418. «Убиваютъ и саамы пьютъ им же, зелием, не бывает детии. Отинудь иже зла велми...» (Требник XIV в. // РО ГИМ, Чуд. 5, л. 71 об.— 72). «Аще, зелием пив, извергла...» (Требник XV в. // РО ГПБ, F. п. 1, Соф. б-ка, № 1088, л. 360—360 об.). «Аще кая зелия ради извердет...» (МДРПД. XIX. Ст. 138. С. 127; Требник XV в. //РО ГПБ, Q. п. 1, № 473, л. 119). «Аще ли жена непраздна будет и наветоеть своему чреву, еже потерять зачатое — бьема, поточена да будет» (Книги законные. Разд. II. Ст. 56. С. 75).
- 127 РИБ. Т. VI (124). Ст. 28. С. 862; (2). Ст. 5. С. 58 (ср.: Требник XV в. //РО ГПБ, F. п. 1, № 582, л. 254 об.- 255); МДРПД. XIX. Ст. 140. С. 127; IV. Ст. 40. С. 41.
- 128 МДРПД. IX. Ст. 51. С. 59; XIII. Ст. 22. С. 91; I (8). Ст. И-5. С. 8; РИБ. Т. VI (124). Ст. 78. С. 870-871; Требник XV в. // РО ГПБ, F. п. 1, № 61, л. 92 об.- 93 об.
- 129 РИБ. Т. VI (2). Ст. 16. С. 60; МДРПД. I (8). Ст. И-5. С. 8.
- 130 См.: Алмазов А. И. Тайная исповедь... Т. I. Одесса, 1894. С. 405—406; Т. III. С. 161, 179, 275; Требник XV в. // РО ГПБ, Сол. 1099 / 1208, л. 180 об.; Слово некоего христороубца о покорении и послушании. XIII в. // Никольский Н. К. Материалы... С. 113; МДРПД. VII (а). Ст. 10. С. 46; I (22). Ст. К-33. С. 10; РИБ. Т. VI (2). Ст. 33. С. 31; Требник XV в. //РО ГПБ, F. п. 1, Соф. б-ка, № 875, л. 134.
- 131 Апокрифические молитвы XV в. // Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. С. 355—356; Сбор. рук. Кир.-Бел. б-ки. XV в. // РО ГПБ, Q. п. 2, № 6/1083, л. 112 об.; Сбор. рук. Троиц.-Серг. лавры. XV в. // РО ГБЛ, АТСЛ, № 227, л. 276 об.— 277.
- 132 ПСРЛ. Т. I. С. 116; Т. V. С. 119; Т. VI. С. 22, 170, 186, 279; Т. VII. С. 311—312; Т. X. С. 94. Ср.: «...паче же женами бесовские волхвения бывают» (ПСРЛ. Т. I. С. 175); «...тако ж учите их, чтобы лихих баб не принимали» (РИБ. Т. VI. С. 283); «Волхови и чародеи то врази божий суть. Кое пособие: тело целити, а душу губити! Егда то в недуг

впадешь — о бoге уповай и терпи» («Измарагд» XV в. // РО БАН, 13.2.7, л. 15 об.; Требник XV в. // РО ГПБ, Q. п. 1, № 473, л. 120 об.; МДРПД. XIX. Ст. 237. С. 126).

133 Требник XV в. // РО ГПБ, Сол. 1099 / 1208, л. 180; РИБ. Т. VI (2). Ст. 7, 14. С. 60; Требник XV в. // РО БАН, Архан. Д-71, л. 164 об.- 165.

134 См.: Алмазов А. И. Тайная исповедь... Т. III. С. 164, 166, 168. «Или мазалася еси маслом или медом и, омывшись, давала еси пити кому — опитимьи год» (Сбор. рук. XV в. // РО ГПБ, Q. п. 1, № 729, д. 173 об.— 174); «Омывала ли еси молоко с персей своих медом и давала еси будешь пити мужу своему любви дея...» (Сбор. рук. 1482 г. Кир.-Бел. б-ки // РО ГПБ, Q. п. 1, № 6/1083, л. 97 и др.).

135 Требник XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, Соф. б-ка, № 1083, л. 360 об.- 361; Q. п. 1, № 473, л. 119-119 об.; РИБ. Т. VI (2). Ст. 16-18. С. 60; МДРПД. I (22). Ст. И-18. С. 10.

136 «Едала ли еси детину пупорезину, детей хотячи...» (Сбор. рук. 1482 г. Кир.-Бел. б-ки // РО ГПБ, Q. п. 2, № 6 / 1083, л. 97- 97 об.); «Ложе детиное... ци укушала...» (Требники XIV в. // РО ГИМ, Чуд. 5, л. 71; РО ГПБ, Ф. п. 1, Соф. б-ка, № 875, л. 133 об.).

137 См. гл. I Минея служебная 1397 г. // РО БАН, 34.7.5, л. 6 об.

138 «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 135.

139 НГБ (1952). С. 44-45, 66; (1953-1954). С. 40, 59-60, 75; (1958-1961). С. 50, 52, 58-61, 84, 89; (1962-1976). С. 132-134 и др.

140 «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 70 об., 71 об., 72; Слово некоего христороубца... С. 113.

141 «Пчела» XIV в. // ЦГАДА, ф. 181, № 370 / 820, л. 65 об. Ср.: РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 70 об.; ПДРЦУЛ. Вып. 4. № 64. С. 127; Сб. слов и поучений XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 209 (Толст. 214), л. 54 об.- 55; Пролог XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 171, л. 237 об.— 238. Ср.: «Не раздражай матери своее, чадо. Лета свои с кротостью провожай» (ЦГАДА, ф. 381, № 355, л. 182—182 об.); Сб. слов и поучений XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 209 (Толст. 214), л. 55-55 об.; МДРПД. XLV. С. 212; XLVII. С. 239.

142 «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 72 об.; ПДРЦУЛ. Вып. 4. № 64. С. 127.

143 П-4 (1). Ст. 12-13. С. 68; Пролог XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 171, л. 223 об.- 224; ПДРЦУЛ. Вып. 4. № 61. С. 122; П-2. Ст. 204. С. 48; Ст. 241. С. 51 (ср.: «Измарагд» XV в. // РО БАН, 13.2.7, л. 84); МДРПД. I (31). Ст. К-80-81. С. 24; XI. Ст. 19. С. 68; Книги законные. Разд. II. Ст. 50. С. 73—74.

144 П-4 (1). Ст. 7. С. 67; МДРПД. XXIV. Ст. 12. С. 141; Требник XV в. // РО БАН, Архан. Д-73, л. 43 об.; Сбор. рук. XV в. // РО ГПБ, Q. п. 1, № 6 / 1083, л. 98 об.- 99; Требник XV в. // РО ГПБ, Сол. 1107 / 1216, л. 201, 227; ПДРЦУЛ. Вып. 4. № 64. С. 125-127.

145 ПДРЦУЛ. Вып. 4. № 64. С. 125; Служебник с требником XIV в. // РО ГПБ, Q. п. 1, № 875, л. 133 об.

146 «Пчела» XIV-XV вв. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 183 об. Ср. в Поучении новгородского епископа Ильи: «...дети учить, ать чьстят родитель своих» (РИБ. Т. VI (4). Ст. 27. С. 37).

147 Татищев В. Н. История Российская. Т. III. М.; Л., 1964. С. 205-206; ПВЛ. Ч. I. С. 48; ПСРЛ. Т. VI. С. 195, 224, 231, 235.

148 Евфросинья — Измарагд, т. е. изумруд (ПСРЛ. Т. II. С. 152); «чадо сладкое» — так называл отец свою дочь Устинью (Минея служебная XV в. // РО БАН, 16.14.14, л. 21-21 об.).

149 См., например: ПСРЛ. Т. I. С. 178; Т. II (2 изд.). С. 765; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. I. СПб., 1861. С. 317; Т. II. СПб., 1862. С. 21 и др.; Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1. СПб., 1860. С. 17.

150 ПСРЛ. Т. II. С. 231-248 (под 1097 г.), 652-659 (под 1187 г.).

151 РИБ. Т. VI. № 31. С. 242-243 (под 1404 г.).

- 152 Княгиня Евпраксия, жена князя Ярослава Владимировича, была, например, убита своим пасынком в г. Медвежья Голова (ПСРЛ. Т. III. С. 54; Т. V. С. 182; Т. VII. С. 152); НГБ (1958-1961). № 415. XIV в.
- 153 ДАИ. Т. I. С. 10 (под 1455 г.).
- 154 РИБ. Т. VI (9). С. 118; (19). С. 180; (34). С. 277.
- 155 Завещание И. Д. Калиты 1339 г. (ДДГ. № 1. С. 8). Волынский князь Владимир Василькович, предполагая передать опеку над женой князю Мстиславу, советовался об этом с самой княгиней — Ольгой Романовной, оговорив в завещании ее полную свободу выбора и действий: «...а мне не восставши смотреть, кто что имет чинити по моем животе...» (ПСРЛ. Т. II. С. 214—217, под 1247 г.).
- 156 ПРП. Вып. II. С. 109.
- 157 См.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. М., 1956. С. 157-159; ПРП. Вып. I. РП. Ст. 102. С. 118-119; ПСРЛ. Т. IV. С. 107; ДДГ. № 12. С. 33-37 (1389 г.); № 17. С. 45-51 (1401-1402 гг.); № 20-22. С. 55-62 (1406-1423 гг.); № 61. С. 193-199 (1461-1462 гг.); № 71. С. 250-251 (1477 г.) и др.
- 158 ПВЛ. Ч. I. С. 43; Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 16-17; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908-1913. С. 392. Вдова в. кн. рязанского Ивана Васильевича Аграфена (Бабичева) осуществляла регентство после смерти своей свекрови в. кн. Анны Васильевны с апреля 1501 г. (АСЭИ. Т. III. № 369. С. 390). Ср. также: АЗР. Т. I. № 83. С. 105.
- 159 См.: Титова Л. В. Задачи изучения литературной истории «Беседы отца с сыном о женской злобе» // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 36.
- 160 П-2. Ст. 150. С. 43; П-3. Разд. «А». С. 60. Ср.: «...жена верная — честь земная, хвала небесная, потребитель злу, собрание добру, бесом смуток, ангелом радость, мужу своему здравие и веселие...» (П-1. Ст. 92. С. 20).
- 161 Пролог XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 158, л. 171; П-2. Ст. 172. С. 46. Ср.: П-1. Ст. 83. С. 18; Ст. 89-90. С. 119; П-2. Ст. 248. С. 52.
- 162 «Измарагд» XV в. // ГО БАН, Архан. Д-109, л. 49; П-2. Ст. 170. С. 45; Пролог XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 171, л. 225; Известия ОРЯС. Т. X. СПб., 1861. С. 270.
- 163 «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 134; П-4 (1). Ст. 26. С. 77; П-3. Разд. «А». С. 60; Пролог XIV в. // ЦГАДА, ф. 381, № 158, л. 171.
- 164 П-2. Ст. 253. С. 52; «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 132; ПДРЦУЛ. Вып. 4. № 60. С. 120.
- 165 Требник XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, Соф. б-ка, № 839, л. 185; РО БАН, Архан. Д-73, л. 44; «Цветник» XV-XVI вв. // РО ГПБ, Мих. Q. 571, л. 1 об.; П-3. Разд. «А». С. 57; Пролог XV в. // ЦГАДА, ф. 181, № 355, л. 218 об.- 219; П-3. Разд. «Б». Ст. 20. С. 63; Пролог XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 154, л. 14 об., 21 об.; П-1. Ст. 72. С. 16; П-2. Ст. 252. С. 52.
- 166 Пролог XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 158, л. 170 об.; ПДРЦУЛ. Вып. 4. № 62. С. 123; «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 135-135 об.; П-3. Разд. «А». С. 60.
- 167 «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 183 об.; П-3. Разд. «А». С. 60.
- 168 П-2. Ст. 19. С. 29; «Пчела» XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 44, л. 10.
- 169 Пролог XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 381, № 158, л. 109-109 об.
- 170 Прологи XIV-XV вв. // ЦГАДА, ф. 391, № 158, л. 170 об.; № 171, л. 195; ф. 181, № 355, л. 218-218 об.
- 171 См.: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. 2 изд. М., 1963. С. 192.
- 172 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 361.

Глава III (с. 104-154)

- 1 ПРП. Вып. I. Договор 911 г. Ст. 4. С. 7; РП. Ст. 90-93. С. 117—118; Ст. 102-103. С. 118-119.
- 2 См.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 22а. СПб., 1897. С. 778-779.
- 3 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 95. С. 118. Аналогичные постановления см.: Польская Правда. Ст. 22, § 4 // Греков В. Д. Избранные труды. Т. 1. М., 1957. С. 431; Литовская метрика. Отд. I. Ч. I (Книга записей. Т. I). СПб., 1910. № 428, 348, 349, 370 и др.; ПВЛ. Ч. I. С. 15; Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 569-570.
- 4 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 90. С. 117; Вып. III. Судебник 1497 г. Ст. 66. С. 357.
- 5 АЮ. Т. I. № 392; Записная книга крепостным актам XV — XVI вв. / Под ред. А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1898. № 6564. С. 21-22 (1542 г.).
- 6 ПРП. Вып. I. Устав князя Ярослава (далее: УЯ). Ст. 32. С. 269.
- 7 Там же. С. 272, 274. Ундольский и Соловецкий — «згородное»; Кирилло-Белозерский — «городное»; Троицкий II — «съгородное»; Румянцевский II — «изгородное»; Румянцевский I — «огородное». См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря русского языка. Т. I. СПб., 1893. С. 558; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 235—238, 282—283.
- 8 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 102 — 103. С. 118; Устав князя Владимира (далее: УВ). Ст. 6-7. С. 238.
- 9 См., например: Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 569.
- 10 К. Алексеев назвал ст. 7 УВ «благодетельным нововведением для ограждения имущества жены» (Алексеев К. Об отношениях супругов по имуществу... // ЧОИДР. 1868. Т. 2. С. 12). Критику его точки зрения см.: Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903. С. 17.
- 11 РИБ. Т. VI. Ст. 92. С. 48; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 32. С. 269.
- 12 ПРП. Вып. II. Псковская судная грамота (далее: ПСГ). Ст. 36. С. 291. Термин «женка» употреблен в статье, очевидно, для обозначения пола безотносительно к матримониальному положению; когда речь шла о вдове, это оговаривалось особо.
- 13 ГВНП. № 31. С. 61; ПРП. Вып. II. ПСГ. Ст. 75.
- 14 ПРП. Вып. I. Договор 911 г. Ст. 4; РП. Ст. 7; Вып. II. Договор Смоленска... Ст. 6. С. 60.
- 15 См.: Попов А. Об опеке и наследстве во времена Русской Правды // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. Т. I. М., 1845. С. 99-104; Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 502-507.
- 16 См.: Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. СПб., 1858. С. 209-210.
- 17 Женщина варварских королевств (франкского, баварского, алеманского, лангобардского и др.) сама находилась под опекой ближайших родственников: «тутора» (от «tutella» — опека) отца, мужа и после его смерти вновь отца или мужчин — членов его семьи (см.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. М., 1956. С. 157 —159).
- 18 Soboanski W. Histona rzijdow opekunczych // Czasopismo Prawno-historyczne. Т. 2. Poznan, 1979. S. 268-277.
- 19 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 93. С. 118; Ст. 101. С. 118; Ст. 102. С. 118-119.
- 20 ПРП. Вып. II. ПСГ. Ст. 53. С. 293; Вып. I. РП. Ст. 99. С. 118.
- 21 В Великом княжестве Литовском и Польше женщины-опекунши имели соопекуннов-мужчин (Lesinsky V. Stanowisko kobiety w polskim prawie ziemskim do potowy XV-ego wieku. Wroclaw, 1956. S. 132 — 133; Roman S. Stanowisko majatkowe wdowy w srednowiecznym prawie polskim // Czasopismo prawno-historyczne. 1953. Т. V. S. 85).

Отголоски существования подобных соопекунов или особой роли «ближиков» (близких родственников), а не матери при осуществлении опекунских функций имеются в договоре 911 г. Руси с Византией, в ст. 13, упоминающей «малых ближиков» (ПРП. Вып. I. С. 9).

22 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 98. С. 118; Ст. 90. С. 117; Ст. 92. С. 132; Ст. 94. С. 133. Под «детьми» следует понимать и сыновей, и дочерей, а не одних только наследников-мужчин (см.: Цитович П. П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. С. 35).

23 См., например: Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права / Под ред. П. П. Виноградова и М. Ф. Владимирского-Буданова. Вып. 2. Киев, 1907. Саксонская Правда (далее: Саксонская Правда), титулы XLI, XLVI, XLVII; Алеманская Правда, титул 56, § 1 и др.

24 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 95. С. 118.

25 Это утверждение преобладало в досоветской науке. См.: Рязановский В. А. О посмертном преемстве супругов по русскому праву. Н. Новгород, 1914. С. 5; Дебольский Н. Н. Указ. соч. С. 20—21. В словарях и исследованиях обычно дается лишь эквивалент слова «задница» («наследство»). См.: Срезневский И. И. Материалы... Т. I. С. 910; Зимин А. А. Комментарий к Русской Правде // ПРП. Вып. I. С. 181.

26 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 93. С. 118. Аналогичный русскому термину «задница» термин римского права «hereditas» тоже обозначает наследство. Он появился в Саксонской Правде по отношению к собственности отца и матери, которая на столь раннем этапе развития франко-германских племен не могла еще быть собственницей недвижимости, но определенным движимым имуществом владела, в том числе приданым (dos). Употребляемый как синоним hereditas термин «omnis hereditas» убеждает в правильности понимания hereditas как совокупности семейной собственности (Саксонская Правда. Ст. 40, 44, 47). См. также: Корсунский А. Р. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. М., 1963. Вып. 2. Прил. Рипуарская Правда. Ст. 41. § 2.

27 См.: Зимин А. А. Указ. соч. С. 181.

28 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 101-103. С. 118-119.

29 Там же. Ст. 94. С. 117: «Будут ли дети, то что первое жены, то возмуть дети матери своей; либо си на жену будеть възложил, обаче матери своей возмуть».

30 Рязановский В. А. Указ. соч. С. 7.

31 Ст. 97. РП по Академическому списку второй половины XV в.: «Будеть ли потерял своего иночима что, а отехъ отца...» (см.: Тихомиров М. Н. Материалы для объяснительного словаря Русской Правды // Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 108).

32 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 106. С. 119; Вып. II. ПСГ. Ст. 53. С. 293.

33 ПРП. Вып. I. Ст. 90-91. С. 118.

34 ПРП. Вып. II. ПСГ. Ст. 88-89. С. 297; Ст. 17-18. С. 288.

35 Устав великого князя Всеволода о церковных суждах, о людех и о мерилах торговых (далее: Устав Всеволода). Ст. 1 // Российское законодательство X — XX вв. Т. I. М., 1984. С. 253.

Утверждение этого принципа означало победу византийских правовых норм о наследовании. Так, в VI титуле «Эклоги» отразился начавший действовать еще в конце III в. в римском праве принцип кровного родства, при котором наследование по закону предполагало передачу имущества ближайшим родственникам умершего без различия пола. При этом в первый класс наследников «Эклога» включала десцедентов (нисходящих родственников): сыновей, дочерей, а за их отсутствием внуков умерших сыновей и дочерей. Особенно примечательно здесь уравнивание прав наследников по мужской и женской линии (Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. М., 1965. Титул VI. Ст. 5. С. 112, 114, 120).

- 36 НПЛ. Устав Всеволода. Ст. 18. С. 488 (вариант Соловецкого списка).
- 37 См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 3 изд. Киев, 1900. С. 446—447.
- 38 НГБ (1956-1957). С. 52; (1958-1961). С. 51; (1962-1976). С. 152 (Старая Русса). № 11. Позднее свидетельство — XV в.— см.: НГБ (1977-1983). С. 43. № 578.
- 39 НГБ (1962-1976). С. 132-134; ПРП. Вып. II. ПП. Ст. 47, 50, 51. С. 126-127; ПСГ. Ст. 36.
- 40 НПЛ. Синодальный список. С. 43, 468 (статьи, предшествующие Комиссионному списку); ПСРЛ. Т. I. С. 176, 207 (под 1223 и 1285 гг.); Т. II. С. 121, 143, 317 (под 1178 и 1294 гг.).
- 41 ПВЛ. Ч. I. С. 196.
- 42 См., например: ПСРЛ. Т. II. С. 165 (под 1225 г. о Марии и ее отце Мстиславе Мстиславиче Удалом); С. 317 (под 1178 г.), 361 (под 1187 г.); Т. III. С. 131 (под 1326 г.), 228 (под 1360 г.), 230 (под 1371 г.); Т. VII. С. 134 (под 1228 г.); свидетельства XV в.: Т. IV. С. 148 (под 1462 г.); Т. VIII. С. 152 (под 1467 г.).
- 43 ПРП. Вып. II. С. 278. Тешата — имя женское (см.: Трутовский В. К. Тешата и Якым и их взаимные отношения // Сб. статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 328—339).
- 44 ДДГ. № 1. С. 8 (1339 г.); НГБ (1952). С. 56; (1953-1954). С. 40; (1956-1957). С. 101, 123; (1958-1961). С. 17, 50-52, 58-61, 88-89, 93.
- 45 ГВНП. № 220. С. 244.
- 46 НГБ (1956-1957). С. 49-51, 81; (1952). С. 58-59.
- 47 Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966. С. 64. № 25. Поскольку стратиграфический анализ граффити показал XII в., а смерть Всеволожей зафиксирована летописцем под 1111 г. (ПСРЛ. Т. II. С. 273), следует думать, что указанную финансовую операцию княгиня проводила, уже будучи вдовой, на исходе жизни. Столь раннее свидетельство распоряжения женщинами землей уникально. ПСРЛ ТИС 27 28
- 49 НГБ (1952). С. 30; (1958-1961). С. 69-70; Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 15.
- 50 НГБ (1952). С. 56-57; (1956-1957). С. 137—140; (1958-1961). С. 71; (1977-1983). С. 44.
- 51 АСЭИ. Т. III. № 30. С. 53; Т. II. № 29. С. 25; № 40. С. 29.
- 52 АСЭИ. Т. III. № 3. С. 53; АЗР. Т. I. № 5.
- 53 АСЭИ. Т. I. № 477. С. 361 (теща - зятю); № 483. С. 364-365; Т. III. № 282. С. 300; АВК. Т. 24. Вильна, 1897. № 2. С. 1-3; ДДГ. № 69. С. 226; № 70. С. 233; ГВНП. № 113. С. 172.
- 54 Упоминание этих данных и вкладных грамот в сборниках документов см.: Пушкарева Н. Л. Имущественные права женщин на Руси X — XV вв. // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986. С. 216, сноска 96.
- 55 ЦГАДА, ф. 235, он. 3, кн. 149, л. 8; Титов А. А. Синодики XVII в. переяславского Горицкого монастыря. М., 1902. С. II; АСЭИ. Т. I. № 231. С. 164; № 276. С. 198; Т. II. № 29. С. 25.
- 56 АСЭИ. Т. II. № 562. С. 439-440.
- 57 АСЭИ. Т. I. № 103. С. 83; № 127. С. 98; № 160. С. 116; Т. II. № 177. С. 129.
- 58 Подсчеты и выводы о дарениях знатными женщинами недвижимости сделаны на основе опубликованных и архивных материалов. Подробнее см.: Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 217, сноска 103.
- 59 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 308-330, 387-389.
- 60 АСЭИ. Т. I. № 102, 103, 218, 237, 239, 246-248, 279, 327, 341, 349, 369, 399, 451, 460, 461, 477, 502, 575; Т. II. № 98, 99, 123, 157, 158, 160, 249, 444, 446, 452; Т. III. № 38, 48а (4, 2), 59, 73, 94а (6, 7, 9), 203, 207, 222, 236, 256, 268, 333, 334, 337, 359, 362, 369;

АИ. Т. I. № 50; ААЭ. Т. I. № 41, 97, 132; АЮБ. Т. I. № 81 (XVIII); АФЗХ. Ч. I. № 7. 200, 264; АЗР. Т. I. № 28, 65, 66, 99, 111; ДАИ. Т. I. С. 14, 350; ЦГАДА, ф. 281, № 8734/10, 8635/11.

61 АСЭИ. Т. II. № 446. С. 487 (1444-1448 гг.); АЗР. Т. I. № 111. С. 130 (1493 г.).

62 ААЭ. Т. I. № 132.

63 ДДГ. № 20, 21. С. 56, 58.

64 АСЭИ. Т. I. № 575. С. 455 (1494 г.).

65 ДДГ. № 12, 22, 61.

66 АСЭИ. Т. I. № 17, 119, 161, 163, 240, 252, 382, 383, 410; Т. II. № 1, 90, 343, 354, 361, 457; Т. III. № 367; ГВНП. № 163, 174, 190, 201, 235, 249, 273, 275; Материалы по истории Карелии XII-XVI вв./ Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. № 5, 42; АФЗХ. Ч. I. № 154, 307; АЮ. Т. I. № 71 (10, 28); СГГД. Ч. I. № 62; ДДГ. № 61. С. 198-199; № 80. С. 303; № 40. С. 120 (1445 г.); Пам'ятки української мови. Грамоти XIV ст. Київ, 1974. С. 34; ЦГАДА, ф. 281, № 10538/1.

67 Пам'ятки української мови. С. 34.

68 ГВНП. № 235. С. 253-254 (XV в.); № 273. С. 274 (XV в.).

69 Там же. № 190. С. 226 (XV в.).

70 АСЭИ. Т. I. № 17. С. 34-35.

71 Там же. № 323. С. 279 (1462 г.); ГВНП. № 201. С. 232 (XV а.).

72 ДДГ. № 61. С. 198.

73 ГВНН. № 249. С. 261.

74 См., например: АСЭИ. Т. I. № 252. С. 181.

75 Там же. Т. II. № 457. С. 495 (1453 г.); Т. I. № 410. С. 300 (1474 г.); № 163. С. 119-120 (1440 г.).

76 MacMowski W. Pogląd na stosunki majątkowe małżonków według dawnego prawa polskiego z uwzględnieniem Stowian tudzież Germanów // Rocznik Historyczny. Т. XIII. Poznań, 1937; Sobocinski W. Problemy historii państwa i prawa Rusji Kijowskiej // Czasopismo prawnohistoryczne. Т. IV. Pozaan, 1952; Sochamewicz K. Rozwody na Rusi Halickiej w XVI w. // Pamiftnk historyczno-prawny. Т. VII. Lwow, 1929. S. 3.

77 Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z archiwum tsw. Bemardynskiego we Lwowie (далее: AGZ). Т. XI. Lwow, 1891. N 191, 3115; Т. XII. Lwow, 1891. N 351, 1441; Т. XIII. Lwow, 1892. N 44, 2457, 2809, 3693, 3963, 2964, 3968; Kodeks dyplomatyczny Maiopolski. Т. 1. Krakow, 1876. N 219; Т. III. Krakow, 1905. N 778, 790.

78 АЮЗР. Т. I. № 13, 43; АФЗХ. Ч. II. № 16; АСЭИ. Т. I. № 86, 385; Т. II. № 184, 456; Т. III. № 143, 147; ДДГ. № 20. С. 56; НПГ. № 6, И; ГВНП. № 221; ЦГАДА, ф. 281, № 2332/5.

79 НПГ. JV» 6. С. 50-51.

80 АЮЗР. Т. I. JV» 13. С. 7-8 (1418 г.). Обратная ситуация - доплата за земли, полученные от женщины, встречается в другой грамоте начала XV в. (АСЭИ. Т. I. № 86. С. 72).

81 АСЭИ. Т. II. № 184. С. 116-117; ДДГ. № 20. С. 56. См.: Янин В. Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // НПГ. С. 143.

82 ЦГАДА, ф. 281, № 2332/5 (XV в.); АСЭИ. Т. I. № 385; Т. II. № 264, 456; НПГ. № 11; ГВНП. № 221.

83 Чаев Н. С. Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Вып. 35. Л., 1929. № 65. С. 163; АФЗХ. Ч. II. № 54. С. 54-55; AGZ. Т. XI. N 3105; Т. XII. N 127; Т. XIII. N 2, 1739, 2115, 3903.

84 AGZ. Т. XIII. N 21115.

85 АСЭИ. Т. I. № 169, 224; Т. II. № 9, 117; Т. III. № 48, 336; ГВНП. № 156, 254, 502(55); АЗР. Т. I. № 140; АЮЗР. Т. I. № 49 (два документа); ААЭ. Т. I. № 152; СГГД. Ч. I. № 42. С. 83; ДДГ. № 12. С. 35.

- 86 АСЭИ. Т. I. № 169. С. 123. Ср.: № 438. С. 327, а также ДДГ. № 12. С. 35.
- 87 АСЭИ. Т. II. № 117. С. 72.
- 88 Там же. Т. III. № 311. С. 341; ДДГ. № 1. С. 8.
- 89 АСЭИ. Т. I. № 311, 483; Т. III. № 93; АЮЗР. Т. I. № 5; ГВНП. № 314; АФЗХ. Ч. I. № 68; Ч. II. № 16, 54; ДДГ. № 1. С. 8; № 61. С. 195; № 70. С. 183; № 72. С. 253; № 82. С. 327; № 87. С. 348-350.
- 90 Starodawne prawa polskiego pomniki / Wyd. A. Z. Helcel. T. I. Warszawa, 1856. S. 170-171.
- 91 ГВНП. № 220; АФЗХ. Ч. I. Ю» 68; АЮЗР. Т. I. № 5; ДДГ. № 1, 61, 70, 82, 87.
- 92 ГВНП. № 331; АЮБ. Т. II. № 156 (VIII); см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 451; Дебольский Н. Н. Указ. соч. С. 264; Ланге О. О правах собственности супругов по древнему русскому праву. СПб., 1886. С. 53, 67.
- 93 АСЭИ. Т. I. № 108, 228, 438, 450, 543, 562, 630; Т. II. № 29; Т. III. № 67; АЮ. Т. I. № 71 (10); АФЗХ. Ч. II. № 15; ДДГ. № 4, 12, 20, 21, 28, 57, 71, 80, 86; СГГД. Ч. I. № 132.
- 94 ДДГ. № 21. С. 58; № 86. С. 346-347; АСЭИ. Т. I. № 450. С. 337-338.
- 95 СГГД. Ч. I. № 132 (1500-1504 гг.). С. 341-342.
- 96 РО БАН, 16.15 (Осн. 233); 32.4.21 (Осн. 56).
- 97 Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским. Вып. 1. М., 1900. № 164. С. 187; АЮЗР. Т. I. № 45. С. 34; АЗР. Т. I. № 219; Т. II. № 8.
- 98 Starodawne prawa polskiego pomniki. T. I. Warszawa, 1856. S. 170—171. Подробнее см.: Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 219.
- 99 АСЭИ. Т. I. № 438. С. 327; № 543. С. 422; № 562. С. 440; № 630. С. 543.
- 100 «А что ее село Репеньское и прикуп, то ее есть...» (ДДГ. № 12. С. 34); «Да мельница княгини моей... а мельнице княгини моя вольна...» (там же. № 17).
- 101 ДДГ. № 4. С. 15; АСЭИ. Т. I. № 543. С. 422. См. также: ДДГ. № 71. С. 250-251; АСЭИ. Т. III. № 67. С. 98-99, или АЮ. Т. I. № 410. С. 436.
- 102 АЮ. Т. I. № 71 (X), или РИБ. Т. 32. № 16. С. 15.
- 103 ДДГ. № 28 (1433 г.). С. 71-73.
- 104 Там же. № 80 (1486 г.). С. 301, 307.
- 105 АСЭИ. Т. I. № 438. С. 327; № 562. С. 440; № 630. С. 543; Г. II. № 29. С. 25; АЮ. Т. I. № 71 (X).
- 106 АСЭИ. Т. I. № 630. С. 543; ДДГ. № 87. С. 350, или СГГД. Ч. I. № 131. Ср. духовную XVI в. (АЮ. Т. I. № 414).
- 107 В новгородской купчей Василия у супругов Лукерьи и Петра читаем: «А та Мехеева половина земли Лукерьиного отчина на гори...» (ГВНП. № 174. С. 215).
- 108 АСЭИ. Т. II. № 562. С. 439-440.
- 109 Случаи, когда завещатель не обладал недвижимым имуществом (например: АЮБ. Т. I. № 84. С. 547), не рассматриваются.
- 110 АЮБ. Т. I. № 82. С. 543; АСЭИ. Т. I. № 501; Т. III. № 494; ГВНП. № 271; АЮ. Т. I. № 415.
- 111 В некоторых актах встречаются упоминания о наследовании нескольких родственников (например, и дочери, и жены), поэтому общее количество рассматриваемых документов не совпадает с количеством упоминаний.
- 112 ГВНП. № 111, 122, 201, 230; ДДГ. № 80; Пам'ятки української мови. № 34; АСЭИ. Т. II. № 378; НПГ. № 8, 30; Kodeks dyplomatyczny Matopolski / Wyd. F. Piekosinski. T. I. N 134 (27); Т. II. Krakow, 1883. N 523 (26); Т. XIII. Krakow, 1905. N 1489, 1828, 2120.
- 113 Пам'ятки української мови. С. 34.
- 114 ГВНП. № 111, 201, 230; ДДГ. № 80. С. 301.
- 115 НПГ. № 8. С. 51-52.
- 116 Там же. № 30. С. 67-70.
- 117 АСЭИ. Т. II. № 378. С. 375; ГВНП. № 122. С. 179-181.

- 118 ГВНП. № 122. С. 179-180.
- 119 См.: Кочин Г. Е. Два источника о хозяйственном строе и судьбе новгородской боярской вотчины // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. ст., посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 439; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 158, 171, 174.
- 120 Подробнее см.: Пушкарева Н. Л. Рядная грамота Федора Окинфовича с Матфеем Ивановичем XV в.: Спорные вопросы герменевтики памятника наследственного права XV в. // Исследования по источниковедению отечественной истории дооктябрьского периода. М., 1982; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 171.
- 121 АСЭИ. Т. I. № 394; СГГД. Ч. I. № 132.
- 122 Winarz A. Polskie prawo dziedziczenia kobiet w wiekach srednich // Kwartalnik Historyczny. 1985. Т. IX. S. 764; Jedlicki M. Z. Poglgydly prawno-polityczne Tietmara // Czasopismo prawno-historyczne. Т. V. Poznan, 1953. S. 70.
- 123 СГГД. Ч. I. № 132. С 341-342.
- 124 АЗР. Т. I. № 178. С. 202; ДДГ. № 2, 3, 66, 68, 72; ГВНП. № 129, 292; НПГ. № 33, 34; АСЭИ. Т. I. № 129, 254, 457, 630; Т. II. № 414; АФЗХ. Ч. I. № 46; см. также примеч. i99.
- 125 АСЭИ. Т. I. № 228; Т. II. № 29; ДДГ. № 20, 28, 57, 87.
- 126 ДДГ. № 20. С. 56; СГГД. Ч. I. № 132. С. 342.
- 127 ДДГ. № 20, 28, 57, 87; АСЭИ. Т. I. № 228.
- 128 АСЭИ. Т. II. № 29; ДДГ. № 28. С. 72.
- 129 ДДГ. № 57. С. 176.
- 130 Там же. № 28, 57, 87; АСЭИ. Т. I. № 228, 251, 457; ГВНП. № 129; НПГ. № 33, 34. С. 74.
- 131 См., например: ДДГ. № 28.
- 132 АСЭИ. Т. I. № 231, 246, 247, 276, 502; Т. II. № 157, 158; АЗР. Т. I. № 178. С. 202.
- 133 АСЭИ. Т. I. № 472, 562; Т. II. № 184, 264; Т. III. № 256; ДДГ. № 1, 3, 4, 12, 17, 20, 61, 71, 74, 84, 86, 98; НПГ. № 8, 14, 15, 18, 30, 35; АЮ. Т. I. № 410, 411, 416; Чаев В. С. Северные грамоты XV в. № 9; Грамоты великих князей литовских (1390—1569 гг.) / Под ред. В. Антоновича. Киев, 1868; АФЗХ. Ч. II. № 15; ГВНП. № НО, 111, 122, 144, 230, 250, 256.
- 134 ГВНП. № 110, 250, 256; НПГ. № 8, 14, 15, 18, 30, 35; ДДГ. № 61, 74, 84, 98; АСЭИ. Т. III. № 67а.
- 135 ГВНП. № 110, 250, 256; ДДГ. № 61, 98; НПГ. № 8, 14, 15, 18, 30, 35; АСЭИ. Т. III. № 67а.
- 136 См., например: Дебольский Н. Н. Указ. соч. С. 268—270.
- 137 См., например: ДДГ. № 17. С. 46.
- 138 В духовной Софьи Витовтовны (ДДГ. № 57. С. 176-178) такой феодальной собственностью были села Чечевкино и Слотино; хозяйство на этих землях велось силами серебряников и страдников.
- 139 АСЭИ. Т. II. № 184; Т. III. № 67, 67а, 256; ДДГ. № 4, 12, 17, 71; АФЗХ. Ч. II. № 15; ГВНП. № 110.
- 140 ДДГ. № 1. С. 8; № 12. С. 34. См. также: АЮ. Т. I. № 416. С. 445.
- 141 ДДГ. № 12, 22, 616; ср.: АСЭИ. Т. I. № 106, 641, 642.
- 142 Всего насчитывается 19 пожалований «по приказу» мужа. Ср.: духовную в. кн. Софьи Витовтовны, в которой она жалуег сноху в. кн. Марию Ярославну землями (ДДГ. № 57. С. 175—178), и жалованные грамоты самой в. кн. Марии Ярославны (АСЭИ. Т. I. № 54, 160, 341; Т. II. № 444; Т. III. № 236).
- 143 ГВНП. № 144. С. 195; ДДГ. № 17, 71; АФЗХ. Ч. II. № 15.
- 144 ДДГ. № 61. С. 193-199; № 3. С. 13. Л. В. Черепнин в отличие от М. Н. Тихомирова (Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М. 1947. С. 39) считал, что Семен

Иванович умер бездетным и именно этим объясняется его безоговорочная передача удела жене — княгине Марии, урожденной княжне тверской (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. I. М., 1957).

145 ДДГ. № 98. С. 407.

146 Там же. № 1. С. 8; № 12. С. 35.

147 См.: Витое М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв. М., 1962. С. 20, 21, 78; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. / Под ред. А. Л. Шапира. Л., 1971. С. 253, 265; ПКОП. С. 177-182, 285.

148 НПК. Т. I, IV, VI; Переписная окладная книга Вотской пятины. Ч. II // Временник общества истории и древностей российских. Кн. VI. М., 1851; Андрияшев А. М. Материалы по истории Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576. Т. I. М., 1914; Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. I. М., 1905. С. 89 — 90; Петрова Р. Г. Отрывок из писцовой книги конца XV в. // Источниковедение отечественной истории. Сб. ст. М., 1980. С. 238-275.

149 Наши подсчеты расходятся с подсчетами владений М. И. Борецкой, сделанными ранее. С. А. Тараканова-Белкина не учитывала приобретений Марфы в Обонежье (см.: Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939. С. 93). Это упущение приняла во внимание А. П. Шурыгина, однако и ее подсчеты не полны: 734 деревни, 1458 дворов, 1865 людей, 1200 обож по новому письму (см.: Шурыгина А. П. Новгородская боярская вотчина в XV в. Боярская вотчина Борецких. Дисс... канд. ист. наук. Л., 1948), поскольку ею не были учтены мелкие и мельчайшие владения (волостки) в нескольких пятинах. Данные А. П. Шурыгиной использовались неоднократно. См., например: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. С. 330.

150 Архангельский сборник. Ч. I. Кн. 2. СПб., 1865. С. 175— 176; ПСРЛ. Т. XII. С. 224 (под 6936 г.); ГВНП. № 77. С. 130.

151 Архангельский сборник. Ч. I. Кн. 2. С. 141; ГВНП. № 307. С. 300.

152 В документе великого князя об откупе судебных пошлин население Обонежья упоминается как свободное (ААЭ. Т. I. № 27. С. 18-19; ср.: ПКОП. С. 177-182).

153 НПК. Т. VI. С. 24-28.

154 Прп. Вып. I. РП. Ст. 16. С. НО; Слово о полку Игореве. М.; Л., 1934. С. 70.

155 ААЭ. Т. I. № 13 (1398 г.). Ст. И. С. 8.

156 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 17. С. НО. Например, о судьбе детей «княгини Романовой», прогнанной галицкими боярами (см. гл. I), позаботилась кормилица: «Данила взяв дядька перед ся... Василка же Юрью поп с кормилицею взяв» (ПСРЛ. Т. II. С. 718—719; под 1202 г.). Некоторые князья с особой заботой относились к кормилицам, воспитавшим их: «Давыдови уполошившуся. Теща бо его бяше верна Судиславу кормильча Нездиловаа. Матерью бо си наречашеть ю...» (там же. С. 764—765; под 1231 г.).

157 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 98. С. 118. Таким «робичичем» был Владимир I.

158 Там же. Ст. 14-15. С. 109.

159 Там же. Ст. 88. С. 117. А. А. Зимин комментировал статью так: «Законодатель еще не звал разницы между материальным и феодальным правом, поэтому, определяя, что женщину нужно судить тем же судом, что и мужчину, законодатель требовал применения к ней общих норм права, устанавливая вместе с тем меньший размер наказания за ее убийство» (ПРП. Вып. I. С. 177). См. также; Ланге О. Исследование об уголовном праве Русской Правды. Кн. I. СПб., 1859. С. 131.

160 См.: Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 413—414; Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 498; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 105; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965. С. 186. Точка зрения о равной вине поддерживается и зарубежными авторами: Lesinsky V.

Stanowisko kobiety w polskim prawie ziemskim do polowy XV-ego w. Wroziaw, 1956. S. 163;
Gzomow I. Krwawa zemsta u Stowian // Pamiftnik Historyczno-prawny. T. VII. Lwow, 1929.
Z. 6. S. 11

161 См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 497.

162 См.: Юшков С. В. Указ. соч. С. 498. Достаточно аналогии с термином «муж» в РП, в интерпретации которого нет разногласий: под «мужем» в РП всегда понимается просто лицо мужского пола вне зависимости от семейного статуса.

163 НПЛ. С. 174; МДРПД. VII. Ст. 3. С. 48; VIII. Ст. 7. С. 51; XI. Ст. 20. С. 68; Ст. 77. С. 75; ЦГАДА, ф. 381, № 227, л. 341-341 об.

164 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 98. С. 118; МДРПД. VIII. Ст. 7. С. 51; Книги законные. Ст. 46. С. 73; Павлов А. С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887.

165 ПРП. Вып. II. Договор 1189-1199 гг. Ст. 14. С. 126; Соглашение Смоленска с Ригой и Готским берегом 1230—1270 гг. Ст. 24. С. 75; AGZ. T. XI. Lwow, 1886. N 489, 493, 1538; T. XIII. N 4218; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 1. С. 259.

166 ПРП. Вып. II. Договор 1189-1199 гг. Ст. 7. С. 125; Ст. 3. С. 125; Соглашение Смоленска с Ригой... 1230-1270 гг. Ст. 22. С. 136; Книги законные. Ст. 26. С. 68.

167 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 2. С. 259; Прил. к РП. Статьи из «Закона Судного людем» (далее: ЗСЛ). С. 211; МДРПД. XI. Ст. 12. С. 66; ЦГАДА, ф. 381, № 227, л. 339 об.

168 Lewicki T. Ze studiow nad zrodtami arabskimi // Slawia antiqua. 1952/1953. T. III. S. 142-143; ЗСЛ Краткой редакции. М., 1961. С. 106; ЗСЛ Пространной редакции. М., 1961. С. 141 («...да продасться отрок, имение его девици»); Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 658; Закс В. А. Правовые обычаи и представления в Северо-Западной Норвегии XII—XIII вв. // Скандинавский сборник. Т. XX. М., 1975. С. 43.

169 МДРПД. Vila. Ст. 51, 52. С. 47; AGZ. T. XI. N 1720; T. XIV. № 1236, 2278.

170 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 1, 5. С. 259-260; МДРПД. Vila. Ст. 52. С. 47.

171 ПРП. Вып. II. Договор 1189-1199 гг. Ст. 6, 8. С. 125; ЦГАДА, ф. 381, № 153 (3), л. 294; МДРПД. XXIV. Ст. 16. С. 141; XXVI. Ст. 28. С. 151.

172 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 28. С. 269; Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 207; Российское законодательство X-XX вв. Т. I. С. 126-127.

173 ЗСЛ Краткой редакции. С. 71; AGZ. T. XIV. N 1343, 1488.

174 МДРПД. XI. Ст. 28. С. 70; ЦГАДА, ф. 381, № 227, л. 342; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 41. С. 270; ПСГ. Ст. 94. С. 98.

175 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 42. С. 270; РП. Ст. 106. С. 119; ПСРЛ. Т. III. С. 54; T. V. С. 182; НГБ (1962-1976). № 415; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1967. С. 179—180.

176 НГБ (1955). № 156. С. 36. А. В. Арциховский видел в Завиде человека жестокого, ответившего мужу пострадавшей: «Жалко, что совсем не замучили, до смерти» (там же). Л. В. Черепнин видел в Завиде равнодушного человека из судебно-административного аппарата, официально сообщившего мужу, что жену не пытали. См. также: ПРП. Вып. I. РП. Ст. 71-72. С. 81-82.

177 Таковую трактовку слова «мучить» дал М. Н. Тихомиров (см.: Тихомиров М. Н, Пособие для изучения Русской Правды. С. 155).

178 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 45-46. С. 112-113; УЯ. Ст. 8. С. 267; Ст. 53. С. 271; РИБ. Т. VI. Ст. 69-70. С. 41-42.

179 МДРПД. I. Ст. 12. С. 10; VII. Ст. 14, 44, 45, 61. С. 45-47; XI. Ст. 29. С. 70; XIX. Ст. 138. С. 127; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 18-26, 37. С. 268-269.

180 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 39-40. С. 269-270; Службник с Требником XV в. Соф. б-ки // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 875, л. 133-133 об.; Требники XV в. // РО ГПБ, Соф. б-ка, № 875, л. 134; РО БАН, Архан. Д.-73, л. 44; Сбор. рук. XV в. // РО ГПБ, Ф. п. 1, № 729, л. 174-174 об.

- 181 ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 30-32, 34. С. 269; Требник XV в. // РО БАН, Архан. Д.-73, л. 44 об.; РИБ. Т. VI. Вопрошание Кирика. Ст. 92. С. 48; ГВНП. № 31. С. 61.
- 182 ПРП. Вып. I. РП. Ст. 7. С. 109. Аналогии можно найти и в польско-литовском праве (Makarjewicz I. Polskie prawo karne. Lwow — Warszawa, 1919. S. 75).
- 183 ПСРЛ. Т. II. С. 293, 564 (под 1173 г.); НПЛ. С. 252 (под 1215 г.); МДРПД. I. Ст. 10. С. 8.
- 184 ПРП. Вып. II. ПСГ. Ст. 1. С. 286; Ст. 16. С. 288; Вып. I. РП. Ст. 121. С. 136-137.
- 185 Ограничения процессуальной дееспособности женщин в сфере имущественных отношений см.: Пушкарева Н. Л., Левина Е. (СПб.). Женщина в средневековом Новгороде XI—XV вв. // Вестник МГУ. Сер. История. 1983. № 3. С. 78-89.
- 186 ПРП. Вып. I. УВ. Ст. 7 с. 238. В отличие от русских земель в европейских странах женщины не могли принимать участия в судебных поединках {Lesmsky V. Op. cit. S. 190; Rafacz I. Dawny proces Polski. Warszawa, 1925. S. 176}.
- 187 ПРП. Вып. II. ПСГ. Ст. 36. С. 291; НСГ. Ст. 18. С. 214; Ст. 16. С. 214; ПСГ. Ст. 53. С. 293.
- 188 Мейчик Д. М. Грамоты и другие акты XIV—XV вв. Московского архива Министерства юстиции. Кн. 4. М., 1884. № IV (1). С. 109; АЗР. Т. I. № 163. С. 185; РИБ. Т. XXXII. Ч. I. Пг., 1915. № 81. С. 132-137; АСЭИ. Т. III. № 475. С. 457.
- 189 ААЭ. Т. I. № 14. С. 10 (под 1398 г.).
- 190 См.: Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 571; Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII — XV вв. Дисс... канд. ист. наук. Л., 1980. С. 117—118; Archivum ksigzat Lubartowiszow w Stawucie. Т. I. Lwow, 1887. N 139. S. 112.
- 191 ГВНП. № 174. С. 215; № 275. С. 275.
- 192 АСЭИ. Т. I. № 269. С. 194-195; Т. II. № 153а. С. 90; Т. I. № 73. С. 65; АФЗХ. Ч. I. № 30. С. 49.
- 193 АСЭИ. Т. III. № 118. С. 155; Т. I. № 340. С. 246; № 387. С. 290.
- 194 АСЭИ. Т. III. № 477. С. 461; № 489. С. 470.
- 195 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 383.
- 196 См.: Энгельман И. О приобретении права собственности на землю по русскому праву. СПб., 1859. С. XXV — XXXI; Winarz A. Polskie prawo dziedziczema kobiet. S. 760; Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». С. 158.

Глава IV (с. 155-176)

- 1 ПСРЛ. Т. XXV. С. 487 (под 1365 г.); НГБ (1952). С. 45. № 43 (XIV в.).
- 2 Житие Февронии муромской XIII в. // Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Г. Кушелевым-Безбородко. Т. I. СПб., 1860. С. 32; ПВЛ. Ч. I. С. 25 (под 907 г.); ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 26. С. 261; ПСРЛ. Т. VIII. С. 20 (под 1373 г.). См.: Арциховский А. В. Русская одежда X—XIII вв. // Доклады в сообщения Исторического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1945. С. 3; Сабурова М. А. Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде // Средневековая Русь. М., 1976. С. 226—227; Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 134.
- 3 Миниатюру из Изборника Святослава 1073 г. см.: Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. Цв. вкл.
- 4 См.: Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Перефлут // СА. 1967. № 3; Монгайт А. Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967. С. 13. Ил. 21а; Арциховский А. В. Одежда // История культуры Древней Руси. Т. I. М., 1948. С. 236.

- 5 См.: Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX — XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. С. 44; Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.
- 6 Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902, л. 3—6 об.
- 7 ДДГ. № 80. С. 312; ПСРЛ. Т. II. С. 187 (под 1251 г.). См.: Монгайт А. Л. Указ. соч. Ил. 15.
- 8 НГБ (1952). С. 22; см. прорись: Нахлик А. Ткани Новгорода // МИА. Вып. 123. М., 1963. С. 245; ДДГ. № 80. С. 312.
- 9 См.: Рабинович М. Г. Указ. соч. С. 109.
- 10 См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. М.; СПб., 1895. С. 1185-1186; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. Ч. II. СПб.; М., 1882. С. 289.
- 11 См.: Монгайт А. Л. Указ. соч. Ил. 21; Рабинович М. Г. Указ. соч. С. 44; ПРП. Вып. I. УЯ. Ст. 26. С. 261; Левинсон-Нечаева М. Н. Материалы к истории русской народной одежды // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959. С. 13; Левашева В. П. Об одежде сельского населения Древней Руси // Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966; Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.
- 12 О «волне» упоминается в летописи под 980 г. (ПВЛ. Ч. I. С. 57). См.: Поппэ А. К истории древнерусской ткани и одежды: вотола // Acta Baltica-Slavica. Bialystok. 1965. Т. II. С. 31; Левинсон-Нечаева М. Н. Указ. соч. С. 20, 37.
- 13 Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 222; ПСРЛ. Т. XXV. С. 487 (под 1365 г.).
- 14 См.: Нахлик А. Указ. соч. С. 250; НГБ (1953-1954). № 125. С. 59—60. «Сукно ипское», т. е. привезенное из фландрского города Ипра, упомянуто как вступительный взнос для купца, вступающего в гильдию, в Уставе XIV в. (см.: Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы... С. 161).
- 15 «Паволоки» упомянуты в русских летописях при описании и похода князя Олега на Константинополь, и даров русским князьям в Византии (ПСРЛ. Т. I. С. 16, 19, 30, 85). «Паволочиты перины» в представлении русса были выражением высшей степени состоятельности (Слово о богатом и убогом. XII в. // Известия ОРЯС. Т. X. С. 548).
- 16 См.: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 11.
- 17 Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о славянах в русских. СПб., 1870. Разд. X. С. 86.
- 18 «Поидоша бояре и боярыни, изрядившиеся в брачные порты и ризы...» (ПСРЛ. Т. II. С. 565; под 1262 г.).
- 19 См.: Срезневский И. И. Древние изображения в. кн. Владимира и в. кн. Ольги. М., 1867. Табл. IV и V; Стрекалов С. С. Русские исторические одежды. Вып. I. СПб., 1877. С. 13.
- 20 См.: Каргер М. К. Портрет Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // Учен. зап. ЛГУ. № 160 Сер. История. Выв. 20. Л., 1954. С. 143—180; Якунина Л. И. Фрагменты тканей из Старой Рязани//КСИИМК. Вып. 21. М., 1947. С. 126-127.
- 21 ДДГ. № 80. С. 312.
- 22 См. подробнее: Кондаков Н. П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906. С. 107; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
- 23 «Наручи» упоминаются в описях царского приданого и более позднего времени (см. подробнее: Савваитов П. В. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 83). Упомянул о них еще в X в. Ибн-Фадлан (см.: Гаркави А. Указ. соч. С. 99).

- 24 См.: Стрекалов С. С. Русские исторические одежды. С. 12; Некрасов А. Очерки из истории славянского орнамента. СПб., 1913. С. 77. Табл. I. Рис. 18.
- 25 См.: Срезневский И. И. Древние изображения... С. 6—7; Бобринский А. Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтыри Егберта, архиепископа Трирского. СПб., 1902.
- 26 См.: Кондаков Н. П. Указ. соч. С. 30, 38, 107-108.
- 27 См.: Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956; Седов В. В. Одежда восточных славян IV—IX вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. С. 28 — 33.
- 28 См.: Фехнер М. В. Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси. М., 1976. С. 224-225; Сабурова М. А. Указ. соч. С. 227-228.
- 29 См.: Левашева В. П. Указ. соч. С. 116-117; Орлов Р. С. Древнерусская вышивка XII в. // Археология. Т. 12. Киев, 1973. С. 41; Новицька М. О. Гаптування в Київській Русі // Там же. Т. 18. Ки'гв, 1965. С. 24; Маслова Г. С. Народная одежда. С. 20.
- 30 ДДГ. № 80. С. 312; № 87. С. 350.
- 31 ПВЛ. Ч. I. С. 18, 20 (под 859 и 883 г.); ПСРЛ. Т. I. С. 23, 25, 27; Т. II. С. 29, 86. В «Слове о богатом и убогом» (XII в.) о богаче сказано: «...ты ходиши в паволоце и в кунах...» (Известия ОРЯС, Т. X. С. 550).
- 32 См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. С. 73. Примеч. 76; Аристов Н. Указ. соч. С. 147; Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836. С. 111; Слово о полку Игореве. С. 62; НГБ (1952). № 2. С. 22; Левашева В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. С. 52; ДДГ. № 87. С. 350.
- 33 НГБ (1956-1957). С. 89-90, 117; см.: Срезневский И. И. Древние изображения... С. 7; Аристов Н. Указ. соч. С. 154—156; Бобринский А. Указ. соч. С. 15; Фехнер М. В. Указ. соч. С. 223—224; Новицька М. О. Указ. соч. С. 36—37.
- 34 ПВЛ. Ч. I. С. 57 (под 980 г.); см.: Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., их терминология. М., 1925; Левинсон-Нечаева М. Н. Указ. соч. С. 13—18; Шавинский А. В. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935; Маслова Г. С. Народная одежда в восточно-славянских традициях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.
- 35 ДДГ. № 1. С. 8 (1339 г.); № 4. С. 15 (1358 г.); Савваитов П. В. Описание... С. 2, 52, 58 и др.
- 36 ДДГ. № 80. С. 312; Савваитов П. В. Описание... С. 75; Уставная грамота князя Ростислава смоленского 1150 г. // ПРП. Вып. II. С. 44.
- 37 См.: Савваитов П. В. Описание... С. 28, 93; ДДГ. № 87. С. 349 — 350.
- 38 На старорязанском «наруче» у танцовщицы с кубком волосы распущены. Несомненно, что такое было допустимо лишь во время русалий и пиров (см.: Монгайт А. Л. Указ. соч. Прорись 19). См. также: Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5—6. С. 77.
- 39 Закрывание волос, по мнению некоторых ученых, имело магический смысл и являлось остатком традиции закрывать все лицо целиком (см.: Зеленин Д. К. Головные уборы восточных (русских) славян// «Slavica». 1926. S. 317), по мнению других — это символ подчиненности женщины мужчине (см.: Якоби А. Вятчи Орловской губернии. СПб., 1907. С. 53—54). См. также: Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 71.
- 40 «Девичья прическа — одна коса, женская — две косы сзади на спине», — записал фландрский рыцарь де Лануа, побывавший в Новгороде в 1413г. (Lannoy G. Voyages et ambassades // Mons. 1840. P. 20).
- 41 См.: Стрекалов С. С. Русские исторические одежды. С. 5. Слово «коруна» — латинское заимствование; в древнерусской письменности встречается с XIV в., а ранее все

коруны входили в понятие «венок» (см.: Лукина Г. Н. Название предметов украшения в языке памятников древнерусской письменности // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 246).

42 См.: Лееашева В. П. Венчики женского головного убора из курганов X—XII вв. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 91; Сабурова М. А. Женский головной убор у славян: По материалам Вологодской экспедиции // СА. 1974. № 2. С. 91; Она же. Шерстяные уборы с бахромой из курганов вятичей // СЭ. 1976. № 3. С. 129; Латышева Г. П. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. // Археологические памятники Москвы и Подмоскovie. М., 1954. С. 44.

43 См.: Иидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 195; Сабурова М. А. О времени появления одной из групп корун на Руси // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 408—410.

44 Lannoу G. Op. cit. P. 20; ДДГ. № 80. С. 12 (1486 г.).

45 См.: Кондаков И. П. Русские клады. Т. I. СПб., 1895. Рис. 1. По-видимому, повой сами по себе являлись ценностью. Ипатьевская летопись упоминает о вдове Глеба Всеславича, отдавшей монастырю все имущество «до повоя» (ПСРЛ. Т. II. С. 82, под 1199 г.).

46 См.: Срезневский И. И. Древние изображения... Табл. IV, V; Кондаков И. П. Изображения русской княжеской семьи... С. 18, 41, 109, 112-113.

47 Съёмное очелье упоминается в духовных кн. Дмитрия Ивановича (СГГД Ч. I. С. 406; 1509 г.) и кн. Михаила Андреевича (ДДГ. № 80. С. 312. XV в.).

48 См.: Рабинович М. Г. Курганы в Проворовке // Сб. научных и студ. работ МГУ. Вып. XI. Сер. История. М., 1939; Сабурова М. А. Женский юловной убор у славян. С. 89.

49 Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. // Памятники древнерусской литературы. Вып. 3. Л., 1932. С. 60. Слово «рясы» означает буквально «бахрома», однокоренное с ним слово «риеницы» (ресницы) (см.: Срезневский И. И. Материалы... Т. III. Вып. 1. М.; СПб., 1903. С. 237).

50 В духовных XVI—XVII вв. упомянуты запоны, репы, переперы, подниси и другие виды украшений. Подробнее см.: Савваитов П. В. Описание... С. 57—58.

51 См.: Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930; Левашева В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С. 13.

52 См.: Даркевич В. П., Фролов В. П. Старорязанский клад 1974 г. // Древняя Русь и славяне. С. 342—348. Рис. цветной вклейки воспроизводит реконструкцию праздничного убора с подвесками-колтами замужних женщин княжеско-боярского круга XII—XIII вв., выполненную П. П. Толочко. Однако художник допустил ошибку: волосы «мужатицы» не должны быть видны из-под убора (кики). Аналогичные неточности встречаются в реконструкциях С. С. Стрекалова.

53 См.: Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X-XV вв. // МИА. Вып. 65. М., 1959. С. 326; ДДГ. № 87. С. 349-350.

54 ДДГ. № 80. С. 312; см.: Гушин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936. Табл. XII. Ил. 2, 3; XIV. Ил. 1, 3-6; XVII. Ил. 11 и 13; Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. 1950. № 14. С. 221.

55 Бисер получали путем нарезка («разрубки») тонкой стеклянной трубочки. См.: Львова З. А. Восточнославянские стеклянные украшения VIII—XII вв. Л., 1961. С. 5, 7; Безбородое М. А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск. 1956. С. 240.

56 Ковалевский А. П. Новооткрытый текст Ибн-Фадлана // Вестник древней истории. Т. 12. М., 1938. С. 64; Львова З. А. Указ. соч. С. 7—10; Фехнер М. В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967. С. 55.

- 57 ДДГ. № 4. С. 16 (XIV в.); см.: Фехнер М. В. Шейные гривны. С. 61; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей XIII-XVI вв.: Очерки. М., 1965. С. 247-315.
- 58 ДДГ. № 21. С. 59; № 80. С. 312; № 87. С. 349-350; ПСРЛ. Т. II. 2 изд. С. 914.
- 59 ГВНП.С. 171 (XVe.); НГВ (1955). С. 13-14; Грамота митрополита Киприана 1389 г. // АИ. Т. I. С. 473; ПСРЛ. Т. II. 1 изд. С. 490 (под 1213 г.); ДДГ. № 21. С. 59 (1417 г.); Базилевич К. В. Имущество московских князей в XIV-XVI вв. // Труды ГИМ. Вып. 3. М., 1926. С. 15.
- 60 См.: Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. 1961. № 2. С. 122-123; Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 88 — 89; Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № А. С. 91-101.
- 61 См.: Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадник) // СЭ. 1949. № 1; Успенская А. В. Указ. соч. С. 94; Седова М. В. Указ. соч. С. 230.
- 62 См.: Успенская А. В. Указ. соч. С. 98; Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. 1960. № А. С. 57.
- 63 См.: Авдусина Г. А. Три курганные группы у Звенигорода // Историко-археологический сборник МГУ. М., 1962. С. 283; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1965. С. 301; Шноре 9. Д. Асотское городище. Рига, 1961. С. 128; Рабинович М. Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан XI—XVI вв. М., 1964. С. 112 — 115.
- 64 См.: Седова М. В. Указ. соч. С. 237. Ожерелье из золотых медальонов (XII в.), найденное в Киевском кладе 1880 г., хранится ныне в коллекции ГИМ. См.: История культуры Древней Руси. Т. I. М.; Л., 1958. С. 261. Рис. 169.
- 65 СГГД. Т. I. С. 407, Савваитов П. В. Описание... С. 75 («маялка-балаболка, привешенная для украшения...»).
- 66 ПВЛ. Ч. I. С. 41; Срезневский И. И. Материалы... Т. III. Вып. 1. С. 628; Материалы по археологии России. Вып. 20. СПб., 1896. С. 98; Вып. 14. СПб., 1893. С. 33.
- 67 См.: Седова Ш. В. Одежные булавки // МИА. Т. 65. М., 1959. С. 238. Ряд исследователей склонен думать, что это были «стили» — инструменты для писания на восковых табличках (см.: Колчин В. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. Т. 65. С. 117; Тимошук В. А. Об инструментах для письма («стилях») // КСИИМК. Вып. 62. М., 1956. С. 155-158).
- 68 ДДГ. № 87. С. 349-350; № 99. С. 411; см.: Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 258—259.
- 69 См.: Львова З. А. Указ. соч. С. 11 — 12; Латышева Г. П. Указ. соч. С. 44; Левашева В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С. 207-242; Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 252—253; Монгайт А. Л. Указ. соч. С. 13; Гушин А. С. Указ. соч. Табл. XV, XVII, XX (Владимирские клады).
- 70 См.: Латышева Г. П. Указ. соч. С. 43; Богданов А. П. Материалы для антропологии курганного периода Московской губернии // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. IV. Вып. 1. М., 1867. С. 77; Недошивина Н. П. Перстни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С. 264 — 274, Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 256.
- 71 ПСРЛ. Т. I. С. 36; см.: Филиппов И. А. Промыслы из дерева, луба, бересты // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959. С. 90—91; Якунина Л. И. Новгородская обувь XII-XIV вв. // КСИИМК. Вып. 17. М., 1947. С. 47; Вахрос И. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959. С. 31.
- 72 См.: Колчин В. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. Вып. 32. М., 1953. С. 129. Рис. 100; Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // Известия археологической комиссии. 1949. № 11. С. 126 — 128.

- 73 ПСРЛ. Т. I. С. 8, 123.
- 74 См.: Поварнин Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. Ч. I. СПб., 1912. С. 64, 147; Изюмова С. А. Кожевенное и сапожное ремесла Новгорода Великого // МИА. Т. 65. С. 194.
- 75 См.: Даль В. Толковый словарь... Т. III. СПб., 1907. С. 847.
- 76 ПСРЛ. Т. I. С. 123, 195; см.: Рабинович М. Г. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе // КСИИМК. Вып. 38. М., 1951. Рис. 26а; Изюмова С. А. Указ. соч. С. 202; Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. Вып. 41. М., 1954. С. 61. Рис. 26, 3; Монгайт А. Л. Раскопки Старой Рязани // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 315.
- 77 См.: Изюмова С. А. Указ. соч. С. 202—203.
- 78 См.: Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. С. 56; Изюмова С. А. Указ. соч. С. 207; Ояева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4. Л., 1962. С. 87; Она же. Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 191; Кондаков Н. П. Изображения русской княжеской семьи... С. 34, 56, 104. Табл. VI.
- 79 ПВЛ. Ч. I. С. 57 (под 980 г.).

Глава V (с. 177-211)

- 1 В «Истории Российской» В. Н. Татищева сохранился уникальный отрывок из летописи о существовании в XI в. школы для девочек (Татищев В. Н. История Российская. В 7 т. Т. VI. М.; Л., 1963. С. 95). Н. М. Карамзин, широко использовавший в своем знаменитом труде летописные памятники, особо отметил роль в русской истории княгини Ольги и Марфы-посадницы как государственных деятельниц (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. СПб., 1851. С. 66-67).
- 2 Карамзин Н. М. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода. СПб., 1802; Он же. Известие о Марфе-посаднице // Вестник Европы. 1803. Ч. IX. № 12. С. 294, 302.
- 3 Цертелев Н. О свадебном русском обряде // Труды Вольного общества любителей российской словесности. Т. XIX. СПб., 1822. С. 118; Платонов И. Браки и многоженство в древней Руси // Сын Отечества. 1831. Т. 19. № 15. С. 21; Морошкин М. Свадебные обряды древней Руси // Там же. 1848. № 2. С. 69.
- 4 См.: Языков Д. Изыскания о старинных свадебных обрядах у русских // Библиотека для чтения. 1834. Т. VI. № 10. С. 1—37; Погодин М. П. Частная жизнь князей в Древней Руси до нашествия татар // Москвитянин. 1853. № 11. С. 65—96.
- 5 См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI — XVII столетиях. М., 1869; Он же. Женщина по понятиям старинным книжников // Опыт изучения русских древностей и истории. Ч. 1. М., 1872. С. 129—178; Он же. Женщина в допетровском обществе. СПб., 1901.
- 6 См.: Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. СПб., 1860; Он же. Северно-русские народоправства во времена удельного уклада. Т. 1—2. СПб., 1863; Т. 2. С. 149—160; Стрекалов С. С. Русские исторические одежды от X до XIII в. Вып. 1. СПб., 1877.
- 7 См.: Терещенко А. Быт русского народа. Вып. 1. СПб., 1848; Он же. Одежда женщин в России // Русский художественный листок. 1860. № 13; Надеждин Н. История русской одежды // Живописная Россия. 1902. № 102 — 104; Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
- 8 См.: Рейц А. История российского законодательства: Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836; Иванишев Н. О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирую. Киев, 1840; Неволин К. А. История российских гражданских

законов. Т. 1. СПб., 1851. С. 75—80; Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1880. С. 563—570.

9 См.: Рождественский Н. Историческое изложение русского законодательства о наследстве. СПб., 1839; Никольский В. П. Об основных моментах наследования. М., 1841; Он же. О началах наследования в древнем русском праве. СПб., 1859; Он же. Исходные моменты в истории русского правонаследования. СПб., 1876; Губе И. История древнего наследственного права у славян // Сборник исторических и статических сведений о России и народах, ей единовѣрных и единоплеменных. Т. 1. М., 1845. С. 66—70; Попов А. Об опеке и наследстве по «Русской Правде» // Там же. С. 50—66; Савельев Ал. Юридические отношения между супругами. Н. Новгород. 1881; Ланге О. О праве собственности супругов по древнерусскому праву. СПб., 1886; Перегамент О. К вопросу об имущественных отношениях супругов по древнейшему русскому праву // ЖМНП. 1894. № 11.

10 См.: Орович Я. Женщина в праве. СПб., 1895; Синайский В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве // Учен. зап. Юрьевского ун-та. Юрьев, 1910. № 10.

11 См.: Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 51 — 52; Попов А. Указ. соч. С. 108; Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 513.

12 См.: Рождественский Н. Указ. соч. С. 36; Ланге О. Указ. соч. С. 1—5; Губе И. Указ. соч. С. 67 и далее; Савельев А. Указ. соч. С. 20; Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903. С. 261-262.

13 См.: Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. М., 1908. С. 179; Синайский В. И. Указ. соч. С. 32 — 51; Рязановский В. А. О посмертном преемстве супругов по русскому праву. Н. Новгород, 1914. С. 3-14.

14 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 3. М., 1960. С. 71.

15 См.: Беляев И. Д. О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858. С. 40-78, 114-116.

16 См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3. С. 70; Т. 4. С. 483-484.

17 См.: Указатель литературы женского вопроса на русском языке // Северный вестник. 1887. № 7. С. 1—38; № 8. С. 33—35.

18 Кавелин К. Д. О состоянии женщин в России до Петра Великого // Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1904. С. 1031.

19 Шульгин В. Я. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850. С. XVII, XXIV-XXVII.

20 Добряков А. В. Русская женщина в домонгольский период. СПб., 1864. С. 4; Рец.: Минаев Д. И. Допетровская женщина в новом историческом освещении // Библиотека для чтения. 1864. № 9. С. 21 («брошюрка не стоит дельного разбора...»).

21 См.: Аристов Н. Я. Судьба русской женщины в допетровское время // Заря. 1871. № 3. С. 182; Мордовцев Д. Я. Русские исторические женщины. Популярные рассказы из русской истории. Женщины допетровской Руси. СПб., 1874; Некрасов И. С. Женский литературный тип Древней Руси // Филологические записки. Вып. 3. Воронеж, 1864. С. 103-136.

22 См.: Чудинов А. Н. Очерк истории русской женщины в последовательном развитии ее литературных типов. СПб., 1889; Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Воронеж, 1892; Шеметова Н. В. Русская женщина в народном эпосе и лирике // Филологические записки. Вып. 4—5. Воронеж, 1900.

23 Забелин И. Е. Указ. соч. С. 146-147; Грунский Я. К. Образование и воспитание в Московской Руси // Русская школа. 1907. № 3. С. 52; см. также: Ивановский А. Русская женщина в допетровский период // Колосья. 1885. № 12. С. 122-163.

- 24 См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. С. 431-438.
- 25 См.: Худяков И. А. Древняя Русь. СПб., 1867; Он же. Женщина Допетровской Руси // Модный магазин. 1863. № 20—22.
- 26 Шашков С. С. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1898. С. 3, 740; Он же. Очерк истории русской женщины. СПб., 1872. С. II—III, 62, 151; Он же. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция СПб., 1873.
- 27 Щапов А. П. Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщины в России // Щапов А. П. Соч. Т. 2. СПб., 1906. С. 55—101; Он же. Положение женщины по допетровскому воззрению // Там же. С. 105-106, 152-153.
- 28 См.: Шпилевский С. М. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869; Ешевский С. В. Женщина в средние века в Западной Европе // Ешевский С. В. Соч. Ч. 3. М., 1870; Алексеев К. Об отношениях супругов по имуществу в древней России и Польше // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 2; Спасович В. Д. Об отношениях супругов по имуществу по древнему польскому праву // Спасович В. Д. Соч. Т. III. СПб., 1890. С. 147—169; Горчаков М. И. О тайне супружества. СПб., 1880; Дубакин Д. И. О влиянии Византии на семейный быт русского общества // Христианское чтение. 1881. № 3—4. С. 354—362; Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884; Суворов Н. К. К вопросу о тайной исповеди и о духовниках в восточной церкви. Ярославль, 1886; Павлов А. С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887; Алмазов А. И. Краткий курс церковного права. Одесса, 1889; Он же. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т. 1—3. Одесса, 1894; Он же. К истории византийской отреченной письменности. Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры. Одесса, 1901.
- 29 См.: Надеждин А. Права и значение женщины в христианстве. СПб., 1873. С. 285—286; Барсов Т. В. О последствиях расторжения брака в случае прелюбодеяния // Христианское чтение. 1882. Май — июнь. С. 799—842; Альтшуллер И. М. Значение венчания для брака в его историческом развитии на Руси. Киев, 1908.
- 30 См.: Азаревич Д. И. Русский брак // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1880. Кн. 5 (IX-X). С. 95; Грунский Н. Я. Образование и воспитание в XVI в. в Московской Руси // Русская школа. 1907. № 3. С. 57.
- 31 См.: Ефименко А. Народные юридические воззрения на брак // Знание. 1874. № 1; Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877; Харламов И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3—4. С. 57—111.
- 32 См.: Сумцов Н. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881; Остроумов Н. К. Свадебные обычаи в древней Руси. Тула, 1905.
- 33 См.: Смирнов С. «Бабы богомерзкие» // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 217—244; Он же. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912.
- 34 Дитрих М. Русская женщина великокняжеского времени. СПб., 1904. С. 1-4.
- 35 См., например: Иконников В. С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нея. Киев, 1874.
- 36 См.: Дитрих М. Указ. соч. С. 4; Щепкина Е. Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 306—307.
- 37 История поездки княгини Ольги в Константинополь привлекла внимание историков еще в конце XVIII в. (см.: Булгар Е. Историческое разыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги. СПб., 1792), но до начала XX в. разработка темы носила популярный характер (см.: Памятники просветительной деятельности св. кн. Ольги. СПб., 1883). Подробное изложение фактов дипломатической деятельности княгини Ольги см.: Пархоменко В. О крещении св. кн. Ольги // Вера и разум. 1911. № 10. Кн. 2. С.

429-449; Он же. Свидетельство продолжателя хроники Регинона о крещении св. княгини Ольги // Там же. 1912. № 1. Кн. 1. С. 102-106.

38 Личность Анны Ярославны привлекала историков еще в начале XIX в., но после публикации С. Руссова «Историческое разыскание о дочерях Ярослава» (СПб., 1824) до конца века исследования по этой теме не велись. См.: Тимирязев В. Французская королева Анна // Исторический вестник. 1894. № 1. Т. 55, С. 198-209; Голубовский П. Отзыв на работу виконта де Ке де Сент-Амура // Киевская старина. 1896. Т. 54. С. 12 — 18; Рошефор М. Анна Ярославна, французская королева // Наша старина. 1914. № 2. С. 261—272.

39 Профессор Петербургского университета Ф. И. Круг посвятил Евпраксии один из разделов своего труда по русской истории (Krug Ph. Forschungen in der alteren Geschichte Russlands. Bd III. St.-Petersburg, 1848 S. 578—618). Он установил, что Евпраксия Всеволодовна и Praxedis-Adelheid в немецких хрониках — одно и то же лицо. В работе Ф. И. Круга есть подборка материалов о деятельности Евпраксии за границей.

40 См.: Грог К. Из истории Угрии и славянства в XII в. (1141 — 1173 гг.). Варшава, 1889.

41 См.: Бережков М. Н. Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская // Труды IX археологического съезда в Вильне. Т. II. М., 1897. С. 1 — 45; Лопарев Хр. Брак Мстиславны (1122 г.) // ВВ. 1902. Т. IX. Вып. 3-4. С. 418-446; Карпов Г. Ф. Брак Александра Казимировича с Еленой Ивановной // Московские университетские известия. 1866. № 10. С. 10—33.

42 См.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья в татарский период. 1240-1505. Т. 1. СПб., 1889; Т. 2. СПб., 1890.

43 См.: Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086—1856). СПб., 1899; Харлампович К. А. К вопросу о просвещении на Руси в домонгольский период. Львов, 1902; Высоцкий Н. Ф. Роль женщины в истории нашей народной медицины // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1908. Т. XXIV. Вып. 3-4. С. 213-237.

44 См.: Прохоров В. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. Вып. 1—4. СПб., 1881—1885; Кондаков Н. П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб., 1896; Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902; Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Вып. 5—6. СПб., 1902-1907.

45 См.: Бобринский А. Киевские миниатюры XI в. ... СПб., 1902; Сизов В. И. Миниатюры Кенигсбергской летописи. СПб., 1905; Кондаков Н. П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.

46 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 115; Т. 20. С. 270-271.

47 Там же. Т. 21. С. 60.

48 Там же. С. 65, 76.

49 Там же. С. 60.

50 См.: Вольфсон С. Я. Социология брака и семья. Минск, 1929. С. 195; Ковалев П. К. Вопросы пола, полового воспитания, брака и семьи. Т. 1. М., 1929—1931; Ржига В. Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси. М., 1929.

51 См.: Розанов С. Л. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна // Известия АН СССР. VII сер. Отд. гум. наук. 1929. № 8. С. 617-646; Он же. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович // Там же. 1930. № 8. С. 585 — 599; № 9. С. 649-672; Рыдзевская Е. А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюгвасоне // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1935. С. 5—20; Он же. Ярослав Мудрый в древнесеверной лите-ратуре // КСИИМК. Вып. 7. М.; Л., 1940. С. 66-72.

52 См.: Веселоецкий С. В. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936; Он же. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л.,

1947; Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939.

53 См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; Он же. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 8.

54 Греков Б. Д. Б. А. Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. XV. М., 1958. С. 493.

55 См.: Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930; Он же. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Ржига В. Ф. О тканях домонгольской Руси // *Byzantinoslavica*. 1932. V. IV. Т. 2; Рабинович М. Г. Курганы в Поворовке // Сборник научных и студенческих работ МГУ. Вып. XI. Сер. История. М., 1936; Гушин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936; Якунина Л. И. Фрагменты тканей из Старой Рязани // КСИИМК. Вып. 17. М., 1947. С. 38-48.

56 См.: ГВНП; ПРП. Вып. I—VIII. М.; Л., 1952-1968; Мерило праведное. М., 1961; АФЗХ. Ч. I—III; АСЭИ. Т. I—III; см. в Списке сокращений НГБ; Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964.

57 См.: Шурыгина А. П. Новгородская боярская вотчина в XV в. Дисс... канд. ист. наук. Л., 1948; Аграрная история Северо-Запада России. Т. 1. Вторая половина XV—начало XVI в./ Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966; Он же. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. 1—2. М., 1948-1951.

58 См.: Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда // СЭ. 1957. № 1. С. 57 — 71. Русский народный свадебный обряд. Л., 1978; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Он же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

59 См.: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 1. М., 1952. С. 64, 69, 81 и др.; Он же. Большая семья Русской Правды и Полицкого статута // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. II. М., 1959 // СЭ. 1969. № 3; Рапов О. М. Была ли вервь Русской Правды патронимией? // СЭ. 1969. № 3; Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 216—219; Он же. Большая и малая семьи на Руси в VIII—XIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 180—193.

60 См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963; Фроянов И. Я. Семья и вервь Киевской Руси // СЭ. 1972. № 3.

61 См.: Свердлов М. Б. Семья и община в древней Руси // История СССР. 1981. № 3. С. 97 — 108; Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // Там же. С. 78—96.

62 См.: Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси. С. 218—219; Он же. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972; Он же. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976; Он же. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

63 См.: Пихоя Р. Г. Опыт изучения ранних новгородских памятников церковного права: Правило «Аще двоеженец» и «Вопрошание Кириково» // Вспомогательные исторические дисциплины. Уральский ун-т. 1974. Сб. 1. С. 9—16; Он же. Церковь в Древней Руси (Конец X — первая половина XIII в.): Древнерусское покаянное право как исторический источник. Дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1974.

64 См.: Лещенко В. Ю. Антиклерикальное значение обычного права в брачно-семейных отношениях восточных славян // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1982. С. 75—96; Пикуль К. Проблеми моралі в літературних пам'ятках Київської Русі // Київська Русь: Культура, традиції. Київ, 1982. С. 70—84; Фоменко А. К., Фоменко И. А. Отношение христианства к женщине, семье, детям. Киев, 1983.

65 См.: Данилова Г. М. К вопросу о положении женщины в период генезиса феодализма: Сравнительный анализ славянских и германских «прав» // Исследования по славяно-германским отношениям. Сб. ст. М., 1971; Лазутка С, Валиконите И. М. Имущественное положение женщины (матери, жены, дочери, сестры) привилегированного сословия по Первому Литовскому статуту // Научные доклады. Высшие учебные заведения Литовской ССР. Сер. История. Т. XVI. Вильнюс, 1976. С. 74—102; Валиконите И. М. Двойной выкуп за женщину в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. // Там же. Т. XVII (2). Вильнюс, 1977. С. 51-63; Она же. Социально-экономическое и правовое положение женщин в Великом княжестве Литовском (конец XV — начало XVI в.) и его отражение в Первом Литовском статуте. Дисс... канд. ист. наук. Вильнюс, 1978; Савело К. Ф. Раннеанглийские законы о браке и семейном имуществе // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 2. Л., 1978. С. 25—33; Бессмертный Ю. Л. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. // Средние века. Вып. 44. М., 1981. С. 97-117.

66 Исследование Л. Н. Семеновой «Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в.» (Л., 1982) — начало разработки истории семьи, быта и косвенно положения женщин в более позднюю эпоху — во времена петровских преобразований.

67 См.: Мирославская А. Н. Словесный портрет в Древней Руси // Русская речь. 1978. № 5. С. 120—124; Кашуба М. В. Давньоруські традиції трактування образу жінки та їх продовження на Україні! // Київська Русь: Культура, традиції. Київ, 1982. С. 84—88; Берман Б. И. Читатель жития: Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 159-184.

68 См.: Снесаревский П. В. Отношение к женщине в памятниках письменности русского средневековья (XI—XV вв.) // Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. ст. М., 1983. С. 29-47.

69 См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1972. С. 9; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 259-298; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. С. 71; Бабишин С. Д. О грамотности женщин в городах Киевской Руси // Вопросы истории СССР. Вып. 25. Харьков, 1980. С. 136-142; Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978; Медыньцева А. А. Грамотность женщин на Руси XI—XIII вв. по данным эпиграфики // Слово о полку Игореве и его время. Л., 1985. С. 218—240.

70 См.: Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959; Нахлик А. Ткани Новгорода // МИА. 1963. № 123.

71 См.: Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Новгородская археологическая экспедиция. Труды. Т. II. М., 1959; Левашева В. П. Обработка кожи, меха и других видов естественного сырья // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959; Вахрос И. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959; Зыбин Ю. П. Древнерусская обувь XII—XVI вв. // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. Киев, 1960. № 5. С. 84—85; Ояева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4. Л., 1962; Она же. Обувь и другие кожаные изделия земляного городища Старой Ладogi // Там же. Вып. 7. Л., 1965; Она же. Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского // Археология Рязанской земли. М., 1974.

72 См.: Гринкова И. П. Височные украшения в русском народном женском костюме // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 16. М., 1955; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. // Новгородская археологическая экспедиция. Труды. Т. II; Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. 1961. № 2.

73 См.: Сабурова М. А. Реконструкция женского убора по материалам клада Щербинского городища // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 112. М., 1967; Она же. Женский головной убор славян: По материалам Вологодской экспедиции // СА. 1974. № 2; Она же. Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей // СЭ. 1976. № 3; Она же. О времени появления одной из групп корун на Руси // Древняя Русь и славяне. М., 1978; Левашева В. П. Венчики женского головного убора из курганов X—XII вв. // Славяне и Русь. М., 1968.

74 См.: Безбородое М. А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956; Львова З. А. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII—XII вв. Л., 1961; Щапова Ю. Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус // СА. 1962. № 2. С. 81—96.

75 Арциховский А. В. Одежда // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 234—262; Он же. Одежда // Очерки русской культуры XIII—XV вв. Вып. 1. М., 1969. С. 277—297; Левашева В. П. Об одежде сельского населения Древней Руси // Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965; Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX—XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986; Он же. Древнерусская одежда XIII—XV вв. // Там же.

76 Lobanoff de Rostoff A. Recueil de pieces historiques sur la reine Anna on Agnes. P., 1825; Caix de Saint-Amour de. Melanges pour servir artnstoire de pays qui forment aujourd'iiui le departement de l'Oise. P., 1825.

77 Meyer von Knonau G. Jahrbucher des deutschen Keiches unter Heinrich IV und Heinrich V. Bd I —IV. Leipzig, 1890—1903; Gumpio-wicz M. Borys Kolomanowicz korolewicz w ggerski 1105—1156 // Ph. 1905. T. II. Z. 1. S. 1 — 14; Kirchner M. Die deutschen Kaiserinen in der Zeit von Konrad I bis zum Tode Lothars von Supplinburg. Berlin, 1910. S. 44—46; Ediger T. Russlands alteste Beziehungen zu Deutsch-land, Frankreich und romischen Kirche. Halle, 1911. S. 37—38; Lores H. Berta und Praxedis, die beiden Gemahlinen Heinrichs IV. Halle, 1911.

78 Melnikow N. Die gesellschaftliche Stellung der russischen Frau. Berlin, 1901. S. 3—4, 25, 75—77; Grosse E. Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. Leipzig, 1896. S. 180 — 181.

79 Weber M. Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung. Tübingen, 1907. S. 219—224, 361; see auch: Gietz L. K. Staat und Kirche im alten Russland (periode 988-1240). Berlin, 1908.

80 Chales B. La familie paysanne russe // Revue des etudes slaves. 1924. N 3—4; Elnet E. Historic Origins and Social Development of Family Life in Russia. N. Y., 1926.

81 Charewiczowa L. Est-il fonde d'ecrire une histoire speciale de la femme? // La Pologne au 7-e Congres International des sciences historiques. T. 1. Warszawa, 1933. S. 309—313; Eadem. Kobieta w dawnej Polsce do okresu rozbiorow. Lwow, 1938.

82 Haase F. Volksglaube und Brauchtum der Ostslaven // Wort und Brauch. Volkskundliche Arbeiten namens der Schlesischen Gesellschaftfur Volkskunde. Breslau, 1939. N 26. P. 185; Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.; Л., 1957. С. 119.

83 Vernadsky G. V. Studies in the History of Moscovite Private Law of the 16th and 17th cent. // Studi in Memoria di Aldo Albertoni. V. III. Padova, 1938. P. 433-454; Idem. Kievan Russia. N. Y., 1948; Idem. Russia at the Dawn of the Modern Age. New Haven, 1959.

84 Vetulani A. Nowe Zrodto do historii staropolskiego prawa malzenskiego // Gzasopismo prawno-historyczne. 1952. № IV; Roman S. Stanowisko majtkowe wdowy w

sredniowiecznym prawie polskim // *Ibidem*. 1953. N V; Polonskaja-Wasylenko N. Kniaginia Romanowaja Anna // *Wizwolnyi szljach*, 1. L., 1954. N 3. S. 57—64; Lesinsky B. Stanowisko kobiety w polskim prawie ziemskim do potowy XV w. Wroclaw, 1956; Szymczakowa A. Ksiazniczki russkie w Polsce XIII w. // *Zeszyty naukowe Uniwersitetu Lodzkiego*. Ser. 1. Z. 29. 1978. S. 25—42; Grala H. Drugie malzenstwo Romana Mscistawowicza // *Slavia Orientalis*. R. XXXI. Warszawa, 1982. N 3-4. S. 115-127.

85 Vogelsang T. Die Frau als Herrscherin in hohen Mittelalter. Gottingen, 1954; Claus C. Stellung der russischen Frau von der Einfuhrung des Christentums bei den Russen bis zu den Reformen Peters den GroBen. Miinchen, 1959. S. 44—46, 190—192.

86 Schin W. T. The Law of the Russian Peasant Household // *Slavic Review*. 1961. N 10; Eck A. La situation juridique de la femme nisse au Moyen Age // *Ibid*. 1962. N 12; Roman S. Le Statut de la femme dans l'Europe Orientale (Pologne et Russie) au Moyen Age et aux Temps modernes // *Recueils de la Societe Jean Bodin pour l'histoire comprative des institutions*. 1962. V. 12. P. 389-420.

87 Lazlett P. Household and Family in Past Time. Cambridge, 1972. P. 6-7.

88 Sandomirsky-Dunham V. The Strong-Woman Motif // *Transformation of Russian Society* / Ed. C. E. Black. Cambridge, 1960. P. 459—483.

89 Fedotov G. P. The Russian Religious Mind. P. 1 (Kievan Christianity); P. 2 (The Middle Ages). Cambridge (Mass.), 1966; Lederer W The Fear of Woman. N. Y., 1968.

90 Ouspensky L., Lossky V. The Meaning of Ikons. Boston, 1969, Reed C. P. A. The Rusalka Theme in Russian Literature: Diss Berkley, 1973; Glasse A. The Formidable Woman: Portrait and Original // *Russian Literature Triquarterly*. 1974 (Spring). N 9. P. 433—453.

91 Дюби Ж. Структура семьи в средневековой Западной Европе. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. 16—23 августа 1970 г. М., 1970; Aries Ph. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Regime. P., 1973; Flandnn J. L. Families: parente, maison, sexualite dans l'ancienne societe. P., 1976.

92 Woman in Russia: Changing Realities and Changing Perceptions May 29- June 1 (1975). Stanford, 1975.

93 McNally S. From Public Person to Private Prisoner: The Changing Place of Women in Medieval Russia. State University of N. Y. Binghamton diss. 1976. P. 2, 6—10, 133, 150, 192-193, 206.

94 Levy S. Woman in 16th Century Moscovy // *Midwest Slavic Conference*. May, 3, 1980. Papers. Cincinnati (Ohio), 1980. P. 2.

95 Atkinson D. Society and Sexes in the Russian Past // *Women in Russia* / Ed. by D. Atkinson. Stanford, 1977. P. 12-14; Kollman N. S. The Secklusion of Elite Moscomite Women // *Russian History*. 1983. V. 10. Part 2. P. 170-171.

96 Kiihn N. Die Ehetrennung in Kirchernrecht der Orthodoxen Kirchen des Byzantinischen Ritus // *Ostkirchliche Studien*. 1977. V. XXVI. S. 3-27.

97 Fossier R. La femme dans les societes occidentales // *Cahiers de civilisation medievale*. Poitiers, 1977. An. 20. N 2. P. 93; Verdon J. Les sources de l'histoire de la femme en Occident aux X—XIII s. // *Ibid*. P. 201—217; Arnaldes R. Statut juridique et sociologique de la femme en Islam// *Ibid*. P. 131-134.

98 Gieysztor A. La femme dans les civilisations de X—XIII s.: La femme en Europe Orientale // *Ibid*. P. 189-200.

99 XVe Congres international des sciences histonques. Rapports. T. 1. Budapest, 1980. P. 335-364; Untersuchungen zur Gesellschaftliche Stellung der Frau im Feodalismus // *Magdeburger Beitrage zur Stadtgeschichte*. 1981. Hf. 3.

100 Lewitter R. Women, Sainhood and Marriage in Moskovy // *Journal of russian Studies*. 1979. N 37. P. 3—13; Grossman J. D. Femine Images in Old Russian Literature and Art // *California Slavic Studies*, 1980. N XI. P. 33-70.

101 Levin E. Women in Medieval Nowgorod XV c Ph. diss. Indiana University. Bloomington, 1983.

102 Пушкарева Н. Л., Левина Е. (США). Женщины в средневековом Новгороде XI—XIII вв. // Вестник МГУ. Сер. История. 1983. № 3. С. 78—89; Levin E. Cannon Law and Sexual Practice in Medieval Orthodox Cannon Law // Central Slavic Conference. Papers. 19—20. October. 1984. Columbia (Mass.), 1984.

103 Levy S. Women in 16th Century Moscovy. Midwest Slavic Conference (3 May 1980). Cincinnati (Ohio), 1980; Eadem. Women and the Control of the Property in Sixteenth Century Moscovy // Russian History. 1983. V. 10. P. 2, 201-203; Thomas M. Managerial Roles in the Suzdal'skii Pokrovskii Convent during 17th Century // Ibid. 1980. V. 7. P. 1—2, 92—112; Eadem. Moscovite Convents in the 17th Century // Ibid. 1983. V. 10. P. 2, 230-242.

104 Hellie R. Slavery in Russia (1450—1725). Chicago, 1982; Idem. Women and Slavery in Moscovy // Russian History. 1983. V. 10. P. 2, 212-229.

105 Dewey H. Moscovite Judicial Textes 1488—1556 // Michigan Slavic Material. 1966. N 7. P. 52-73; Dewey H. W., Kleimola A. U. Muted Eulogy: Women, who Inspired Men in Medieval Rus' // Russian History. 1983. V. 10. P. 2, 188-201.

106 Kollman N. S. The Seclusion of Elite Moscovite Women // Russian History. 1983. V. 10. P. 170-188; Eadem. The Boyar Clan and Court Politics: The Founding of the Moscovite Political System // Cahiers du monde russe et sovietique. V. 23. N 1(1982). P. 5—31.

107 Goehrke C. Die Witwe im Alten Russland // 5. International Konferenz zur Geschichte des Moskauer Reiches. 28—31. August, 1984. Klaffenfurt (Osterreich), 1984. S. 10, 25

Приложение

Таблица 1. Распоряжение недвижимой собственностью женщинами привилегированного сословия (XIV—XV вв.)

Время	Вид грамоты *	Северо-Восточная Русь	Северо-Западная Русь, Север, Карелия	Южная и Юго-Западная Русь, в том числе в составе Велико-го княжества Литовского	Без указания территории	Итого
XIV в.	а	3	—	1	—	4
	б	—	—	10	—	10
	в	1	2	1	—	4
	г	—	—	—	—	—
<i>Итого...</i>		4	2	12	—	18
I половина XV в.	а	53	3	2	8	66
	б	10	4	5	—	19
	в	2	—	—	—	2
	г	—	—	5	—	5
<i>Итого...</i>		65	7	12	8	92
II половина XV в.	а	89	15	7	1	112
	б	11	6	6	2	25
	в	5	1	1	1	8
	г	1	—	2	—	3
<i>Итого...</i>		106	22	16	4	148
<i>Итого за XIV—XV вв.</i>		175	31	40	12	258

* а — дарные, жалованные, вкладные грамоты и упоминания о дарении недвижимости (182); б — купчие грамоты и упоминания о продаже земли женщинам (54); в — меновные, деловые, раздельные грамоты и упоминания об обмене и разделе земель (14); г — грамоты о залоге и закладе недвижимой собственности (8).

Таблица 2. Приобретение недвижимой собственности жепщинами привилегированного сословия (XIV—XV вв.)

Время	Вид сделки *	Северо-Восточная Русь	Северо-Западная Русь, Север, Каролия	Южная и Юго-Западная Русь, в том числе в составе Велико-го княжества Литовского	Без указания территории	Всего
XIV в.	а	1	—	1	—	2
	б	1	—	1	—	2
	в	3	—	—	—	3
	г	4	1	3	—	8
<i>Итого...</i>		9	1	5	—	15
I половина XV в.	а	4	—	—	—	4
	б	3	1	—	—	4
	в	4	—	—	—	4
	г	6	7	4	—	17
<i>Итого...</i>		17	8	4	—	29
II половина XV в.	а	4	3	3	—	10
	б	8	—	—	—	8
	в	14	—	—	—	14
	г	19	13	—	—	32
<i>Итого...</i>		45	16	3	—	64
<i>Итого за XIV—XV вв.</i>		71	25	12	—	108

* а — получение в дар, в качестве пожалования (16); б — покупка земельной собственности (14); в — получение недвижимости в качестве приездаго (21); г — получение недвижимости в качестве наследства (56).

Таблица 3. Права женщин привилегированного сословия на недвижимую собственность (XIV—XV вв.)

Время	Вид сделки *	Северо-Восточная Русь	Северо-Западная Русь, Север, Карелия	Южная и Юго-Западная Русь, в том числе в составе Великого княжества Литовского	Без указания территории	Всего
До XIV в. и XIV в.	а	3	—	1	—	4
	б	—	—	10	—	10
	в	1	2	1	—	4
	г	—	—	—	—	—
	д	1	—	1	—	2
	е	1	—	1	—	2
	ж	3	—	—	—	3
	з	4	1	3	—	8
	и	3	1	—	1	5
Итого...		16	4	17	1	38
I половина XV в.	а	52	3	2	8	65
	б	10	4	5	—	19
	в	2	—	—	—	2
	г	—	—	5	—	5
	д	4	—	—	—	4
	е	3	1	—	—	4
	ж	4	—	—	—	4
	з	6	7	4	—	17
	и	5	—	1	—	6
Итого...		86	15	17	8	126
II половина XV в.	а	89	15	7	1	112
	б	11	6	6	2	25
	в	5	1	1	1	8
	г	1	—	2	—	3
	д	4	3	3	—	10
е	8	—	—	—	8	

* а — пожалования и дарения земли (182); б — продажа земли (54); в — обмен, раздел земли (14); г — залог, вклад земли (8); д — получение в дар (16); е — покупка земли (14); ж — получение земли в качестве приданого (21); з — получение земельных наделов в наследство (56); и — упоминания о владении землей без указания вида распоряжения или приобретения (35). См.: АЮ. Т. I. № 71 (10). С. 115 (XIV—XV вв.); ЛДГ. № 5 (1367 г.), 7 (1374—1375 гг.), 89 (1504 г.), 95 (1504 г.); АЮЗР. Т. I. № 23 (1444 г.), 42 (1500 г.); АФЗХ. Ч. I. № 187 (1453 г.), 258 (1501 г.), 308 (1498 г.); Ч. II. № 2 (1477 г.); СГГД. Ч. I. № 140 (1504 г.); АЗР. Т. I. № 163 (1499 г.); ГВНП. № 3 (1270 г.), 117 (XV в.), 319 (XV в.); АСЭИ. Т. I. № 17 (1400—1410 гг.), 37 (1417 г.), 84 (1434 г.), 85 (1432—1445 гг.); Т. III. № 34 (1436 г.), 276 (1499 г.), 328 (1427—1456 гг.), 334 (1483 г.), 475 (1503 г.); Т. II. № 223 (1473 г.), 228 (1478 г.), 384 (1467 г.).

260

Продолжение

Время	Вид сделки *	Северо-Восточная Русь	Северо-Западная Русь, Север, Карелия	Южная и Юго-Западная Русь, в том числе в составе Великого княжества Литовского	Без указания территории	Всего
	ж	14	—	—	—	14
	з	18	13	—	—	31
	и	20	2	2	—	24
Итого...		170	40	21	4	235
Итого за XIV—XV вв.		272	59	55	13	399

Таблица 4. Владения Марфы Борецкой по описаниям НПК*

Пятина	Волости, погосты	Деревни	Дворы	Люди	Обж.
Деревская	в. Березовоц	67 (87)	222 (416)	239 (429)	282 (366)
	п. Хохловский	2 (2)	4 (3)	4 (3)	4 (3)
Бежецкая	п. Кострицкий	33 (33)	57 (68)	59 (85)	57 (80,6)
	в. Липца	15 (33)	49 (66)	89 (87)	27 (50,16)
	в. Усть-река	151 (154)	— (489)	— (624)	323 (770)
	Глинск	— (10)	— (15)	— (19)	—
Шелонская	Видемер	33 (44)	— (82)	— (117)	56 (85)
	п. Михайловский	— (—)	— (—)	— (—)	— (18)
	п. Дубровенский:				
	д. Подгрянье	— (1)	— (1)	— (1)	— (1)
	д. Струино	— (1)	— (2)	— (3)	— (1,5)
	д. Горка	— (1)	— (2)	— (2)	— (1,5)
	п. Рамышевский	— (—)	— (—)	— (—)	— (5)
	п. Опотский	— (1)	— (1)	— (1)	— (1,5)
	п. Струинский	— (—)	— (—)	— (—)	— (8)
	в. Победице	20 (20)	— (28)	— (52)	36 (34)
Вотская	п. Михайловский	— (3)	— (6)	— (10)	— (7)
	п. Никольский	214 (238)	247 (300)	484 (489)	278 (185)
Обонежская	п. Рождественский				
	в. Марфиньская	— (126)	— (231)	— (223)	— (118)
	в. Кондуши	— (39)	— (45)	— (22)	— (11)
	в. на Валтеге	— (78)	— (129)	— (127)	— (20,3)
	п. Никольский на Оште:				
	волость	(236)	(255)	(355)	(285)

Продолжение

Пятина	Волости, погосты	Деревни	Дворы	Люди	Обж.
	волость	— (127)	— (142)	— (88)	— (30,6)
	волостка	— (32)	— (46)	— (53)	— (2,6)
<i>Итого на основных территориях Новгородской земли...</i>		1266	2398	2790	2084,76
<i>Обонежская пятина (колонизованные в XV в. земли):</i>					
	п. Покровский	93	154	123	95
	п. Никольский на Пудоге	49	84	76	44
	п. Спасский в Кизжах				
	в. Ивашковская	5	16	18	4
	в. на Сенной	29	55	88	30,5
	п. Спасский на Выгоозере				
	в. Марфиньская	100	368	272	176,86
	п. Водлозерский на Вар-Селге	1	3	4	2
<i>Итого на колонизованных землях...</i>		277	680	581	352,36
<i>Всего во владениях:</i>					
	царя (XVI в.)	1543	3078	3371	2437,12
	Марфы (XV в., приблизительно)	1389	2247	2247	2315,26

* В круглых скобках приводятся данные по новому письму, что позволяет сделать вывод о приросте за полвека (с конца XV в. до 1576 г., когда составлялась ПК Обонежской пятины): деревень — на 10 %, дворов — на 27, людей — на 20,8, обж. — на 5 %. Например: количество деревень по старому письму — 369, по новому — 410; учитываются, естественно, лишь те деревни, по которым имеются данные в двух системах подсчета; количество по новому письму = 100 %. Зная общие данные по новому письму и вычислив прирост, можно определить размеры владений Марфы Борецкой во время ее конфликта с великим князем, хотя приблизительность расчетов несомненна.

Список сокращений

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. I. СПб., 1836.

АВК — Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов.

АИ — Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук Т. I. СПб., 1841.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1846; Т. II. СПб., 1848.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. Т. I. М., 1952; Т. II. М., 1954; Т. III. М., 1964.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV XVI вв. Ч. I. М., 1951; Ч. II. М., 1956; Ч. III. М., 1961.

АЮ — Акты юридические, или Собрание форм старинного дело производства. Изданы Археографической комиссией. Т. I—II. СПб., 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографической комиссией / Под ред. Н. В. Калачова Т. I. СПб., 1857.

АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, изданные Археографической комиссией / Под ред. Н. И. Костомарова. Т. I (1361-1598). СПб., 1863.

ВВ — Византийский временник.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической экспедицией Академии наук. Т. I. СПб. 1846.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XГУ-XУI вв. М.; Л., 1950.

ДРВ — Древняя Российская вифлиофика. Ч. XIII. М., 1790.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Книги законные — Книги законные, ими же годится всякое дол о исправляти всем православным князем. Русско-славянский перевод памятников византийского законодательства VIII—IX вв./ Публ. А. С. Павлова // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 38. № 3. СПб., 1858. С. 40-90.

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых несло дованиях Института истории материальной культуры АН СССР

ЛЗАН — Летопись занятий Археографической комиссии.

МДРПД — Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины / Изд. С. И. Смирнова. М., 1913: I — Особая редакции «Вопрошания Кирика»; II — «Некоторая заповедь» («Худой номоканунец»); III — Два правила монахам; IV — Написание митрополита Георгия русского и Феодоса; V — Заповеди клирикам, иереям, дяконам; VI — Правило иереям о соблазне во сне; VII (а, б, в) — «А се грехи...»; VIII — Правило с именем Максима; IX — Изложение правилом апостольским и отеческим; X — «От правил св. апостол...»; XI — Правило «Аще двоеженец...»; XIII — Правило о церковном устройении; XIV — Правило Ильи, архиепископа новгородского и белгородского епископа; XVIII — «О поповех службы ради...»; XIX — Заповедь ко исповедающимся сыном и дочерем; XX — Правило из Схоластиковой Кормчей; XXI — Заповедь «Аще епископ...»; XXII — От апостольских заповедей; XXIV — Покаяние XIV—XV вв.; XXV — Правило о верующих в гады; XXVI — Вопрошение апостольское; XXVII — Опитемы св. богоносных отец; XXVIII — о посте; XXX — Указ епитимьям; XXXII — Правило детям духовным о первой заповеди; XXXIV — Слово божественное о покаянии; XXXVII — Чин отпущения духовного сына; XXXVIII — Уставы о постах; XXXIX — Послание Иакова черноризца к ростовскому кн. Дмитрию Борисовичу; XL — Наказание отца духовного к сыну духовному о пьянстве; XLII — Поучение к детям духовным; XLIV — Поучение новобрачным детям; XLV — Четыре поучения духовника; XLVIII — Сб. Кирилло-Белозерского монастыря.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

НГБ (1951) — Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1951 г. М., 1953.

НГБ (1952) — Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1952 г. М., 1954.

НГБ (1953—1954) — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958.

НГБ (1955) — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1955 г. М., 1958.

НГБ (1956—1957) — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963.

НГБ (1958—1961) — Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1958-1961 гг. М., 1963.

НГБ (1961) — Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1961 г. М., 1963.

НГБ (1962—1976) — Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978.

НГБ (1977—1983) — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986.

НПГ — Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966.

НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. I. Писцовая книга Деревской пятины. СПб., 1859; Т. II. Писцовая книга Деревской пятины. Продолжение. СПб., 1862; Т. IV. Писцовая книга Шелонской пятины. СПб., 1886; Т. VI. Писцовая книга Бежецкой пятины. СПб., 1901.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук.

П-1, П-2, П-3, П-4 — «Пчела» по рукописям киевских библиотек. Опыт изучения и тексты С. А. Щегловой // Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXXV. СПб., 1910: 1 — «Пчела» по Украинскому списку Киевской духовной академии № 468 (Муз. 52); 2 — «Пчела» по спискам Киевской духовной академии № 531 (А), № 527 (В), № 105 (С), № 54 (Д); 3 — Отрывки из 68-главой «Пчелы» по рукописям киевского Михайловского монастыря (№ 493) и Киевской духовной академии (№ 530); 4 — отрывки «Пчел» русской редакции по рукописям Киевской духовной академии № 527 (л. 83-88), № 530 (л. 1-4, 4-6), № 527 (л. 109-112).

ПВЛ — Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой Перетц. Ч. 1-П. М.; Л., 1950.

ПДРЦУЛ — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. Вып. 2. СПб., 1896; Вып. 4. СПб., 1898.

ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980; XIII век. М., 1981.

ПРП — Памятники русского права. Вып. I. Памятники права Киевского государства. М., 1952; Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953; Вып. III. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. М., 1955; Вып. IV. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV—XVII вв. М., 1956.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846; Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843; Т. III. Новгородские летописи. СПб., 1841; Т. IV. Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848; Т. V. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851; Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853; Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856; Т. IX, X, XII. Никоновская летопись. СПб., 1862, 1885, 1902; Т. XIV. Новый летописец. СПб., 1910; Т. XVI. Летопись Авраамки. СПб., 1889; Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. 2 изд.: Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908; Т. IV. Ч. I. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915; Вып. 2. Л., 1925; Вып. 3. Л., 1929; Т. XV. Рогожский летописец. Вып. 1. Пг., 1922.

РБС — Русский биографический словарь.

РИБ — Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1908: 1 — канонические ответы митрополита Иоанна II (1080—1089 гг.); 2 — вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц (1130—1156 гг.); 4 — постановление Ильи, епископа новгородского, и неизвестного белоозерского епископа по двум случаям при совершении литургии (1164—1168 гг.); 9 — послание владимирского епископа к местному князю; 10 — поучение духовника ко

исповедающимся; 11 — заповедь епископам о хранении церковных правил; 12 — ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы саранского епископа Феогноста; 13 — правило митрополита Максима (1283—1305 гг.); 14 — росписание степеней родства и свойств, препятствующих браку; 18 — грамота митрополита Феогноста 1333 г.; 19 — грамота митрополита Алексея 1360 г.; 32 — ответы митрополита Киприана игумену Афанасию (1390—1405 гг.); 33 — послание митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных 1410 г.; 34 — грамота митрополита Фотия во Псков о соблюдении законоположений церковных; 41 — послание митрополита Фотия псковичам о соблюдении церковных законоположений... 1419 г.; 124 — вопросы и ответы о разных случаях пастырской практики; 134 — три святительские поучения духовенству и мирянам о разных предметах церковной дисциплины.

РО БАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР (Ленинград).

РО ГИМ — Рукописный отдел Государственного Исторического музея (Москва).

РО ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

СА — Журнал «Советская археология».

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии пространных дел. Ч. I М 1819.

СЭ — Журнал «Советская этнография».

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

Указатель имен^{*7}

Абу-Хамид ал-Гарнати, испано-арабский путешественник и купец 144

Авдотья *см.* Евдокия

Аедусина Г. А. 246

Авраамка, писец 266

Аврам Григорьев [ич], брат Федоры Григорьевой, двинский землевл. 127

Агафья, ж. кн. черниговского Михаила Всеволодовича, кнг. 92

Агафья-Кончака, д. хана Тохты, ж. кн. московского Юрия Даниловича, кнг. 47

Агафья Ростиславна, д. в. кн. киевского Ростислава-Михаила Мстиславича, в. кнж. 91

Агафья Святославна, д. кн. северского Святослава Игоревича, ж. польского кор. Конрада I, польская кор. 45, 66, 196, 199

Агмунда *см.* Анастасия Ярославна

Агриппина, ж. кн. рязанского Юрия Игоревича, мать кн. рязанского Федора Юрьевича, кнг. 40, 67

Агрофена (Огрофена) Васильевна, ур. Бабичева, ж. кн. рязанского Ивана Васильевича, кнг. 62, 232

Агрофена (Огрофена) Федоровна, знатн. новгородка, землевл. 130

Адальберт, еп., немецкий миссионер в русских землях 19

Адельгейда *см.* Евпраксия (Адельгейда) Всеволодовна

Адельгейда, сестра германского имп. Генриха IV, иг. 30

^{*7} В указателе приняты сокращения: архиеп.— архиепископ, архим.— архимандрит, библ.— библейский, в.—великая, великий, д.—дочь, еп.— епископ, ж.— жена, землевл.— землевладелец, землевладелица, знатн.— знатная, знатный, иг.— игумен, игуменья, имп.— император, кн.— князь, кнг.— княгиня, кнж.— княжна, кор.— королева, король, митр.— митрополит, м-рь — монастырь, с.—сын, преп.— преподобный, у.—уезд, ур.— урожденная.

Андреянова-Перетц В. П. 266
Азаревич Д. И. 250 Александр Свирский, преп. 229
Александр Казимирович Ягеллончик, в. кн. литовский 62, 64, 74, 75, 251
Александр Ярославич (Невский), с. в. кн. переяславского Ярослава II Всеволодовича, в. кн. новгородский и владимирский 4, 41
Александра, д. кнг. пинской Марии Семеновны 150
Александров В. А. 192, 252
Алексей, архиеп. Новгородский 151
Алексей, русский митр. 266
Алексей I Комнин (Комнен), византийский имп. 33, 217
Алексей Михайлович, царь 224
Алексеев К. 184, 233, 250
Алексеев Ю. Г. 192, 252
Алена Арзамасская (Темниковская) 184
Алмазов А. И. 184, 228, 230, 250
Альшуллер И. М. 185, 250
Анастасия см. Верхуслава
Анастасия, д. кн. верейского и белоозерского Михаила Андреевича, кнж. 128, 158, 162
Анастасия (Настасья), ж. боярина Федора Андреевича Старка-Серкизова, владелица земли в Дмитровском у., вкладчица 121
Анастасия (Настаска), наложница кн. галицкого Ярослава Владимировича Осмомысла 37, 149
Анастасия (Anastazja) Александровна, ж. польского кн. Болеслава Конрадовича 45, 219
Анастасия (Настасья) Михайловна, знатн. новгородка, землевл. 116-117
Анастасия (Агмунда) Ярославна, д. в. кн. Ярослава Владимировича Мудрого, ж. венгерского кор. Андрея I, венгерская кор. 22, 26, 27, 32, 196
Ангелов Микула, посольный дочери в. кн. Ивана III Васильевича в. кнг. литовской Елены Ивановны 65
Андрей I, венгерский кор. 26
Андрей Дмитриевич см. Монастырев
Анна, д. псковского своеземца Анцыпора 129
Анна (Янка), д. в. кн. киевского Всеволода Ярославича, в. кнж. 27, 28, 30
Анна, ж. в. кн. киевского Всеволода Ярославича, в. кнг. киевская 32, 67
Анна, ж. в. кн. галицкого Романа Мстиславича, кнг. «Романова» 38, 43, 199, 240, 255
Анна, знатн. новгородка, ростовщица 96, 114
Анна, новгородская своеземица 116
Анна, ж. кн. кемского Федора Давыдовича, кнг. 150
Анна-Агнесса см. Анна Ярославна
Анна Васильевна, д. в. кн. московского Василия II Васильевича (Темного), в. кнг. рязанская 51, 56, 61, 62, 66, 168, 221, 232
Анна Дмитриевна, д. кн. ростовского Дмитрия Борисовича, ж. кн. тверского Михаила Ярославича, кнг. 47, 67, 89
Анна Комнина (Комнена), византийская принцесса, хронистка 33
Анна Ногаевна, д. ордынского хана Ногая, вторая ж. кн. ярославского Федора Ростиславича, кнг. 46
Анна Радивонкова, землевл., контрагент сделки 121
Анна Романовна, византийская принцесса, ж. в. кн. киевского Владимира Святославича, в. кнг. киевская 20—21, 66, 215

Анна-Агнесса, жена Ярослава, д. в. кн. киевского Ярослава Владимировича Мудрого, ж. французского кор. Генриха I, французская кор. 22—25, 27, 186, 195, 196, 203, 215, 216, 251

Андреев В. Ф. 242

Андрей, апостол 173

Андрей II, венгерский кор. 38

Андрей Федорович, с. кн. Федора Ивановича, кн. стародубский 48

Андріяшев А. М. 239

Антоний, еп. новгородский 215

Антоний, монах Киево-Печерского м-ря 22

Антонович В. 239

Ариньон Ж. П. 215

Аристов Н. 178, 179, 182, 242, 244, 248, 249

Аристотель, греческий философ 40

Арнольде Р. (Arnoldes R.) 203, 256

Артынов А. 48

Арциховский А. В. 156, 191, 194, 218, 241-243, 246, 247, 265

Аткинсон Д. (Atkinson D.) 202, 256

Афанасий, иг. 266

Афанасий (Офонасий) Степанович, знатн. новгородец 151

Афанасьев А. Н. 246

Ахав (библ.), израильский царь 54

Ахмат, хан Золотой Орды 52, 58

Бабишин С. Д. 194, 254

Бабкина Наталья, знатн. новгородка, землевл. 135

Базилевич К. В. 246

Баламутова Ульяна, землевл. 120

Барсов Т. В. 185, 250

Батый, ордынский хан 40 — 41, 89, 219

Баумгартен Н. (Baumgarten N.) 27, 216, 218

Безбородое М. А. 194, 246, 254

Бела I, венгерский кор. 26

Бела III, венгерский кор. 36

Беляев И. Д. 180, 233, 249

Бердников И. С. 226

Бережков М. Н. 221, 251

Беренгар II, итальянский кор. 17

Берман Б. И. 253

Берсень-Беклемишев Иван Никитич, сын боярский 59, 221

Бессмертный Ю. Л. 193, 253

Бобринский А. А. 244, 251

Богдан, племянник ж. Олизара Шиловича Федки 151

Богданов А. П. 247

Богоявленский Н. А. 218

Божин, новгородский боярин 52

Боку Ж. 203

Болеслав, с. кн. куявского Конрада Казимировича, кн. мазовецкий 45

Болеслав I Храбрый, польский кор. 22, 71

Болеслав II Смелый (Щедрый), польский кор. 27

Болеслав III Кривоустый, польский кор. 42

Болеслав V Стыдливый (Скромный), польский кор. 43—45

- Борецкая Марфа Исакова ж., новгородская «посадница» 3, 4, 52-55, 68, 102, 118, 119, 136, 176, 177, 183, 220, 239, 240, 248, 262
- Борецкий Дмитрий Исакович, новгородский боярин, с. Марфы Борецкой 55
- Борецкий Исаак Андреевич, новгородский посадник 52
- Борис Александрович, с. в. кн. тверского Александра Ивановича, в. кн. тверской 75
- Борис Васильевич, с. в. кн. московского Василия II Васильевича, кн. волоцкий 99, 120
- Борис Васильевич, с. кн. ростовского Василька Константиновича, кн. ростовский 40, 41
- Борис Владимирович, с. в. кн. киевского Владимира Святославича, кн. ростовский 22
- Борис Коломянович (Кальманович; Bogys Kolomanowicz), венгерский кор. 251, 255
- Борисов Н. С.* 10
- «Борисова», кнг. см. Ульяна Михайловна
- Борковский В. И.* 265
- Бочкарев В. Я.* 213
- Брокгауз Ф. А.* 233
- Брячислав, кн. полоцкий 34
- Будовниц И. У.* 219
- Булгар Е.* 250
- Буслаев Ф. И.* 224
- Валиконите И. М.* 193, 253
- Валк С. Н.* 238
- Валуа де Рауль де Крепи, граф 24, 25
- Вальсамон, византийский хронист 34
- Варвара, ж. Герваса, владелица сел 125
- Варвара, черница см. Василиса (в монашестве Варвара)
- Варлаам, иг. XIII в. 99
- Варлаам Важский, преп. 220
- Василев К.* 228
- Василий, иг. Николаевского м-ря 151
- Василий, новгородец, покупатель земли 238
- Василий Всеволодович, с. кн. Всеволода (-Ивана) Константиновича, кн. ярославский 46
- Василий Михайлович, с. верей-ского и белоозерского кн. Михаила Андреевича 59
- Василий I Дмитриевич, с. в. кн. московского Дмитрия Ивановича Донского, в. кн. московский 49, 89, 99, 120, 124, 131, 141, 150, 168
- Василий II Васильевич (Темный), с. в. кн. московского Василия I Дмитриевича, в. кн. московский 49—51, 61, 66, 89, 99, 120, 121
- Василий III Иванович, с. в. кн. московского Ивана III Васильевича, в. кн. московский 60, 65, 77
- Василий Охридский, византийский проповедник 218
- Василий Федорович, внук Марфы и Исаака Андреевича Борецких, сын боярский 55
- Василий Юрьевич (Косой), с. кн. 270
- Юрия Дмитриевича, кн. звенигородский 50
- Василий Яковлевич, с. Марфы и Якова Ивановича Румянцевых, землевл. 127
- Василиса (в монашестве Варвара), ж. Василия Евдокимовича, владелица земли в Гороховецком у., вкладчица 151
- Василиса, кнг., черница 157
- Василиса Семеновна, кнг. кашинская 168
- Василиска, грамотная женщина XV в. 216

Васильев Мина, новгородец, своеземец 115
Васильев Фома, новгородский своеземец 117
Васильевский В. Г. 218
Василько Константинович, с. кн. ростовского Константина Васильевича 40, 41
Василько (Василий) Романович, с. кн. галицкого Романа Мстиславича, кн. волынский 240
Василько Ростиславич, с. кн. тмутараканского Ростислава Владимировича, кн. тере-бовльский и перемышльский 32
«Васильковна», д. Василька Рогволодовича полоцкого, ж. кн. черниговского Святослава Всеволодовича (Ольговича), кнг. 72
Вахрос И. 194, 247, 254
Вебер М. (Weber M.) 196, 255
Вейнберг Л. Б. 221
Вергилий, римский поэт 39, 40
Вердон Ж. (Verdon J.) 203, 256
Вернадский Г. В. (Vernadsky G. V.) 198, 255
Верхуслава, сноха кн. овручского Рюрика Ростиславича 228
Верхуслава (Анастасия), д. в. кн. владимирского Всеволода III Юрьевича, ж. в. кн. киевского Ростислава Рюриковича, в. кнг. киевская 39, 75, 91
Веселовский С. Б. 190, 252
Ветуляни А. (Vetulani A.) 198, 255
Виноградов П. П. 134
Витов М. В. 239
Витовт Кейстутович, в. кн. литовский 49
Владимир Андреевич Храбрый, с. кн. боровского Андрея Ивановича, кн. серпуховской и боровский 48, 99
Владимир (-Иван) Василькович, с. кн. Василия Романовича, кн. волынский 39, 89, 116, 168, 231
Владимир (Владимирко) Володаревич, с. кн. Владимира (Володаря) Ростиславича, кп. галицкий 35
Владимир Всеволодович Мономах, с. в. кн. киевского Всеволода Ярославича, в. кн. киевский 32, 33, 35 — 37, 83, 149
Владимир Святославич, с. в. кн. киевского Святослава Игоревича, в. кн. киевский 20—22, 72, 92, 106, 212, 222, 229, 233, 252
Владимарский-Буданов М. Ф. 113, 142, 234, 235, 237, 240
Владислав II, чешский кор. 35
Владислав II Болеславич, польский кн. 43
Владислав Ласконогий, кн. познанский, гнезненский и краковский 44
Вольфсон С. Я. 189, 190, 251
Воронин Н. Н. 37, 214, 218, 247
Воронцова Фетинья, ж. Андриана Воронцова, продавщица земли в Радонеже 122
Всеволод (-Гаврила) Мстиславич, с. в. кн. киевского Мстислава Владимировича, кн. новгородский и псковский 21, 212, 235
Всеволод Ольгович, с. кн. черниговского Олега-Михаила Святославича, кн. киевский и черниговский 37, 72, 91
Всеволод (-Андрей) Ярославич, с. в. кн. киевского Ярослава Владимировича Мудрого, в. кн. киевский 27, 29—32
Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, с. в. кн. владимирского Юрия Владимировича Долгорукого, в. кн. владимирский 39, 114, 140, 228
«Всеволожая», ж. кн. новгородского и псковского Всеволода Мстиславича, кнг. 21, 66
«Всеволожая», покупательница земли Волновой см. Мария Мстиславна

- Всеволожский Иван Дмитриевич, с. Дмитрия Александровича Всеволожского, московский боярин 49, 50
Выголов В. П. 221
Высоцкий Н. Ф. 251
Высоцкий С. А. 213, 230, 235
- Гаазе Ф. (Haase F.)* 197, 255
Гаген-Торн Н. И. 245
Гален Клавдий, римский медик 40
Галл Аноним, польский хронист 27
Гаральд (Харальд) III Сигурдсон Грозный (Суровый), норвежский кор. 26, 216
Гаркави А. Я. 222, 243, 244
Геза I, венгерский кор. 27
Геза II, венгерский кор. 34, 35
Гейман В. Г. 236
Гейштор А. (Gieysztor A.) 203, 256
Гельмольд из Альтенбурга, немецкий хронист 34, 68, 218
Генрих I, французский кор. 23, 24, 195
Генрих IV (Heinrich IV), германский имп. 30—32, 217, 255
Генрих Бородатый, польский и силезский кн. 44
Генрих Длинный Штаденский, маркграф Северной Саксонии 30
Георгий, митр. 212, 265
Герберштейн Сигизмунд, австрийский посол при дворе Ивана IV 68, 221
Герке К. (Goehrke C.) 207, 257
Геронтий, старец Троице-Сергиева м-ря 152
Гертруда (Олисава, Елизавета), ж. кн. Изяслава Ярославича, польская кнж. 29, 217
Герцен А. И. 55, 220
Гильфердинг А. Ф. 213
Глазырина Г. В. 216
Гласе А. (Glasse A.) 200, 204, 256
Глеб Василькович, с. кн. ростовского Василька Константиновича, кн. белоозерский и ростовский 40
Глеб-Роман Владимирович, с. в. кн. киевского Владимира Святославича, кн. муромский 22
Глеб Всеславич, с. кн. полоцкого Всеслава Брючиславича, кн. минский и полоцкий 245
Годунова Ксения, д. царя Бориса Годунова, царевна 206
Голтяева Акулина, ж. боярина Андрея Федоровича Голтяева, вкладчица 118, 120
Голубинский Е. Е. 212, 214, 215, 218, 225
Голубовский П. В. 251
Гомер (Омир), греческий поэт 40
Городислава, сестра кнг. полоцкой Предславы Святославым (Евфросиньи полоцкой), кнж. 28
Горский А. Д. 10
Горчаков М. И. 75, 184, 223, 224, 250
Горшков Иосиф (Есип) Андреевич, новгородский посадник 54
Горшкова Евфимия, ж. Е. А. Горшкова, знатная новгородка 54
Горюнов Е. А. 226
Гостята, новгородка 229
Готье Савейр, еп. из Мо, французский посол на Русь 23
Граля И. (Grala H.) 10, 199, 218, 255
Греков Б. Д. 190, 192, 212, 226, 233, 252

- Гремислава Ингваровна, д. кн. луцкого Ингвара Ярославича, ж. кн. краковского Лешека Вялого, регентша Малой Польши 43-44, 66
- Григорий, дьякон, переписчик Остромирова евангелия 29
- Григорий, инок, переписчик жития Евфросиньи суздальской 213
- Григорий VII, папа римский 29
- Григорьев Иван, новгородский боярин 53
- Григорьева Анастасия (Настасья), ж. Ивана Григорьева, новгородская боярыня 52, 53, 55, 91, 135
- Гринкова Н. П.* 194, 254
- Гриценко З. А.* 213
- Гроссе Е. (Grosse E.)* 196, 197, 255
- Гроссман Ж. Д. (Grossman J. D.)* 203-204, 256
- Грот К. Я.* 218, 251
- Грунский Н. К.* 249
- Губе И.* 180, 248, 249
- Гусев Владимир Елизарович, сын боярский 59, 60
- Гущин А. С.* 191, 246, 252
- Давыд Ростиславич, с. кн. Ростислава Мстиславича, кн. смоленский 38, 223
- Давыд Святославич, с. кн. черниговского Святослава Ярославича, кн. черниговский 32
- Давыд Федорович, с. кн. смоленского и ярославского Федора Ростиславича, кн. ярославский 46
- Давыжая, новгородская своеземица 116
- Далида (Далила), филистимлянка (библ.) 54, 55
- Даниил, иг., автор «Хождения» 215
- Даниил, митр, московский и всея Руси 84
- Даниил Заточник, древнерусский писатель 100, 165, 213, 218, 245
- Даниил Романович, с. кн. галиц-кого Романа Мстиславича, кн. галицкий 38, 44, 45, 240
- Даниил Русанович, боярин 117
- Данило, митр-чий поселский 152
- Данилова Г. М.* 193, 253
- Даркевич В. П.* 246, 247
- Дарья Андреевна, д. кн. стародубского Андрея Федоровича, кнж. 48
- Дебольский Н. Н.* 180, 233, 234, 237, 239, 249
- Делатор, цесарский посол на Русь в XV в. 57
- Дитрих М. Н.* 185, 186, 218, 250
- Длугош Ян (Dlugossii J.), польский хронист 27, 216
- Дмитрий Борисович, с. кн. ростовского Бориса Васильевича, кн. ростовский 265
- Дмитрий Иванович Донской, с. в. кн. московского Ивана II Ивановича, в. кн. московский 4, 48, 49, 59-61, 99, 120, 151, 170, 171, 227, 245
- Дмитрий Юрьевич Красный, с. кн. Юрия Дмитриевича, кн. бежецкий и галицкий 123
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, с. кн. Юрия Дмитриевича, кл. галицкий 50
- Добродея-Евпраксия-Зоя Мстиславна, д. в. кн. киевского Мстислава Владимировича, византийская имп. 33—34, 37, 217
- Добронега (Доброгнева) см. Мария (Добронега)
- Добрыня Ядрейкович, новгородский паломник 19
- Добряков А. В.* 181, 182, 249
- Довнар-Запольский М. В.* 222, 237
- Долгеньева Василиса, ж. Кузьмы Долгеньева, владелица земли в Рузском у. 121

Долмат, с. Мавры Румянцевой 127
Домникея, ж. кн. черниговского, кнг. 40
Дубакин Д. Н. 184, 223, 226, 242, 250
Дуглас М. 206
Дуи Х. В. (*Dewey H. W.*) 205, 206, 257
Дюби Ж. 256

Евдокия (Авдотья, Овдотья), старица, теща Ивана Константиновича Добрынского 151

Евдокия Дмитриевна, д. кн. суздальского Дмитрия Константиновича, ж. в. кн. московского Дмитрия Ивановича Донского, в. кнг. московская 99, 119, 131

Евдокия Яковлева, новгородская своеземица 121

Евдоксия, ж. византийского имп. Константина X Дуки 54—55

Евпраксия, ж. кн. рязанского Федора Юрьевича, кнг. 40, 92

Евпраксия (Адельгейда) Всеволодовна, д. в. кн. киевского Всеволода Ярославича, ж. германского имп. Генриха IV 27, 30, 32, 186, 196, 217, 251

Евпраксия Мстиславна *см.* Добродея-Евпраксия-Зоя Мстиславна

Евпраксия Рогволодолия, д. псковского боярина, ж. кн. псковского Ярослава Владимировича, кнг. 146, 231

Евфимия, великомученица 226

Евфимия (Офимия), «Стефанова жена», землевл. 124

Евфимия Владимировна, ж. венгерского кор. Кальмана, венгерская кор. 33, 251

Евфросинья, кнг., землевл. 150

Евфросинья (Предслава), д. кн. полоцкого Святослава Всеволодовича, кнж. 36, 37, 200, 213, 216, 218, 226

Евфросинья (Феодулия), д. кн. черниговского Михаила Всеволодовича, прен.суздальская 30, 39, 92, 213, 216-218

Евфросинья-Измарагд, д. кн. Ростислава-Михаила Рюриковича, кнж. 231

Евфросинья Мстиславна, д. кн. киевского Мстислава Владимировича, ж. венгерского кор. Гезы I, венгерская кор. 34—36, 186

Егберт, архиеп. Трирский, владелец псалтыри 244

Елена *см.* Ольга, в. кнг.

Елена, мать византийского имп. Константина I 18—19

Елена (Олена), ж. в. кн. московского Ивана Даниловича Калиты, в. кнг. московская 115, 168

Елена Васильевна, ур. Глинская, ж. в. кн. московского Василия III Ивановича, в. кнг. московская 77

Елена Всеволодовна, д. в. кн. владимирского Всеволода III Юрьевича, в. кнж. 114

Елена Ивановна, д. в. кн. московского Ивана III Васильевича, ж. в. кн. литовского Александра Казимировича, польская кор. 62—67, 74—75, 127, 186, 221, 222

Елена Ольгердовна (в монашестве Евпраксия), д. в. кн. литовского Ольгерда Гедиминовича, ж. кн. серпуховского Владимира Андреевича Храброго, кнг. 48, 50

Елена Ростиславна, д. кн. перемышльского Ростислава Владимировича, ж. польского кор. Казимира II Сираведливого, польская кор. 43, 44, 211

Елена Стефановна (Волошанка), д. господаря молдавского Стефана IV, ж. в. кн. тверского Ивана Ивановича Молодого, в. кнг. тверская 56, 59-61

Елизавета *см.* Гортруда-Олисава-Елизавета

Елизавета Ярославна, д. в. кн. киевского Ярослава Владимировича, ж. норвежского кор. Гаральда III Грозного, норвежская кор. 22, 25, 27

Елизар (Олизар) Шилович, знатн. новгородец 151

Елнет Е. (*Elnet K.*) 197, 255

Есиповы, новгородские бояре 53

Ефименко А. Я. 185, 250
Ефрон И. А. 233
Ешевский С. В. 184, 250

125 Жабина Елена (Олена) Владимировна, ж. подьячего Владимира Каликина, землевл.

Жекулина В. И. 224
Желобовский А. И. 182, 249
Жуковская Л. П. 216
Журжалина Н. П. 194, 226, 254

Забелин И. Е. 178, 182, 213, 248, 249
Завид, новгородец 241
Загоровский А. И. 184, 222, 250
Закс В. А. 241
Зализняк А. А. 265
Зарубин Н. Н. 213

Захарец, холоп Ивана Федоровича Новокщенова 73
Звенислава, сестра полоцкой кнг. Предславы Святославны (Евфросиньи полоцкой),
кнж. 28

Зеленин Д. К. 245
Земовит, с. польского кор. Конрада I 45
Зимин А. А. 141, 221, 223, 234, 240
Зотов Р. В. 244
Зосима, преп. иг. соловецкий 53
Зыбин Ю. П. 194, 254

Ибн-Фадлан, арабский путешественник и писатель 158, 167, 244, 246
Иван, с. кнг. волоцкой Ульяны Михайловны, ур. Холмской 166
Иван Борисович, с. кн. волоцкого Бориса Васильевича, кн. волоцкий 126, 131
Иван III Васильевич, с. в. кн. московского Василия II Васильевича, в. кн.
московский 51, 54-64, 74, 75, 127, 152, 186, 220

Иван IV Васильевич Грозный, с. в. кн. Василия III Васильевича, царь 57
Иван Данилович Калита, с. в. кн. московского Даниила Александровича, в. кн.
московский 4, 115, 133, 162, 168, 231
Иван Иванович Молодой, с. в. кн. московского Ивана III Васильевича, в. кн.
тверской 59

Иван Федорович (в монашестве Иона), с. кн. Федора Олеговича, кн. рязанский 61
Иванищев Н. Д. 248
Ивановский А. А. 249

Игнат, послух в брачной рядной 74
Игорь (Старый), в. кн. киевский 12-15, 71
Игорь Святославич, с. кн. новгород-северского Святослава Олеговича, кн.
новгород-северский 45

Иезавель (библ.), израильская царица 54
Исюмова С. А. 194, 247, 254

Изяслав Мстиславич, с. в. кн. киевского Мстислава Владимировича, кн. волынский,
в. кн. киевский 35

Иконников В. С. 218, 250
Илья (Илия), архиеп. новгородский 265
Ингвар Ярославич, с. кн. луцко-го Ярослава Изяславича, кн. луцкий 43

- Иигеборг Мстиславна, д. в. кн. киевского Мстислава Владимировича, ж. кор. бодричей Кнута Лаварда, кор. 34, 37
- Ингигерда см. Ирина (Ингигер-Да)
- Иоанн II, митр, киевский 27, 81, 212, 222, 260
- Иоанн II Комнин, византийский имп. 30
- Иоахим, архим. Чудова м-ря 117
- Иона, митр, московский 98
- Иона, архиеп. новгородский и псковский 54
- Ирина, византийская придворная (севастокриторисса) 33, 218
- Ирина, иг. суздальского Александровского м-ря 122
- Ирина, ж. в. кн. киевского Святослава Изяславича, в. кнг. киевская 37
- Ирина, ж. кн. Семена Романовича переяславского, ур. Бужарова, кнг. 124
- Ирина (Ингигерда), д. норвежского короля Олафа, ж. в. кн. киевского Ярослава Владимировича Мудрого, в. кнг. киевская 22
- Ирина (Орина), внучка Юрия Онцыфоровича, новгородская своеземица 116
- Ирина (Орина) Олексеевна, ж. Игнатова, жаловательница земли 121
- Ирина Ольгова, ж. Климента Никитича, владелица земли в Костромском у. 117
- Искусеви, посол в. кнг. Ольги в Константинополь 13
- Иулиана см. Ульяна
- Иштван 111, с. Евфросиньи Мстиславны, венгерский герцог 35
- Кавелин К. Д.* 181, 249
- Казакова Н. А.* 225
- Казимир (Казимер) Василий, новгородский посадник 55
- Казимир Восстановитель, польский кор. 26—27, 54
- Казимир II Справедливый (Kazimierz II Sprawiedliwy), польский кор. 43, 219
- Кайдаш С. Н.* 216, 219, 220
- Кайзер Д. (Kaiser D.)* 207
- Каницар, посол кнг. Предславы в Константинополь 13
- Карамзин Н. М.* 25, 33, 55, 177, 220, 244, 248
- Каргер М. К.* 215, 243
- Карл Великий, франкский имп. 24
- Карпини Иоанн де Плано, архиеп. антиварийский, папский посол 41, 219
- Карпов Г. Ф.* 251
- Каштанов С. М.* 221
- Кашуба М. В.* 253
- Ке де Септ-Амур* 251, 254
- Кий, первый славянский кн. 11
- Киликия, ж. в. кн. киевского Святослава Ярославича, в. кнг. киевская 158, 173
- Киприан, митр. 98, 246, 266
- Киреевский П. В.* 231
- Кирик, черноризец, domestik новгородского Антониева м-ря 78, 91, 95, 106, 212, 253, 265, 266
- Кирхнер М. (Kirchner M.)* 30, 217
- Клаус К. (Claus C.)* 199, 202, 205, 255
- Клеймола А. М. (Kleimola A. M.)* 205-207, 257
- Клейн В.* 244
- Климент, новгородец, автор духовной XIII в. 99
- Ключевский В. О.* 182, 213, 249
- Кнут Лавард, датский принц, кор. бодричей 34
- Кобрин В. Б.* 2, 10
- Ковалев Н. К.* 189, 251

- Ковалевский А. П.* 246
Козаченко А. И. 192, 224, 252
Колльман Н. С. (Kollman N. S.) 205-207, 256, 257
Коломан (Кальман), венгерский кор. 33
Колчин Б. А. 247
Колычева Е. И. 223
Кондаков Н. П. 159, 244, 245, 247, 251
Конрад, с. германского имп. Генриха IV 31
Конрад I (Konrad I), с. Казимира II Справедливого, польский и мазовецкий кор. 43, 45, 217, 219, 255
Константин I Великий, византийский имп. 18—19
Константин VII Багрянородный (Constantin Porphyrogeneti), византийский имп. 16—19, 214
Константин XI Дука (Старший), византийский имп. 27, 56
Константин Всеволодович, с. в. кн. Всеволода III Юрьевича, в. кн. владимиросуздалский 97
Константин Федорович, с. кн. ярославского и смоленского Федора Ростиславича (Черного), кн. ярославский 46
Копанев А. И. 192, 252
Корзухина Г. Ф. 246
Коробов (Иван?), с. Новгородского посадского, Новгородский боярин 55
Корсунский А. Р. 234
Корякина Мавра, ж. Андреи Юрьевича Корякина, владелица земли 125
Косвен М. О. 192, 226, 252
Костомаров Н. И. 78, 178, 224, 248
Костыгина Авдотья Ивановна, «девка вольная» И. Ф. Новокщенова 73
Котошихин Григорий Карпович, подьячий Посольского приказа 224
Кочин Г. Е. 238
Круг Ф. (Krug P.) 217, 251
Ксения, знатн. новгородка 96
Ксения, ж. кн. ярославского Василия Всеволодовича, кнг. 46, 99-100
Ксения (Мстиславна?), ж. кн. полоцкого Брючислава Давидовича (Борисовича?), кнг. 33
Ксения (Оксинья) Юрьевна, д. кн. тарусского Юрия Михайловича, ж. кн. тверского Ярослава Ярославича, кнг. 40, 47, 67, 114
Кудь Л. Н. 187
Кузьмин А. Г. 221
Курбский Андрей Михайлович, кн. 59, 221
Кучкин В. А. 10
Кушелев-Безбородко Г. Г. 242
- Лазутка С.* 193, 253
Ламберт Ашафенбургский, немецкий хронист 23
Ланге О. 180, 237, 240, 248, 249
Лануа де Гильбер (Lanno G.), фландрский рыцарь 164, 245
Лаппо-Данилевский А. С. 233
Латышева Г. П. 245, 247
Лебедева Н. И. 243
Лев Дьякон Калойский, византийский хронист 14, 214
Левашева В. П. 194, 243-247, 254
Леву С. (Lewey S.) 204, 205, 256
Левина Е. (Levin E.) 204, 205, 207, 242, 256

Левинсон- Нечаева М. Н. 194, 243, 244, 253, 254
Левиттер Р. (Lewitter П.) 203, 256
Левацкий Т. (Lewicki Т.) 144, 241
Ледерер В. (Lederer W.) 200, 256
Ленин В. И. 188, 189
Лешек Вялый (Лешко Белый), кн. сандомирский и краковский 43, 45
Лещенко В. Ю. 193, 253
Лециньский Б. (Lesinsky В.) 198, 222, 234, 240, 242, 255
Лимонов Ю. А. 220
Липишц Е. Д. 212, 223
Литаврин Г. Г. 214, 215, 218
Лиутпранд, еп., кремонский хронист 17
Лихачев Д. С. 42, 193, 214, 219, 228, 229
Лихачев Н. П. 223
Лихачева Е. О. 186, 216, 251
Лобанов-Ростовский А. Б. (Lobanoff de Rostoff А.) 195, 196, 254
Лопарев Х. М. 218, 251
Лосский В. (Lossky V.) 200, 256
Лошинские, новгородские бояре 52
Лукина Г. Н. 245
Лурье Я. С. 221, 225
Лыбедь, сестра первых славянских князей 11
Львова З. А. 194, 246, 247, 254
Людовик VII, французский кор. 35

Мавродин В. В. 214, 215
Мазовша, ханский царевич 51
Макарий, митр.; историк русской церкви 222
МакНелли С. (McNally S.) 201, 202, 205, 256
Максим, митр. 47, 265, 266
Мал, кн. древлянский 13
Малуша, ключница в. кнг. Ольги, мать в. кн. киевского Владимира Святославича 21, 229
Малфрид Мстиславна, ж. норвежского кор. Сигурда I, затем датского кор. Эриха Эмуна 34
Мамай, ордынский хан 47, 48
Мануил Комнин, византийский имп. 34, 35
Марасинова Л. М. 265
Мария, д. кн. Мстислава Мстиславича Удалого, ж. венгерского кор. Андрея I, венгерская кор. 235
Мария, д. кн. Семена Александровича, ж. кн. Федора Ярославича, кнг. пинская 150
Мария, д. чешского кн. Шварна (Щварна), ж. в. кн. Всеволода III Юрьевича, мать Верхуславы Всеволодовны 29, 37, 114
Мария, мать Василия Евдокимовича, владелица земли в Гороховском (?) у. 151
Мария, мать в. кн. киевского Владимира Всеволодовича Мономаха и в. кнж. Анны (Янки) Всеволодовны 37
Мария, «подружья» знатн. новгородца Офонасья Степановича 151
Мария Александровна, д. в. кн. тверского Александра Михайловича, ж. в. кн. московского Семена Ивановича Гордого, в монашестве Феотинья 134, 239
Мария Борисовна, д. в. кн. тверского Бориса Александровича, ж. в. кн. московского Ивана III Васильевича, в. кнг. московская 59

- Мария Васильевна, д. кн. ярославского Василия Всеволодовича, ж. кн. можайского Федора Ростиславича, кнг. 46
- Мария Добронега (Доброгнева?) Владимировна, д. в. кн. Владимира Святославича, ж. польского кор. Казимира I Мниха, польская кор. 27
- Мария Михайловна, д. кн. черниговского Михаила Всеволодовича, ж. кн. ростовского Василька Константиновича, кнг. 40-42, 68
- Мария Мстиславна, ж. кн. Всеволода Ольговича, кнг. «Всеволожая» 116, 235
- Мария Святополковна, д. в. кн. киевского Святополка (-Михаила) Изяславича, ж. силезского магната Петра Властовича 42, 43
- Мария (в монашестве Марфа) Ярославна, д. кн. серпуховского Ярослава Владимировича, ж. в. кн. московского Василия II Васильевича 50—52, 54, 58, 89, 120, 152, 239
- Маркс К.* 3, 15, 119, 188, 189, 212, 220, 221, 226, 228, 232, 236, 242, 251
- Марфа, в. кнг. см. Мария Ярославна
- Марья, д. в. кн. московского Ивана Даниловича Калиты, ж. кн. ростовского Константина Васильевича, кнг. 162
- Марья, д. Олизара Шиловича, ж. кн. Семена Ровенского, кнг. 151
- Марья, ж. («подружья») Яна Вышатича, киевского боярина 89
- Маслова Г. С.* 243, 244
- Матрена, новгородка, послух 151
- Маясова И. А.* 221
- Медынцева А. А.* 194, 213, 254
- Мезере де Ф. (Meseray P.)* 23, 216
- Мейчик Д. М.* 242.
- Мелентий, новгородец, покупатель земли 151
- Мельников Е. И.* 215
- Мельников Н. (Melnikow N.)* 196, 255
- Мешко III Старый, кн. велико-польский и краковский 43
- Микифор, новгородец, своеземец 116
- Мильтон Джон, английский поэт и историк 58, 220
- Минаев Д. И.* 249
- Мирославская А. Н.* 253
- Мирославские, новгородский боярский род 53
- Мисаил, иг. новгородский 163
- Михаил Андреевич, с. кн. можайского Андрея Дмитриевича, кн. верейский и белоозерский 128, 158, 160, 162, 164, 165, 168, 245
- Михаил Всеволодович, с. кн. Всеволода Святославича Черного, кн. черниговский 40, 41, 92
- Михаил Федорович, с. кн. можайского Федора Ростиславича, ярославский княжич 46
- Михаил Ярославич, с. кн. Ярослава Ярославича, в. кн. тверской 40, 47, 48, 89
- Моисей, венгр (угрин), монах Киево-Печерского м-ря 22, 215
- Монастырев Андрей Дмитриевич, боярин белоозерского кн. Михайла Андреевича 124
- Монгайт А. Л.* 243, 245, 247
- Мордовцев Д. Я.* 182, 249
- Морозова (ур. Соковнина) Феодосия Прокопиевна, боярыня 206
- Морошкин М. Я.* 177, 217, 222, 248
- Мстислав Владимирович, с. в. кн. киевского Владимира Всеволодовича Мономаха, в. кн. киевский 33, 3(5), 89, 149
- Надеждин А.* 185, 250

- Надеждин Н.* 248
Насонов А. Н. 219
Нахлик А. 194, 243, 254
Неволин К. А. 248
Недошивина Н. П. 247
Некрасов А. 244
Некрасов И. С. 182, 249
 Нестор, монах Киево-Печерского м-ря, летописец 79
Неусыхин А. И. 232, 233
Нидерле Л. 245
 Николай II, римский папа 23
Никольский Н. К. 227, 230, 248
 Никон, Филимонов сын, новгородский своеземец 115
 Нифонт, архиеп. новгородский 78, 82, 94, 212
Новицька М. О. 244
 Новокшенов Иван Федорович, холоповладелец XV в. 73
- Овиновы, новгородские бояре 53
Одоевский В. Ф. 213
 Окинфов Есип Дмитриевич, холоповладелец 74
 Олаф I Тюргвасон, норвежский кор. 22
Олеарий А. 224
 Олег «Вещий», в. кн. киевский 104
 Олег Святославич, кн. черниговский, курский, тмутараканский 32
 Ольга, ж. в. кн. киевского Игоря, в. кнг. киевская 12—20, 65—68, 71, 79, 99, 204, 206, 213-215, 243, 248, 250, 251
 Ольга Романовна, д. кн. брянского Романа, ж. кн. Волынского Владимира Васильевича, кнг. 29, 39, 89, 232
 Ольгерд, в. кн. литовский 48, 117
Орович Я. 249
 Орсини Клариса, знатн. римская патрицианка 57
 Осиф, зять кн. верейского и белоозерского Михаила Андреевича 128
 Остафий Ананьевич, холоповладелец XIV в. 73
 Остафьев Григорий, новгородский своеземец 117, 135
 Остафьева Мария Федоровна, ж. Григория Остафьева, новгородская своеземица 135
- Острогорский Г.* 215
 Оттон I, германский имп. 19—21
 Оулеб, племянник в. кн. киевского Игоря 13
 Офимья, знатн. новгородка 168
Оятева Е. И. 194, 247, 254
- Павлов А. С.* 143, 184, 223, 241, 250
 Палеолог Зоя см. Софья Фоминична
 Панфил, иг., автор «Послания» 222
Пападимитриу С. 217
Пархоменко В. А. 251
 Патрикеев Данило (Щеня) Васильевич, землевл. Московского у. 151
 Марья Патрикеева, ж. кн. Данилы Васильевича Патрикеева, владелица печати, кнг. 151
- Пашуто В. Т.* 10, 23, 31, 33, 194, 215-219, 253
Пергамент О. 249

Переяслава Даниловна, д. кн. галицкого Даниила Романовича, ж. польского кн. Земовита Конрадовича 45
Петр I Алексеевич Великий, российский имп. 25, 181, 199, 249, 250, 255
Петр Властович. польский вельможа 42, 43. 219
Петрова Р. Г. 239
Пикин Есип, землевл. 125
Пикуль К. 193, 253
Пимен, претендент на новгородское архиеп-во 54
Пихоя Р. Г. 193, 253
Платон, греческий философ 40
Платонов И. 246
Плещеев Андрей Михайлович, боярин, землевл. 127
Плещеева Елена (Олена), ж. боярина А. М. Плещеева, владелица земли 127
Победоносцев К. 226
Поварин Н. 247
Погодин М. П. 177, 178, 213, 248
Подобедова О. И. 194, 246, 254
Поликарп, инок Киево-Печерского м-ря, духовный писатель XIII в. 39
Полонская-Василенко Н. (Polonskaja-Wasylenko N.) 198, 255
«Полюжая», д. Жирошки, новгородка 114
Пономарев А. И. 266
Попов А. 179, 233, 248, 249
Поппе А. 243
Предслава Владимировна, д. в. кн. киевского Владимира Святославича и Рогнеды, сестра Ярослава Владимировича Мудрого, в. кнж. 22, 27, 67
Предслава Игоревна, д. Игоря, племянника в. кн. киевского Игоря Старого 13
Предслава Святославна см. Евфросинья полоцкая
Приселков М. Д. 215, 218
Прохоров В. 251
Пужбольская Ф. И., кнг. 48
Пушкарева Н. Л. 236—238, 242, 256
Пясты, польская династия 42, 219

Рабинович М. Г. 10, 157, 191 — 193, 225, 245— 247, 252
Радзивилл (Радивил), виленский воевода 65
«Радоковая», новгородская своеземица 116
Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крестьянской войны 164
Разумовская Л. В. 218
Рапов О. М. 10. 192. 252
Репц А. 248
Ржига В. Ф. 189, 191, 251, 252
Рид К. (Reed C. P. A.) 200, 256
Рогволод, кн. полоцкий 21
Рогнеда Мстиславна, д. в. кн. киевского Мстислава Владимировича, в. кнж. 228
Рогнеда (Горислава) Рогволодовна, д. кн. полоцкого Рогволода, ж. в. кн. киевского Владимира Святославича, в. кнг. киевская 21, 72, 79, 229
Рождественский И. 180, 248, 249
Розанов С. П. 31, 217, 251
Роман С. (Roman S.) 198, 234, 255
Роман Мстиславич (Roman Mscislawicz), с. в. кн. Мстислава Изяславича, в. кн. галицкий 43, 44, 83, 218, 255

- Роман Ростиславич, с. кн. Ростислава Мстиславича, кн. смоленский, в. кн. киевский 29, 217
Романов Б. А. 102, 191, 193, 222, 243
Романова, кнг. см. Анна, ж. кн. Романа Мстиславича
Росовая Мария, землевл. 124
Ростислав Владимирович (Володаревич), с. кн. Владимира (Володаря) Ростиславича, кн. перемышльский 43
Ростислав (-Михаил) Мстиславич, с. в. кн. киевского Мстислава Владимировича, кн. смоленский, в. кн. киевский 212, 222, 228, 244
Рошефор М. 251
Русанова И. П. 226
Руссов С. В. 251
Рыбаков В. А. 156, 191, 192, 213, 214-217, 246, 252
Рыбников П. Н. 222, 231
Рыдзевская Е. А. 190, 214, 252
Рындина А. В. 221
Рюрик (-Василий) Ростиславич, с. в. кн. киевского Ростислава Мстиславича, в. кн. киевский 83, 91, 228
Рязановский В. А. 111, 180, 234, 249
- Сабурова М. А.* 194, 242, 244, 245, 254
Савва, священник новгородский 212, 266
Савваитов П. В. 244—247
Савело К. Ф. 193, 253
Савельев Ал. 180, 248, 249
Саларева Анастасия, ж. С. А. Силарева, вкладчица 119
Самоквасов Д. Я. 180, 239, 241
Сандомирская-Данхэм В. (Sandomirsky-Dunham V.) 204, 255
Сапунов Б. В. 194, 254
Сахаров А. Н. 10, 13, 194, 214, 215, 253-254
Сахаров И. И. 224
Сбыслава Святополковна, д. в. кн. киевского Святополка (-Михайла) Изяславича, ж. польского кор. Болеслава III Кривоустого, польская кор. 42, 71
Свердлов М. Б. 192, 226, 252
Своеземцев Василий, Новгородский своеземец 53
Святополк (-Михаил) Изяславич, с. в. кн. киевского Изяслава Ярославича, в. кн. киевский 31, 37
Святополк Ярополкович (Окаянный), с. кн. Ярополка Святославича, приемный с. Владимира Святославича, в. кн. киевский 22, 115
Святослав Всеволодович, с. в. кн. киевского Всеволода Ольговича, в. кн. киевский 38, 72, 228
Святослав (-Гавриил) Всеволодович, с. в. кн. владимирского Всеволода III Юрьевича, в. кн. владимирский 82
Святослав Всеславич, с. кн. полоцкого Всеслава Брячиславича, кн. полоцкий 28, 36
Святослав Игоревич, с. в. кн. киевского Игоря Рюриковича, в. кн. киевский 13, 14, 18, 20, 71
Святослав Игоревич, с. кн. северского Игоря Святославича, кн. северский 45
Святослав Ярославич, с. в. кн. киевского Ярослава Владимировича Мудрого, в. кн. киевский 29, 88, 158, 171, 173, 216, 243
Седова М. В. 194, 244, 246, 247, 254
Семен Иванович Гордый, с. в. кн. московского Ивана Даниловича Калиты, в. кн. московский 77, 83, 124, 134, 239

Семен Михайлович, с. кн. Михаила Олельковича, кн. слущкий 150
Семен Мстиславич, кн. вяземский 92
Семенова Л. Н. 253
Сергеевич В. И. 141, 179, 182, 223, 233, 240, 242, 248, 249
Серебрянский Н. 219
Серегина Н. 218
Сигизмунд I (Жыдимонт) Старый, с. польского кор. Казимира-Андрея Ягайловича, польский кор., в. кн. литовский 65
Сизов В. И. 251
Симон, монах Киево-Печерского м-ря, еп. владимирский, суздальский 39
Синайский В. И. 180, 249
Славн Борисович, боярин, тысяцкий кн. Рюрика Ростиславича 91
Смирнов А. 185, 233, 250
Смирнов С. И. 185, 250, 264
Смолятич Климент, митр. 88, 227
Снесаревский П. В. 193, 227, 259
Соколова В. К. 222
Соловьев С. М. 54, 180, 182, 220, 249
Софья, ж. кн. полоцкого Святослава Всеславича 36
Софья Витовтовна, д. в. кн. литовского Витовта Кейстутовича, ж. в. кн. московского Василия I Дмитриевича, в. кнг. московская 49—51, 66, 68, 89, 98, 120, 131, 168, 183, 220, 239
Софья Никитична, д. псковича Никиты Хова, получательница земли 130
Софья Фоминишна (Зоя Палеолог), д. морейского деспота Фомы Палеолога, ж. в. кн. московского Ивана III Васильевича, в. кнг. московская 56-62, 220-221
Спасович В. Д. 184, 250
Срезневский И. И. 95, 157, 213, 233, 234, 243-245, 247
Стефан Бородатый, дьяк 51
Стефан II Храбрый, с. господаря молдавского Богдана, молдавский господарь 60
Стрекалов С. С. 178, 243-246, 248
Суворов Н. К. 184, 250
Судислав, боярин кн. галицкого Даниила Романовича 240
Сумароков П. И. 220
Сумцов Н. Ф. 222, 224, 225, 250
Сфандра, вдова кн. Оулеба, племянника в. кн. киевского Игоря (Рюриковича) 13

Тараканова-Белкина С. А. 190, 220, 240
Татищев В. И. 28, 33, 79, 214, 216, 217, 225, 231, 248
Терещенко А. В. 178, 179, 248
Терпилов Сысой Савелич, участник тяжбы 152
Тешата, контрагент брачной сделки 74, 115, 126, 235
Тимирязев В. А. 215, 216, 251
Тимофей Александрович (Синий), нерехтский землевл., зять Ирины Ольговой 117
Тимошка, «примачок» Федосьи Филипповой 98
Тимошка, «человек» кнг. кемской Анны 150
Тимощук В. А. 247
Титов А. А. 220, 236
Титова Л. В. 232
Тихомиров М. Н. 142, 212, 234, 240, 241, 265
Тихонравов Н. С. 230
Токарев С. А. 198, 255
Толочко П. П. 246

- Толстой Ю. В. 220, 221
 Томас М. (*Thomas M.*) 205, 256
 Траханиот Юрий Дмитриевич (Малый), с. дипломата Дмитрия Траханиота, русский посол в Германии 57
 Трутовский В. К. 235
- Уваров А. С. 213
 Уваров Вассиан, монах Троице-Сергиева м-ря 126
 Уварова П. С., графиня 235
 Улита Кучковна, ж. кн. владимирского Андрея Юрьевича Боголюбского, кнг. 37
 Ульяна, д. старца Троице-Сергиева м-ря Феогноста 127
 Ульяна, ж. знатн. новгородца Филиппа Семеновича, продавщица земли 121
 Ульяна, новгородская своеземица, землевл. 117
 Ульяна (Иулиания), ж. кн. вяземского Семена Мстиславича, кнг. 92
 Ульяна (Иулиания), кнг., землевл. 125
 Ульяна (Иулиания) Александровна, д. в. кн. тверского Александра Михайловича, ж. кн. литовского Ольгерда Кейстутовича, кнг. 48, 117
 Ульяна (Иулиания) Михайловна, д. кн. холмского Михаила Дмитриевича, ж. кн. волоцко-го Бориса Васильевича, кнг. 120, 160-162, 166, 168, 171
 Ульяница, новгородка, контрагент брачной сделки 74
 Урбан II, римский папа 30, 31
 Успенская А. В. 246
 Успенский Л. (*Ouspensky L.*) 200, 256
 Успенский Ф. И. 220
 Ушаков Василий, судья 152
- Феврония, новгородка, автор письма к судебному исполнителю 146 — 147
 Федка, ж. новгородского землевл. Олизара Шиловича 151
 Федор Давыдович, кн. кемский, вотчинник белоозерский и пошехонский 150
 Федор, новгородец, муж Анны, ростовщицы 114
 Федор Остафьевич, знатн. новгородец, своеземец 168
 Федор Ростиславич, с. кн. можайского Ростислава Мстиславича, кн. ярославский 46, 47
 Федор Юрьевич, с. кн. рязанского Юрия Игоревича, кн. рязанский 40, 67, 92
 Федора, д. Григорьева, ж. двинского землевл. Федора Федоровича 127
 Федоров Андриан, священник Хотьково-Покровского м-ря, покупатель земли 122
 Федосья, вдова Филиппова, усыновительница 08
 Федосья Ивановна, д. в. кн. московского Ивана Даниловича, в. кнж. 162
 Федотов Г. П. (*Fedotov G. P.*) 200, 255
 Феликс, новгородец, судебный исполнитель 146—147
 Феогност, еп. саранский 266
 Феогност, митр. 266
 Феогност, старец Троице-Сергиева м-ря 127
 Феодосии, еп. новгородский 83
 Феодосии, иг. Киево-Печерского м-ря 99
 Феодосии, сын Никитина, землевл., кредитор Офимьи 124
 Феодулия *см.* Евфросинья суздальская
 Феофил, архиеп. новгородский 51, 54
 Фетинья, ж. Ивана Юрьевича, владелица земли в Бежецком у. 123
 Фетинья, новгородская своеземица, завещательница земли 116
 Фетинья Ивановна, д. в. кн. московского Ивана Даниловича Калиты, в. кнж. 115,

Фехтер М. В. 244, 246
Филипп I, французский кор. 23— 25
Филипп Семенович, новгородский своеземец 121 — 122
Филиппов И. А. 247
Фома, инок, автор «Слова похвального» 223
Фома, морейский деспот, властитель Пелопоннеса 56
Фома, новгородец, должник Ивана 114
Фома, новгородец, собственник двора 116
Фома Андреевич, новгородский посадник 55
Фоменко А. К. 193, 253
Фоссье Р. (Fossier R.) 203, 256
Фотий, митр. 49, 75, 82, 223, 266
Фролов В. П. 246
Фроянов И. Я. 192, 226, 252
Фрязин Иван, посол Ивана III Васильевича в Рим 56
Фурье Шарль, французский социалист-утопист 3
Ханенко В. И. 251
Ханыков Д. Д. 223
Харевичова Л. (Charewichewa L.) 197, 255
Харламов И. 185, 250
Харлампович К. А. 251
Хелли Р. (Hellie B.) 205, 256
Хлебников Н. Н. 222
Хлудов А. И. 213
Хов Никита, пскович, автор духовной грамоты 130
Холодилин А. Н. 215
Хорив, славянский кн. 11
Христина, д. Инга Стейкельса, ж. в. кн. киевского Мстислава Владимировича, принцесса норвежская, в. кнг. киевская 33, 37
Хорошкевич А. Л. 10, 58, 221
Худяков И. А. 183, 249

Цертелев Н. 248
Цертели Е. 222
Цитович П. П. 234

Чаяв Н. С. 213, 233, 237
Черепнин Л. В. 220, 221, 239, 241 252
Черных П. Я. 215-216
Чудинов А. Н. 182, 249

Шавинский А. В. 244
Шайтан М. Е. 217
Шаламон, сын Андрея I, венгерский кор. 26
Шаль Б. (Chales B.) 197, 255
Шапиро А. Л. 192, 239
Шахматов А. А. 215
Шаиков С. С. 183, 184, 249
Шеметова Н. В. 182, 249
Шеюга, новгородец 116
Шигоберн, посол кнг. Сфандры в Константинополь 13
Шимчакова А. (Szymbczakowa A.) 198, 219, 255

Шпоре Э. Д. 246
Шпилевский С. М. 184, 250
Штибор, посол Елены Стефановны в Венгрии 60
Шульгин В. Я. 181, 184, 249
Шурыгина А. П. 192, 220, 240, 252

Щавелева Н. И. 216, 219
Щапов А. П. 184, 250
Щапов Я. Н. 192-194, 210, 212, 215, 223-227, 233, 241, 243, 252, 254
Щапова Ю. Л. 194, 254
Щеглова С. А. 265
Щек, славянский кн. 11
Щепкина Е. 185—186, 250

Эверс И. Ф. Г. 179, 249
Эдигер Т. (Ediger T.) 30, 217, 255
Экземплярский А. В. 186, 219—221, 251
Элеонора (Аквитанская), подательница буллы 31
Энгельман И. Е. 242
Энгельс Ф. 16, 26, 50, 57, 89, 188, 189, 212, 214, 220, 221, 226, 228, 232, 242, 251

Юрий, священник галицкий 240
Юрий Васильевич (Младший), с. в. кн. Василия II Васильевича, кн. дмитровский 51, 108
Юрий Владимирович Долгорукий, с. в. кн. киевского Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. суздальский, в. кн. киевский 35, 40
Юрий Данилович, с. в. кн. московского Даниила Александровича, в. кн. московский и владимирский 47
Юрий Дмитриевич, с. в. кн. московского Дмитрия Ивановича Донского, кн. галицкий и звенигородский 49, 50
Юрий Михайлович, новгородский боярин 47
Юрий Онцифорович, новгородский своеземец 116
Юрий Святославич, с. кн. смоленского Святослава Ивановича, в. кн. смоленский 92
Юхт А. И. 10
Юшков С. В. 142, 190, 191, 214, 221, 223, 240, 252

Языков Д. И. 177, 248
Якоби А. 245
Яков Григорьев[ич], брат Федоры Григорьевой, двинский своеземец 127
Яковлев В. А. 227
Яковлевы Евдокия, Татьяна, Феодосия, новгородские землевл., продавщицы села 121
Якунина Л. И. 191, 244, 247, 252
Якым (Яким), контрагент сделки 74, 115, 126, 235
Ян (Вышатич), киевский боярин 89
Янин В. Л. 10, 36, 37, 142, 147, 192, 193, 213, 217, 218, 228, 235, 237, 238, 240, 241, 252, 265
Ярополк Изяславич, с. в. кн. киевского Изяслава Ярославича, кн. владимировольинский 29, 159, 173, 217, 228, 244
Ярополк Святославич, с. в. кн. киевского Святослава Игоревича, в. кн. киевский 71

Ярослав Владимирович Мудрый, с. в. кн. киевского Владимира Святославича, в. кн. киевский, кн. новгородский 4, 22, 23, 25-27, 29, 32, 72, 74, 80-83, 91, 94, 106, 140, 148, 155, 157, 158, 186, 195, 212, 215, 233, 243, 251, 252

Ярослав Владимирович Осмомысл, с. кн. галицкого Владимира Володаревича, кн. галицкий 36, 37, 92, 149, 229

Ярослав Святополкович, с. в. кн. киевского Святополка Изяславича, кн. владимировольнский 33

Ярослав Святославич, с. в. кн. киевского Святослава Ярославича, кн. черниговский 83

Ярослав (-Афанасий) Ярославич, с. в. кн. киевского Ярослава Всеволодовича, кн. тверской 47, 114, 115

Ярославна, ж. кн. новгород-северского Игоря Святославича 39, 45, 160

Ярошка (Ярослав), новгородец 114

Ярошковая, ж. Ярошки, новгородка, должница 114

Adamsky F. 229

Aries Ph. 256

Arnoldes R. см. Арнольде Р.

Atkinson D. см. Аткинсон Д.

Balzer O. 219

Baumgarten N. см. Баумгартен Н.

Block R. 217

Blondal S. 216

Bortoli G. 216

Bremensis Adamus, немецкий хронист 216

Caix de Saint-Amour de см. Ке де Сент-Амур

Cetwinski M. 219

Chales B. см. Шаль Б.

Charewiczowa L. см. Харевичова Л.

Claus C. см. Клаус К.

Coleman E. R. 223

Dewey H. W. см. Дуи Х. В.

Druon M. 215

Dusburg Piotr, немецкий хронист 219

Dvornik F. 215

Eck A. 255

Ediger T. см. Эдигер Т.

Elnet E. см. Елнет Е.

Fedotov G. P. см. Федотов Г. П.

Fessler T. A. 217

Flandrin J. L. 256

Forssman J. 217

Fossier R. см. Фоссье Р.

Giesenbrecht G. 217

Gietz L. K. 255

Gieysztor A. см. Гейштор А.

Glasse A. см. Глассе А.

Goehrke C. см. Гёрке К.

Grala H. см. Граля И.

Grosse E. см. Гроссе Е.

Grossman J. D. см. Гроссман Ж. Д.

Gumplowicz M. 255

Gyoffry G. 216
Gzomow I. 240
Haase F. см. Гаазе Ф.
Hallu R. 215
Helcel A. Z. 237
Hellie R. см. Хелли Р.
Jedlicki M. Z. 238
Kirchner M. см. Кирхнер М.
Kleimola A. M. см. Клеймом А. М.
Kollman N. S. см. Колльман Н. С.
Korduva M. 219
Krug F. см. Круг Ф.
Kuhn N. 256
Lannoу G. см. Лануа Г.
Lazlett P. 255
Lederer W. см. Ледерер В.
Leib B. 217
Lesinsky B. см. Лецинъский Б.
Levron J. 215
Levy S. см. Леви С.
Lewicki T. см. Левицкий Т.
Levin E. см. Левина Е.
Lewitter R. 256
Lobanoff de Rostoff A. см. Лобанов-Ростовский А. Б.
Lores H. 255
Lossky V. см. Лосский В. 284
McNally S. см. МакНелли С.
MacMoivski W. 236
Makarjewicz I. 242
Melnikow N. см. Мельников Н.
Meseray F., de см. Мезере Ф.
Meyer van Kнопau, G. 217, 254
Moravcsik G. 216
Nlederle L. 222
Ouspensky L. см. Успенский Л.
Piekosinski F. 238
Polonskaja-Wasylenko N. см. Полонская-Василенко Н.
Rafacz I. 242
Reed C. P. A. см. Рид К.
Roman S. см. Роман С.
Saint-Amour C., de 215, 216
Sandomirsky-Dunham V. 255
Schier F. 218
Schin W. T. 255
Sdbocinski W. 219, 223, 233, 236
Sochaniewicz K. 236
Szyczakowa A. см. Шимчакова А..
Tistmar von Merseburg, хронист 215
Thomas M. A. см. Томас М.
Verdon J. см. Вердон Ж.
Vernadsky G. V. см. Вернадский Г. В.
Vcgelsang T. 255

Wisylewski T. 219
Wiber M. см. Вебер М.
Winarz A. 238, 242
Wiodarsky B. 219

П91

Пушкарева Н. Л.

Женщины Древней Руси.— М.: Мысль, 1989.— 286, [1] с., [16] л. ил.- (Библ. сер.). 5-244-00281-3

Книга — рассказ о выдающихся древнерусских женщинах, которые участвовали в общественной и политической жизни Руси: великой княгине Ольге, дочерях Ярослава Мудрого и внучках Владимира Мономаха, о знаменитой новгородской посаднице Марфе Борецкой и многих других. Автор рассматривает положение женщины в семье, ее имущественные и социальные права, описывает женскую одежду и украшения в X — XV вв.

Для широких кругов читателей.

0503020000-027
П ~~0000000000~~65-89
004(01)-89

ББК 63.3(2)4

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Научная

Наталья Львовна Пушкарева

Женщины Древней Руси

Редактор *С. С. Игнатова*

Младший редактор *Л. П. Желобанова*

Оформление художника *А. А. Брантмана*

Художественный редактор *И. А. Дутов*

Технический редактор *В. Я. Корнилова*

Корректор *О. Я. Кулькова*

ИБ № 3774

Сдано в набор 08.08.88. Подписано в печать 20.12.88. А11066. Формат 84X1081/32. Бумага кн.-журн. Высокая печать. Обыкновенная гарн. Усл. печатных листов 16,8 с вкл. Усл. кр.-отт. 22,94. Учетно-издат. листов 20,08 с вкл. Тираж 100000 экз. Заказ № 1701. Цена 1 р. 40 к. Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.